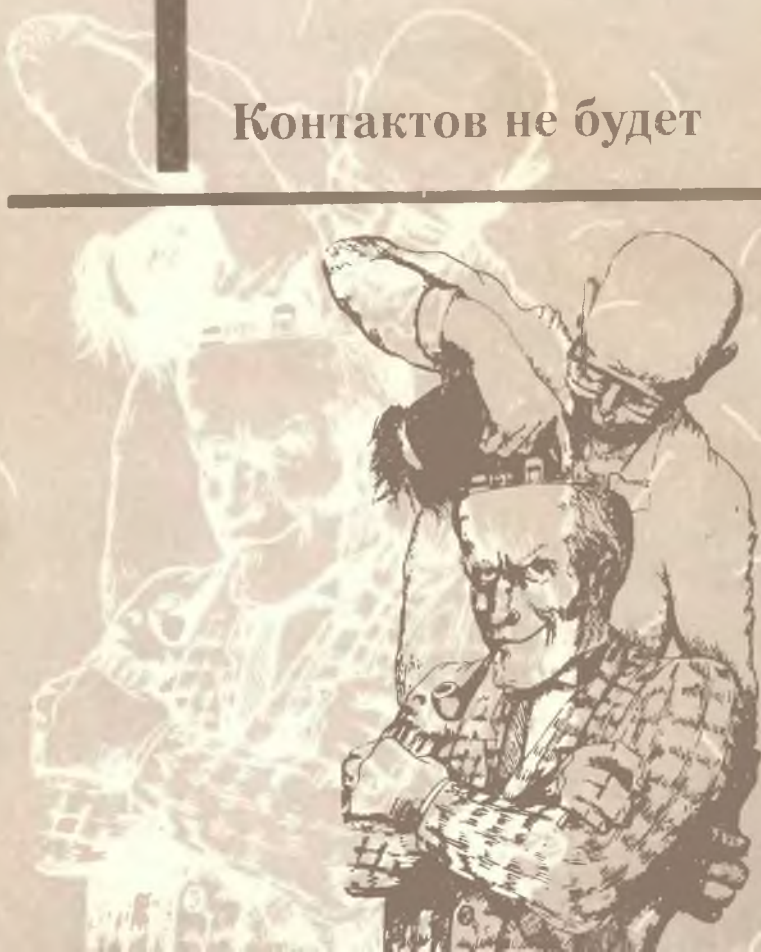

Мир приключений

Илья ВАРШАВСКИЙ

Контактов не будет

Scan Kreyder - 01.06.2014
STERLITAMAK

Мир приключений

Илья ВАРШАВСКИЙ

Контактов не будет
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

84 P 7

B 18

Составление

Л. А. Варшавской

Послесловие

В. А. Ревича

Иллюстрации

Д. С. Преображенского

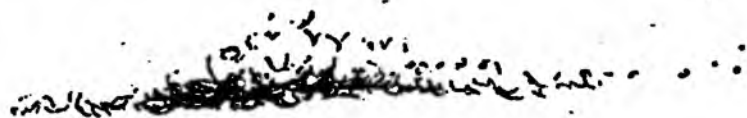
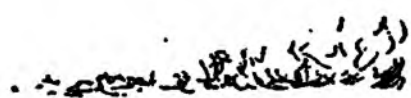
4702010201—2506

B ————— 2506—92
080(02)—92

ISBN 5—253—00428—9

© Варшавская Л. А.
Составление. 1992.
© Ревич В. А.
Послесловие. 1992.
© Преображенский Д. С.
Иллюстрации. 1992.

Евангелие от Ильи

Петля гистерезиса

Хранитель Времени был тощ, лыс и высокомерен. На его лице навсегда застыло выражение, какое бывает у внезапно разбуженного человека.

Сейчас он с явным неодобрением глядел на мужчину лет тридцати, расположившегося в кресле напротив стола. Мощные контактные линзы из синеватого стекла придавали глазам незнакомца необычную голубизну и блеск. Это раздражало Хранителя, он не любил ничего необычного.

Посетитель обернулся на звук открывшейся двери. При этом два блика — отражение света настольной лампы — вспыхнули на поверхности линз.

Хранитель, не поворачивая головы, процедил:

— Принесите мне заявление... э...

— Курочкина, — подсказал посетитель, — Курочкина Леонтия Кондратьевича.

— Курочкина, — кивнул Хранитель, — вот именно Курочкина. Я это и имел в виду.

— Сию минуту! — Секретарша осторожно прикрыла за собой дверь.

Курочкин вынул из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку.

— Разрешите?

Хранитель молча указал на пепельницу.

— А вы?

— Не курю.

— Никогда не курили? — спросил Курочкин просто так, чтобы заполнить паузу.

— Нет, дурацкая привычка!

— Гм... — Гость поперхнулся дымом.

Хранитель демонстративно уткнулся носом в какие-то бумаги.

«Сухарь! — подумал Курочкин. — Заплесневевшая окаменелость. Мог бы быть повежливее с посетителями».

Несколько минут он с преувеличенной сосредоточенностью пускал кольца.

— Пожалуйста! — Секретарша положила на стол Хранителя синюю папку с надписью: «Л. К. Курочкин». — Больше ничего не нужно?

— Нет, — ответил Хранитель, не поднимая головы. — Там, в приемной, еще кто-нибудь есть?

— Старушка, которая приходила на прошлой неделе. Ее заявление у вас.

— Экскурсия в двадцатый век?

— Да.

Хранитель поморщился, как будто у него внезапно заболел зуб.

— Скажите, что сейчас ничего не можем сделать. Пусть наведается через месяц.

— Она говорит... — неуверенно начала секретарша.

— Я знаю все, что она говорит, — раздраженно перебил Хранитель. — Объясните ей, что свидания с умершими родственниками Управление предоставляет только при наличии свободных мощностей. Кроме того, я занят. Вот тут, — он хлопнул ладонью по папке, — вот тут дела поважнее. Можете идти.

Секретарша с любопытством взглянула на Курочкина и вышла.

Хранитель открыл папку.

— Итак, — сказал он, полистав несколько страниц, — вы просите разрешения отправиться в... э... в первый век?

— Совершенно верно!

— Но почему именно в первый?

— Здесь же написано.

Хранитель снова нахмурился:

— Написано — это одно, а по инструкции полагается личная беседа. Сейчас, — он многозначительно взглянул на Курочкина, — вот сейчас мы и проверим, правильно ли вы все написали.

Курочкин почувствовал, что допустил ошибку. Нельзя с самого начала восстанавливать против себя Хранителя. Нужно постараться увлечь его своей идеей.

— Видите ли, — сказал он, стараясь придать своему голосу как можно больше задушевности, — я занимаюсь историей древнего христианства.

— Чего?

— Христианства. Одной из разновидностей религии, некогда очень распространенной на Земле. Вы, конечно, помните: инквизиция, Джордано Бруно, Галилей.

— А-а-а,— протянул Хранитель,— как же, как же! Так, значит, все они жили в первом веке?

— Не совсем так,— ответил ошарашенный Курочкин.— Просто в первом веке были заложены основы этого учения.

— Джордано Бруно?

— Нет, христианства.

Некоторое время Хранитель сидел, постукивая пальцами о край стола. Чувствовалось, что он колеблется.

— Так с кем именно вы хотите там повидаться? — прервал он наконец молчание.

Курочкин вздрогнул. Только теперь, когда дело подошло к самому главному, ему стала ясна вся дерзость задуманного предприятия.

— Собственно говоря, ни с кем определенно.

— Как?! — выпучил глаза Хранитель.— Так какого черта?..

— Вы меня не совсем правильно поняли! — Курочкин вскочил и подошел вплотную к столу.— Дело в том, что я поставил себе целью получить неопровержимые доказательства... ну, словом, собрать убедительный материал, опровергающий существование Иисуса Христа.

— Чье существование?

— Иисуса Христа. Это вымышленная личность, которую считают основоположником христианского учения.

— Позвольте,— Хранитель нахмурил брови, отчего его лоб покрылся множеством мелких морщин.— Как же так? Если тот, о ком вы говорите, никогда не существовал, то какие же можно собрать доказательства?

— А почему бы и нет?

— А потому и нет, что не существовал. Вот мы с вами сидим здесь в кабинете. Это факт, который можно доказать. А если б нас не было, то и доказывать нечего.

— Однако же... — попытался возразить Курочкин.

— Однако же вот вы ко мне пришли,— продолжал Хранитель.— Мы с вами беседуем согласно инструкции, тратим драгоценное время. Это тоже факт. А если бы вас не было, вы бы не пришли. Мог ли я в этом случае сказать, что вы не существуете? Я вас не знал бы, а может, в это время вы бы в другом кабинете сидели, а?

— Позвольте, позвольте! — вскричал Курочкин.—

Так же рассуждать нельзя, это софистика какая-то! Давайте подойдем к вопросу иначе.

— Как же иначе? — усмехнулся Хранитель. — Иначе и рассуждать нельзя.

— А вот как. — Курочкин снова достал сигарету и на этот раз закурил, не спрашивая разрешения. — Вот я к вам пришел и застал вас в кабинете. Так?

— Так, — кивнул Хранитель.

— Но могло бы быть и не так. Я бы вас не застал на месте.

— Если б пришли в неприемное время, — согласился Хранитель. — У нас тут на этот счет строгий порядок.

— Так вот, если вы существуете, то секретарша мне бы сказала, что вы просто вышли.

— Так...

— А если бы вас не было вообще, то она и знать бы о вас ничего не могла.

— Вот вы и запутались, — ехидно сказал Хранитель. — Если б меня вообще не было, то и секретарши никакой не существовало бы. Зачем же секретарша, раз нет Хранителя?

Курочкин отер платком потный лоб.

— Неважно, — устало сказал он, — был бы другой Хранитель.

— Ага! — Маленькие глазки Хранителя осветились торжеством. — Сами признали! Как же вы теперь будете доказывать, что Хранителя Времени не существует?

— Поймите, — умоляюще сказал Курочкин, — поймите, что здесь совсем другой случай. Речь идет не о должности, а о конкретном лице. Есть евангелические предания, есть более или менее точные указания времени, к которым относятся события, описанные в этих преданиях.

— Ну, и чего вам еще нужно?

— Проверить их достоверность. Поговорить с людьми, которые жили в это время. Важно попасть именно в те годы. Ведь даже Иосиф Флавий...

— Сколько дней? — перебил Хранитель.

— Простите, я не совсем понял...

— Сколько дней просите?

Курочкин облегченно вздохнул.

— Я думаю, дней десять, — произнес он просительным тоном. — Нужно побывать во многих местах, и, хотя размеры Палестины...

— Пять дней.

Хранитель открыл папку, что-то написал размашистым почерком и нагнулся к настольному микрофону:

— Проведите к главному хронометристу на инструктаж!

— Спасибо! — радостно сказал Курочкин. — Большое спасибо!

— Только там без всяких таких штук, — назидательно произнес Хранитель, протягивая Курочкину папку. — Позволяете себе там черт знает что, а с нас тут потом спрашивают. И вообще воздерживайтесь.

— От чего именно?

— Сами должны понимать. Вот недавно один типчик в девятнадцатом веке произвел на свет своего прадедушку, знаете, какой скандал был?

Курочкин прижал руки к груди, что, по-видимому, должно было изобразить его готовность строжайшим образом выполнять все правила, и пошел к двери.

— Что ж вы сразу не сказали, что вас направил товарищ Флавий? — крикнул ему вдогонку Хранитель.

* * *

В отличие от Хранителя Времени создатель наградил главного хронометриста таким количеством волос, что часть из них, не уместившаяся там, где ей положено, прозябала на ушах и даже на кончике носа. Это был милейший человек, излучавший доброжелательность и веселье.

— Очень рад, очень рад! — сказал он, протягивая Курочкину руки. — Будем знакомы. Виссарион Никодимович Плевако.

Курочкин тоже представился.

— Решили попутешествовать? — спросил Виссарион Никодимович, жестом приглашая Курочкина занять место на диване.

Курочкин сел и протянул Плевако синюю папку.

— Пустое! — сказал тот, небрежно бросив папку на стол. — Формальности обождут! Куда же вы хотите отправиться?

— В первый век.

— Первый век! — Плевако мечтательно закрыл глаза. — Ах, первый век! Расцвет римской культуры, куртизанки, бои гладиаторов! Однако же у вас губа не дура!

— Боюсь, что вы меня не совсем правильно поняли,— осторожно заметил Курочкин.— Я не собираюсь посещать Рим, моя цель — исторические исследования в Иудее.

— Что?! — подскочил на стуле Плевако.— Вы отправляетесь в первый век и не хотите побывать в Риме? Странно!.. Хотя,— прибавил он, пожевав в раздумье губами,— может, вы и правы. Не стоит дразнить себя. Ведь на те несколько жалких сестерций, которые вам здесь дадут, не разгуляешься. Впрочем,— он понизил голос до шепота,— постарайтесь прихватить с собой несколько бутылок пшеничной. Огромный спрос во все эпохи. Только...— Плевако приложил палец к губам.— Надеюсь, вы понимаете?

— Понимаю,— сказал Курочкин.— Однако мне хотелось бы знать, могу ли я рассчитывать на некоторую сумму для приобретения кое-каких материалов, представляющих огромную историческую ценность.

— Например?

— Ну хотя бы древних рукописей.

— Ни в коем случае! Ни в коем случае! Это как раз то, от чего я должен вас предостеречь во время инструктажа.

Лицо Курочкина выражало такое разочарование, что Плевако счел себя обязанным ободряюще улыбнуться.

— Вы, наверное, первый раз отправляетесь в такое путешествие?

Курочкин кивнул.

— Понятно,— сказал Плевако.— И о петле гистерезиса ничего не слышали?

— Нет, не слышал.

— Гм... Тогда, пожалуй, с этого и нужно начать.— Плевако взял со стола блокнот и, отыскав чистую страницу, изобразил на ней две жирные точки.— Вот это,— сказал он, ткнув карандашом в одну из точек,— состояние мира в данный момент. Усваиваете?

— Усваиваю,— соврал Курочкин. Ему не хотелось с места в карьер огорчать такого симпатичного инструктора.

Курочкин наклоном головы подтвердил свое согласие и с этим положением.

— Тогда можно считать,— карандаш Плевако начертил прямую, соединяющую обе точки,— можно считать, что вероятность всех событий между данными интервалами времени лежит на этой прямой. Образно выражаясь, это тот путь, по которому вы отправитесь туда и верне-

тесь обратно. Теперь смотрите: предположим, там вы купили какую-то рукопись, пусть самую никчемную, и доставили ее сюда. Не правда ли?

— Да,— сказал заинтересованный Курочкин,— и что же?

— А то, что эту рукопись археологи могли разыскать, скажем, лет сто назад.— Плевако поставил крестик на прямой.— О ней были написаны научные труды, она хранится в каком-то музее и так далее. И вдруг, хлоп! Вы вернулись назад и притащили ее с собой. Что это значит?

— Минуточку! — сказал Курочкин.— Я сейчас соображу.

— И соображать нечего. Вся цепь событий, сопутствовавших находке рукописи, полетела вверх тормашками, и сегодняшнее состояние мира изменилось. Пусть хоть вот настолько,— Плевако намалевал еще одну точку рядом с первой.— Как это называется?

— Постойте! — Курочкин был явно обескуражен. Ему никогда не приходилось раньше думать о таких вещах.

— А называется это петлей гистерезиса,— продолжал Плевако, соединяя линией крестик с новой точкой.— Вот здесь, внутри этой петли, существует некая неопределенность, от которой можно ожидать всяких пакостей. Ну как, убедились?

— Убедился,— упавшим голосом сказал Курочкин.— Но что же вы рекомендуете делать? Ведь я должен доставить какие-то доказательства, а так, как вы говорите, то и шагу там ступить нельзя.

— Можно ступить,— сказал Плевако.— Ступить можно, только нужно очень осмотрительно действовать. Вот поэтому мы категорически запрещаем ввозить туда оружие и ограничиваем путешественников валютой, а то, знаете ли, всякая блажь может прийти в голову. Один скупит и отпустит на волю рабов, другой пристрелит Чингисхана в цветущем возрасте, третий рукописи какие-нибудь приобретет, и так далее. Согласны?

Курочкин был согласен, но от этого легче не стало. Экспедиция, которую он предвкушал с таким восторгом, поворачивалась к нему обратной стороной. Ни оружия, ни денег в далекой от современной цивилизации эпохе...

Плевако, видимо, угадал его мысли. Он встал со стула и сел на диван рядом с Курочкиным.

— Ничего, ничего,— сказал он, положив руку ему на

колени,— все не так страшно. Вашу личную безопасность мы гарантируем.

— Как же вы можете ее гарантировать?

— Очень просто. Что бы с вами ни случилось, обратно вы вернетесь живым и невредимым, это обеспечивается законом причинности. Петля гистерезиса не может быть больше некой предельной величины, иначе весь мир провалится в тартарары. Раз вы существуете в данный момент, значит существуете, независимо от того, как сложились дела в прошлом. Ясно?

— Не совсем. А если меня там убьют?

— Даже в этом случае, если не припутаются какие-нибудь особые обстоятельства. Вот в прошлом году был такой случай: один настырный старикашка, кажется, палеонтолог, требовал отправить его в юрский период. Куда он только не обращался! Ну, разрешили, а на следующий день его сожрал... этот... как его?..— Плевако сложил ладони, приставил их ко рту и, выпучив глаза, изобразил захлопывающуюся пасть.

— Неужели динозавр?! — дрожащим голосом спросил Курочкин.

— Вот-вот, именно динозавр.

— Ну и что же?

— Ничего. В таких случаях решающее устройство должно было дать толчок назад на несколько минут до происшествия, а затем выдернуть путешественника, но вместо этого оно дернуло его вместе с динозавром, так сказать, во чреве.

— Какой ужас! — воскликнул Курочкин.— Чем же это кончилось?

— Динозавр оказался слишком большим, чтобы поместиться в камере хронопортации. Ошибка была исправлена автоматическим корректором, бросившим животное снова в прошлое, а старикашка был извлечен, но какой ценой?! Пришлось менять все катушки деполяризатора. Они не выдержали пиковой нагрузки.

— Могло же быть хуже! — сказал потрясенный Курочкин.

— Естественно,— согласился Плевако.— Мог перегореть главный трансформатор, там не такой уж большой запас мощности.

Несколько минут оба молчали, инструктор и кандидат в путешественники, обдумывая возможные последствия этого происшествия.

— Ну вот,— сказал Плевако,— теперь вы в общих чертах представляете себе технику дела. Все оказывается не таким уж сложным. Правда?

— Да,— неуверенно ответил Курочкин, пытаясь представить себе, как его, в случае необходимости, будут дергать из пасти льва.— А каким же образом я вернусь назад?

— Это уже не ваша забота. Все произойдет автоматически по истечении времени, если только вы не наделаете каких-нибудь глупостей, грозящих катастрофическим увеличением петли гистерезиса. В этом случае ваше пребывание в прошлом будет немедленно прервано. Кстати, на сколько дней вы получили разрешение?

— Всего на пять дней,— сокрушенно сказал Курочкин.— Просто не представляю себе, как за это время можно выполнить всю программу.

— А просили сколько?

— Десять дней.

— Святая простота! — усмехнулся Плевако.— Нужно было просить месяц, получили бы десять дней. У нас всегда так. Ну ладно, теперь уже поздно что-нибудь предпринимать. Становитесь на весы.

Курочкин шагнул на площадку весов. Стрелка над пультом счетной машины показала 75 килограммов.

— Так! — Плевако набрал две цифры на табуляторе.— Какая дата?

— Чего? — не понял Курочкин.

— В когда точно хотите отправиться?

— Тридцатый год нашей эры.

— Тридцатый год, тридцатый год,— промурлыкал Плевако, нажимая клавиши.— Координаты?

— Координаты? — Курочкин вынул карманный атлас.— Пожалуй, что-нибудь вроде тридцати двух градусов пятидесяти минут северной широты и...— Он нерешительно пошарил пальцем по карте.— И тридцати пяти градусов сорока минут восточной долготы. Да, пожалуй, так!

— Какой долготы? — переспросил Плевако.

— Восточной.

— По Гринвичу или Пулкову?

— Гринвичу.

— Отлично! Координаты гарантируем с точностью до трех минут. В случае чего, придется там пешочком. Понятно?

— Понятно.

Плевако нажал красный клавиш сбоку машины и подхватил на лету выскочивший откуда-то картонный жетон, испещренный непонятными знаками.

— Желаю успеха! — сказал он, протягивая жетон Курочкину. — Сейчас подниметесь на двенадцатый этаж, отдел пять, к товарищу Казановаку. Там вам подберут реквизит. А затем на первый этаж в сектор хронопортации. Жетон отдадите им. Вопросы есть?

— Вопросов нет! — бодро ответил Курочкин.

— Ну, тогда действуйте!

* * *

Курочкин долго бродил по разветвляющимся коридорам, прежде чем увидел дверь с надписью:

5-й отдел

ВРЕМЕНА И НРАВЫ

— Товарищ Казановак? — спросил он у человека, грустно рассматривающего какую-то тряпицу.

Тот молча кивнул.

— Меня сюда направили... — начал Курочкин.

— Странно! — сказал Казановак. — Я никак не могу понять, почему все отделы могут работать ритмично, и только во «Времена и Нравы» сыпятся посетители, как в рог изобилия? И никто не хочет считаться с тем, что у Казановака не две головы, а всего лишь одна!

Смущенный новой для него интерпретацией свойств рога изобилия, Курочкин не нашелся, что ответить. Между тем Казановак отвел от него взгляд и обратился к девице лет семнадцати, сидевшей в углу за пультом:

— Маша! Какая же это набедренная повязка древнего полинезийца?! Это же плавки мужские безразмерные, двадцатый век. Пора уже немножко разбираться в таких вещах!

— Разбираюсь не хуже вас! — дерзко ответила девица.

— Как это вам нравится? — обратился Казановак непосредственно к Курочкину. — Нынешняя молодежь!

Курочкин изобразил на своем лице сочувствие.

— Попробуйте снова набрать индекс, — продолжал Казановак. — Тринадцать эм дробь четыреста тридцать один.

— У меня не десять рук! — огрызнулась Маша. — Вот наберу вам копье, потом займусь повязкой.

По-видимому, дела, которые вершил отдел «Времена и Нравы», были под силу только мифическим десятируким, двуглавым существам.

Однако не прошло и трех минут, как получивший и копье, и повязку Казановак снова обернулся в сторону Курочкина:

— Чем могу служить?

— Мне нужно подобрать реkvизит.

— Куда именно?

— Иудея, первый век.

На какую-то долю секунды в бесстрастных глазах Казановака мелькнула искорка одобрения. Он придвинул к себе лежавший на столе толстый фолиант и, посплюнув палец, начал листать страницы.

— Вот!

Курочкин подошел к столу и взглянул через плечо Казановака на выцветший рисунок, изображавший человека в длинном лапсердаке, с ермолкой на голове, обутого в старинные штиблеты с резинками.

— Ну как, смотрится? — самодовольно спросил Казановак.

— Боюсь, что не совсем, — осторожно ответил Курочкин. — Мне кажется, что это... несколько более поздняя эпоха.

— Ага! — Казановак снова посплюнул палец. — Я уже знаю, что вам нужно. Полюбуйтесь!

На этот раз на рассмотрение Курочкина был представлен наряд бухарского еврея. Однако и этот вариант был отвергнут.

— Не понимаю! — В голосе Казановака прозвучала обида. — Какой же костюмчик вы себе в конце концов мыслите?

— Что-нибудь... — Курочкин задумался. — Что-нибудь, так сказать, в библейском стиле. Ну, скажем, белая холщовая рубаха...

— Холщовых нет, — сухо сказал Казановак, — только синтетика.

— Ну, пусть синтетика, — печально согласился Курочкин.

— Еще что?

— Дальше — хитон, тоже желательно белый.

— Что такое хитон? — поинтересовалась Маша.

— Хитон — это... Как вам объяснить? Такое одеяние, похоже на плащ, только свободнее.

После долгих поисков в одном из каталогов было обнаружено нечто белое с капюшоном, закрывающим лицо и снабженным прорезями для глаз.

— Подходит?

— Как будто подходит,— нерешительно подтвердил Курочкин.

— Маша, набери!

Маша набрала шифр, и лента транспортера доставила откуда-то снизу аккуратно перевязанный пакет.

— Примерьте! — сказал Казановак, разрезая ножиком бечевку.

Глаза, прикрытые контактными линзами, в обрамлении капюшона выглядели столь необычно, что Маша захохотала:

— Ой, не могу! Умора!

— Ничего смешного нет! — одернул ее Казановак. — Очень практичная одежда для тамошнего климата. И головного убора не нужно, защищает от солнечных лучей. Не хотите, можете откинуть на плечи. Хитончик — первый сорт, совсем новый. Наклейку разрешается сорвать.

Курочкин нагнулся и отодрал от подола ярлык с надписью:

«ТЕАТРАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ.
НАРЯД КУДЕСНИКА.
РАЗМЕР 50, РОСТ 3. 100% НЕЙЛОНА».

— Так... — Казановак оглядел его с ног до головы. — Какая обувь?

— Сандалии.

Выбор сандалий не представлял труда. По совету Маши остановились на толстых рубчатых подошвах из пластика, украшенных позолоченными ремешками.

— Носочки свои оставите или подобрать? — спросил Казановак.

— Нет, сандалии носят на босу ногу.

— Кальсоны, трусы или плавки? — поинтересовалась Маша.

— Не знаю,— растерянно сказал Курочкин. — Может быть, лучше набедренную повязку?

— Можно и повязку. А вы умеете ее повязывать?

— Тогда лучше плавки,— поспешно ответил Курочкин, уstraшенный перспективой прохождения инструктажа у такой решительной особы.

— Как хотите.

— Переодевайтесь! — Казановак указал ему на кабину в глубине комнаты. — Свои вещички свяжите в узелок. Получите их после возвращения.

Спустя несколько минут Курочкин вышел из примерочной во всем великолепии нового наряда.

— Ну как? — спросил он, поворачиваясь кругом.

— Впечатляет! — сказала Маша. — Если б я ночью такого увидела, честное слово, родила бы со страха.

— Ну вот, — сказал Казановак, — теперь — индивидуальный пакет, и можете смело отправляться. — Он пошарил в ящике стола и извлек оттуда черную коробочку. — Получайте!

— Что тут? — поинтересовался Курочкин.

— Обычный набор. Шприц-ампула комплексного антибиотика, мазь от насекомых и одна ампула противошоковой сыворотки. На все случаи жизни. Теперь все!

— Как все, а деньги? — спросил обескураженный Курочкин.

— Какие еще деньги?

— Полагаются же какие-то суточные, на самые необходимые расходы.

— Суточные?

Казановак почесал затылок и углубился в изучение какой-то книги. Он долго вычислял что-то на бумаге, рылся в ящике стола, сокрушенно вздыхал и снова писал на бумаге колонки цифр. Наконец, жестом ростовщика он выбросил на стол горсть монет.

— Вот, получайте! На четыре дня — двадцать динариев.

— Почему же на четыре?

— День отбытия и день прибытия считаются за один день, — пояснил Казановак.

Курочкин понятия не имел, что это за сумма.

— Простите, — робко спросил он, — двадцать динариев — это много или мало? То есть я хотел спросить... в общем, я не представляю себе...

— Ну, копей царя Соломона вы на них не купите, но прокормиться хватит, — ответил Казановак, обнаружив при этом недюжинное знание экономической ситуации на Ближнем Востоке в эпоху римского владычества. — Все?

— Еще две бутылки водки, — попросил Курочкин, вспомнив совет Плевако. — Если можно, то пшеничной.

— Это еще зачем?

Курочкин замялся:

— Видите ли,— сказал он лживым голосом,— экипировка у меня очень легкая, а ночи там холодные.

— Маша, одну бутылку!

— Но почему одну? — вступил в пререкания Курочкин.

— Не такие уж там холодные ночи,— резонно ответил Казановак.

Расторопная Маша принесла и водку.

Курочкин поднялся и растерянно оглянулся по сторонам.

— Извините, еще один вопрос: а куда все это можно сложить?

— Маша, достань чемодан!

— Нет, нет! — поспешно возразил Курочкин.— Чемодан — это не та эпоха. Нельзя ли что-нибудь более подходящее?

— Например?

— Ну, хотя бы суму.

— Суму? — Казановак придвинул к себе справочник.— Можно и суму.

Предложенный ассортимент сумок охватывал весь диапазон от необъятных кожаных ридикюлей, какие некогда носили престарелые гувернантки, до современных сумочек для театра из ароматного пластика.

Курочкин выбрал голубую прорезиненную сумку с длинным ремнем через плечо, украшенную шпильками зданий и надписью: «Аэрофлот». Ничего более подходящего не нашлось.

— Теперь, кажется, все,— облегченно вздохнул он.

— Пойдите! — закричала Маша.— А грим? Вы что, с такой рожей в первый век собираетесь?

— Маша! — Казановак укоризненно покачал головой.— Нельзя же так с клиентом.

Однако все согласились, что грим действительно необходим.

Казановак рекомендовал скромные пейсы, Маша настаивала на длинной прямоугольной ассирийской бороде, завитой красивыми колечками, но Курочкин решительно потребовал раздвоенную бородку и локоны, ниспадающие на плечи. Эти атрибуты мужской красоты больше гармонировали с его нарядом.

Маша макнула кисть в какую-то банку, обильно смазала клеем лицо и голову Курочкина и прилепнула пахнущие мышами парик и бороду.

— Просто душка! — сказала она, отступив два шага назад.

— А они... того... не отклеятся? — спросил Курочкин, выплевывая попавшие в рот волосы.

— Можете не сомневаться! — усмехнулся Казановак. — Зубами не отдерете. Вернетесь, Маша отклеит.

— Ну, спасибо! — Курочкин вскинул на плечо сумку и направился к двери.

— Подождите! — остановил его Казановак. — А словари, разговорники не требуются?

— Нет, — гордо ответил Курочкин. — Я в совершенстве владею арамейским и древнееврейским.

— Тогда распишитесь за реквизит. Вот здесь и здесь, в двух экземплярах.

* * *

— Ничего не забыли? — спросил лаборант, высунув голову через форточку, какой раньше отделяли кассиров от остальных представителей грешного человеческого рода.

— Сейчас проверю. — Курочкин открыл сумку и в темноте нащупал пачку сигарет, зажигалку, индивидуальный пакет и бутылку. — Минуточку! — Он пошарил в поисках рассыпавшихся монет. — Кажется, все!

— Тогда начинаем, лежите спокойно!

До Курочкина донесся звук захлопнувшейся дверцы. На стене камеры зажглось множество разноцветных лампочек.

Курочкин поудобнее устроился на гладкой холодной поверхности лежака. То ли от страха, то ли по другой причине его начало мутить. Где-то над головой медленно и неуклонно нарастал хватающий за сердце свист. В бешеном ритме замигали лампочки. Вспыхнула надпись:

СПОКОЙНО!

НЕ ДВИГАТЬСЯ, ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА!

Лежак начал вибрировать выматывающей мелкой дрожью. Курочкин машинально прижал к себе сумку, и в этот момент что-то оглушительно грохнуло, рассыпалось треском, ослепило через закрытые веки фиолетовым светом и, перевернув на живот, бросило его в небытие...

* * *

Курочкин открыл глаза и закашлялся от набившегося в рот песка. Приподнявшись на четвереньки, он огляделся по сторонам.

Прямо перед ним расстилалась мертвая, выжженная солнцем пустыня. Слева, в отдалении, гряда гор, справа — озеро. Несколько людей, казавшихся отсюда совсем маленькими, копошились на берегу.

Курочкин встал на ноги, отряхнулся и, прихватив сумку, направился к озеру.

Хождение в сандалиях на босу ногу по горячему песку оказалось куда более неприятным делом, чем это можно было себе представить, сидя в уютном помещении отдела «Времена и Нравы». Песок обжигал, набивался между ступнями и подошвами, прилипал к размякшим от жары ремешкам, отчего те сразу приобретали все свойства наждачного полотна.

Курочкину пришлось несколько раз присаживаться, вытряхивать песок из сандалий и обтирать ноги полою хитона, раньше чем ему удалось добраться до более или менее твердого грунта на берегу.

Его заметили. Весь облик человека в странном одеянии, с сумкой на плече, идущего журавлиным шагом, был столь необычен, что трое рыбаков, чинивших на берегу сеть, бросили работу и с интересом наблюдали за приближением незнакомца.

— Уф! — Курочкин плюхнулся рядом с ними на песок и стащил с ног злополучные сандалии. — Ну и жарища!

Поскольку эта фраза была произнесена по-русски, она не вызвала никакого отклика у рыбаков, продолжавших разглядывать экипировку путешественника во времени.

Однако Курочкин не зря был представителем науки, ставящей радость познания выше личных неудобств.

— Мир вам, добрые люди! — сказал он, переходя на древнееврейский, в надежде, что чисто библейский оборот речи несколько скрасит дефекты произношения. — Шолом алейхем!

— Шолом! — хором ответили рыбаки.

— Рыбку ловите? — спросил Курочкин, соображая, как же лучше завести с ними разговор на интересующую его тему.

— Ловим, — подтвердил высокий, широкоплечий рыбак.

— Как уловы? План выполняете?

Рыбак ничего не ответил и занялся сетью.

— Иаков! Иоанн! — обратился он к сыновьям. — Давай, а то дотемна не управимся!

— Сейчас, отец! — ответил тот, кого звали Иаковом. — Видишь, с человеком разговариваем!

— Ради бога, не обращайтесь на меня внимания, — смутился Курочкин. — Занимайтесь своим делом, а я просто так, рядышком посижу.

— Ничего, подождет, — сказал Иоанн, — а то мы, сыновья Зеведеевы, и так притча во языцех, с утра до ночи вкалываем. А ты откуда сам?

— Я?.. Гм... — Курочкин был совершенно не подготовлен к такому вопросу. — Я... в общем... из Назарета, — неожиданно выпалил он.

— Из Назарета? — В голосе Иоанна звучало разочарование. — Знаю я Назарет. Ничего там нету хорошего. А это тоже в Назарете купил? — ткнул он пальцем в нейлоновый хитон.

— Это? Нет, это в другом месте, далеко отсюда.

— В Ерушалаиме?

— Да.

Иоанн пощупал ткань и присоединился к отцу. За ним неохотно поплелся Иаков.

Курочкин глядел на лодки в озере, на покрытые виноградниками холмы и внезапно почувствовал страх. Невообразимая дистанция в два тысячелетия отделяла его от привычного мира, который казался сейчас таким заманчивым. Что ожидает его здесь, в полудикой рабовладельческой стране? Сумеет ли он найти общий язык с этими примитивными людьми? Стоила ли вообще вся затея связанного с нею риска? Он вспомнил про старичка, проглоченного динозавром. Кто знает, не ждут ли его самого еще более тяжкие испытания? Мало ли что может случиться? Побьют камнями, распнут на кресте. Бр-р-р! От одной мысли о таком конце его пробрала дрожь. Однако теперь уже поздно идти на попятный. Отпущенный Хранителем срок нужно использовать полностью.

— Скажите, друзья, — обратился он к рыбакам, — не приходилось ли вам слышать о человеке по имени Иисус?

— Откуда он? — не поднимая головы, спросил Зеведей.

— Из Назарета.

— Твой земляк? — поинтересовался Иоанн.

— Земляк, — неохотно подтвердил Курочкин. Он не

мог себе простить, что выбрал для рождения такое одиозное место.

— Чем занимается?

— Проповедует.

— Не слыхал, — сказал Зеведей.

— Пстой! — Иаков перекусил зубами бечевку и встал. — Кажется, Иуда рассказывал. В прошлом году ходил один такой, проповедовал.

— Верно! — подтвердил Иоанн. — Говорил. Может, твой земляк и есть?

Курочкина захлестнула радость удачи. Он и мечтать не мог, что его поиски так быстро увенчаются успехом, и хотя это в корне противоречило его научной концепции, в нем взыграл дух исследователя.

— Иуда? — переспросил он дрожащим от волнения голосом. — Скажите, где я могу его увидеть. Поверьте, что его рассказ имеет огромное значение.

— Для чего? — спросил Зеведей.

— Для будущего. Две тысячи лет люди интересуются этим вопросом. Пожалуйста, сведите меня с этим человеком!

— А вон он, — Иаков указал на лодку в озере, — сети ставит. Может, к вечеру вернется.

— Нет, — сказал Иоанн. — У них вчера улов хороший был, наверное, в Капернаум пойдут, праздновать.

— Ну сделайте одолжение! — Курочкин молитвенно сложил руки на груди. — Отвезите меня к нему, я заплачу.

— Чего там платить! — Зеведей поднялся с песка. — Сейчас повезем сеть, можно дать крюк.

— Спасибо! Огромное спасибо! Вы не представляете себе, какую услугу оказываете науке! — засуетился Курочкин, натягивая сандалии и морщась при этом от боли. — Вот проклятье! — Он с яростью отбросил рифленую подошву с золочеными ремешками. — Натерли, подлые, теперь жжет, как крапива! Придется босиком...

Сунув под мышку сандалии и сумку, он направился к лодке, которую тащил в воду Зеведей.

— Оставь здесь, — посоветовал Иаков. — И суму оставь, никто не возьмет, а то ненароком намочишь.

Совет был вполне резонным. В лодке отсутствовали скамейки, а на дне плескалась вода. Курочкин вспомнил про единственную пачку сигарет, хранившуюся в сумке, и сложил свое имущество рядом с тряпьем рыбаков.

— Ну, с богом!

Иоанн оттолкнулся веслом и направил лодку на середину озера.

— Эй, Иуда! — крикнул он, когда они поравнялись с небольшим челном, в котором сидели два рыбака.— Тебя хочет видеть тут один... из Назарета!

Курочкин поморщился. Кличка «назаретянин», видно, прочно пристала к нему. Впрочем, сейчас ему было не до этого.

— А зачем? — спросил Иуда, приложив рупором ладони ко рту.

— Да подгребите ближе! — нетерпеливо произнес Курочкин.— Не могу же я так, на расстоянии.

Иоанн несколькими сильными взмахами весел подвел лодку к борту челна.

— Он ищет проповедника, земляка. Вроде ты видел такого...

— Видал, видал! — радостно закивал Иуда.— Вон и Фома видел,— указал он на своего напарника.— Верно, Фома?

— Как же! — сказал Фома.— Ходил тут один, проповедовал.

— А как его звали? — спросил Курочкин, задыхаясь от волнения.— Не Иисус Христос?

— Иисус? — переспросил Иуда.— Не, иначе как-то. Не помнишь, Фома?

— Иоанн его звали,— сказал Фома.— Иоанн Предтеча, а не Иисус. Все заставлял мыться в речке. Скоро, говорит, мессия придет, а вы грязные, вонючие, вшивые, как вы перед лицом господа бога вашего такие представите?

— Правильно говорил! — Курочкин втянул ноздрями воздух. Запахи, источаемые его собеседниками, мало походили на легендарные аравийские ароматы.— Правильно говорил ваш Иоанн,— повторил он, сожалея, что мазь от насекомых осталась в сумке на берегу.— Чему же он еще учил?

— Все больше насчет мессии. А этот твой Иисус что проповедует?

— Как вам сказать...— Курочкин замялся.— Ну, он, в общем, проповедовал любовь к ближнему, смирение в этом мире, чтобы заслужить вечное блаженство на небесах.

— Блаженство! — усмехнулся Фома.— Богатому всюду блаженство, что на земле, что на небесах, а нищему

езде худо. Дурак твой проповедник! Я б его и слушать не стал.

Курочкина почему-то взяла обида.

— Не такой уж дурак,— ответил он, задетый тоном Фомы.— Если бы он был дураком, за ним не пошли бы миллионы людей, лучшие умы человечества не спорили бы с церковниками о его учении. Нельзя все так упрощать. А насчет нищих, так он сказал: «Блаженны нищие, ибо их есть царствие небесное».

— Это как же понимать? — спросил Иаков.

— А очень просто. Он пояснял, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому человеку попасть в рай.

— Вот это здорово! — хлопнул себя по ляжкам Иоанн.— Как, говоришь? В игольное ушко?! Ну, удружил! Да я б такого проповедника на руках носил, ноги бы ему мыл!

Богатый опыт истории научного атеизма подсказал Курочкину, что его лекция об основах христианского учения воспринимается не совсем так, как следовало бы, и он попытался исправить положение.

— Видите ли,— обратился он к Иоанну,— философия Христа очень реакционна. Она — порождение рабовладельческого строя. Отказ от борьбы за свои человеческие права приводил к узаконению взаимоотношений между рабом и его господином. Недаром Христос говорил: «Если тебя ударят по левой щеке, подставь правую».

— Это еще почему? — спросил Зеведей.— Какой же болван будет подставлять другую щеку? Да я бы как размахнулся!

— Непротивление злу,— пояснил Курочкин,— один из краеугольных камней христианства. Считается, что человек, который не отвечает на зло злом, спасает тем самым свою душу. Немудрено, что ослепленные этим учением люди шли на смерть во имя господа бога.

— На смерть? — усомнился Фома.— Ну уж это ты того... заврался!

— Ничего не заврался! — запальчиво ответил Курочкин.— Сколько народа гибло на аренах Рима! Если не знаешь, так и не болтай по-пустому!

— Зачем же они шли на смерть?

— Затем, что во все времена человек не мог примириться с мыслью о бренности всего сущего, а Христос обещал каждому праведнику вечное блаженство, учил,

что наше пребывание на земле — только подготовка к иной жизни там, на небесах.

— Н-да! — сказал Иуда.— Дело того стоит! А чудеса он являл какие-нибудь, твой Христос?

— Являл. Согласно преданиям, он воскрешал мертвых, превращал воду в вино, ходил по воде, как по суше, изгонял бесов, на него сходил святой дух. Все это, конечно, реминисценции других, более отдаленных верований.

— Чего? — переспросил Иуда.— Как ты сказал? Риме...

— Реминисценции.

— А-а-а! Значит, из Рима?

— Частично христианство восприняло некоторые элементы греческой и римской мифологии, частично египетского культа, но в основном оно сложилось под влиянием заветов Моисея, которые являются тоже не чем иным, как мистификацией, попыткой увести простой народ от...

— А твой Христос чтит закон Моисея? — перебил Иаков.

— Чит.

— Значит, праведный человек!

Прошло еще не менее часа, прежде чем Курочкину удалось удовлетворить любопытство слушателей, забывших о том, что нужно ставить сети.

Багровый диск солнца уже наполовину зашел за потемневшие вершины гор. Курочкин взглянул на запад, и два ярких огненных блика загорелись на его линзах. Сидевший напротив Иаков ахнул и отшатнулся. От резкого движения утлая ладья накренилась и зачерпнула бортом воду.

С криком «Так я и знал!» Курочкин вскочил, но, запутавшись в балахоне, полетел вперед, боднул в живот Зеведея, пытавшегося выправить крен, и все оказались в воде.

Леденящий ужас сковал не умеющего плавать Курочкина.

Однако не зря Казанова комплектовал реквизит лучшими образцами швейной промышленности. Необъятный балахон из нейлоновой ткани надулся исполинским пузырем, поддерживая своего владельца в вертикальном положении.

Вскоре, осмелевший от такого чудесного вмешательства судьбы, Курочкин даже начал размахивать руками и давать советы рыбакам, как совладать с лодкой, кото-

рая плавала вверх килем. В конце концов подтянутый багром Фомы Христов следопыт снова водрузился в лодку, направившуюся к берегу.

В общем, все обошлось благополучно, если не считать потерянной сети, о которой больше всего горевал Зеведей.

— Скажи,— спросил он, нахмутив брови,— если ты знал, что лодка перевернется, то почему не предупредил? Я бы переложил сеть к Иуде.

— Я не знал, честное слово, не знал! — начал оправдываться Курочкин.

— Ты же сам сказал,— вмешался Иоанн,— крикнул: «Так я и знал!»

Курочкин взглянул на здоровенные кулаки рыбаков, и у него засосало под ложечкой.

— Видишь ли,— дипломатично начал он, обдумывая тем временем какое-нибудь объяснение,— я не мог тебя предупредить.

— Почему?

— Потому что... потому что это тебе бог посылал испытание,— нахально вывернулся Курочкин,— испытывал тебя в беде.

— Бог? — почесал в затылке Зеведей. Кажется, аргумент подействовал.

— Бог! — подтвердил, совершенно обнаглев, Курочкин.— Он и меня испытывал. Я вот плавать не умею, но не возроптал, и он не дал мне утонуть.

— Верно! — подтвердил Иаков.— Я сам видел, как этот назаретянин шел в воде и еще руками размахивал, а там знаешь как глубоко?

— Гм...— Зеведей сокрушенно покачал головой и начал собирать сучья для костра.

Солнце зашло, и с озера поднялся холодный ветер. У промокших рыбаков зуб на зуб не попадал. Один лишь Курочкин чувствовал себя более или менее сносно. Спасительная синтетическая ткань совершенно не намокла.

Зеведей разжег костер и, приладив перед огнем сук, развесил на нем промокшую одежду. Его примеру последовали Иоанн и Иаков.

— А ты чего?

— Спасибо! — сказал Курочкин.— Я сухой.

— Как это сухой? — Иоанн подошел к нему и пощупал балахон.— Верно, сухой! Как же так?

Курочкин промолчал.

— Нет, ты скажи, отчего ты не промок? — настаивал Иоанн.— Мы промокли, а ты нет. Ты что, из другого теста сделан?!

— А если и из другого?! — раздраженно сказал Курочкин. Он все еще испытывал лихорадочное возбуждение от своего чудесного спасения.— Чего вы пристали?!

— Так чудо же!

Курочкину совсем не хотелось пускаться в объяснения. Запустив руку в сумку, он нащупал бутылку водки, отвинтил пробку и, сделав основательный глоток, протянул ее Иоанну.

— На, лучше выпей!

Тот поднес к огню бутылку и разочарованно крикнул:

— Вода... Сейчас бы винца!

— Пей! — усмехнулся Курочкин.— Увидишь, какая это вода.

Иоанн глотнул, выпучил глаза и закашлялся.

— Ну и ну! — сказал он, протягивая бутылку Иакову.— Попробуй!

Иаков тоже хлебнул.

— Эх, лучше старого тивериадского!

Прикончил бутылку Зеведей.

Вскоре подъехал челн с Фомой и Иудой. Они тоже присели у костра.

После водки Курочкина потянуло в сон. Прикрыв глаза, он лежал, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение счастливо миновавшей опасности.

В отдалении о чем-то совещались рыбаки.

— Это он! — взволнованно прошептал Иоанн.— Говорю вам, это он! По воде, как по суше, это раз, пророчествует — два, воду в вино превращает — три! Чего вам еще!

— А взгляд светел и страшен,— добавил Иаков.— И впрямь он, Мессия!

Между тем слегка захмелевший Мессия сладко поспывал, повернувшись спиной к огню. Во сне он наносил с кафедры смертельный удар в солнечное сплетение отцам церкви. Никаких следов пребывания Иисуса Христа в этой крохотной стране не обнаруживалось.

* * *

На следующее утро, чуть свет, Фома с Иудой отправились в Капернаум. Зеведей с сыновьями остались ждать пробуждения Курочкина.

Тот, продрвав глаза, попросил было чаю, но рыбаки о таком и не слыхали. Пришлось ограничиться глотком воды.

За ночь натертые ноги распухли и покрылись струпами. Ступая по горячему песку, Курочкин поминутно взвизгивал и чертыхался.

Не оставалось ничего другого, как соорудить из весел подобие носилок, на которых Иоанн с Иаковом понесли Мессию, державшего в каждой руке по сандалию.

Весть о новом проповеднике из Назарета распространилась по всему городу, и в синагоге, куда доставили Курочкина, уже собралась большая толпа любопытных. Его сразу засыпали вопросами.

Не прошло и получаса, как Курочкин совершенно выбился из сил. Его мучило от голода, однако, судя по всему, о завтраке никто не помышлял.

— Скажите,— спросил он, обводя взглядом присутствующих,— а перекусить у вас тут не найдется? Может, какой-нибудь буфетик есть?

— Как же так? — спросил пожилой еврей, давно уже пронически поглядывавший на проповедника.— Разве ты не чтинь закон Моисея, запрещающий трапезы в храме? Или тебе еще нету тринадцати лет?

Однако старому догматику не под силу было тягаться с кандидатом исторических наук.

— А разве ты не знаешь, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? — ловко отпарировал эрудированный Курочкин.— Как он вошел в дом божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам. Осия, глава шесть, стих шестой,— добавил он без запинки.

Блестящее знание материала принесло свои плоды. Молодой служка, пощипав в нерешительности бородку, куда-то отлучился и вскоре вернулся с краюхой хлеба.

Пока Курочкин, чавкая и глотая непрожеванные куски, утолял голод, толпа с интересом ждала, что разверзнутся небеса и гром поразит нечестивца.

— Ну вот! — Курочкин собрал с колен крошки и отправил их в рот.— Теперь можем продолжить нашу беседу. Так на чем мы остановились?

— Насчет рабов и войн,— подсказал кто-то.

— Совершенно верно! Рабовладение, так же как и войны, является варварским пережитком. Когда-нибудь

человечество избавится от этих язв, и на земле наступит настоящий рай, не тот, о котором вам толкуют книжники и фарисеи, а подлинное равенство свободных людей, век счастья и изобилия.

— А когда это будет? — спросил рыжий детина.

Курочкин и тут не растерялся. Ему очень не хотелось огорошить слушателей огромным сроком в двадцать столетий.

— Это зависит от нас с вами, — прибег он к обычному ораторскому приему. — Чем быстрее люди проведут необходимые социальные преобразования, тем скорее наступит счастливая жизнь.

— А чего там будет? — не унимался рыжий.

— Все будет. Построят большие удобные дома с холодной и горячей водой. Дров не нужно будет запасать, в каждой кухне будут такие горелки, чирк! — и зажегся огонь.

— Это что же, дух святой будет к ним сходить? — поинтересовался старый еврей.

— Дух не дух, а газ.

— Чего? — переспросил рыжий.

— Ну газ, вроде воздуха, только горит.

Слушатели недоверчиво молчали.

— Это еще не все, — продолжал Курочкин. — Люди научатся летать по воздуху, и не только по воздуху, даже к звездам полетят.

— Ух ты! — вздохнул кто-то. — Прямо на небо! Вот это да!

— Будет побеждена старость, излечены все болезни, мертвых и то начнут оживлять.

— А ты откуда знаешь? — снова задал вопрос рыжий. — Ты что, там был?

Толпа заржала.

— Правильно, Симон! — раздались голоса. — Так его! Пусть не врет, чего не знает!

От громкого смеха, улюлюканья и насмешек кровь бросилась Курочкину в голову.

— Ясно, был! — закричал он, стараясь перекрыть шум. — Если бы не был, не рассказывал бы!

— Ша! — Старый еврей поднял руку, и гогот постепенно стих. — Значит, ты там был?

— Был, — подтвердил Курочкин.

— И знаешь, как болезни лечат?

— Знаю.

— Рабби! — обратился тот к скамье старейшин. — Этот человек был в раю и знает, как лечить все болезни. Так почему бы ему не вылечить дочь нашего уважаемого Иaira, которая уже семь дней при смерти?

Седой патриарх, восседавший на самом почетном месте, кивнул головой:

— Да будет так!

— Ну, это уже хамство! — возмутился Курочкин. — Нельзя каждое слово так буквально понимать, я же не врач, в конце концов!

— Обманщик! Проходимец! Никакой он не пророк! Побить его камнями! — раздались голоса.

Дело принимало скверный оборот.

— Ладно! — сказал Курочкин, вскидывая на плечо сумку. — Я попробую, но в случае чего, вы все свидетели, что меня к этому принудили.

В доме старого Иaira царила скорбь. Двери на улицу были распахнуты настежь, а сам хозяин в разодранной одежде, раскачиваясь, сидел на полу. Голова его была обильно посыпана пеплом. В углу голосили женщины.

Рыжий Симон втолкнул Курочкина в комнату. Остальные толпились на улице, не решаясь войти.

— Вот, привел целителя! Где твоя дочь?

— Умерла моя дочь, мое солнышко! — запричитал Иaир. — Час назад отдала Ягве душу! — Он зачерпнул из кастрюли новую горсть пепла.

— Неважно! — сказал Симон. — Этот пророк может воскрешать мертвых. Где она лежит?

— Там! — Иaир указал рукой на закрытую дверь. — Там лежит моя голубка, моя бесценная Рахиль!

— Иди! — Симон дал Курочкину легкий подзатыльник, отчего тот влетел в соседнюю комнату. — Иди, и только попробуй не воскресить!

Курочкин прикрыл за собой дверь и в отчаянии опустился на низкую скамеечку возле кровати. Он с детства боялся мертвецов и сейчас не мог заставить себя поднять глаза, устремленные в пол.

Симон сквозь щелку наблюдал за ним.

«Кажется, влип! — подумал Курочкин. — Влип ни за грош! Дернула же меня нелегкая!»

Прошло минут пять. Толпа на улице начала проявлять нетерпение.

— Ну что там?! — кричали жаждавшие чудес. — Скоро он кончит?!

— Сидит! — вел репортаж Симон. — Сидит и думает.

— Чего еще думать?! Выволакивай его сюда, побьем камнями! — предложил кто-то.

Курочкин почувствовал приближение смертного часа. Нужно было что-то предпринять, чтобы хоть немного отдалить страшный миг расплаты.

— Эх, была не была! — Он закурил и дрожащей рукой откинул простыню, прикрывавшую тело на кровати.

— Ой! — вскрикнул Симон, увидевший голубой огонек газовой зажигалки. — Дух святой! Дух святой, прямо к нему в руки, я сам видел!

Толпа благоговейно затихла.

Лежавшая на кровати девушка была очень хороша собой. Если бы не восковая бледность и сведенные в предсмертной судороге руки, ее можно было принять за спящую.

Курочкину даже показалось, что веки покойницы слегка дрогнули, когда он нечаянно коснулся ее груди кончиком сигареты.

Внезапно его осенило...

* * *

Когда спустя несколько минут Курочкин вышел из комнаты, где лежала Рахиль, у него был совершенно измученный вид. Рукой, все еще сжимавшей пустую ампулу, он отирал холодный пот со лба.

— Будет жить! — сказал он, в изнеможении опускаясь на пол. — Уже открыла глаза!

— Врешь! — Симон заглянул в комнату и повалился в ноги Курочкину: — Рабби!! Прости мне мое неверие!

— Бог простит! — усмехнулся Курочкин. Он уже начал осваивать новый лексикон.

Субботний ужин в доме Иaira остался в памяти Курочкина приятным, хотя и весьма смутным воспоминанием. Счастливый хозяин не жалел ни вина, ни яств.

По случаю торжества жена Иaira вынула из заветного сундука серебряные подсвечники.

Курочкин возлежал на почетном месте, с лихвой компенсируя вынужденный пост. Правда, от ночи, проведенной на берегу, у него разыгрался радикулит, а непривычка есть лежа вынуждала приподниматься, глотая каждый кусок. От такой гимнастики поясница болела еще больше.

Воздав должное кулинарному искусству хозяйки и тивериадскому вину, Курочкин отвалился от стола

и блаженно улыбнулся. Его потянуло проповедовать. Все присутствующие только этого и ждали.

Начав с чудес науки, он незаметно для себе перешел к антивоенной пропаганде. При этом он так увлекся описанием мощи термоядерного оружия и грозящих бед от развязывания атомной войны, что у потрясенных слушателей появились слезы на глазах.

— Скажи,— спросил дрожащим голосом Иаир,— неужели Ягве даст уничтожить все сущее на земле?! Как же спастись?!

— Не бойся, старик! — успокоил его уже совершенно пьяный Курочкин.— Выполний, что я говорю, и будет полный порядок!

Все хором начали уговаривать проповедника навсегда остаться в Капернауме, но тот настойчиво твердил, что утром должен отправиться в Ерушалаим, потому что, как он выразился, «Христос не может ждать».

Утром Иоанн с Иаковом разбудили Курочкина, но тот долго не мог понять, чего от него хотят.

— Ну вас к бесу! — бормотал он, дрыгая ногой и заворачиваясь с головой в простыню.— Ни в какой институт я не пойду, сегодня выходной.

Верные своему долгу апостолы принуждены были стащить его на пол.

Курочкин был совсем плох. Он морщился, рыгал и минутно просил пить. Пришлось прибегнуть к испытанному средству, именуемому в просторечии «похмелькой».

Вскоре перед домом Иаира выстроилась целая процессия. Во главе ее были сыновья Зеведеевы, Иуда и Фома. Дальше, на подаренном Иаиром осле, восседал Курочкин с неизменной сумкой через плечо. Рядом находился новообращенный Симон, не спускавший восторженных глаз с Учителя. В отдалении толпилось множество любопытных, привлеченных этим великолепным зрелищем.

Уже были сказаны все напутственные слова, и пышный кортеж двинулся по улицам Капернаума, привлекая все больше и больше народа.

* * *

Слава Курочкина распространялась со скоростью пожара. Однако он сам, целиком поглощенный поисками Христа, оставался равнодушным к воздаваемым ему почестям.

«Что ж,— рассуждал он, мерно покачиваясь на осле,— пока пусть будет так. Нужно завоевать доверие этих простых людей. Один проповедник ищет другого, такая ситуация им гораздо более понятна, чем появление пришельца из будущего».

Толпы увечных, хромых и прокаженных выходили на дорогу, чтобы прикоснуться к его одежде.

Тут обнаружились новые свойства великолепного хитона. От трения о шерсть осла нейлоновая ткань приобретала столь мощные электрические заряды, что жаждущие исцеления только морщились и уверяли, что на них нисходит благодать божья.

Вскоре такое повышенное внимание к его особе все же начало тяготить Курочкина. Жадная до сенсаций толпа поминутно требовала чудес. Больше всего ему досаждали напоминания о манне небесной, которой бог некогда обильно снабжал евреев в пустыне. Нарастала опасность голодного бунта. Даже апостолы, и те начали роптать.

В конце концов пришлось пожертвовать двадцатью динариями, выданными Казановаком на текущие расходы.

Отпущенных денег хватило только на семь хлебов и корзину вяленой рыбы. В одном начальник отдела «Времена и Нравы» оказался прав: финансовая мощь его подопечного далеко не дотягивала до покупки копеек царя Соломона.

Возвращавшийся с покупками Иоанн чуть не был растерзан голодной свитой, которая во мгновение ока расхитила все продовольствие. При этом ему еще надавали по шее.

— Что делать, рабби?! — Иоанн был совсем растерян. — Эти люди требуют хлеба.

— Считать, что они накормлены, — ответил Курочкин. — Больше денег нет!

В одном из селений путь процессии преградили несколько гогочущих парней, которые тащили женщину в разодранной одежде.

— Что вы с ней собираетесь делать? — спросил Курочкин.

— Побить камнями. Это известная потаскуха Мария. Мы ее тут в канаве застукали.

Чувствительный к женской красоте, Курочкин нахмурил брови.

— Хорошо, — сказал он, не брезгая самым грубым

плагиатом.— Пусть тот из вас, кто без греха, первый кинет в нее камнем.

Демагогический трюк подействовал. Воинствующие моралисты неохотно разошлись. Только стоявшая в стороне девочка лет пяти подняла с дороги камень и запустила в осла.

На этом инцидент был исчерпан.

Теперь к свите Курочкина прибавилась еще и блудница.

Недовольный этим Фома подошел к Учителю.

— Скажи, рабби,— спросил он,— достойно ли таскать с собой шлюху? На кой она тебе?

— А вот освобожусь немного, буду изгонять из нее бесов,— ответил тот, искоса поглядывая на хорошенькую грешницу.

Так, в лето от сотворения мира 3790-е, в канун первого дня опресноков, Леонтий Кондратьевич Курочкин, кандидат исторических наук, сопровождаемый толпой ликующей черни, въехал верхом на осле в священный город Ерушалаим.

— Кто это? — спросила женщина с кувшином на голове у старого нищего, подпиравшего спиной кладбищенскую стену.

— Се грядет царь иудейский! — прошамкал безумный старик.

* * *

В Нижнем городе процессия остановилась. Симон и Фома предлагали сразу же отправиться в Храм, но измученный жарою Курочкин наотрез отказался идти дальше.

Он прилег в садике под смоковницей и заявил, что до вечера никуда не двинется.

Верующие разбрелись кто куда в поисках пропитания.

Нужно было подумать о пище телесной и проповеднику с апостолами. После недолгого совещания решили послать Иуду на базар, продавать осла.

Иоанн с Иаковом пошли на улицу Горшечников, где, по их словам, жила сестра Зеведея, у которой они надеялись занять несколько динариев.

Курочкин перетянул живот взятой у Фомы веревкой и, подложив под голову сумку, уснул натошак.

Иуде повезло. Не прошел он и трех кварталов, как следовавший за ним по пятам человек остановил его и осведомился, не продается ли осел.

Иуда сказал, что продается, и, не зная, как котируются на рынке ослы, заломил несуразную цену в двадцать пять сребреников.

К его удивлению, покупатель не только сразу согласился, но и обещал еще скрепить сделку кувшином вина.

Простодушный апостол заколебался. Ему совсем не хотелось продешевить. Почесав затылок, он пояснил, что это осел не простой, что на нем ехал не кто иной, как знаменитый проповедник из Назарета, и что расставаться за двадцать пять сребреников с таким великолепным кротким животным, на которого несомненно тоже сошла крупица благодати божьей, просто грех.

Покупатель прибавил цену.

После яростного торга, во время которого не раз кидалась шапка на землю, воздевались руки к небу и призывался в свидетели Ягве, ударили по рукам на тридцати сребрениках.

Получив деньги, Иуда передал осла его законному владельцу, и коммерсанты отправились в погребок обмыть покупку.

По дороге новый знакомый рассказал, что служит домоправителем у первосвященника Киафы и приобрел осла по его личному приказанию.

— Зачем же ему осел? — удивился Иуда. — Разве у него в конюшне мало лошадей?

— Полно! — ответил домоправитель. — Полно лошадей, однако первосвященник очень любит ослов. Просто мимо пройти не может спокойно.

— Чудесны дела твои, господи! — Иуда вздохнул. — На что только люди не тратят деньги!

Уже было выпито по второй, когда управитель осторожно спросил:

— А этот твой проповедник, он действительно святой человек?

— Святой! — Иуда выплюнул косточку маслины и потянулся к кувшину. — Ты себе не можешь представить, какой он святой!

— И чему же он учит? — поинтересовался управитель, наполняя кружку собеседника до краев.

— Всему учит, сразу и не упомнишь.

— Например?

— Все больше насчет рабов и богатых. Нельзя, говорит, иметь рабов, а то не попадешь в царствие небесное.

— Неужели?

— Определенно! — Иуда отпил большой глоток. —

А богатые у Ягве будут, вместо верблюдов, грузы возить. В наказание он их будет прогонять сквозь игольное ушко.

— Это когда же?

— А вот скоро конец света настанет, появится ангел такой... термо... термо... не помню, как звать, только помню, что как ахнет! Все сожжет на земле, а спасутся только те, кто подставляет левую щеку, когда бьют по правой.

— Интересно твой пророк проповедует.

— А ты думал?! Он и мертвых воскрешать может. Вот в субботу девицу одну, дочь Иaira, знаешь как сделал? В лучшем виде!

— Так... А правду говорят, что он царь иудейский?

— А как же! Это такая голова! Кому же еще быть царем, как не ему?

Распроставшись с управителем и заверив его в вечной дружбе, Иуда направился на свидание с Курочкиным. После выгодно заключенной сделки его просто распирало от гордости за свои коммерческие способности. Он заговаривал с прохожими и несколько раз останавливался у лавок, из которых бойкие молодые люди выносили товары.

Он было решил купить мешок муки, но от него только отмахнулись:

— Не знаешь разве, что конец света наступает? Кому теперь нужны твои деньги?!

— Деньги — всегда деньги, — резонно ответил Иуда и зашагал к садику, где его ждали товарищи.

На улице Ткачей ему попался навстречу вооруженный конвой под предводительством его нового знакомого, окруживший связанного по рукам Курочкина.

* * *

Первосвященник Киафа с утра был в скверном настроении.

Вчера у него состоялся пренеприятный разговор с Понтием Пилатом. Рим требовал денег. Предложенный прокуратором новый налог на оливковое масло грозил вызвать волнения по всей стране, наводненной всевозможными лжепророками, которые подбивали народ на вооруженное восстание.

Какие-то люди, прибывшие неизвестно откуда в Ерушалаим, громили лавки, ссылаясь на приближение Страшного Суда.

А тут еще этот проповедник, именующий себя царем иудейским! Коварный Тиберий только и ждал чего-нибудь в этом роде, чтобы бросить в Иудею свои легионы и навсегда покончить с жалкими крохами свободы, которые его предшественник оставил сынам Израиля.

Открылась дверь, и вошел управитель.

— Ну как? — спросил Киафа.

— Привел. Пришлось связать, он никак не давался в руки. Прикажешь ввести?

— Подожди! — Киафа задумался. Пожалуй, было бы непростительным легкомыслием допрашивать самозванца в собственном доме. Слухи дойдут до Рима, и неизвестно, как их там истолкуют. — Вот что, отведи-ка его к Анне, — сказал он, решив, что лучше подставить под удар тестя, чем рисковать самому.

— Слушаюсь!

— И пошли к бен Зарху и Гур Арию, пусть тоже придут туда.

Киафе не хотелось созывать Синедрион. При одной мысли о бесконечных дебатах, которые поднимут эти семьдесят человек, ему стало тошно. Кроме того, не имело смысла предавать все дело столь широкой огласке.

— Иди! Скажи Анне, что я велел меня ждать.

* * *

Когда связанного Курочкина вволокли в покои, где собрались сливки иудейских богословов, он был вне себя от ярости.

— Что это за штуки? — заорал он, обращаясь к Киафе, в котором угадал главного. — Имейте в виду, что такое самоуправство не пройдет вам даром!

— Ах, так ты разговариваешь с первосвященником?! — Управитель отвесил ему увесистую затрещину. — Я тебя научу, как обращаться к старшим!

От второй пощечины у Курочкина все поплыло перед глазами. Желая спасти кровоточащую щеку от третьей, он повернулся к управителю другим боком.

— Смотри! — закричал тот Киафе. — Его бьют по щеке, а он подставляет другую! Вот этому он учит народ!

— На моем месте ты бы и не то подставил, дубина! — пробурчал Курочкин. — Тоже мне философ нашелся! Толстовец!

Допрос начал Киафа:

— Кто ты такой?

Курочкин взглянул на судей. В этот раз перед ним были не простодушные рыбаки и землепашцы, а искусные в софистике священники. Ему стало ясно, что пора открывать карты.

— Я прибыл сюда с научной миссией,— начал он, совершенно не представляя себе, как растолковать этим людям свое чудесное появление в их мире.— Дело в том, что Иисус Христос, которого якобы вы собирались распять...

— Что он говорит? — поинтересовался глуховатый Ицхак бен Зарх, приложив ладонь к уху.

— Утверждает, что он мессия по имени Иисус Христос,— пояснил Киафа.

— «Кто дерзнет сказать слово от имени моего, а я не повелел ему говорить, тот да умрет». Второзаконие, глава восемнадцатая, стих двадцатый,— пробормотал бен Зарх.

— Значит, ты не рожден женщиной? — задал новый вопрос Киафа.

— С чего ты это взял? — усмехнулся Курочкин.— Я такой же сын человеческий, как и все.

— Чтишь ли ты субботу?

— Там, откуда я прибыл, два выходных в неделю. По субботам мы тоже не работаем.

— Что же это за царство такое?

— Как вам объяснить? Во всяком случае, оно не имеет отношения к миру, в котором вы живете.

— Что? — переспросил бен Зарх.

— Говорит, что его царство не от мира сего. Как же ты сюда попал?

— Ну, технику этого дела я вам рассказать не могу. Это знают только те, кто меня сюда перенес.

— Кто же это? Ангелы небесные?

Курочкин не ответил.

Киафа поглядел на собравшихся.

— Еще вопросы есть?

Слово взял Иосиф Гур Арий.

— Скажи, как же ты чтишь субботу, если в этот день ты занимался врачеванием?

— А что же, по-вашему, лучше, чтобы человек умер в субботу? — задал в свою очередь вопрос Курочкин.— У нас, например, считают, что суббота для человека, а не человек для субботы.

Допрос снова перешел к Киафе.

— Называл ли ты себя царем иудейским?

— Вот еще новости! — Курочкин снова пришел в раздражение. — Глупее ты ничего не придумаешь?!

Управитель дал ему новую затрещину.

— Ах так?! — взревел Курочкин. — При таких методах следствия я вообще отказываюсь отвечать на вопросы!

— Уведите его! — приказал Киафа.

* * *

Понтий Пилат беседовал в претории с гостем, прибывшим из Александрии.

Брат жены прокуратора Гай Прокулл, историк, астроном и врач, приехал в Ерушалаим, чтобы познакомиться с древними рукописями, находившимися в Храме.

Прислуживавшие за столом рабы собрали остатки еды и удалились, оставив только амфоры с вином.

Теперь, когда не нужно было опасаться любопытных ушей, беседа потекла свободней.

— Мне сказала Клавдия, что ты хочешь просить императора о переводе в Рим. Чем это вызвано? — спросил Прокулл.

Пилат пожал плечами.

— Многими причинами, — ответил он после небольшой паузы. — Пребывание в этой проклятой стране подобно жизни на вулкане, сегодня не знаешь, что будет завтра. Они только и ждут, чтобы всадить нож в спину.

— Однако же власть прокуратора...

— Одна видимость. Когда я подавляю восстание, всю славу приписывает себе Люций Вителлий, когда же пытаюсь найти с иудеями общий язык, он шлет гонцов в Рим с доносами на меня. Собирать подати становится все труднее. Мытарей попросту избивают на дорогах, а то и отнимают деньги. Недоимки растут, и этим ловко пользуется Вителлий, который уже давно хочет посадить на мое место кого-нибудь из своих людей.

— И все же... — начал Прокулл, но закончить ему не удалось. Помешал рев толпы под окнами.

— Вот полюбуйся! — сказал Пилат, подойдя к окну. — Ни днем, ни ночью нет покоя. Ничего не поделаешь, придется выйти к ним, такова доля прокуратора. Пойдем со мной, увидишь сам, почему я хочу просить о переводе в Рим.

Толпа неистовствовала.

— Распни его! — орали, увидев Пилата, те, кто еще недавно целовал у Курочкина подол хитона. Распятие на кресте было для них куда более увлекательным мероприятием, чем любые проповеди, которыми они и без того были сыты по горло. — Распни!!

— В чем вы обвиняете этого человека? — спросил Пилат, взглянув на окровавленного Курочкина, который стоял потупя голову.

Вперед выступил Киафа.

— Это наглый обманщик, святотатец и подстрекатель!

— Правда ли то, в чем тебя обвиняют?

Мягкий, снисходительный тон Пилата ободрил совсем было отчаявшегося Курочкина.

— Это страшная ошибка, — сказал он, глядя с надеждой на прокуратора, — меня принимают тут не за того, кто я есть на самом деле. Вы, как человек интеллигентный, не можете в этом не разобраться!

— Кто же ты есть?

— Ученый. Только цепь нелепейших событий...

— Хорошо! — прервал его Пилат. — Прошу, — обратился он к Прокуллу, — выясни, действительно ли этот человек ученый.

Прокулл подошел к Курочкину.

— Скажи, какие события предвещает прохождение звезды Гнева вблизи Скорпиона, опаленного огнем Жертвенника?

Курочкин молчал.

— Ну что ж, — усмехнулся Прокулл, — этого ты можешь и не знать. Тогда вспомни, сколько органов насчитывается в человеческом теле?

Однако и на второй вопрос Курочкин не мог ответить.

— Вот как?! — нахмурился Прокулл. — Принесите мне амфору.

Амфора была доставлена.

Прокулл поднес ее к лицу Курочкина.

— Как ты определишь, сколько вина можно влить в этот сосуд?

— Основание... на... полуудвоенную высоту... — забормotal тот. Как всякий гуманитарий, он плохо помнил такие вещи.

— Этот человек — круглый невежда, — обратился Прокулл к Пилату, — однако невежество еще не может служить причиной для казни на кресте. На твоем месте я бы его публично высек и отпустил с миром.

— Нет, распни его! — опять забесновалась толпа.

Курочкина вновь охватило отчаяние.

— Все эти вопросы не по моей специальности! — закричал он, адресуясь непосредственно к Пилату. — Я же историк!

— Историк? — переспросил Прокулл. — Я тоже историк. Может быть, ты мне напомнишь, как была укреплена Атлантида от вторжения врагов?

— Я не занимался Атлантидой. Мои изыскания посвящены другой эпохе.

— Какой же?

— Первому веку.

— Прости, я не понял, — вежливо сказал Прокулл. — О каком веке ты говоришь?

— Ну, о нынешнем времени.

— А-а-а! Значит, ты составляешь описание событий, которые произошли совсем недавно?

— Совершенно верно! — обрадовался Курочкин. — Вот об этом я вам и толкую!

Прокулл задумался.

— Хорошо, — сказал он, подмигнув Пилату, — скажи, сколько легионов, по сколько воинов в каждом имел Цезарь Гай Юлий во время первого похода на Галлию?

Курочкин мучительно пытался вспомнить лекции по истории Рима. От непосильного напряжения у него на лбу выступили крупные капли пота.

— Хватит! — сказал Пилат. — И без того видно, что он никогда ничему не учился. В чем вы его еще обвиняете?

Киафа снова выступил вперед.

— Он подбивал народ на неповиновение Риму, объявил себя царем иудейским.

Прокуратор поморщился. Дело оказывалось куда более серьезным, чем он предполагал вначале.

— Это правда? — спросил он Курочкина.

— Ложь! Чистейшая ложь, пусть представит свидетелей!

— Почему ты веришь ему, а не веришь мне?! — заорал Киафа. — Я как-никак первосвященник, а он проходimeц, бродячий проповедник, нищий!

Пилат развел руками.

— Такое обвинение должно быть подтверждено свидетелями.

— Вот как?! — Киафа в ярости заскрежетал зуба-

ми.— Я вижу, здесь правосудия не добьешься, придется обратиться к Вителлию!

Удар был рассчитан точно. Меньше всего Пилату хотелось впутывать сюда правителя Сирии.

— Возьмите этого человека! — приказал он страже, отводя взгляд от умоляющих глаз Курочкина.

* * *

Иуда провел ночь у ворот претории. Он следовал за Курочкиным к дому Киафы, торчал под окнами у Анны и сопровождал процессию к резиденции прокуратора. Однако ему так и не удалось ни разу пробиться сквозь толпу к Учителю.

В конце концов выпитое вино, волнения этого дня и усталость совсем сморили Иуду. Он устроился в придорожной канаве и уснул.

Проснулся он от жарких лучей солнца, припекавших голову. Иуда потянулся, подергал себя за бороду, чтобы придать ей более респектабельный вид, и пошел во двор претории, надеясь что-нибудь разузнать.

В тени, отбрасываемой стеной здания, сидел здоровенный легионер и чистил мелом меч.

— Пошел, пошел отсюда! — приветствовал он апостола.— У нас тут не подают!

Смирив гордыню при виде меча, Иуда почтительно изложил легионеру свое дело.

— Эге! — сказал тот.— Поздно же ты о нем вспомнил! Теперь он уже...— Легионер заржал и красочно воспроизвел позу, которая впоследствии надолго вошла в обиход как символ искупления первородного греха.

Потрясенный Иуда кинулся бегом к Лобному месту...

* * *

На вершине холма стояло три креста. У среднего, с надписью «Царь иудейский», распростершись ниц, лежал плачущий Симон.

Иуда плюхнулся рядом с ним.

— Рабби!!

— Совсем слаб твой рабби,— сказал один из стражников, рассматривая снятые с Курочкина доспехи.— Еще и приколотить как следует не успели, а он сразу того...— стражник закатил глаза,— преставился!

— Со страха, что ли? — сказал второй стражник, доставая игральные кости.— Так как, разыграем?

— Давай!

Иуда взглянул на сморщенное в смертной муке бледное лицо Учителя и громко заголосил.

— Ишь, убивается! — сказал стражник. — Верно, родственничек?

— Послушайте! — Иуда встал и молитвенно сложил руки. — Он уже все равно умер, позвольте нам его похоронить.

— Нельзя. До вечера не положено снимать.

— Ну, пожалуйста! Вот, возьмите все, только разрешите! — Иуда высыпал перед ними на землю деньги, вырученные за осла.

— Разрешить, что ли? — спросил один из стражников.

— А может, он и не умер еще вовсе? — Второй служивый подошел к кресту и ткнул копьем в бок Курочкина. — Пожалуй, помер, не дернулся даже. Забирай своего родственничка!

Между тем остальные продолжали рассматривать хитон.

— Справная вещь! — похвастал счастливчик, на которого пал выигрыш. — Сносу не будет!

Потрясенные смертью Учителя, апостолы торопливо снимали его с креста. Когда неловкий Иуда стал отди- рать гвозди от ног, Курочкин приоткрыл глаза и застонал.

— Видишь?! — шепнул Иуда на ухо Симону. — Живой!

— Тише! — Симон оглянулся на стражников. — Тут поблизости пещера есть, тащи, пока не увидели!

Стражники ничего не заметили. Они были целиком поглощены дележом свалившихся с неба тридцати среб- реников.

Оставив Курочкина в пещере на попечении верного Симона, Иуда помчался сообщить радостную весть про- чим апостолам.

Курочкин не приходил в сознание.

В бреду он принимал Симона за своего аспиранта, оставленного в двадцать первом веке, но обращался к нему на древнееврейском языке.

— Петя! Петр! Я вернусь, обязательно вернусь, не может же Хранитель оказаться такой скотиной! Поручаю тебе, в случае чего...

Пять суток, отпущенных Хранителем, истекли.

Где-то в подвале двадцатиэтажного здания мигнул зеленый глазок индикатора. Бесшумно включились ре- лейные цепи.

Дьявольский вихрь причин и следствий, рождений и смертей, нелепостей и закономерностей окутал распростертое на каменном полу тело, озарил пещеру сиянием электрических разрядов и, как пробку со дна океана, вытолкнул Курочкина назад в далекое, но неизбежное будущее.

— Мессия!! — Ослепленные чудесным видением, Иоанн, Иаков, Иуда и Фома стояли у входа в пещеру.

— Вознесся! — Симон поднял руки к небу. — Вознесся, но вернется! Он меня нарек Петром и оставил своим наместником!

Апостолы смиренно пали на колени.

* * *

Между тем Курочкин уже лежал в одних плавках на диване гостеприимного заведения Казановака. Его лицо и лоб были обложены тряпками, смоченными в растворе.

— Ну, как попутешествовали? — спросила Маша, осторожно отдирая край бороды.

— Ничего.

— Может, вы у нас докладик сделаете? — поинтересовался Казановак. — Тут многие из персонала проявляют любознательность насчет той жизни.

— Не знаю... Во всяком случае, не сейчас. Собранные мною факты требуют еще тщательной обработки, тем более, что, как выяснилось, евангелисты толковали их очень превратно.

— Что ж, конь о четырех ногах и тот ошибается, — философски заметил Казановак. Он вздохнул и, тщательно расправив копирку, приступил к составлению акта на недостачу реквизита.

— Что там носят? — спросила Маша. — Длинное или короткое?

— Длинное.

— Ну вот, говорила Нинке, что нужно шить подлиннее! Ой! Что это у вас?! — Она ткнула пальцем в затянувшиеся розовой кожицей раны на запястьях. — И здесь, и здесь, и бок разодран! Вас что, там били?

— Нет, вероятно, поранился в пути.

Казановак перевернул лист.

— Так как написать причину недостачи?

— Напишите, петля гистерезиса, — ответил уже поднаторевший в терминологии Курочкин.

Молекулярное кафе

Утка в сметане

Откровенно говоря, я люблю вкусно поесть. Не вижу причины это скрывать, потому что ведь от гурмана до обжоры, как принято нынче выражаться, дистанция огромного размера. Просто я считаю, что каждое блюдо должно быть приготовлено наилучшим образом. Возьмем, к примеру, обыкновенный кусок мяса. Можно его кинуть в кастрюлю и сварить, можно перемолоть на котлеты, а можно, потушив в вине с грибами и пряностями, создать произведение кулинарного искусства.

К сожалению, в наше время люди начали забывать, что еда — это прежде всего удовольствие. Увы, канули в Лету придорожные кабачки, где голодного путника ждала у пылающего очага утка, поджаренная на вертеле. Кстати, об утках: уверяю вас, что обычная газовая плита дает возможность приготовить утку ничуть не хуже, чем это делалось нашими предками. Просто нужно перед тем, как поставить ее в сильно нагретую духовку, обмазать всю тушку толстым слоем сметаны. Если вы при этом проявите достаточно внимания и не дадите утке перестоять, ваши труды будут вознаграждены восхитительной румяной корочкой, тающей во рту.

Многие считают, что утку нужно жарить с яблоками. Глупости! Наилучший гарнир — моченая брусника. Не забудьте положить внутрь утки так сказать, в ее недра, несколько зернышек душистого перца, немного укропа и лавровый лист. Это придает блюду ни с чем не сравнимый аромат.

Был воскресный день, и я только посадил утку в духовку, как раздался звонок в передней.

— Это, наверное, почта, — сказала жена. — Пойди открой.

У меня очень обширная корреспонденция. Не буду скромничать. Как писатель-фантаст, я пользуюсь большой известностью. После выхода книги меня буквально засыпают письмами. Пишут обычно всякую галиматью, но я бережно храню все эти листки, чаще всего нацарапанные корявым почерком со множеством ошибок, храню потому, что ведь это, что ни говори, часть моей славы. Когда ко мне приходят гости, особенно собратья по перу, я люблю достать папки с письмами и похвастать ими.

К сожалению, дело не всегда ограничивается посланиями. Мне часто звонят по телефону. У меня уже выработалась особая система уклоняться от просьб «уделить несколько минут для очень важного разговора». Все это или графоманы, или восторженные юнцы, принимающие всерьез то, что я пишу. Хуже, когда они являются без предварительного звонка. Тут, хочешь не хочешь, приходится тратить на них время. Иногда мне даже всучивают рукописи, которые я, признаться, никогда не читаю. Держу некоторое время у себя, а потом отвечаю по почте, что, дескать, замысел не лишен интереса, но нужно больше обращать внимания на язык и тщательнее работать над сюжетом. Как-то все-таки приходится заботиться о своей популярности.

Итак, я пошел открыть дверь.

Это был не почтальон. Переминавшийся с ноги на ногу человек мало походил на моих обычных посетителей. На вид ему было лет сорок пять. Под глубоко запавшими глазами красовались набрякшие мешки, какие бывают у хронических алкоголиков. Длинный, немного свернутый на сторону нос и оттопыренные уши тоже не придавали особой привлекательности своему владельцу. Хотя на улице шел снег, он был без пальто и шапки. Снежинки таяли на его голове с наголо остриженными волосами. Облачен он был в дешевый, видно только что купленный, костюм, слишком широкий в плечах. Рукава же были настолько коротки, что из них сантиметров на десять торчали руки в черной сатиновой рубашке. Шею он обвязал клетчатым шарфом, концы которого болтались на груди.

В людях я разбираюсь хорошо. Не дожидаясь горькой исповеди о перипетиях, приведших его к положению просителя, я достал из кошелька 40 копеек и протянул ему.

Посетитель нетерпеливым жестом отмахнулся от денег и бесцеремонно переступил порог.

— Вы ошибаетесь.— К моему удивлению, он назвал меня по имени и отчеству.— Я к вам по делу, и притом весьма срочному. Прошу уделить мне несколько минут.

Он взглянул на свои ноги, обутые в огромные рабочие ботинки, такие же новые, как и его костюм, потоптался нерешительно на месте и вдруг направился в комнаты.

Обескураженный, я последовал за ним.

— Ну-с? — Мы сидели в кабинете, я за столом, он — в кресле напротив.— Чем же я обязан вашему визиту?

Я постарался задать этот вопрос ледяным тоном, тем самым, который уже не раз отпугивал непрошенных посетителей.

— Сейчас.— Он провел ладонью по мокрой голове и вытер руку о пиджак.— Сейчас я вам все объясню, но только разговор должен остаться между нами.

С меня этого было достаточно. Мне совершенно не хотелось выслушивать признания о загубленной жизни. Вот сейчас он скажет: «Дело в том, что я вернулся...»

— Дело в том,— сказал посетитель,— дело в том...— он запнулся и сморщил лицо, как будто проглотил что-то очень невкусное,— дело в том, что я прибыл с другой планеты.

Это было так примитивно, что я рассмеялся. Моему перу принадлежат десятка два подобных рассказов, и у меня выработался полный иммунитет ко всякой фантастической ерунде. Вместе с тем мой опыт в таких делах давал мне возможность быстро и, я бы сказал, элегантно разоблачить любого проходимца. Что ж, это было даже занятно.

— С другой планеты? — В моем голосе не было и следов удивления.— С какой же именно?

Он пожал плечами.

— Как вам сказать? Ведь ее название ничего вам не даст, оно на Земле неизвестно.

— Неважно! — Я снял с полки энциклопедический словарь и отыскал карту звездного неба.— Покажите мне хотя бы место, где она находится, эта ваша планета.

Он близоруко прищурился и, поводя пальцем по карте, ткнул в одно из звездных скоплений.

— Вот тут. С Земли она должна была бы наблюдаться в этом созвездии. Однако ни в один из телескопов вы

ее увидеть не сможете. Ни ее, ни звезду, вокруг которой она обращается.

— Почему же?

— Это не имеет значения.— Он опять поморщился.— Слишком долго объяснять.

— На каком же расстоянии она находится от Земли?

— На каком расстоянии? — растерянно переспросил он.— На каком расстоянии? Это... смотря как считать...

— А как вы привыкли считать звездные расстояния? Может быть, в километрах? — Я вложил в этот вопрос столько иронии, что лишь болван не мог ее почувствовать.

— В километрах? Право, не знаю... Нет, в километрах нельзя.

— Почему?

— Не получается. Километры, ведь они...

— Разные? — насмешливо переспросил я.

— Вот-вот,— радостно заулыбался он,— именно разные.

— Тогда, может быть, в парсеках или в световых годах?

— Пожалуй, можно в световых годах. Что-то около... двух тысяч лет.

— Около?

— Да, около. Я, признаться, никогда точно не интересовался.

Тут я ему нанес новый удар:

— Сколько же времени вам пришлось сюда лететь?

— Я не знаю.— Он как-то беспомощно огляделся вокруг.— Право, не знаю... Ведь те понятия о времени и пространстве...

Видно было, что он запутался. Еще два вопроса, и я его загоню в угол.

— Когда вы прилетели?

— Двадцать лет назад.

— Что?!

Только идиот мог отвечать подобным образом. Он даже не пытался придать своим ответам хоть какую-то видимость правдоподобия. Сумасшедший? Но тогда, чтобы поскорее его спровадить, нужно менять тактику. Говорят, что сумасшедшие обладают редким упрямством. С ними нужно во всем соглашаться, иначе дело может принять совсем скверный оборот.

— Где же вы были все это время? — спросил я участливым тоном.

— Там.— Он ткнул пальцем по направлению потолка.— На орбите. Неопознанные летающие объекты. Слышали?

— Слышал. Значит, вы были на этом, как его, летающем блюде?

Он утвердительно кивнул головой.

— Чем же вы там занимались все двадцать лет?

— Чем занимался?! — Он неожиданно пришел в бешенство.— Идиотский вопрос! Чем занимался?! Всем занимался! Расшифровывал ваши передачи по эфиру, наблюдал, держал связь с Комитетом. Попробовали бы вы вот так, двадцать лет на орбите! Двадцать лет питаться одной синтетикой! Чем занимался?! Это вам не за столом сидеть, рассказы пописывать.

Я взглянул на часы. Пора было полить утку вытопившимся жиром, иначе корочка пересохнет. Однако оставлять такого субъекта одного в кабинете мне очень не хотелось. О, злополучная писательская доля! Чего только не приходится терпеть.

— Действительно, это должно быть очень тяжело,— примирительно сказал я.— Двадцать лет не слезать с блюда, не каждый выдержит. Видеть под собой землю и не иметь возможности побывать там, с ума сойти можно.

— Бывал я на земле,— мрачно произнес он.— Бывал, но ненадолго. Часа по четыре. Больше в библиотеки ходил, знакомился с книгами. Вот и к вам пришел оттого, что прочитал ваш роман.

Час от часу не легче! Гибрид сумасшедшего с почитателем.

— Так вот,— продолжал он,— пришел я к вам, потому что вы пишете о внеземных контактах.

— Ну и что же?

— А то, что я заболел. Психика не выдерживает больше на орбите. Понятно? Через месяц у меня сеанс связи с Комитетом, я сообщу им свое решение насчет Земли, а пока придется мне пожить у вас, привести себя немного в порядок, накопить жизненной силы для сеанса, а то ничего из этого не получится.

— Из чего не получится? — Я чувствовал, что еще немного, и я окончательно потеряю терпение. Пусть он сумасшедший, но я тоже имею нервы.— Простите, я не понял, что именно не получится.

— Сеанс связи не получится. Жизненных сил не хватит, а по радио очень долго. Сами понимаете, две тысячи световых лет.

— Ну и что?

— А то, что останетесь без помощи еще на неопределенное время.

— В чем же вы собираетесь нам помогать? — Я задавал вопросы уже совершенно машинально. В мыслях у меня была только утка, которую нужно было вынуть из духовки. — В какой же помощи мы, по-вашему, нуждаемся?

Он пренебрежительно ухмыльнулся.

— Во всех областях. Разве ваши знания можно сравнить с нашими? Вы можете получить все: долголетие, управление силой тяжести, раскрытие тайн биологического синтеза, преодоление времени и пространства. Неужели этого мало за то, что я месяц посплю у вас тут на диване? Нам нужны такие люди, как вы, любознательные, одаренные фантазией. Поверьте, что для вас этот месяц тоже не пропадет даром. На свою ответственность, еще до получения санкции Комитета, я начну вводить вас в курс высших наук, вы станете первым просветителем новой эпохи, ведь наши методы обучения...

— Хватит! — Я встал и подошел к нему вплотную. — Вы попали не по адресу. Для этого есть Академия наук, обратитесь туда, и поймите же наконец, что я больше не могу тратить на вас свое время.

— Академия наук? — Он тоже встал. — Я ведь не могу туда обратиться без ведома Комитета. Может быть, через месяц, когда...

— Делайте, что хотите, а я вам ничем помочь не могу.

— И пожить не дадите?

— Не дам. Мой дом не гостиница. Хотите отдохнуть — снимите себе номер и отдыхайте, сколько влезет, а меня, прошу покорно, оставьте в покое!

Он скривил рот и задергал плечом. Похоже было на то, что сейчас меня угостят прелестным зрелищем искусно симулированного припадка.

Я принципиальный противник всякой благотворительности, превышающей сумму в один рубль, но тут был готов на что угодно, лишь бы отделаться от этого психопата.

— Вот, — сказал я, достав из стола деньги, — купите себе шапку и пообедайте.

Он молча сунул в карман десятирублевую бумажку и пошел к выходу, добившись, по-видимому, того, чего хотел.

Я запер за ним дверь с тем смутным чувством недовольства собой, какое испытывает каждый из нас, когда кто-нибудь его одурачит.

Впрочем, дурное настроение вмиг развеялось, как только я вошел в кухню.

Все оказалось в порядке. Покрытая аппетитнейшей розовой корочкой утка уже красовалась на столе рядом с запотевшим хрустальным графинчиком.

— Кто это у тебя был? — спросила жена, подавая бруснику.

— Какой-то сумасшедший, да и аферист к тому же.

Наполнив рюмку, я взглянул в окно. Снег валил всю, крупными хлопьями. Мой посетитель все еще болтался во дворе. Он ежился от холода и как-то по-птичьи вертел головой. Потом он поднял руки, медленно взмыл вверх, повисел несколько секунд неподвижно, а затем, стремительно набирая скорость, скрылся в облаках.

— Удивительное нахальство! — сказала жена. — Не дадут человеку творческого труда отдохнуть даже в воскресенье.

Тупица

В зал логического анализа Академии Познания я попал только к вечеру, когда там уже было совсем мало народа.

По существу, сегодня здесь должна была решаться моя судьба. Я дал себе слово, что если последняя попытка создать теорию распределения антиматерии опять закончится неудачей, я меняю профессию, увы! — уже третью по счету. Никто меня к этому не принуждал, но глупо было дальше тратить время на деятельность, не приносящую никакой пользы обществу.

Мне не хватало новейших данных, полученных за последний месяц, и, раньше чем приступить к анализу, я опустил перфокарту в приемник электронного библиографа.

Через минуту в моем распоряжении были результаты всех экспериментов, проведенных земными институтами и орбитальными космическими станциями. Теперь оставалось проверить, насколько моя гипотеза объяснила все, что получено опытом.

Я не люблю новейших логических машин, построенных на базе биоэлементов. В их сверхбыстродействии и безапелляционности есть что-то неприятное. Мне иногда кажется, что каждая такая машина обладает какими-то чертами индивидуальности, иногда просто отталкивающими. Не так давно одна из них разбила все мои честолюбивые мечты лаконическим и суровым приговором: «Чушь». Мне гораздо больше по душе неторопливый ход рассуждений стареньких автоматов-анализаторов. С ними легче переживать неудачи. Они только готовят материал для выводов, которые делаешь сам. В таких

случаях никто не мешает тебе немного подсластить пилюлю.

К сожалению, моя любимая машина была занята. Какой-то юноша, сидя за перфоратором, яростно стучал по клавишам. Рядом с ним лежала горка карточек с ответами — не меньше сотни штук. Мне впервые приходилось видеть здесь человека, которого интересовала такая уйма проблем.

— Простите,— обратился я к нему,— у вас еще много вопросов?

— Один,— ответил он, опуская карточку в машину,— сейчас я отсюда уберусь.

Он взял с лотка возвращенный машиной листок и безнадежно махнул рукой.

— Вот полюбуйте!

Я взглянул через его плечо:

«ВОПРОС: ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ГЛУП, КАК ПРОБКА,
МОЖЕТ ЛИ ОН СДЕЛАТЬ ЧТО-НИБУДЬ УМНОЕ?»

«ОТВЕТ: МОЖЕТ, НО ТОЛЬКО СЛУЧАЙНО,
С НИЧТОЖНО МАЛОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЕРОЯТНОСТИ».

— Н-да,— сказал я,— вряд ли стоило...

— Занимать машину? — перебил он меня,— А что мне прикажете делать, если я дурак?

Я рассмеялся.

— Ну, знаете ли, кто из нас не присваивал себе этого звания после очередной неудачи. Пожалуй, из всех метафор эта имеет наибольшее хождение.

— Метафор! — желчно сказал он.— В том-то все и дело, что никаких метафор тут нет. Просто я дурак от рождения.

— Вы сами себе противоречите,— сказал я,— настоящий дурак никогда не считает себя дураком, да и вообще какие в наше время могут быть дураки?

— Ну, если вам не нравится слово «дурак», так тупица. Дело в том, что я феноменально туп. Мне двадцать пять лет, а кроме обязательного курса машинного обучения, я ничего не прошел, да и тот дался мне с величайшим трудом. Профессии у меня никакой нет, потому что я даже мыслить логически не умею.

— Чем вы занимаетесь?

— Да ничем. Живу иждивенцем у общества.

— Неужели никакая профессия..?

— Никакая. Все, что попроще, делают машины. Сам не понимаете, что в двадцать третьем веке никто мне не поручит подметать улицы, а ни на что другое я не способен.

— Может, вы не пробовали?

— Пробовал. Все пробовал, ничего не получается. Вот пробую учиться логическому анализу у машин, да что толку?! Я и вопроса умного задать не могу...

— Да-а,— сказал я,— неприятно. Это что же у вас, наследственное или результат заболевания?

— Наверное, наследственное. Недаром у меня и фамилия такая — Тупицин. Вероятно, еще предки славились.

— А к врачам вы обращались?

— Обращался. Никаких органических пороков не находят, а глупость, говорят,— извините, еще лечить не научились. Словом, дурак и все тут! Вот и сейчас: вам работать нужно, а я вас всякой ерундой занимаю.

— Что вы! — сказал я, опуская карточку в машину.— Все, что вы говорите, так необычайно.

— Необычайно! В том-то вся беда, что необычайно. Ведь я, по существу говоря, паразит. Люди работают, чтобы меня прокормить и одеть, а я не вношу ни малейшей лепты в общий труд. Больше того: все знают, что я тупица, и всячески стараются скрасить мне жизнь. Я получаю самые последние образцы одежды, приглашения на лучшие концерты, все деликатесы. Даже девушки кокетничают со мной больше, чем с другими, а на черта мне все это нужно, раз делается просто из жалости?

Он погрозил кому-то кулаком и побежал к выходу.

Я хотел пойти за ним, как-то утешить, но тут раздался звонок. Машина кончила анализ. Я схватил карточку. Опять неудача! Моя гипотеза никуда не годилась.

* * *

Больше года я провел в высокогорной экспедиции, в надежде, что эта работа излечит меня от желания стать теоретиком. Однако ни трудности альпийских походов, ни подъемы в верхние слои атмосферы, ни совершенно новая для меня сложная техника физических экспериментов не были в состоянии отвлечь от постоянных дум об одном и том же. Новые гипотезы, одна другой смелее, рождались в моем мозгу.

Получив отпуск, я сейчас же помчался в Академию Познания.

За это время в зале логического анализа произошло много перемен. Моих любимцев — электронных анализаторов — уже не было. Их место заняли крохотные машинки неизвестной мне конструкции, способные производить до трех миллиардов логических операций в секунду. В конце зала я увидел массивную дверь, обитую звукоизоляционным материалом. На двери была табличка с надписью

«КОНСУЛЬТАНТ».

Возле двери, в кресле, сидел старичок в академической ермолке. Он просматривал рукопись, лежавшую у него на коленях, время от времени нетерпеливо поглядывая на часы.

Дверь отворилась, и старичок с неожиданной резвостью вскочил, рассыпав листы по полу.

— Федор Михайлович! — сказал он заискивающим тоном. — Может быть, вы мне уделите сегодня хоть пять минут?

Я перевел взгляд и обомлел. В дверях стоял тот самый юноша, который прошлый раз жаловался мне на свою судьбу.

Но это был уже совсем другой Тупицин.

— Не могу, дорогой, — снисходительно сказал он, — у меня сейчас свидание с академиком Леонтьевым. Он записался ко мне на прием неделю назад.

— Но моя работа гораздо важнее той, что ведет Леонтьев, — настаивал старичок. — Я думаю, он, как честный ученый, сам это признает!

— Не могу, я обещал. А вас я попрошу зайти, — Тупицин вынул записную книжку, — на той неделе, ну, скажем, в пятницу в двенадцать часов. Устраивает?

— Что ж, — вздохнул старичок, — если раньше нельзя...

— Никак нельзя, — отрезал Тупицин и важной походкой направился к выходу.

Несколько минут я стоял, пораженный этой метаморфозой, затем бросился за ним вдогонку.

— Здравствуйте! — сказал я. — Вы меня не узнаете?

Он наморщил лоб, пытаюсь вспомнить, и вдруг рассмеялся.

— Как же, помню! В этом зале, не правда ли?

— Конечно!

— Вы знаете,— сказал он, беря меня под руку,— в тот день я был близок к самоубийству.

— Очевидно, вы себя просто недооценивали. Болезненный самоанализ, ну, какие-нибудь неудачи, а отсюда и все остальное. Скажите, что же помогло вам найти место в жизни?

— Видите ли,— замялся он,— это не так легко объяснить. Я ведь вам говорил, что я тупица.

— Ну вот,— сказал я,— опять за старое! Лучше расскажите, чем вы тут занимаетесь.

— Я консультант по немыслимым предложениям.

— Что?! Никогда не слышал о такой должности. Разве логического анализа недостаточно, чтобы отсеивать подобные предложения?

— Достаточно. Но я как раз их придумываю.

— Для чего?

— Чтобы дать возможность ученым построить новую теорию. Вы ведь все находитесь в плену логики. Всегда во всем ищите преемственность, логическую связь с тем, что уже давно известно, а новые теории часто требуют именно отказа от старых представлений. Вот Леонтьев и посоветовал мне...

— Но как же вы это можете делать, будучи, простите за откровенность, профаном?

— Как раз поэтому мне часто удается натолкнуть ученого на новую гипотезу.

— Чепуха! — сказал я.— Форменная чепуха! Так можно гадать до скончания века. Я, правда, ученый-любитель, но проблема, которая меня интересует...

— А что это за проблема?

— Ну, как вам попроще рассказать? Мне хочется найти объяснение, почему антиматерия в доступном нам пространстве распределена не так, как обычная материя.

— А почему она должна быть так же распределена?

— Потому что признаки, которые ее отличают, ну, скажем, направление спина, знак заряда и другие, при образовании частиц могут появиться с такой же степенью вероятности, как и в привычном нам мире.

Он закрыл глаза, стараясь меня понять.

— Значит, вас интересует, почему антиматерия распределена не так, как обычная материя?

— Да.

— А почему так, вы знаете?

— Что так?

— Почему именно так распределена обычная материя?

Вопрос меня озадачил.

— Насколько мне известно,— ответил я,— еще никто...

— Не можете же вы знать, почему не так, когда не знаете, почему так.— Кажется, он безнадежно запутался в своем софизме.

— Нет,— ответил я, улыбаясь,— все это, может быть, и забавно, но вовсе...— на мгновение я запнулся,— вовсе не так уж глупо! Пожалуй, лучше всего мне работать в экспедиции!

Экзамен

Нужно было сдавать экзамен по английскому языку, и это приводило меня в смятение.

Я совершенно лишен способности к языкам. Особенно трудно дается мне заучивание слов. Впрочем, с правилами грамматики дело обстоит не лучше, особенно когда речь идет об исключениях, а их, как известно, в английском языке более чем достаточно.

День экзамена неуклонно приближался, и чем больше я зубрил, тем меньше оставалось в памяти.

Трудно перечислить все ухищрения, к которым я прибегал: то повторял задания непосредственно перед сном, то твердил их утром в постели. В конце концов я начал рифмовать английские слова с русскими, и дело немного продвинулось.

— Мы пойдем сегодня в лес?

— Иес.

— Или, может, все равно?

— Но.

— Так вставай же поскорей!

— Тудей.

К сожалению, дальнейшее развитие этого многообещающего метода ограничивалось моими поэтическими способностями.

Я уже потерял всякую надежду, когда случай свел меня с молодым аспирантом, занимающимся вопросами психологии обучения.

Достаточно было краткого разговора с ним, чтобы понять, как безрассудно я тратил драгоценное время перед экзаменом.

— Проблема, перед которой вы стали в тупик,— сказал он, глядя на меня сквозь очки с толстыми стеклами,—

не нова. Человеческая память не может считаться неограниченной. Это усугубляется еще тем, что мы чрезмерно перегружаем участки мозга, в которых концентрируются сознательно приобретенные понятия. Чем больше усложняются окружающие нас условия, чем обширнее становится объем необходимых нам знаний, тем труднее заучивается то, что не может быть вызвано из недр памяти при помощи ассоциаций. Я думаю, что чем дальше пойдут в своем развитии люди, тем труднее они будут усваивать понятия, требующие механического запоминания и не связанные с уже приобретенными понятиями.

Теперь моя неспособность к языкам получила теоретическое обоснование. Может быть, это меня и утешило бы, если бы не приближающийся экзамен.

— Что же все-таки делать, если необходимо заучивать слова?

— О! Для этого существуют неограниченные возможности! Я же говорил вам, что мы недостаточно рационально используем наш мозг. Человек совершенно не пользуется при обучении подсознательными разделами своей памяти. Знаете ли вы, что за несколько минут внушения в состоянии гипноза можно усвоить на всю жизнь в десятки раз больше знаний, чем за многие часы самой яростной зубрежки?

— Я об этом слышал, но, насколько мне известно, еще нигде не функционируют гипнотические курсы иностранных языков. Я не могу ждать, пока они появятся у нас в городе. У меня через две недели экзамен!

— Этого и не требуется. Такие курсы вы можете организовать у себя на дому. Больше того: вам не придется тратить время на заучивание слов и грамматических правил. Все это будет происходить помимо вашей воли во сне.

— Как во сне?

— Очень просто. Состояния сна и гипноза сходны. В обоих случаях мы имеем дело с разлитым торможением в коре головного мозга. Запишите то, что вам нужно запомнить, на ленту магнитофона. При помощи нехитрого устройства, подключаемого к будильнику, пусть ночью магнитофон включается на десять, пятнадцать минут. Этого достаточно, чтобы выучить все, что угодно. Наилучшее время для запоминания — от трех до четырех часов утра, когда мозг достаточно отдохнул.

Признаться, я был поражен. Просто удивительно, как такая простая идея не пришла мне раньше в голову.

— Ладно, ладно,— прервал он мои излияния,— благодарить будете потом. Кстати, лучше всего, если то, что вам нужно запомнить, будет записано на магнитофоне с вашего голоса. Самовнушение, как выяснилось, наиболее эффективно при использовании этого метода.

Покупка магнитофона не была предусмотрена нашим бюджетом, но нужно отдать справедливость жене, она проявила полное понимание срочной необходимости этого приобретения.

На изготовление контактного устройства к будильнику ушло два дня.

Наконец настал долгожданный вечер, когда я лег в постель, поставив магнитофон на стул, придвинутый к изголовью.

Полный надежд, я долго не мог уснуть.

Проснулся я от ощущения, похожего на удар по затылку. Сначала мне показалось, что в комнату ворвалось стадо быков. Пытаясь понять, откуда идет этот дикий рев, я повернул выключатель и увидел бледное лицо жены, сидевшей в кровати.

«Кровать — э бед, стол — э тэбл, карандаш — э пэнсл» надрывался чей-то противный голос в магнитофоне.

Я рассмеялся, вспомнив, что забыл вечером отрегулировать громкость.

Первый опыт прошел неудачно, и до самого утра я не мог заснуть.

На следующий день мы с женой подобрали тембр и силу звука и опытным путем определили расстояние от кровати до магнитофона, необходимое для внушения без перерыва сна.

Было немногим больше двух часов ночи, когда я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

— Я не могу спать,— сказала плачущим голосом жена,— все время жду, что он заговорит!

Кое-как я ее успокоил, но оба мы лежали без сна, прислушиваясь к тиканью будильника. Опыт снова не удался.

Я не хочу перечислять все события последующих ночей.

На четвертый день жена переехала жить к матери. Я утешал себя мыслью, что все это временно и моя семейная жизнь снова наладится после экзамена.

Однако самое неприятное было впереди.

Не проходило ни одной ночи без того, чтобы я не проснулся за пять минут до включения магнитофона. Я хитрил сам с собой, меняя время срабатывания контактов, но ничего не помогало.

Тогда я прибег к люминалу. Приемы снотворного на ночь помогли, но не очень. Теперь я просыпался при первых звуках своего голоса.

Нужно было что-то предпринимать, и я отправился к очкастому аспиранту.

Оказалось, что я зря не пришел к нему сразу. Волновавшие меня проблемы давным-давно решены наукой.

— Привычка спать в любых условиях,— сказал, посмеиваясь, аспирант,— может быть выработана искусственно, как и любой другой условный рефлекс. Вы не спите, потому что ваш мозг возбужден ожиданием включения магнитофона. Попробуйте выработать на него положительный рефлекс. Не засыпайте до тех пор, пока не почувствуете непреодолимую тягу ко сну. После этого ложитесь, включив магнитофон. Через несколько дней у вас образуется прочная временная связь, и после этого можете спокойно приступать к обучению.

Он был совершенно прав. Уже через три дня я преспокойно спал при включенном магнитофоне.

До экзамена оставалось совсем немного времени, но я почувствовал, что уроки идут мне на пользу. Мой лексикон непрерывно пополнялся.

Наконец настал решающий день. Нужно сказать, что я предстал перед экзаменаторами во всеоружии.

Я пробежал глазами предложенный мне текст и совершенно спокойно ожидал, пока мой товарищ закончит чтение технической статьи. Приобретенные подсознательные знания языка помогали мне обнаруживать неправильности в его произношении, которых я бы уже не допустил.

К сожалению, я не сдал экзамена.

Это был единственный случай в практике экзаменаторов, когда студент заснул у них на глазах.

Больше того: мне пришлось бросить изучение англий-

ского языка и заняться французским, потому что звуки английской речи каждый раз меня усыпляют.

Я снова перешел на старый метод:

— Кто принес вам монпансье?

— Месье.

— Разрешите поцелуй?

— Уй.

Однако дело продвигается очень медленно, значительно медленнее, чем хотелось бы.

Умоляю: если кто-нибудь знаком с каким-либо новым способом изучения языков, напишите мне!

Проделки Амура

Как часто приходится слышать фразу: «О, если бы мне было дано прожить жизнь заново!» Попробуем откинуть ее эмоциональную составляющую (для чего, как известно, нужно только убрать восклицательный знак) и разобраться во всем этом с позиций чистого разума.

О какой жизни, собственно говоря, идет речь?

Природа значительно милостивей, чем кажется с первого взгляда. Она дает нам возможность прожить, по крайней мере, четыре жизни. Беспомощное детство, безрассудная юность, осторожная пора возмужания и, наконец, чванливая старость. До чего же мало эти периоды походят друг на друга!

Поскольку внутренний мир человека с его надеждами, сомнениями и разочарованиями по давно установленным правилам игры подлежит юрисдикции художественной литературы, очевидно, в ней и нужно искать разгадку поставленного вопроса.

Для этого достаточно обратиться к таким капитальным трудам, как «Фауст» Иоганна Вольфганга Гёте и «Возвращенная молодость» Михаила Зощенко. В них можно проследить неуклонное стремление человека сочетать в себе сомнительный опыт старца с тем возрастом, который характеризуется наиболее интенсивной гормональной деятельностью организма.

Говоря об опыте стариков, я не зря употребил эпитет «сомнительный». По существу, всякий опыт носит отрицательный характер. Он сводится к тому, что «в одна тысяча девятьсот таком-то году что-то похожее пробовали, и ничего не получилось». Вообще, если челове-

ский опыт имел бы действительно позитивный характер, то наверняка бы род людской больше отличался от наших сородичей-приматов.

Что же касается опыта, свойственного именно старости, то разве размышления ослепшего Фауста не сводятся к той же формуле:

«Любовь? Не знаю. В одна тысяча таком-то году заново пробовал. Ничего хорошего не получилось».

Теперь, внеся ясность в некоторые исходные положения, можно приступить непосредственно к повествованию.

Казалось, ничто не предвещало полосу осенних любовных штормов в душе Филимона Орестовича Полосухина. Жил он тихой, размеренной жизнью пенсионера, отдавая избыток энергии благородному делу постановки голосов у канареек. На семейную жизнь не жаловался, хотя и было одно обстоятельство, несколько омрачавшее супружеское согласие. Дело в том, что жена его, Варвара Степановна, не любила птиц в доме. Впрочем, к открытым конфликтам это не приводило. Существовало молчаливое соглашение, по которому Филимон Орестович проводил уроки со своими питомцами, когда она уходила за покупками. Кроме того, всеми санитарно-гигиеническими мероприятиями по поддержанию порядка в клетках и закупкой кормов занимался он сам.

Так они и жили, пока однажды Варвара Степановна не покинула на три дня семейный очаг, чтобы погостить у подруги, жившей за городом.

На эти три дня Филимону Орестовичу было заготовлено пропитание и даны подробнейшие инструкции по ведению хозяйства. В числе всевозможных поручений была и уплата за квартиру.

В первый день своего соломенного вдовства Филимон Орестович проснулся позже обычного. Он сварил кофе, прибрал в клетках и начал думать, как же лучше использовать неожиданно свалившуюся свободу.

Стояла прекрасная осенняя погода, и он решил пойти в сберкасса — выполнить оставленное ему поручение, а затем отправиться погулять в парк.

Как водится в таких случаях, Лукавый подстерегал его уже в нескольких шагах от дома. На этот раз он принял облик обольстительной красотки в дезабилье, призывно взглянувшей с рекламного плаката кинотеатра. Очарованный этим взглядом, Филимон Орестович решил

отложить поход в сберкасса и купил билет на ближайший сеанс.

Тонкий знаток человеческой натуры, вероятно, отметил бы странное состояние душевного томления, с каким наш герой покинул зрительный зал. Это состояние походило на инкубационный период тяжелой и опасной болезни. Коварный вирус вспыхнувших неудовлетворенных желаний уже делал свое дело, грозя в будущем вызвать настоящий любовный жар. Внешне же это пока проявлялось лишь в повышенной рассеянности, с какой Филимон Орестович взирал на окружающий мир.

Может быть, иммунно-биологические силы организма и победили бы в борьбе с этим вирусом, если бы прочие обстоятельства не сплелись в единый дьявольский клубок.

Во-первых, сберкасса оказалась закрытой на обед, во-вторых, Филимон Орестович решил переждать в кафе, пока она откроется, а в-третьих... Впрочем, давайте уж все по порядку, без излишней торопливости.

Заказывая у стойки мороженое, Филимон Орестович обратил внимание на бутылку с надписью на этикетке, исполненной готическим шрифтом.

— Либ... фрау... милх,— с трудом прочел он надпись.— Что это такое?

— Немецкое полусладкое. Молоко любимой женщины,— улыбнулась продавщица.— Налить?

— Налейте стаканчик,— сказал заинтригованный Филимон Орестович.

Вино оказалось на редкость приятным, Филимон Орестович решил повторить.

Выйдя из кафе, он почувствовал удивительный прилив сил. Тротуары были полны прогуливающейся молодежи, сплошь симпатичной и благожелательно настроенной. Солнце грело совсем по-летнему, под ногами приятно шуршали опавшие листья, откуда-то из распахнутого окна неслась сладчайшая мелодия. Словом, только тупой, мрачный меланхолик мог в такой день торчать в очереди у окошка инкассаторского пункта.

Филимон Орестович сдвинул набок шляпу и, подкрутив усы, направился походкой фланера куда глаза глядят.

На перекрестке молоденькая продавщица протянула ему букетик:

— Купите вашей девушке.

Филимон Орестович усмехнулся. «Вашей девушке».

Заметьте, она не сказала «вашей жене». «Вашей девушке»! Растроганный, он сунул продавщице три рубля и небрежно махнул рукой: мол, сдачи не надо, что за пустяки!

Правда, букет несколько стеснял свободу движений и Филимон Орестович бросил его в урну перед тем, как купить пачку сигарет. Он с наслаждением закурил. Почувствовав при этом легкое головокружение, он подумал, что все врачи шарлатаны и обманщики. Сами небось курят, а другим не велят. Вот десять лет не курил, а теперь от первой затяжки закружилась голова. Нет, дудки! Больше его на эту удочку не поймают. Отныне он опять будет курить, потому что это полезно. Излечивает от ожирения. А то вон какой живот стал. Вообще нужно больше обращать внимания на свою внешность. Утренняя зарядка и десяток сигарет в день — любой станет стройным, как тополь.

Рассуждая все в таком духе, Филимон Орестович незаметно дошел до зоологического магазина. Он хотел было прицениться к канарейкам, но тут его осенила новая идея. На витрине в проволочной клетке сидели два восхитительных попугайчика. Филимон Орестович подумал, как здорово было бы научить их разговаривать по-немецки. «Либфраумильх» и еще что-нибудь вроде «гутен морген». Вот Варвара Степановна удивится! Будет хвастать всем знакомым: мол, у нас даже птицы по-немецки говорят. «Либфраумильх», молоко любимой женщины. Даже в цирке можно показывать.

Сказано — сделано! Через пять минут Филимон Орестович вышел из магазина, бережно неся проволочную клетку. Тут, подводя итог расходам, он убедился, что сегодня идти в сберкассу уже совсем нет смысла, благо послезавтра пенсия, можно возместить растрату, а начавшийся так великолепно день следует достойно завершить.

Закупив в «Гастрономе» всякой снеди, главным образом того, в чем он себе долгое время был вынужден отказывать по причине больной печени, и решив, что вечерний чай с успехом заменяется напитком более калорийным, Филимон Орестович отправился домой в твердом намерении сегодня же добиться решающих успехов в обучении попугаев иностранным языкам.

Однако то ли вследствие перемены местожительства, то ли по другой причине попугаи не проявили в этот день

никаких талантов. Они сидели нахохлившись на своих жердочках, демонстративно отказываясь не только говорить, но даже принимать пищу.

Вскоре Филимон Орестович махнул на них рукой и решил подкрепиться.

Он аппетитнейшим образом разложил на тарелках свои припасы и, отхлебывая живительную влагу из фамильного хрустального бокала — гордости Варвары Степановны, — погрузился в чтение «Литературной газеты».

В ту пору велась оживленная дискуссия о допустимости в нашем обществе привлечения электронных машин в качестве свахи. Высказывались социологи, экономисты, врачи-сексологи, разведенные супруги, девушки, мечтающие об идеальном муже, восторженные старцы и юные скептики. Оказалось, что эта проблема интересует всех.

Филимон Орестович, всегда придерживавшийся взглядов передовых и радикальных, был ярким сторонником организации Центрального бюро браков. Он даже написал пространное и тщательно аргументированное письмо в редакцию, но напечатано оно не было.

Каково же было его удивление, когда, развернув газету, он увидел, что проблема вышла уже из области споров и вычислительный центр в опытном порядке предлагает всем желающим воспользоваться его машинами для подыскания пары в браке.

Филимон Орестович закурил и задумался. В самом деле. Ведь все в браке случайно. Взять хотя бы его с Варварой Степановной. Познакомились они в госпитале. Он лежал там раненый, а она работала медсестрой. Потом его демобилизовали по инвалидности, и они стали жить вместе. Даже в загс не пошли, настолько это казалось естественным и обыденным. А ведь в тот день, под Гатчиной, могло ранить осколком не его, а кого-нибудь другого, и этот другой лежал бы в госпитале и, может, женился бы на Варваре, а тем временем и у него самого появилась бы другая подруга жизни. Возможно, она бы даже больше соответствовала его жизненным идеалам.

Он закрыл глаза и попытался представить себе этот идеал. Получилось совсем неплохо. Длинноногая голубоглазая блондинка, очень смахивающая на ту киноартистку в соблазнительном дезабилье. С внешними данными все обстояло благополучно. Ну, а характер? Тут тоже особых сомнений не возникало. Добрая, заботливая, покладистая, нежная. Черт возьми! Вот так где-нибудь хо-

дит этот идеал, и никогда не придется с ним встретиться. Может быть, она даже сидела сегодня рядом с ним в кино?

У Филимона Орестовича мелькнула озорная мысль. Просто так, для интереса, обратиться в Вычислительный центр, сказавшись холостяком. Они подберут кандидату, а он просто посмотрит на свою суженую. Можно даже выпросить фотографию, чтобы подшучивать над Варварой Степановной. Вот, мол, какой козырь, из-за тебя упустил!

Однако тут его размышления были прерваны неожиданным появлением самой Варвары Степановны. Она примчалась в город раньше срока, так как забыла оставить Филимону Орестовичу желчегонные таблетки и очень боялась, чтобы у него не случился приступ печени.

Ее взгляд мигом охватил всю ситуацию. И сигарету во рту, и наполовину опорожненную бутылку, и строжайше запрещенные консервы в томате, и твердокопченую колбасу, и двух попугаев.

Со сноровкой опытного следопыта она начала допрос. Не прошло и нескольких минут, как все художества Филимона Орестовича были вскрыты и квалифицированы.

Обычно безгласный в семейных передрягах Филимон Орестович, видимо, под влиянием волшебного зелья проявил на этот раз удивительную строптивость, решительно отказавшись признать себя виновным, что еще больше разгневало его половину.

Семейные ссоры подобны спонтанно протекающей химической реакции. Они длятся, пока концентрация реагентов в виде давних затаенных обид не уменьшится до естественной остановки реакции. Чем выше их начальное содержание, тем больше конечного продукта — упреков, сожалений о загубленной жизни и внезапно открывшихся горьких истин.

Может быть, прояви Филимон Орестович больше смирения, все кончилось бы как обычно. Но в этот день он, видимо, и впрямь всосал безумие с «молоком любимой женщины».

Обозвав Варвару Степановну мымрой и присовокупив к сему эпитет такого рода, что в произведении изящной словесности его и привести-то совестно, он хлопнул дверью и выбежал на улицу охладить воспаленную голову.

Как в тумане бродил он по городу, полному соблазнов, проклиная себя за то, что так неразумно связал свою жизнь со сварливой старой женщиной.

Все же, поостыв немного, он решил пойти домой, надеясь, что все недоразумения этого дня уладятся сами собой.

Увы! Надеждам его не суждено было сбыться. Вернувшись в свою квартиру, он обнаружил, что семейные отношения прерваны весьма основательно при помощи двух платяных шкафов и ситцевой занавески. В шкафу, дверцы которого открывались непосредственно в новую экологическую нишу Филимона Орестовича, лежали его личные вещи и аккуратная стопка постельного белья, выделенная при разделе имущества. Холостяцким ложем отныне должен был ему служить узкий диванчик, использовавшийся раньше для приема гостей. У окна стояли клетки с птицами.

Филимон Орестович заглянул на кухню. Его бывшая жена мыла там окно — верный признак бушующего в ней негодования, хорошо известный по прежним ссорам.

Поразмыслив, Филимон Орестович решил вести себя так, словно ничего не случилось.

— Слушай, Варенька,— сказал он примирительным тоном.— Я тут оставил «Литературку». Ты ее куда прибрала?

— Вытерла стекло.

— Гм... Ну, допустим,— на этот раз Филимон Орестович был воплощением кротости и всепрощения.— А поесть у нас не найдется? Я, знаешь ли, как-то проголодался.

Варвара Степановна молча указала на холодильник. У Филимона Орестовича было мелькнула надежда, что все уже обошлось. Не тут-то было! Он открыл дверцы и сразу убедился, что принцип «твое — мое» восторжествовал и здесь. В отведенной ему половине красовалась початая бутылка вина и остатки сегодняшнего пиршества, тогда как вожаделенный сейчас кефир находился на вражеской территории.

— Забирай свою жратву и выметайся,— сказала Варвара Степановна.— Мне еще нужно тут полы мыть.

Оскорбленный в самых лучших чувствах, Филимон Орестович отправился к себе, не поужинав.

Спал он из рук вон плохо. От гастрономических излишеств у него и в самом деле приключился приступ пе-

чени. Диван был жесткий и неудобный, простыня все время сползала. Но больше всего терзало уязвленное самолюбие. Как это его, отдавшего лучшие годы жизни этой женщине, вышвырнули, как паршивого пса. Подумаешь, цаца, медицинская сестра на пенсии. Не такие еще бегают в поисках мужей. Красавицы и молодые. Не зря пишут, что женщин больше, чем мужчин. Так, постепенно распаляясь от собственных мыслей, к утру Филимон Орестович принял решение. К черту Варвару Степановну. Сегодня же он отправится в Вычислительный центр искать новую подругу жизни.

Вот таким образом в результате коварного хитросплетения случайных обстоятельств тщательно выбритый Филимон Орестович, в блеске нейлоновой рубашки, украшенной лучшим из галстуков, оказался на пороге Бюро консультаций Электронно-вычислительного центра.

Вопреки его предположениям это учреждение мало походило на Дворец бракосочетаний. Там не было ни мраморных колонн, ни лепных карнизов, ни оксидированных под золото светильников, ни синтетического ковра, на который разрешается ступать только новобрачным, ни буфета с шампанским и реликтовыми шоколадными конфетами. Помещалось оно в первом этаже точечного дома, рядом с пунктом приема белья в стирку.

Филимон Орестович с волнением распахнул дверь и сразу оказался перед столом, за которым юная красавица в вельветовой брючной паре изучала толстый потрепанный фолиант. На появление Филимона Орестовича она никак не реагировала. Он кашлянул, но и это не произвело на служительницу Гименея никакого впечатления. Тут он подошел ближе. Девушка перевернула страницу. При этом Филимон Орестович, скосив глаза, смог прочитать: ФИЗИОЛОГИЯ БРАКА. Видимо, работа Бюро была построена действительно на солидной научной базе.

— Простите...— сказал он.

Девушка с неудовольствием оторвалась от цветного рисунка на вкладном листе и подняла на Филимона Орестовича глаза цвета полированного агата. Пораженный ее красотой, он было подумал, что при наличии таких служащих вряд ли есть необходимость загружать электронные машины. Однако здравый смысл подсказал ему тут же, что едва ли брак со столь солидной разницей в возрасте может быть действительно счастливым.

— Слушаю,— сказала она.

Филимон Орестович смутился.

— Вот я...— пробормотал он, запинаясь,— пришел... в общем... ищу жену.

— Кому? — спросила девушка.

— Как кому? — опешил он.— Себе, конечно! Или вы считаете меня слишком старым? — добавил он, осмелев.

Она оглядела его с головы до ног.

— Отчего же? Бывает.— В ее голосе сквозило обидное равнодушие, неприятно кольнувшее Филимона Орестовича. Нет, безусловно, такая девчонка в жены не годится. Женщина должна созреть для брака.

Девушка вынула из ящика квитанционную книжку.

— Стоимость консультации с одной рекомендацией — двадцать пять рублей. За каждую последующую рекомендацию — пять рублей. Платить будете? — выпалила она профессиональной скороговоркой.

Подобный расход никак не предусматривался Филимоном Орестовичем. Однако в тоне, каким задан был вопрос, чувствовалось столько пренебрежительного сомнения в серьезности намерений клиента, что Филимон Орестович вздохнул и вынул бумажник. После вчерашних похождения в нем оказалось всего десять рублей.

— Вот,— сказал он, краснея, как юноша.— Остальные, если можно, я занесу завтра.

— Нельзя,— она подтолкнула перламутровым ногтем десятирублевку обратно.— Завтра и заплатите. А пока возьмите анкету.

— Спасибо! — Филимон Орестович взял пачку листов и, не зная, куда девать глаза, повернулся к двери.— Всего хорошего!

— До свиданья! — насмешливо ответила девушка, вновь погружаясь в изучение тайнств брака.

Заполнение анкеты оказалось делом кропотливым и неприятным. Ушло три дня на то, чтобы ответить на все 100 вопросов. Многие из них казались Филимону Орестовичу просто бестактными. Они извлекали на всеобщее рассмотрение подробности насчет потаенных желаний, склонностей и привычек, которые обычно составляют интимную сферу каждого человека.

Ставили в тупик и такие вопросы:

«Как вы оцениваете свою привлекательность для лиц противоположного пола: сильная, средняя, слабая? Нужно подчеркнуть».

Поначалу Филимон Орестович невольно преувеличивал свои достоинства, но потом решил, что это ни к чему. Пусть принимают его таким, как есть.

Больше всего смущало отсутствие вопросов, на основании которых машина могла бы судить о его идеале. Все они почему-то относились к нему самому. Только последний пункт вопрошал:

«Что вы больше всего цените в партнере по браку: красоте, ум, талант, доброту, темперамент? Нужно подчеркнуть».

Пропотев над ответом больше часа, Филимон Орестович дипломатично написал: «Женщину в полном смысле этого слова». Да, пожалуй, именно такой была героиня в том фильме, с которого все и началось. Прообраз современной Евы.

Наконец труд был закончен, и Филимон Орестович вновь отправился в Бюро консультаций.

Сдав анкету и получив квитанцию о том, что все хлопоты Купидона оплачены авансом, он поинтересовался, долго ли придется ждать.

Девушка пожала плечами.

— Трудно сказать. Это зависит от количества заказов. У нас все наоборот,— она улыбнулась,— чем больше заказов, тем скорее. Ждите, вас известят.

Ждите! Ждать всегда неприятно, а в таком деле особенно, если к тому же принять во внимание, что дома у тебя все вверх дном.

Варвара Степановна устроилась работать, и Филимон Орестович целые дни без толку слонялся один в своем закуте. Питался он в столовой, отчего все чаще побаливала печень. Кроме того, почему-то стало не хватать денег. Раньше такая проблема не возникала. Они вполне сносно жили на пенсии, даже что-то удавалось отложить на летний отдых. Теперь же, когда в его руках была большая часть их прежнего бюджета, он постоянно испытывал нужду в деньгах. Единственное, что его подбадривало,— это надежда, что все уладится с женитьбой. Он переедет к жене, и заживут они в покое, согласии и достатке.

Между тем время шло, а обещанного извещения не было.

Филимон Орестович несколько раз ходил справляться по этому поводу, но безрезультатно. Теперь вместо бывлой красавицы, устроившей, видимо, свою судьбу без

вмешательства электронной техники, там сидел грубоватый юноша в очках. В довольно резкой форме он попросил Филимона Орестовича не шлаться сюда каждую неделю, не мешать людям работать, а спокойно ожидать дома, поскольку тщательный подбор супруги в интересах самого же Филимона Орестовича. Раз нет извещения, значит, не появилась достойная кандидатка. Все дело в том, что еще мало народа обращается за помощью.

С горя Филимон Орестович стал захаживать в то самое кафе, отчего его бюджет стал еще более напряженным, а характер и вовсе утратил бывшее добродушие. По ночам мучили кошмары. То он в образе Фавна оказывался в хороводе прелестных нимф, насмехающихся над пунктом девятым его анкеты («Считаете ли вы себя способным составить пару женщине, мужчине с нормальными задатками, да, нет? Нужно подчеркнуть»), то безрезультатно преодолевал множество препятствий, пытаюсь достигнуть белокурую прелестницу, то электронное чудовище, подмигивая красным глазом, предлагало ему в жены корову.

Птиц он совсем забросил. Попугаи сдохли, а канареек пришлось срочно продать на рынке, так как они заразились от своих тропических собратьев черной меланхолией и петь больше не хотели.

Нужно сказать, что не раз, просыпаясь по ночам, Филимон Орестович обдумывал планы капитуляции. Порою ему нестерпимо хотелось броситься на колени и вымолить прощение у Варвары Степановны. Однако он самым решительным образом гнал эти малодушные мысли. Пойти на мировую значило навсегда распрощаться со своим идеалом и разменять ожидавшее его счастье на серые будни.

И вот однажды, когда, казалось, уже всякая надежда была потеряна, он обнаружил в почтовом ящике адресованный ему конверт со штампом Вычислительного центра. По краям конверт был окаймлен гирляндами красных роз, а в левом углу, над электронной схемой, парил Амур, изготовившийся к стрельбе по живым целям.

Сомнений быть не могло. Наконец-то Филимон Орестович держал в своих руках судьбу!

С пылом юноши, срывающего маску прекрасной незнакомки, он единым махом вскрыл конверт и прочел заветное имя:

Варвара Степановна Орешкова.

Далее следовали адрес и телефон, столь известные Филимону Орестовичу.

Говорят, что в момент сильных потрясений перед человеком проносится вся его жизнь. Ну, если не вся, то хотя бы важнейшие ее этапы.

Так и сейчас, закрыв глаза, Филимон Орестович за короткое время вспомнил прошедшие тридцать лет. По сравнению с его нынешним состоянием они казались годами настоящего счастья, которое он так неразумно упустил, предавшись несбыточным иллюзиям.

Он радостно улыбнулся и направился в кухню, откуда доносились сладостные его уху звуки переставляемой посуды...

Если бы автор задался целью написать новогодний рассказ, то лучшего конца и придумать нельзя. Вновь соединенные супруги под звон курантов поднимают бокалы в честь электронного Деда Мороза.

Однако, как утверждают философы, жизнь — очень сложная штука. Пусть они даже немного преувеличивают, но, во всяком случае, она сложнее примитивных сюжетных схем. Что же касается гибрида Амура с компьютером, то даже воображение фантаста не всегда может предугадать, на какие пакости этот ублюдок способен. Итак, терпение, читатель!

...С радостной улыбкой вошел Филимон Орестович в кухню. Он тут же заметил на столе точно такой же конверт.

— Ну, чего тебе? — спросила Варвара Степановна.

— Значит, ты тоже?.. — Филимон Орестович указал на конверт.

— А ты как думал?! Что ж я, по-твоему, одна и помирать буду?

— Эх, старуха, старуха! — вздохнул Филимон Орестович. — Много мы с тобой глупостей понаделали. Ну, теперь все! Завтра идем в загс.

— Ишь, какой пряткий! — усмехнулась она. — Я своего еще и не видела.

— Так посмотри! — Филимон Орестович петухом прошелся по кухне.

— Ты что, обалдел?!

— Обалдеешь тут! — Он засмеялся и, взяв со стола конверт, извлек оттуда извещение. Тут же смех комом застрял у него в горле. На плотной бумаге с водяными зна-

ками заказчица торжественно извещалась, что лучшего мужа, чем некий Аврелий Маркович Октовианов, проживающий в поселке Ручьи, улица такая-то, собственный дом, ей не сыскать.

Удивительное создание человек! В этой новой ситуации Филимона Орестовича почему-то больше всего возмутили именно Ручьи.

— Ручьи! — захохотал он. — Нет, вы только подумайте, Ручьи! Собственный дом!

Усы у него брезгливо топорщились, как у кота, нюхнувшего нашатырного спирта, глаза сверкали дьявольским пламенем, нос заострился и выгнулся дугой.

— Ручьи! Ха-ха-ха! Ручьи!!! Что ж, не смею препятствовать!

Отвесив насмешливый поклон, он с достоинством Каменного гостя направился к себе за шкафы.

Я не мастак описывать сложные душевные переживания. Сопутствующие им мысли настолько сумбурны, что изложить их хоть в какой-то логической последовательности очень трудно. Да и ни к чему это. Важно, что теперь Филимон Орестович готов был один на один биться за свою поруганную честь со всеми электронными своднями на свете. Что же касается гнусного соблазнителя из поселка Ручьи, то хороший удар шпагой... Впрочем, чушь, какие теперь шпаги? Правда, есть еще кулачная расправа, но и эта мысль тоже была откинута. Возраст не тот, да и сердце пошаливает. Оставалось одно: протестовать, протестовать!

Протест — одна из самых хилых форм борьбы. Ниже его в табели о рангах стоит только кукиш в кармане. Кроме того, попробуй протестовать, когда перед тобой — равнодушный очкарик, впившийся молодыми зубами в яблоко.

— Вот полюбуйтеся! — Филимон Орестович швырнул на стол извещение. — И зачем вас только тут держат?!

— Что, не подходит? — спросил очкарик, чавкая при этом самым омерзительным образом.

— Подходит! — дрожащим от негодования голосом произнес Филимон Орестович. — Очень подходит, только я ей не подхожу. По вашему мнению, не подхожу. Это вы ей какого-то Аврелия подсунули!

— Что ж, бывает, — усмехнулся тот. — Тут уж, как говорится, ничего не попишешь. Вам она подходит, а вы ей нет, ситуация вполне жизненная. Платить будете? — Он

вытащил из стола квитанционную книжку.— За повторную рекомендацию пять рублей.

— Как?! — выпучил глаза Филимон Орестович.— И вы еще имеете наглость мне предлагать?! Вы!.. вы!..— Тут он изрек нечто столь нецензурное, что даже издававший всякое очкарик поперхнулся яблоком и долго еще после того, как за посетителем захлопнулась дверь, сокрушенно качал головой.

Тут наша легенда об электронном Фаусте подходит к концу. Тривиальному и грустному. Можно было бы написать еще много страниц о том, как Филимон Орестович боролся за свое счастье с домовладельцем из поселка Ручьи и как был счастлив, когда наконец насладился победой. Все произошло именно так. Однако пыл страстей, вовсе несвойственный его возрасту, окончательно подорвал здоровье престарелого молодожена, и результатом всей этой истории явилась скромная гипсовая раковина на одном из кладбищ — неопровержимое свидетельство того, что извечное противоречие между стремлениями человека и отпущенными ему возможностями окончательно улажено природой.

Возможно, что автором где-то был допущен просчет, когда он брался за эту тему.

Может быть, человечество еще не готово передать свои сердечные дела полупроводниковым схемам и запоминающим устройствам, или, наоборот, алгоритмы решения задач, связанных с удовлетворением высоких порывов души, еще недостаточно отработаны. А может, и впрямь браки заключаются на небесах? Право, не знаю.

Молекулярное кафе

Указатель Электронного Калькулятора Мишкиного поведения целую неделю стоял на отметке «отлично», и мы решили отпраздновать это событие.

Люля предложила пойти на концерт Внушаемых Ощущений, я сказал, что можно посетить Музей Запахов Алкогольных Напитков, а Мишка потребовал, чтобы мы отправились в Молекулярное кафе.

Конечно, мы поехали в кафе, потому что ведь это Мишка вел себя хорошо и было бы несправедливо лишать его права выбора.

Мы быстро домчались туда в мыслежете. По дороге нас только раз тряхнуло, когда я подумал, что хорошо бы заскочить на минутку в музей. К счастью, этого никто не заметил.

В кафе мы направились к красному столику, но Люля сказала, что ей больше нравится еда, синтезированная из светлой нефти, чем из темной.

Я напомнил ей, что в газетах писали, будто они совершенно равноценны.

Люля ответила, что, может быть, это и прихоть, но когда делаешь что-нибудь для своего удовольствия, то почему не считаться и с прихотями?

Мы не стали с ней спорить, потому что мы очень любим нашу Люлю и нам хотелось, чтобы она получила как можно больше удовольствия от посещения кафе.

Когда мы уселись за белый столик, на экране телевизора появилось изображение робота в белой шапочке и белом халате. Улыбающийся робот объяснил нам, что в Кафе Молекулярного Синтеза имеется триста шестьдесят блюд. Для того чтобы получить выбранное блюдо, необходимо набрать его номер на диске автомата, и оно будет

синтезировано прямо у нас в тарелках. Еще-он сказал, что если мы хотим чего-нибудь, чего нет в меню, то нужно надеть на голову антенну и представить себе это блюдо. Тогда автомат выполнит заказ.

Я посмотрел на Мишку и понял, что мы хотим только того, чего нет в меню.

Люля заказала себе тарелку оладий, а я псевдобифштекс. Он был румяный и очень аппетитный на вид, и Люля сказала, что ей не съесть столько оладий и пусть я возьму у нее половину. Так мы и сделали, а я ей отдал половину бифштекса.

Пока мы этим занимались, Мишка уныло ковырял вилкой в изобретенном им блюде, состоящем из соленых огурцов, селедки, взбитых сливок и малинового джема, пытаюсь понять, почему иногда сочетание самого лучшего бывает такой гадостью.

Я сжалился над ним и поставил его тарелку в деструктор, а Люля сказала ему, что, когда придумываешь какую-нибудь еду, нужно больше сосредоточиваться.

Тогда Мишка начал синтезировать пирожное, похожее на космический корабль, а я тем временем пытался представить себе, какой вкус имел бы приготавливающийся для меня напиток, если бы в него добавить капельку коньяку. Мне это почти удалось, но вдруг зажегся красный сигнал, и появившийся на экране робот сказал, что у них в кафе таких вещей делать нельзя.

Люля погладила мне руку и сказала, что я бедненький и что из кафе она с Мишкой поедет домой, а я могу поехать в музей. Люля всегда заботится о других больше, чем о себе. Я ведь знал, что ей хочется на концерт Ощущений, и сказал, что я поеду с Мишкой домой, а она пусть едет на концерт. Тогда она сказала, что лучше всего, если бы мы все отправились домой и провели вечер в спокойной обстановке.

Мне захотелось сделать ей приятное, и я придумал для нее плод, напоминающий формой апельсин, вкусом мороженое, а запахом ее любимые духи. Она улыбнулась и храбро откусила большой кусок.

Мне всегда нравится, когда Люля улыбается, потому что я тогда люблю ее еще больше.

Когда мы садились в мыслелет, чтобы ехать домой, Люля сказала, что эти старинные Молекулярные кафе — очень милая вещь, и еда в них гораздо вкуснее той, которая синтезируется у нас дома с центральной станции.

Я подумал, что это, наверное, оттого, что при синтезе еды по проводам в нее лезут разные помехи.

А вечером вдруг Люля расплакалась. Она сказала, что синтетическая пища — это гадость, что она ненавидит кибернетику и хочет жить на лоне природы, ходить пешком, доить козу и пить настоящее молоко с вкусным ржаным хлебом. И еще она сказала, что Внушаемые Ощущения — это пародия на человеческие чувства.

Мишка тоже разревелся и заявил, что Калькулятор Поведения — подлая выдумка, что живший в древности мальчик по имени Том Сойер прекрасно обходился без Калькулятора. Потом он сказал, что записался в кружок электроники только затем, чтобы научиться обманывать Калькулятор, и что если это ему не удастся, то он смастерит рогатку и расстреляет из нее дурацкий автомат.

Я успокаивал их как мог, хотя тоже подумал, что, может быть, Музей Запахов не такое уж замечательное изобретение, и еще насчет псевдобифштексов. В общем, вероятно, мы все просто утомились, заказывая себе пищу.

Потом мы легли спать.

Ночью мне снилось, что я вступил в единоборство с медведем и что мы все сидели у костра и ели вкусное медвежье мясо, пахнущее кровью и дымом.

Мишка засовывал в рот огромные куски, а Люля улыбалась мне своей чудесной, немного смущенной улыбкой.

Трудно представить себе, как я был счастлив во сне, потому что, не помню, говорил ли я об этом, я очень люблю Люлю и Мишку.

Контактов не будет

Побег

— Раз, два, взяли! Раз, два, взяли!
Нехитрое приспособление — доска, две веревки, и вот уже тяжелая глыба породы погружена в тележку.

— Пошел!

Груз не больше обычного, но маленький человечек в полосатой одежде, навалившийся грудью на перекладину тележки, не может сдвинуть ее с места.

— Пошел!

Один из арестантов пытается помочь плечом. Поздно! Подходит надсмотрщик.

— Что случилось?

— Ничего.

— Давай, пошел!

Человечек снова пытается рывком сдвинуть груз. Тщетно. От непосильного напряжения у него начинается кашель. Он прикрывает рот рукой.

Надсмотрщик молча ждет, пока пройдет приступ.

— Покажи руку.

Протянутая ладонь в крови.

— Так... Повернись.

На спине арестантской куртки — клеймо, надсмотрщик срисовывает его в блокнот.

— К врачу!

Другой заключенный занимает место больного.

— Пошел! — Это относится в равной мере к обоим — к тому, кто отныне будет возить тележку, и к тому, кто больше на это не способен.

Тележка трогается с места.

— Простите, начальник, нельзя ли...

— Я сказал, к врачу!

Он глядит на удаляющуюся сгорбленную спину и еще раз проверяет запись в блокноте: $\Delta \square^{15/13264}$. Что ж, все

понятно. Треугольник — дезертирство, квадрат — пожизненное заключение, пятнадцатый барак, заключенный тринадцать тысяч двести шестьдесят четыре. Пожизненное заключение. Все правильно, только для этого вот, видно, оно уже приходит к концу. Хлопковые поля.

— Раз, два, взяли!

* * *

Сверкающий полированный металл, стекло, рассеянный свет люминесцентных ламп, какая-то особая, чувствующаяся на ощупь стерильная чистота.

Серые, чуть усталые глаза человека в белом халате внимательно глядят из-за толстых стекол очков. Здесь, в подземных лагерях Медены, очень ценится человеческая жизнь. Еще бы! Каждый заключенный, прежде чем его душа предстанет перед высшим трибуналом, должен искупить свою вину перед теми, кто в далеких глубинах космоса ведет небывалую в истории битву за гегемонию родной планеты. Родине нужен уран. На каждого заключенного дано задание, поэтому его жизнь котируется наравне с драгоценной рудой. К сожалению, тут такой случай...

— Одевайся!

Худые длинные руки торопливо натягивают куртку на костлявое тело.

— Стань сюда!

Легкий нажим на педаль, и сакраментальное клеймо перечеркнуто красным крестом. Отныне заключенный $\triangle \square^{15}/_{13264}$ вновь может именоваться Арпом Зумби. Естественное проявление гуманности по отношению к тем, кому предстоит труд на хлопковых полях.

Хлопковые поля. О них никто толком ничего не знает, кроме того, что оттуда не возвращаются. Ходят слухи, что в знойном, лишенном влаги климате человеческое тело за двадцать дней превращается в сухой хворост, отличное топливо для печей крематория.

— Вот освобождение от работы. Иди.

Арп Зумби предъявляет освобождение часовому у дверей барака, и его охватывает привычный запах карболки. Барак похож на общественную уборную. Густой запах карболки и кафель. Однообразие белых стен нарушается только большим плакатом: «За побег — смерть под пыткой». Еще одно свидетельство того, как здесь ценится че-

ловеческая жизнь: отнимать ее нужно тоже с наибольшим эффектом.

У одной из стен нечто вроде огромных сот — спальные места, разгороженные на отдельные ячейки. Удобно и гигиенично. На белом пластике видно малейшее пятнышко. Ячейки же не для комфорта. Тут каторга, а не санаторий, как любит говорить голос, который проводит ежедневную психологическую зарядку. Деление на соты исключает возможность общаться между собой ночью, когда бдительность охраны несколько ослабевает.

Днем находиться на спальных местах запрещено, и Арп Зумби коротает день на скамье. Он думает о хлопковых полях. Обыкновенно транспорт туда комплектуется раз в две недели. Он забирает заключенных из всех лагерей. Через два дня после этого сюда привозят новеньких. Кажется, последний раз это было дней пять назад, когда рядом со спальным местом Арпа появился этот странный тип. Какой-то чокнутый. Вчера за обедом отдал Арпу половину своего хлеба. «На, — говорит, — а то скоро штаны будешь терять на ходу». Ну и чудило! Отдать свой хлеб — такого еще Арпу не приходилось слышать. Наверное, ненормальный. Вечером что-то напевает перед сном. Тоже, нашел место где петь.

Мысли Арпа вновь возвращаются к хлопковым полям. Он понимает, что это конец, но почему-то мало огорчен. За десять лет работы в рудниках привыкаешь к смерти. И все же его интересует, как там, на хлопковых полях.

За все время заключения первый день без работы. Вероятно, поэтому он так тянется. Арп с удовольствием бы лег и уснул, но это невозможно, даже с бумажкой об освобождении от работы. Здесь каторга, а не санаторий.

Возвращаются с работы товарищи Арпа, и к запаху карболки примешивается сладковатый запах дезактивационной жидкости. Каждый, кто работает с урановой рудой, принимает профилактический душ. Одно из мероприятий, повышающих среднюю продолжительность жизни заключенных.

Арп занимает свое место в колонне и отправляется на обед.

Завтрак и обед — такое время, когда охрана сквозь пальцы смотрит на нарушение запрета разговаривать. С набитым ртом много не наговоришь.

Арп молча съедает свою порцию и ждет команды встать.

— На! — Опять этот чокнутый предлагает полпайки.

— Не хочу!

Раздается команда строиться. Только теперь Арп замечает, что все пялят на него глаза. Вероятно, из-за красного креста на спине. Покойник всегда вызывает любопытство.

— А ну, живей!

Это относится к соседу Арпа. Его ряд уже построился, а он все еще сидит за столом. Они с Арпом встают одновременно, и, направляясь на свое место, Арп слышит еле уловимый шепот:

— Есть возможность бежать.

Арп делает вид, что не расслышал. В лагере полно стукачей, и ему совсем не нравится смерть под пыткой. Уж лучше хлопковые поля.

* * *

Голос то поднимается до крика, от которого ломит виски, то опускается до еле слышного шепота, заставляющего невольно напрягать слух. Он льется из динамика, укрепленного в изголовье лежанки. Вечерняя психологическая зарядка.

Знакомый до отвращения баритон разъясняет заключенным всю глубину их падения. От этого голоса не уйдешь и не спрячешься. Его не удастся попросту исключить из сознания, как окрики надсмотрщиков. Кажется, уже удалось начать думать о чем-то совсем ином, чем лагерная жизнь, и вдруг неожиданное изменение громкости вновь напрягает внимание. И так три раза: вечером перед сном, ночью сквозь сон и утром за пять минут до пробудки. Три раза, потому что здесь каторга, а не санаторий.

Арп лежит, закрыв глаза, и старается думать о хлопковых полях. Зарядка уже кончилась, но ему мешает ритмичное постукивание в перегородку между ячейками. Опять этот псих.

— Ну чего тебе?! — произносит он сквозь сложенные трубкой руки, прижатые к перегородке.

— Выйди в уборную.

Арп сам не понимает, что заставляет его спуститься вниз и направиться к арке, откуда слышится звук льющейся воды.

В уборной жарко, ровно настолько, чтобы нельзя было

высидеть больше двух минут. С него сходит семь потов раньше, чем появляется новенький.

— Хочешь бежать?

— Пошел ты...

Арп Зумби — стреляная птица, знает все повадки стукачей.

— Не бойся, — снова торопливо шепчет тот. — Я тут от Комитета Освобождения. Завтра мы пытаемся вывезти и переправить в надежное место первую партию. Ты ничего не теряешь. Вам дадут яд. Если побег не удастся...

— Ну?

— Примешь яд. Это же лучше, чем смерть на хлопковых полях. Согласен?

Неожиданно для самого себя Арп кивает головой.

— Инструкции получишь утром, в хлебе. Будь осторожен.

Арп снова кивает головой и выходит.

Первый раз за десять лет он настолько погружен в мечты, что пропускает мимо ушей вторую и третью зарядки.

* * *

Арп Зумби последним стоит в очереди за завтраком. Теперь его место в конце хвоста. Всякий, кто освобожден от работы, получает еду позже всех.

Верзила-уголовник, раздающий похлебку, внимательно смотрит на Арпа и, слегка ухмыльнувшись, бросает ему кусок хлеба, лежавший отдельно от других.

Расправляясь с похлебкой, Арп осторожно крошит хлеб. Есть! Он прячет за щеку маленький комочек бумаги.

Теперь нужно дождаться, пока колонна уйдет на работу.

Команда «встать». Арп выходит из столовой в конце колонны и, дойдя до поперечной галереи, поворачивает влево. Остальные идут прямо.

Здесь, за поворотом, Арп в относительной безопасности. Дневальные — на уборке барачных, для смены караула еще рано.

Инструкция очень лаконична. Арп читает ее три раза и, убедившись, что все запомнил, вновь комкает бумажку и глотает ее.

Теперь, когда нужно действовать, его охватывает страх.

Он колеблется. Смерть на хлопковых полях кажется желанной по сравнению с угрозой пытки.

«Яд!»

Воспоминание о яде сразу успокаивает. В конце концов, действительно, что он теряет?!

Страх, противный, липкий, тягучий страх приходит вновь, когда он предъявляет удостоверение об освобождении от работы часовому на границе зоны.

— Куда?

— К врачу.

— Иди!

Арпу кажется, что его ноги сделаны из ваты. Он медленно бредет по галерее, ощущая спиной опасность. Сейчас раздастся окрик и за ним автоматная очередь. Стреляют в этих случаях по ногам. За побег смерть под пыткой. Нельзя лишать заключенных такого назидательного зрелища, здесь каторга, а не санаторий.

Поворот!

Арп поворачивает за угол и прислоняется к стене. Он слышит удары своего сердца. Ему кажется, что сейчас он выблюет этот трепещущий комок вместе с горечью, поднимающейся из желудка. Холодная испарина покрывает тело. Зубы выстукивают непрерывную дрожь. Вот так, под звуки барабана, ведут пойманных беглецов на казнь.

Проходит целая вечность, прежде чем он решается двинуться дальше.

Где-то здесь, в нише, должны стоять мусорные баки. Арп еще раз в уме повторяет инструкцию. Снова появляется сомнение. А вдруг все подстроено? Он залезет в бак, а тут его и прихлопнут! И яда никакого нет. Дурак! Не нужно было соглашаться, пока в руках не будет яда. Болван! Арп готов биться головой о стену. Так попасться на удочку какому-то стукачу!

Вот и баки. Около левого кто-то оставил малярные козлы. Все как в записке. Арп стоит в нерешительности. Пожалуй, самое правильное — вернуться назад.

Неожиданно до него доносятся громкие голоса и лай собаки. Обход! Думать некогда. С неожиданной легкостью он взбирается на козлы и оттуда прыгает в бак.

Голоса приближаются. Он слышит хрип пса, рвущегося с поводка, и стук подкованных сапог.

— Цыц, Гар!

— В баке кто-то есть.

— Крысы, тут их полно.

— Нет, на крыс он лает иначе.

— Глупости! Пошли! Да успокой ты его!

— Тихо, Гар!

Шаги удаляются.

Теперь Арп может осмотреться в своем убежище. Бак наполнен всего на одну четверть. О том, чтобы вылезти из него,— нечего и думать. До верхнего края расстояние в два человеческих роста. Арп проводит рукой по етенке и нащупывает два небольших отверстия, о которых говорилось в записке. Они расположены в выдавленной надписи «Трудовые лагеря», опоясывающей бак. Через эти отверстия Арпу придется дышать, когда захлопнется крышка.

Когда захлопнется крышка. Арп и без этого чувствует себя в ловушке. Кто знает, чем кончится вся эта затея. Что за Комитет Освобождения? В лагере ничего о нем не было слышно. Может, это те самые ребята, которые помогли ему дезертировать? Зря он их не послушался и пошел навестить мать. Там его и застукали. А ведь не будь он таким болваном, все могло бы быть иначе.

Снова голоса и скрип колес. Арп прикладывает глаз к одному из отверстий и успокаивается. Двое заключенных везут бадью с отбросами. Очевидно, дневальные по сектору. Они не торопятся. Присев на тележку, докуривают по очереди окурки, выброшенный кем-то из охраны. Арп видит бледные струйки дыма, и рот его наполняется слюной. Везет же людям!

Из окурка вытянуто все, что возможно. Бадья ползет вверх. Канат, который ее тянет, перекинут через блок над головой Арпа. Арп прикрывает голову руками. На него вываливается содержимое бадьи.

Только теперь, когда заключенные ушли, он замечает, до чего гнусно пахнет в его убежище.

Отверстия для дыхания расположены немного выше рта Арпа. Ему приходится сгрести часть отбросов себе под ноги.

Сейчас нужно быть начеку. Приборка кончается в десять часов. После этого заполненные мусорные баки отправляются наверх.

* * *

Неизвестно, откуда она взялась, широкая неструганая доска, перемазанная известкой. Один конец ее уперся в стенку бака у дна, другой — лег немного выше головы

Арпа. Доска, как и козлы,— свидетельство чьего-то внимания к судьбе беглеца. Особенно Арп это чувствует теперь, когда острый металлический прут проходит сквозь толщу отбросов, натыкается на доску и планомерно ощупывает ее сверху донизу. Не будь этой доски... Кажется, осмотр никогда не кончится.

— Ну что там? — спрашивает хриплый старческий голос.

— Ничего, просто доска.

— Давай!

Легкий толчок, скрип ворота, и бак, раскачиваясь, начинает движение вверх. Временами он ударяется о шахту, и Арп чувствует лицом, прижатым к стенке, каждый удар. Между его головой и доской небольшое пространство, свободное от мусора. Это дает возможность немного отодвигать голову от отверстий при особенно резких качаниях бака.

Стоп! Последний, самый сильный удар, и с грохотом открывается крышка. Снова железный прут шарит внутри бака. Опять спасительная доска скрывает притаившегося под ней, трясущегося от страха человека.

Теперь отверстия повернуты к бетонной ограде, и весь мир вокруг Арпа ограничен серой шероховатой поверхностью.

Однако этот мир полон давно забытых звуков. Среди них Арп различает шорох автомобильных шин, голоса прохожих и даже чириканье воробьев.

Равномерное настойчивое постукивание о крышку бака заставляет его сжаться в комок. Стуки все чаще, все настойчивее, все нетерпеливее, и вдруг до его сознания доходит, что это дождь. Только тогда он понимает, как близка и как желанна свобода.

* * *

Все этой ночью похоже на бред. С того момента, когда его вывалили из бака, Арп то впадает в забытие, то снова просыпается от прикосновения крысиных лап. Помойка полна крыс. Где-то рядом идут по шоссе автомобили. Иногда их фары выхватывают из темноты бугор мусора, за которым притаился Арп. Крысы с писком ныряют в темноту, царапают его лицо острыми когтями, огрызаются, если он пытается их отпугнуть, и вновь возвращаются, как только бугор тонет во мраке.

Арп думает о том, что, вероятно, его побег уже обнаружен. Он пытается представить себе, что сейчас творится в лагере. У него мелькает мысль о том, что собаки могли обнаружить его след, ведущий к бакам, и тогда...

Два ярких пучка света действуют как удар. Арп вскакивает. Сейчас же фары гаснут. Вместо них загорается маленькая лампочка в кабине автомобиля. Это армейский фургон, в каком обычно перевозят боеприпасы. Человек за рулем делает знак Арпу приблизиться.

Арп облегченно вздыхает. Автомобиль, о котором говорилось в записке.

Он подходит сзади к кузову. Дверь открывается, Арп хватается за чьи-то протянутые руки и вновь оказывается в темноте.

В кузове тесно. Сидя на полу, Арп слышит тяжелое дыхание людей, ощущает спиной и боками чьи-то тела. Мягко покачиваясь на рессорах, фургон тихо мчится во мраке...

Арп просыпается от света фонаря, направленного ему в лицо. Что-то случилось! Исчезло ставшее уже привычным ощущение движения.

— Разминка! — говорит человек с фонарем. — Можете все выйти на пять минут.

Арпу совсем не хочется выходить из машины, но сзади на него напирает множество тел, и ему приходится спрыгнуть на землю.

Все беспорядочно сгрудились вокруг кабины водителя, никто не рискует отойти от фургона.

— Вот что, ребята! — говорит их спаситель, освещая фонарем фигуры в арестантской одежде. — Пока все идет благополучно, но до того, как мы вас доставим на место, могут быть всякие случайности. Вы знаете, чем грозит побег?

Молчание.

— Знаете. Поэтому Комитет предлагает вам яд. По одной таблетке на брата. Действует мгновенно. Принимать только в крайнем случае. Понятно?

Арп получает свою порцию, завернутую в серебристую фольгу, и снова влезает в кузов.

Зажатая в кулаке таблетка дает ему чувство собственного могущества. Теперь тюремщики потеряли над ним всякую власть. С этой мыслью он засыпает...

Тревога! Она ощущается во всем: в неподвижности автомобиля, в бледных лицах беглецов, освещаемых све-

том, проникающим через щели кузова, в громкой перебранке там, на дороге.

Арп делает движение, чтобы встать, но десятки рук машут, показывают, чтобы он не двигался.

— Военные грузы не осматриваются.— Это голос водителя.

— А я говорю, что есть приказ. Сегодня ночью...

Автомобиль срывается с места, и сейчас же вдогонку трещат автоматные очереди. С крыши кузова летят щепки.

Когда Арп наконец поднимает голову, он замечает, что его рука сжимает чью-то маленькую ладонь. Из-под бритого лба на него глядят черные глаза, окаймленные пушистыми ресницами. Арестантская одежда не может скрыть девичьей округлости фигуры. На левом рукаве — зеленая звезда. Низшая раса.

Арп инстинктивно разжимает руку и вытирает ее о штаны. Общение с представителями низшей расы запрещено законами Медены. Недаром те, кто носит звезду, рождаются и умирают в лагерях.

— Нас ведь не поймают? Правда, не поймают?!

Дрожащий голосок звучит так жалобно, что Арп, забыв о законе, отрицательно качает головой.

— Как тебя зовут?

— Арп.

— А меня — Жетта.

Арп опускает голову на грудь и делает вид, что дремлет. Никто ведь не знает, как отнесутся к подобному общению там, куда их везут.

Автомобиль свернул с шоссе и прыгает по ухабам, не сбавляя скорости. Арпу хочется есть. От голода и тряски его начинает мутить. Он пытается подавить кашель, стесняясь окружающих, но от этого позывы становятся все нестерпимее. Туловище сгибается пополам, и из горла рвется кашель вместе с брызгами крови.

Этот приступ так изматывает Арпа, что нет сил оттолкнуть руку с зеленой звездой на рукаве, вытирающую пот у него со лба.

* * *

Горячий ночной воздух насыщен запахами экзотических цветов, полон треска цикад.

Сброшена арестантская одежда. Длинная, до пят, холщовая рубаша приятно холодит распаренное в бане тело. Арп тщательно очищает ложкой тарелку от остатков каши.

В конце столовой, у помоста, сложенного из старых бочонков и досок, стоят трое. Высокий человек с седыми волосами и загорелым лицом землепашца, видимо, главный. Второй — миловидный паренек в форме солдата армии Медены, тот, кто сидел за рулем автомобиля. Третья — маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обернутой вокруг головы. Ей очень к лицу белый халат.

Они ждут, пока закончится ужин.

Наконец стихает стук ложек. Главный ловко прыгает на помост.

— Здравствуйте, друзья!

Радостный гул голосов служит ответом на это непривычное приветствие.

— Прежде всего я должен вам сообщить, что вы здесь в полной безопасности. Месторасположение нашего эвакуационного пункта неизвестно властям.

На серых изможденных лицах сейчас такое выражение счастья, что они кажутся даже красивыми.

— Тут, на эвакуационном пункте, вы должны будете пробыть от пяти до десяти дней. Точнее этот срок будет определен нашим врачом, потому что вам предстоит тяжелый, многодневный переход. Место, куда мы вас отведем, конечно, не рай. Там нужно работать. Каждую пядь земли наших поселений мы отвоевываем у джунглей. Однако там вы будете свободны, сможете обзавестись семьей и трудиться на собственное благо. Жилище на первое время вам подготовили те, кто прибыл туда раньше вас. Такая уж у нас традиция. А теперь я готов ответить на вопросы.

Пока задают вопросы, Арп мучительно колеблется. Ему очень хочется узнать, можно ли в этих поселениях жениться на девушке низшей расы. Однако когда он наконец решился и робко поднял руку, высокий мужчина с лицом землепашца уже сошел с помоста.

Теперь к беглецам обращается женщина. У нее тихий певучий голос, и Арпу приходится напрягать слух, чтобы понять, о чем идет речь.

Женщина просит всех лечь в постель и ждать медосмотра.

Арп находит свою койку по навешенной на ней бирке, ложится на хрустящие прохладные простыни и немедленно засыпает.

Сквозь сон он чувствует, что его поворачивают на бок, ощущает холодное прикосновение стетоскопа и, открыв глаза, видит маленькую женщину с рыжей косой, записывающую что-то в блокнот.

— Проснулся? — Она улыбается, обнажая ослепительные ровные зубы.

Арп кивает головой.

— Ты очень истощен. С легкими тоже не все в порядке. Будешь спать семь дней. Сейчас мы тебя усыпим.

Только теперь Арп замечает какой-то аппарат, придвинутый к постели.

Женщина нажимает несколько кнопок на белом пульте, в мозг Арпа проникает странный гул.

— Спать! — раздается далекий-далекий мелодичный голос, и Арп засыпает.

Ему снится удивительный сон, полный солнца и счастья.

Только во сне возможна такая упоительная медлительность движений, такое отсутствие скованности собственной тяжестью, такая возможность парить в воздухе.

Огромный луг покрыт ослепительно белыми цветами. Вдалеке Арп видит высокую башню, светящуюся всеми цветами радуги. Арп слегка отталкивается от земли и медленно опускается вниз. Его непреодолимо влечет к себе сияющая башня, от которой распространяется неизъяснимое блаженство.

Арп не один. Со всех сторон луга к таинственной башне стремятся люди, одетые так же, как и он, в длинные белые рубахи. Среди них — Жетта с полным подолом белых цветов.

— Что это? — спрашивает у нее Арп, указывая на башню.

— Столп Свободы. Пойдем!

Они берутся за руки и вместе плывут в пронизанном солнечными лучами воздухе.

— Подожди!

Арп тоже набирает полный подол цветов, и они продолжают свой путь.

У подножия башни они складывают цветы.

— А ну, кто больше?! — кричит Жетта, порхая среди серых стеблей. — Догоняй!

Их пример заражает остальных. Проходит немного времени, и все подножие башни завалено цветами.

Потом они жгут костры и жарят на огне большие куски мяса, насаженные на тонкие длинные прутья. Восхитительный запах шашлыка смешивается с запахом горящих сучьев, будит в памяти какие-то воспоминания, очень древние и очень приятные.

Утолив голод, они лежат на земле у костра, глядя на звезды, большие незнакомые звезды в черном-черном небе.

Когда Арп засыпает у гаснущего костра, в его руке покоится маленькая теплая рука.

* * *

Гаснут костры. Выключены разноцветные лампочки, опоясывающие башню. Внизу, у самой земли, открываются двери, и две исполинские механические лапы сгребают внутрь хлопок.

В застекленном куполе старик с загорелым лицом смотрит на стрелку автоматических весов.

— В пять раз больше, чем у всех предыдущих партий,— говорит он, включая транспортер.— Боюсь, что при таком сумасшедшем темпе они и недели не протянут.

— Держу пари на две бутылки,— весело ухмыляется миловидный парнишка в военной форме.— Протянут обычные двадцать дней. Гипноз — великая штука! Можно подохнуть от смеха, как они жрали эту печеную брюкву! Под гипнозом что угодно сделаешь. Правда, доктор?

Маленькая женщина с тяжелой рыжей косой, обвивающей голову, не торопится с ответом. Она подходит к окну, включает прожектор и внимательно смотрит на обтянутые кожей, похожие на черепа, лица.

— Вы несколько преувеличиваете возможности электрогипноза,— говорит она, обнажая в улыбке острые зубы вампира.— Мощное излучение пси-поля способно только задать ритм работы и определить некую общность действий. Основное же — предварительная психическая настройка. Имитация побега, мнимые опасности — все это создало у них ощущение свободы, завоеванной дорогой ценой. Трудно предугадать, какие колоссальные резервы организма могут пробуждаться высшими эмоциями.

Старики

Семако сложил бумаги в папку.

— Все? — спросил Голиков.

— Еще один вопрос, Николай Петрович. Задание Комитета по астронавтике в этом месяце мы не вытнем.

— Почему?

— Не успеем.

— Нужно успеть. План должен быть выполнен любой ценой. В крайнем случае я вам подкину одного программиста.

— Дело не в программисте. Я давно просил вас дать еще одну машину.

— А я давно вас просил выбросить «Смерч». Ведь эта рухлядь числится у нас на балансе. Поймите, что там мало разбираются в тонкостях. Есть машина — и ладно. Мне уже второй раз срезают заявки. «Смерч»! Тоже название придумали!

— Вы забываете, что...

— Ничего я не забываю, — перебил Голиков. — Все эти дурацкие попытки моделировать мозг в счетных машинах давно кончились провалом. У нас — Вычислительный центр, а не музей. Приезжают комиссии, иностранные делегации. Просто совестно водить их в вашу лабораторию. Никак не могу понять, что вы нашли в этом «Смерче»?!

Семако замялся:

— Видите ли, Николай Петрович, я работаю на «Смерче» уже тридцать лет. Когда-то это была самая совершенная из наших машин. Может быть, это сентиментально, глупо, но у меня просто не поднимается рука...

— Чепуха! Все имеет конец. Нас с вами, уважаемый Юрий Александрович, тоже когда-нибудь отправят на свалку. Ничего не поделаешь, такова жизнь!

— Ну, вам-то еще об этом рано...

— Да нет,— смутился Голиков.— Вы меня неправильно поняли. Дело ведь не в возрасте. На пятнадцать лет раньше или позже — разница невелика. Все равно конец один. Но ведь мы с вами — люди, так сказать, хомо сапиенс, а этот, извините за выражение, драндулет — просто неудачная попытка моделирования.

— И все же...

— И все же выбросьте ее к чертям, и в следующем квартале я вам обещаю машину самой последней модели. Подумайте над этим.

— Хорошо, подумаю.

— А план нужно выполнить во что бы то ни стало.

— Постараюсь.

* * *

В окружении низких, изящных, как пантеры, машин с молекулярными элементами этот огромный громыхающий шкаф казался доисторическим чудовищем.

— Чем ты занят? — спросил Семако.

Автомат прервал ход расчета.

— Да вот проверяю решение задачи, которую решала эта... молекулярная. За ними нужен глаз да глаз. Бездумно ведь считают. Хоть и быстро, да бездумно.

Семако откинул щиток и взглянул на входные данные. Задача номер двадцать четыре. Чтобы повторить все расчеты, «Смерчу» понадобится не менее трех недель. И чего это ему вздумалось?

— Не стоит,— сказал он, закрывая крышку.— Задача продублирована во второй машине, сходимость вполне удовлетворительная.

— Да я быстро.— Стук машины перешел в оглушительный скрежет. Лампочки на панели замигали с бешеной скоростью.— Я ведь, ух, как быстро умею!

«Крак!» — сработало реле тепловой защиты. Табулятор сбросил все цифры со счетчика.

Автомат сконфуженно молчал.

— Не нужно,— сказал Семако,— отдыхай пока. Завтра я тебе подберу задачку.

— Да... вот видишь, схема не того... а то бы я...

— Ничего, старик. Все будет в порядке. Ты остынь получше.

— Был у шефа? — спросил «Смерч».

— Был.

— Обо мне он не говорил?

— Почему ты спрашиваешь?

— На днях он сюда приходил с начальником АХО. Дал указания. Этого монстра, говорит, на свалку, за ненадобностью. Это он про меня.

— Глупости! Никто тебя на свалку не отправит.

— Мне бы схемку подремонтировать, лампы сменить, я бы тогда знаешь как?..

— Ладно, что-нибудь придумаем.

— Лампы бы сменить, да где их нынче достанешь? Ведь, поди, уже лет двадцать как сняли с производства?

— Ничего. Вот разделаемся с планом, соберу тебе новую схему на полупроводниках. Я уже кое-что прикинул.

— Правда?!

— Подремонтируем и будем на тебе студентов учить. Ведь ты работаешь совсем по другому принципу, чем эти, нынешние.

— Конечно! А помнишь, какие задачи мы решали, когда готовили твой первый доклад на международном конгрессе?

— Еще бы не помнить!

— А когда ты поссорился с Людой, я тебе давал оптимальную тактику поведения. Помнишь? Это было в тысяча девятьсот... каком году?

— В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом. Мы только что поженились.

— Скажи... тебе ее сейчас очень не хватает?

— Очень.

— Ох, как я завидую!

— Чему ты завидуешь?

— Видишь ли...— автомат замолк.

— Ну, говори.

— Не знаю, как это лучше объяснить... Я ведь совсем не боюсь... этого... конца. Только хочется, чтобы кому-то

меня не хватало, а не так просто... на свалку за ненадобностью. Ты меня понимаешь?

— Конечно, понимаю. Мне очень тебя будет не хватать.

— Правда?!

— Честное слово.

— Дай я тебе что-нибудь посчитаю.

— Завтра утром. Ты пока отдыхай.

— Ну, пожалуйста!

Семако вздохнул:

— Я ведь тебе дал вчера задачу.

— Я... я ее плохо помню. Что-то с линией задержки памяти. У тебя этого не бывает?

— Чего?

— Когда хочешь что-то вспомнить и не можешь.

— Бывает иногда.

— А у меня теперь очень часто.

— Ничего, скоро мы тебя подремантируем.

— Спасибо! Так повтори задачу.

— Уже поздно, ты сегодня все равно ничего не успеешь.

— А ты меня не выключай на ночь. Утром придешь, а задачка уже решена.

— Нельзя,— сказал Семако,— пожарная охрана не разрешает оставлять машины под напряжением.

«Смерч» хмыкнул.

— Мы с тобой в молодости и не такие штуки выкидывали. Помнишь, как писали диссертацию? Пять суток без перерыва.

— Тогда было другое время. Ну, отдыхай, я выключаю ток.

— Ладно, до утра!

* * *

Утром, придя в лабораторию, Семако увидел трех дюжих парней, вытаскивавших «Смерч».

— Куда?! — рявкнул он. — Кто разрешил?!

— Николай Петрович велели,— осклабился начальник АХО, руководивший операцией,— в утиль за ненадобностью.

— Подождите! Я сейчас позвоню...

Панель «Смерча» зацепилась за наличник двери, и на пол хлынул дождь стеклянных осколков.

— Эх вы!..— Семако сел за стол и закрыл глаза руками.

Машину выволокли в коридор.

— Зина!

— Слушаю, Юрий Александрович!

— Вызовите уборщицу. Пусть подметет. Если меня будут спрашивать, скажите, что я уехал домой.

Лаборантка испуганно взглянула на него.

— Что с вами, Юрий Александрович?! На вас лица нет. Сейчас я позвоню в здравпункт.

— Не нужно.— Семако с трудом поднялся со стула.— Просто я сегодня потерял лучшего друга... Тридцать лет... Ведь я с ним... даже... мысленно разговаривал иногда... Знаете, такая глупая стариковская привычка.

Контактов не будет

К этому событию человечество готовилось много лет. Радиотелескопы крупнейших обсерваторий Земли планомерно прощупывали глубины пространства в поисках сигналов инопланетных цивилизаций, лингвисты и математики разрабатывали методы общения с представителями других миров, юноши допризывного возраста жили в мечтах о кремнийорганических и фторводородных возлюбленных, писатели-фантасты, вдохновленные небывалыми тиражами, смаковали острые ситуации столкновений с антигуманистическими общественными формациями, ученые предвкушали разгадку самых жгучих тайн мироздания, галантно преподнесенную им коллегами из соседних галактик.

Было подсчитано и взвешено все: возможное количество обитаемых планет, уровень развития существ, их населяющих, вероятность посещения Земли космонавтами, представителями сверхмудрых рас, овладевших источниками энергии невообразимой мощности и победивших Пространство и Время.

Мечты об эпохе Вселенского Содружества Разума в космосе таили в себе такие перспективы, перед которыми мелкие неурядицы на нашей планете казались не заслуживающими внимания.

Судя по всему, оставалось ждать еще совсем немного, пока добрые дяди в сверкающих космических доспехах, взяв за руку неразумное и заблудшее человечество, поведут его к воротам нового рая, где оно вкусит блаженство и покой вкупе со всем сущим в космосе.

Правда, находились скептики, ставившие под сомнение ценность межгалактического общения при помощи информации, поступающей с опозданием в сотни милли-

онов лет, но их злопыхательство никто всерьез не принимал, потому что Крылатая Мечта допускала и не такие штучки, как распространение сигналов со скоростью, превышающей скорость света.

Несколько сложнее дело обстояло с установлением эстетических критериев будущего содружества. Однако в длительной и ожесточенной дискуссии сторонники мыслящих плесеней и живых океанов были разбиты наголову. Трудami известного ученого Карлсона (не того, что живет на крыше, а другого) была не только доказана неизбежность идентичности облика всех существ, стоящих на вершине биологического развития, но даже определен вероятностный среднестатистический тип, наиболее распространенный в пределах метагалактики.

Пользуясь методами биокибернетики, алгебры логики и теории игр, Карлсон создал синтетическую реконструкцию мужчины и женщины — гипотетических аборигенов, населяющих один из возможных спутников Тау Кита.

Эта реконструкция была размножена методом офсетной печати на небольших картонных открытках, удобных для хранения в нагрудных карманах, и за три дня разошлась в количестве ста миллионов экземпляров. Особым спросом она пользовалась у школьников старших классов. Может быть, этому способствовало то, что Карлсон считал одежду второстепенной деталью и сосредоточил свое внимание главным образом на весьма пикантных подробностях.

Что же касается всяких толков, будто натурой Карлсону послужили некая танцовщица и ее партнер, выступающие с неизменным успехом в весьма популярном, но мало рекламируемом увеселительном заведении, то они лишены всякого основания, хотя бы потому, что никто из авторов подобных утверждений не рискнул выступить с ними в печати.

Итак, сто тысяч радиотелескопов были нацелены в таинственную бездну Мирового океана, восемь миллиардов челюстей находились в постоянной готовности обнажиться в приветливой улыбке, столько же рук тянулись раскрыть объятия, шестьдесят миллионов девушек дали обет связать себя узами любви с инопланетными пришельцами, целая армия юношей рвалась оспаривать честь первыми покинуть родную Землю и стать под космические знамена Великого Содружества.

И все же, когда это стряслось...

— Радиограмма от командира Х26-371.— Дежурный международного аэропорта в Аддис-Абебе положил на стол начальника белый листок.— Я бы не стал вас беспокоить, если бы...

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но...

— Гм...— Начальник дважды перечитал радиограмму и вопросительно взглянул на диспетчера.— Вы уверены, что радистка ничего не перепутала?

— Клянется, что записала все слово в слово. Вначале слышимость была очень хорошей, а потом связь неожиданно оборвалась.

— Странно!

Он еще раз прочел текст:

«17 ЧАСОВ, 13 МИНУТ. 26°31' СШ 20°10' ВД
ВЫСОТА 2000 МЕТРОВ СКОРОСТЬ 1500 КИЛОМЕТРОВ
ПРЯМО ПО КУРСУ ВИЖУ ШАРОВУЮ
РАДУГУ ОКОЛО ТЫСЯЧИ МЕТРОВ
В ПОПЕРЕЧНИКЕ ПРЕДПОЛАГАЮ...»

На этом радиограмма обрывалась.

— Ну и что вы думаете?

Дежурный пожал плечами.

— Боюсь, что распоряжение Главного управления, запрещающее членам экипажа пользоваться услугами бортовых баров, выполняется не во всех случаях.

— Глупости! — Начальник подошел к стене и отметил карандашом координаты, указанные в радиограмме.— Самолет немного отклонился от курса и летел в это время над Ливийской пустыней. Очевидно, обычный мираж. Попробуйте еще раз с ними связаться.

— Хорошо.

Начальник достал из ящика стола диспетчерскую сводку. Самолет Х26-371, рейс Сидней — Мадрид. Семьдесят пассажиров. Сейчас они должны идти на посадку в Алжире. Командир — Лейстер, один из лучших пилотов Компании, вряд ли он мог...

Вернулся дежурный.

— Ну как?

— Связи нет.

— Запросите Алжир.

— Запрашивал. Они ничего не знают.

— Пора начинать поиски. Соедините меня с Сиднеем.

* * *

На следующий день все газеты мира запестрели сенсационными сообщениями.

Обломки самолета Х26-371 были найдены в Ливийской пустыне, недалеко от места, указанного в последней радиোগрамме. По заключению комиссии, самолет взорвался в воздухе. Экипаж и пассажиры погибли.

Однако газеты уделяли основное внимание не самой катастрофе, а обстоятельствам, сопутствовавшим ей.

Неподалеку от места аварии был обнаружен полупрозрачный шар, висящий над поверхностью пустыни на высоте около двухсот метров.

Радужная оболочка шара, напоминавшая мыльный пузырь, излучала радиоволны в диапазоне от 21 см до 1700 метров. При этом она, сокращаясь в объеме, неуклонно опускалась на землю.

За сутки, прошедшие с момента обнаружения, размер шара уменьшился наполовину.

В Ливийскую пустыню были срочно командированы представители всех академий мира.

Три раза в сутки крупнейшие телевизионные компании передавали через телеспутник изображение таинственного шара.

Наконец на пятые сутки шар коснулся поверхности песка и лопнул с оглушительным треском. Разразившаяся в момент приземления магнитная буря на несколько часов прервала все виды связи по эфиру. Когда же передачи возобновились, свыше миллиарда телезрителей, изнывавших в нетерпении у экранов, увидели на месте посадки три прозрачных сосуда прямоугольной формы, наполненных мутной жидкостью, в которой шевелилось нечто неопределенное.

Ужасающее зловоние, поднимавшееся из сосудов, не давало возможности операторам вести съемку с близкого расстояния. Однако при помощи телеобъективов удалось установить, что предметы, плавающие в жидкости, похожи на осьминогов и все время находятся в движении.

Теперь уже не было никаких сомнений.

Наконец-то нашу планету посетили братья по разуму,

владеющие могущественной техникой межзвездных перелетов.

Хотя прогнозы Карлсона оказались не совсем точными, а обеты девушек — опрометчивыми, ничто не могло омрачить захватывающего величия первого общения с обитателями далеких и загадочных миров.

На время были отставлены всякие научные споры между сторонниками антропоцентрической теории и приверженцами гипотезы о сверхинтеллектуальных ящерах. Сейчас их объединило одно неудержимое стремление: поскорее установить контакт с гостями.

Ко всеобщему удивлению, пришельцы не проявляли к этому никакой инициативы. Они преспокойно плавали в своих сосудах, не обращая внимания на все творящееся вокруг.

Любопытство широкой публики готово уже было перейти в возмущение, но ученые, как всегда, не торопились. Свыше десяти суток шли оживленные дебаты в многочисленных комиссиях, созданных под эгидой Организации Объединенных Наций.

В опубликованном наконец коммюнике были сформулированы три основных пути решения проблемы:

1. ОПРЕДЕЛИТЬ, КАКИМИ ОРГАНАМИ ЧУВСТВ ОБЛАДАЮТ ПРИШЕЛЬЦЫ.
2. НАЙТИ СПОСОБ ДОКАЗАТЬ ИМ, ЧТО ОНИ ИМЕЮТ ДЕЛО С РАЗУМНЫМИ СУЩЕСТВАМИ.
3. УСТАНОВИТЬ ОБЩИЙ ЯЗЫК.

На пленарном заседании была избрана парламентская группа во главе с сэром Генри Ноблом, последним отпрыском древнего рода, ступившего на берег Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем. По всеобщему мнению, безукоризненное воспитание лорда Нобла и дотошное знание им правил этикета делали эту кандидатуру наиболее подходящей.

Правда, во время очередных парламентских дебатов о внешней политике правительства лидер оппозиции выразил сомнение, сможет ли лорд Нобл с достаточным успехом доказать свою принадлежность к мыслящим существам, но после разъяснения премьер-министра, что иначе сэр Генри не мог бы занимать место в Палате лордов, взял запрос обратно.

Комментируя это происшествие, одна из либеральных газет приводила неопровержимый довод в защиту кан-

дидатуры лорда Нобла, который, по мнению автора статьи, с детских лет был вынужден упражняться в подобных доказательствах.

Теперь комиссия была готова к началу опытов по установлению взаимопонимания.

В Ливийскую пустыню было стянуто все, что могло способствовать решению поставленной задачи.

Мощные акустические установки, радиоизлучатели, работающие на коротких, средних и длинных волнах, прожекторы, меняющие цвет и интенсивность пучка, должны были помочь определить, какими же органами чувств обладают пришельцы.

Однако этого было недостаточно. Странные существа, погруженные в жидкость, не реагировали ни на одну попытку привлечь их внимание.

На бурном заседании комиссии по контактам мнения разошлись. Математики считали, что следует переходить на язык геометрии, одинаково доступный всем разумным существам, искусствоведы настаивали на музыке, химики предлагали структурные формулы, инженеры собирались поразить гостей достижениями земной техники.

Неожиданное и остроумное решение было найдено председательствовавшим лордом Ноблом. Он предложил испробовать все методы поочередно, а пока предоставить ему возможность установить с пришельцами личный контакт.

Такой план устраивал всех. В подкомиссиях вновь закипела работа. Десятки самолетов перебрасывали в пустыню материалы для сооружения гигантского экрана и раковины, где должен был расположиться сводный оркестр Объединенных Наций. Шесть композиторов срочно писали космическую симфонию до-мажор. Некоторые трения возникли в технической подкомиссии. В результате длительных дебатов было решено предоставить США возможность показать автомобильные гонки во Флориде, а Франции — ознакомить пришельцев с производством нейлоновых шубок.

Тем временем лорд Нобл готовился к ответственной и почетной миссии.

Он с негодованием отверг предложение специалистов воспользоваться противоголом, дабы избежать дурманящего зловония, испускаемого пришельцами, и заявил представителям прессы, что истый джентльмен никогда не позволит себе показать, будто он заметил что-либо

выходящее за пределы хорошего тона. «В таких случаях,— добавил он,— воспитанный человек задыхается, но не зажимает нос».

Группа парламентариев, во главе со своим высокородным руководителем, прибыла на место встречи в специальном самолете. Несмотря на палящий зной, все они были облачены в черные фраки и крахмальные сорочки, что выгодно отличало их от толпы корреспондентов и операторов, щеголявших в шортах и ковбойских шляпах.

Лорд Нобл вскинул монокль и торжественным шагом направился к трем таинственным сосудам. Его свита, в составе пяти человек, следовала за ним в некотором отдалении.

Приблизившись к пришельцам на расстояние пятидесяти метров, лорд слегка покачнулся, отвесил полный достоинства поклон и тут же упал в глубоком обмороке на песок. Остальные члены группы, нарушив тщательно подготовленный церемониал, уволокли главу делегации за ноги в безопасное место. При этом они не только позабыли подобрать вывалившийся монокль, но еще и самым неприличным образом прикрывали носы батистовыми платочками.

После небольшого замешательства, вызванного этим непредвиденным происшествием, инициатива была передана математикам.

Огромный экран покрыло изображение «Пифагоровых штанов». При помощи средств мультипликации два квадрата, построенных на катетах треугольника, срывались с места и, потолкавшись в нерешительности возле квадрата на гипотенузе, укладывались в нем без остатка.

К сожалению, и это свидетельство мощи человеческого мышления, повторенное сто двадцать раз, не вызвало никакой реакции в сосудах.

Тогда, посоветовавшись, комиссия пришла к единодушному решению пустить в ход тяжелую артиллерию — музыку.

Пока на экране два известных комика разыгрывали написанную лингвистами сценку, из которой пришельцам должно было стать ясным, что землянам не чужды понятия «больше» и «меньше», оркестранты занимали места в раковине.

Солнце зашло, но жар раскаленного песка заставлял людей обливаться потом. Внутри же нагретой за день раковины было жарко, как в духовке.

Комики на экране, обменявшись необходимым количеством бутылок и зонтиков, уже выполнили задание лингвистов, а оркестранты все еще настраивали инструменты.

Наконец, приготовления были закончены.

Пятьсот лучших музыкантов мира застыли, готовые повиноваться магической палочке дирижера.

Космическая симфония до-мажор началась с низких, рокочущих звуков. Исполинский шар праматерии, медленно сжимаясь, вращался в первозданном пространстве. Взрыв! Чудовищное неистовство струнных инструментов, хаос сталкивающихся и разлетающихся галактик, бушующий океан звуков.

Но вот в стремительный, кружащийся рев вкрадывается простой и строгий мотив — предвестник нарождающейся жизни.

Гордо звучат фанфары: кроме простейших углеводородов, появились первые молекулы аминокислот.

Ширится рокот барабанов, пытаюсь проглотить нежные звуки свирелей и валторн. Мрачную песнь смерти поют контрабасы, пророчествуя победу Энтропии над Жизнью.

Оркестранты изнывают от жары. Крахмальные воротнички и пластроны превратились в мокрые тряпки, многие уже тайком расстегнули пиджаки и жилеты, но палочка дирижера неумолима, она не дает никакой передышки.

Щелкают челюсти динозавров, раздаются предсмертные вопли живой плоти, перемалываемой в огромных пастьях, шорох крыльев летающих ящеров, завывание бушующих смерчей, грохот извергающихся вулканов, и вдруг — снова чистый и ясный мотив. Величайшее чудо свершилось: из унылой серой протоплазмы, через триллионы смертей и рождений, на планете появился Хомо Сапиенс.

Тихий шепот проносится у телевизоров. Впереди оркестра на освещенном постаменте возникает обнаженная фигура женщины, воплощенная реконструкция Карлсона.

На ней ничего нет, кроме золотых туфель на шпильках и длинных черных чулок, перехваченных выше колен кружевными подвязками с бубенчиками. Она танцует. Цветные прожекторы выхватывают из мрака то ее руки, поднятые к небу, и откинутую назад голову, то стройный, смуглый торс, то вращающиеся в медленном ритме бедра.

Теперь в круговороте звуков слышится тоска человеческой души, устремленной навстречу братьям по разуму.

Все отчетливей становится партия скрипок, все быстрее вращение бедер, все явственнее аккомпанемент бубенчиков.

И тут случилось то, чего никто уже не ожидал.

Из аквариумов с пришельцами высунулись три извивающиеся ленты, развернулись наподобие детской игрушки «тещин язык» и понеслись по воздуху к оркестру.

Задержавшись на мгновение возле танцовщицы, они проникли в глубь раковины, прошли над головами оркестрантов и с той же стремительностью вернулись в аквариумы.

Весь мир ахнул. Это было неопровержимым доказательством могущества искусства, способного объединять носителей разума в космосе, независимо от различия их биологических форм.

Оркестранты, казалось, больше не чувствовали усталости и жары. Громко и победно зазвучала последняя часть симфонии, славя новую эру Великого Содружества.

Между тем сосуды с пришельцами вновь окутались радужной оболочкой, и сверкающий в лучах прожекторов шар взмыл под финальный аккорд к таинственным далям звездного неба.

* * *

Донесение начальника 136-й космической партии Великому Совету Всепознающего Мозга:

«Волею и мудростью Всепознающего Мозга нами были организованы поиски разумных существ на окраинах галактического скопления звезд, занесенного в Регистр Совета под номером 249.

В качестве объекта изучения была выбрана третья планета желтого карлика, имеющая в составе атмосферы 21% кислорода.

Перенос на эту планету был осуществлен методом перенасыщения пространства.

Поверхность планеты представляет собой гладкий песчаный рельеф. Водоемы отсутствуют. Это обстоятельство, а также высокая температура и повышенная сила тяжести вынудили нас вести наблюдение, не покидая защитных сосудов с компенсирующей питательной жидкостью.

Биологический комплекс планеты крайне беден и представлен передвигающимися на двух конечностях существами.

Эти существа, по-видимому, обладают некоторыми начальными математическими познаниями, в пределах нулевого цикла обучения, принятого на нашей планете в дошкольных учреждениях.

Мы наблюдали их ритуальные игры и пляски, однако полного представления о культовых обрядах составить не могли, так как все наши попытки установить с ними контакт при помощи обычного языка запахов, неизменно кончались неудачей.

Спектр запахов, источаемых туземцами, весьма ограничен, и проведенный лингвистический анализ не мог выделить из них смыслового значения.

Есть основания предполагать, что в заключительной фазе нашего пребывания они всячески пытались усилить излучение запахов, согнав для этой цели несколько сот особей в нагретое помещение и заставляя их выполнять там тяжелую физическую работу. Может быть, эти запахи помогают им организовать простейшее общение между собой во время коллективных трудовых процессов, что, впрочем, совершенно недостаточно для того, чтобы их можно было отнести к числу разумных существ, обладающих запахоречью. Учитывая все изложенное, считаем дальнейшие попытки установления контактов с населением обследованной планеты бесцельными.

Начальник 136-й партии».

Донесение было записано в системе семи запахов на губчатом пластике, пригодном для длительного архивного хранения.

Любовь и время

Если вам 26 лет и ваша личная жизнь определенно не удалась, если у вас робкий характер, невыразительная внешность и прозаическая профессия экономиста-плановика, если вы обладатель смешной фамилии Кларнет, ведущей начало от какого-нибудь заезжего музыканта-неудачника, неведомо когда и как осевшего на Руси, если вы настолько бережливы, чтобы мечтать об однокомнатной кооперативной квартире, но вместе с тем достаточно трезво смотрите на вещи, чтобы понимать, что ваше пребывание в коммунальном муравейнике — состояние далеко не кратковременное, если волшебное слово «любовь» вызывает у вас надежду, а не воспоминания, — словом, если вы тот, кого я намерен сделать своим героем, то вам обязательно нужно иметь хобби.

Хобби — это подачка, которую бросает равнодушная Судьба своим пасынкам, чтобы они не вздумали искушать ее терпение.

Не имеет существенного значения, какое именно хобби вы выберете. Это зависит от ваших способностей, средств и темперамента. Ведь если разобратся, то настойчивые и бесплодные попытки наладить прием дальних телепередач ничуть не хуже коллекционирования пивных кружек или выращивания цитрусовых на подоконнике. Важно одно: как-нибудь в обеденный перерыв небрежно сказать сослуживцам, что вчера Париж передавал великолепный фильм с участием Софи Лорен, либо, священнодействуя с непроницаемым лицом, нарезать в стаканы с чаем таких же бедолаг, как вы, по ломтику сморщенного зеленого лимончика. («Знаете ли, это

далеко не лучший из тех, что у меня в этом году, но все остальные пришлось раздарить».)

Итак, Юрий Кларнет посвящал свой досуг поискам в эфире сигналов чужеземных стран. Для этой цели за 8 рублей в комиссионном магазине был куплен старенький КВН с экраном чуть больше почтового конверта. Выбор телевизора был продиктован отнюдь не скаредностью или недостатком оборотных средств. Просто каждому, кто знаком с техникой дальнего телеприема, известно, что лучшего изображения, чем на КВН, не получишь нигде.

После того как попытка установить на крыше в качестве отражателя антенны оцинкованное корыто была со всей решительностью пресечена управхозом, Кларнету пришлось плюнуть на советы, даваемые в журналах, и заняться изобретательством.

Тот вечер, с которого, собственно, и начинается мой рассказ, был завершающим этапом долгих поисков, раздумий и неудач. Зажав между коленями сложное ажурное сооружение из проволоки, напоминающее антенну радиотелескопа, Кларнет припаивал вывод для штекера. Он торопился, надеясь еще сегодня провести несколько задуманных заранее экспериментов. Как всегда в таких случаях, неожиданно перестал греться паяльник. Кларнет чертыхнулся, положил на пол свое творение и подошел к штепсельной розетке с паяльником в руке.

В этот момент что-то треснуло, и в комнате погас свет.

Кларнет выдернул вилку из розетки и направился к столу, где должны были лежать спички. По дороге он запутался в ковровой дорожке, лежавшей у кровати, и с размаху шлепнулся на тот самый проволочный параболоид, который с неистовством дилетанта мастерил более двух недель.

Кларнет выругался еще раз, нащупал в темноте спички и вышел в коридор.

Там тоже было темно.

— Опять пережгли свет, гражданин хороший?

Хороший гражданин невольно выронил зажженную спичку. Голос принадлежал майору в отставке Будилову, зануде, человеконенавистнику и любителю строгого порядка. Майор жил одиноко и скучно. Первые десять дней после получения пенсии он находился в постоянно подогреваемом состоянии злобного возбуждения, осталь-

ные же двадцать пребывал в глубокой депрессии. Питался он неизвестно где и, хотя имел на кухне персональный столик, хозяйства никакого не вел. Раз в месяц приезжала его дочь, жившая отдельно, привозила выстиранное белье и забирала очередную порцию грязного. О себе Будилов рассказывать не любил. Было лишь известно, что он жертва каких-то обстоятельств, и, если бы не эти обстоятельства, его майорская звезда давно уже превратилась бы в созвездие полковника. В какой именно части небосвода должно было сиять это созвездие, оставалось невыясненным, так как, судя по всему, в боевых действиях майор никогда не участвовал.

— Опять, говорю, свет пережгли?

Кларнет зажег новую спичку.

— Сейчас посмотрю пробки.

Между тем начали открываться многочисленные двери, выходящие в общий коридор. По стенам забегали уродливые тени в призрачном свете лампадок, фонариков и свечных огарков. Аварии осветительной сети были привычным явлением, и жильцы встречали их во всеоружии.

— Боже! — дрожащим голосом сказала учительница, жившая возле кухни. — Каждый день! Должны же быть, в конце концов, какие-то правила общежития, обязательные для всех. У меня двадцать непроверенных классных работ.

— Правила! — фыркнул Будилов. — Это у нас квартира такая беспринципная. В другой надавали бы пару раз по мордасам, сразу бы узнал, что за правила.

— По мордасам ни к чему, — возразил солидный баритон. — По мордасам — теперь такого закона нету, а вот в комиссию содействия сообщить нужно.

— Ладно! — огрызнулся Кларнет. — Лучше помогите притащить из кухни стол.

— Ишь какой! — ткнул в него пальцем Будилов. — Нет, уважаемый, сам пережег, сам и тащи, тут тебе нет помощников.

Кларнет, пыхтя, приволок кухонный стол, взгромоздил на него табуретку, а на табуретку — стул.

Электропроводка в квартире была оборудована еще в те времена, когда к току относились с такой же опаской, как в наши дни к атомной энергии. Поэтому святая святых — пробки — были упрятаны от непосвященных под самым потолком на четырехметровой высоте.

Набивший руку в таких делах, Кларнет попросил еще скамеечку для ног, которой пользовалась страдавшая ревматизмом учительница, и, завершив ею постройку пирамиды, влез наверх.

Он наугад крутанул одну из многочисленных пробок, и в дальнем конце коридора раздался рев:

— Эй! Кто там со светом балуется?!

— Извините! — сказал Кларнет. — Это я случайно не ту группу. Да посветите же, тут ни черта не видно! Чья-то сострадательная рука подняла вверх свечку.

— Так... — Кларнет вывернул еще две пробки. — В общем, понятно. Есть у кого-нибудь кусочек фольги?

— Чего?

— Серебряной бумаги от шоколада.

— Шоколадом не интересуемся, — сказал Будилов.

— Подождите, Юра, сейчас принесу. — Учительница направилась в комнату.

Неизвестно, как пошли бы дальнейшие события, если б Кларнет проявил больше осмотрительности, покидая свою вышку. Очевидно, тот момент, когда его левая нога потеряла опору, и был поворотным пунктом, где робкая Случайность превращается в самоуверенную Закономерность.

Грохнувшись вниз, он пребольно стукнулся головой о край стола, отчего пришел в совершенное исступление. Во всяком случае, иначе он не стал бы, вернувшись в комнату, вымещать злобу на ни в чем не повинной антенне. Ни один здравомыслящий человек не будет топтать ногами то, над чем с такой любовью трудился столько вечеров.

От этого малопродуктивного занятия его отвлек голос стоявшего в дверях Будилова:

— А стол кто будет ставить на место?

* * *

Неприятности проходят, а хобби остается. Это известно каждому, начиная от юного коллекционера марок и кончая престарелым любителем певчих птиц, всем, в чьей душе горит всепожирающая страсть к занятиям, не приносящим пользы.

Неудивительно поэтому, что уже на следующий день Кларнет, насвистывая песенку, пытался устранить последствия вчерашней вспышки гнева. Увы! Чем больше

он прикладывал усилий, тем меньше его антенна походила на изящный параболоид. Трудно сказать, к какому классу поверхностей причислил бы ее специалист по топологии. Что-то вроде изъеденного червями, скрученного листа.

Кто может предугадать непостижимый и таинственный миг открытия? Доведенный до отчаяния человек раздраженно бросает на плиту комок каучука, смешанного с серой. «Баста! — говорит он. — Больше ни одного опыта!» И вот чудо совершилось: найден способ вулканизации, кладущий начало резиновой промышленности. Неврастеник, страдающий мигренью от стука колес детского велосипеда, обматывает их клистирными трубками. Проходит несколько лет, и шорох шин слышен на всех дорогах мира. Скромный экономист-плановик подключает к допотопному телевизору искореженную проволочную корзину и... ничего не происходит. Решительно ничего. Экран по-прежнему светится голубоватым светом, но изображения нет, сколько ни верти антенну.

Как бы вы поступили в этом случае? Вероятно, выдернули бы вилку и отправились спать. Поэтому закон всемирного тяготения, спутники Марса, радиоактивный распад, волновые свойства электрона и многое другое открыты не вами. Вам чужд благородный азарт исследователя.

Кларнет закурил и задумался. Затем, повинувшись какому-то наитию, начал дальше скручивать антенну по спирали. И вдруг все чудесным образом изменилось. Сначала на экране забегали черные молнии, а затем, в их ореоле, возникло лицо девушки. Оно было неописваемо красиво. Красиво, потому что в противном случае мы посягнули бы на святые каноны фантастики. Неописваемо, так как все, что прекрасно, не может быть выражено словами. Попробуйте описать торс Венеры, улыбку Джоконды, запах жасмина или трель соловья. Поэты в таких случаях прибегают к сравнениям, но это — не более, чем трюк. Объяснение одних понятий через другие ничего никому не дает. Ограничимся тем, что она была красива. Ее наряд... Тут я снова вынужден признаться в своей беспомощности. Любой мужчина способен десятилетия помнить форму какой-нибудь ерундовой родинки на плече возлюбленной, но никогда не в состоянии рассказать, в каком платье она была вчера.

— Ну, что вы таращите на меня глаза? — спросила

девушка.— И пожалуйста, не воображайте, что это вы меня открыли. Просто форма вашей антенны хорошо вписывается в кривизну пространства времени. Иначе вам бы не видать меня как своих ушей. Я ведь за вами давно наблюдаю. Занятно вы живете!

Кларнет машинально огляделся по сторонам и почувствовал себя крайне неловко. Одно дело предстать перед хорошенькой женщиной во всеоружии тщательной подготовки, а другое — быть застигнутым врасплох в собственной комнате. Снятое еще позавчера белье, скомканное, валялось тут же, у неприбранной кровати. На столе рядом с паяльником и канифолью лежал промасленный лист газеты с огрызками хлеба и скелетами копчушек — остатками вчерашнего ужина. Батарея немытых бутылок из-под кефира красовалась на подоконнике. Черт знает что!

Кларнет застегнул на груди ковбойку, сунул под стол босые ноги в стоптанных шлепанцах и изобразил на лице подобие улыбки.

— Вот как? Чем же я обязан такому вниманию? Девушка нахмурилась.

— Что вы там шевелите губами? Я вас все равно не слышу. Отвечайте на вопросы жестами. Если да — кивните головой, если нет — помотайте. Понятно?

— Понятно,— растерянно сказал Кларнет.

— Понятно или нет?

Кларнет кивнул.

— Вот так лучше. Вы можете собрать таймерный радиопередатчик?

— Что это такое?

— Ну до чего же бестолковый! Можете или нет?

Кларнет покачал головой.

— Конечно! — усмехнулась девушка.— Откуда же вам уметь? Ведь в ваше время их еще не было. Допотопная техника. И деталей подходящих нет. Придется мне его вам трансмутировать. Замерьте-ка расстояние от центра вашей антенны до середины стола по вертикали и горизонтали. Результат напишите на бумажке. Надеюсь, мерить вы умеете?

Кларнет порылся в ящике с инструментами и извлек оттуда заржавленную металлическую рулетку.

Девушка наблюдала за ним с иронической улыбкой.

— Не так! Проведите мысленно два перпендикуля-

ра. Вот! Запишите! Теперь — до поверхности стола. Отлично! Покажите-ка, что у вас получилось.

Кларнет поднес к экрану листок с записанными цифрами.

— Допустим, что вы не ошиблись,— поморщилась она.— Уберите всю эту дрянь со стола. Телевизор можете сдвинуть на край. Осторожно! Не поверните антенну! Отойдите подальше и не пугайтесь. Раз, два, три!

Кларнет сделал несколько шагов к двери, и тут над столом возникло нечто. Не то облачко, не то солнечный зайчик, не то... Впрочем, разобраться во всем этом ему не удалось. Запахло паленым, и по старой клеенке начало расползаться коричневое пятно, а вскоре и вовсе повалил дым.

— Шляпа! — сказала незнакомка.— Замерить и то как следует не сумел. Ну, что же вы стоите? Тушите скорее!

Кларнет помчался на кухню, забыв впопыхах притворить дверь. Когда он рысью возвращался с чайником, у его комнаты уже стоял принюхивавшийся к чему-то Будиллов.

— Пожар у вас, что ли?

— Нет, это просто так. Окурок прожег клеенку.

Будиллов попытался было войти, но Кларнет захлопнул у него перед носом дверь и повернул ключ.

Между тем стол уже горел по-настоящему. Кларнет вылил на него чайник воды, но этого оказалось мало, пришлось бежать за вторым.

— Хватит! — сказала девушка.— Слышите? Хватит, а то вы мне все испортите. Берите передатчик.

Кларнет вытащил из прожженной дыры маленькую черную шкатулку.

— Ну-с, говорите.

— Что говорить? — растерялся Кларнет.

— Как вас зовут?

— Юра.

— Хорошо, пусть Юра. Так вот что, Юра: никаких расспросов, иначе мне придется прервать с вами всякие отношения. Все, что нужно вам знать, я скажу сама. Кстати, меня зовут Маша.

— Очень приятно! — сказал Кларнет.

Маша насмешливо поклонилась.

— Мы с вами находимся в одной и той же точке пространства, но разделены временным интервалом,

каким — неважно. Вы — там, а я — тут, в будущем. Ясно?

— Где?! — спросил ошеломленный Кларнет. — Где вы находитесь?

— В Ленинграде, где же еще?

— Простите, — пробормотал Кларнет, — это, так сказать...

— Ничего не так сказать. Я историк-лингвист, занимаюсь поэзией двадцатого века. Вы согласны мне помочь?

— Вообще... я никогда...

— Я тоже никогда не разговаривала с таким... ну, словом, поможете или нет?

«Какая-то она уж больно напористая», — подумал Кларнет, но вслух сказал:

— Буду рад, если в моих силах.

— Это уже хорошо! — Маша обворожительно улыбнулась. — Так по рукам?

— По рукам! — ответил Кларнет и с сожалением взглянул на экран. Эх! Нужно было покупать телевизор побольше.

— Отлично! Теперь я объясню вашу роль.

— Слушаю, — сказал Кларнет.

— Не перебивайте меня. Понимаете ли, я живу в такое время, когда библиотек уже нет, одна машинная память. Это, конечно, гораздо удобнее, но если нужно откопать что-нибудь древнее, начинаются всякие казусы. Я запрашиваю о Пастернаке, а мне выдают какую-то чушь про укроп, сельдерей, словом, полный набор для супа. С Блоком еще хуже. Миллионы всяких схем электронных блоков. Ведь что ни говори, с тех пор, как они писали, прошло уже две тысячи лет.

— Сколько?!

Маша закусил губу.

— Ну вот, я и проболталась! Фу, дура! Теперь жди неприятностей.

— Я никому не скажу, — произнес в благородном порыве Кларнет, — честное слово, не скажу!

— Ах, как нехорошо! — Маша закрыла лицо руками. — Нам запрещены контакты с прошлым. Я ведь тайком от всех. Даже Федю услала, чтобы все в полной тайне...

— Кто такой Федя? — Кларнету почему-то не понравилось это имя.

— Мой лаборант. Очень милый парень.— Маша опустила руки и снова улыбнулась.— Представляете себе, влюблен в меня до потери сознания, так и ходит по пятам. Еле выпроводила.

Бывают странные ощущения где-то там, чуть выше грудобрюшной преграды. Не то чтобы болит, а так, не разберешь что такое. Какая-то непонятная тоска. И очень милые парни вовсе не кажутся такими уж милыми, да и вообще вся человеческая жизнь, если разобратся...

— Ладно! — Маша решительно тряхнула волосами.— Будь что будет!.. Итак, мне нужна помощь. Возьмете в библиотеке Блока и Пастернака. Все, что есть. Усвоили?

— Да, и что дальше?

— Будете читать вслух.

— Зачем?

— Ох! — Маша потерла виски пальцами.— Вот экземплярчик попался! Будете читать, а я запишу. Неужели так трудно понять?

— Нет, отчего же,— сказал Кларнет,— понять совсем не трудно. Вот только читаю я неважно.

— Ну, это меньше всего меня беспокоит. Значит, завтра в это время.

Изображение пропало, как будто кот слизнул. Только что она была здесь, а сейчас пуст экран, безнадежно пуст. Исчезло наваждение, сгнуло, и все, что осталось,— это маленькая черная коробочка да мокрый обгоревший стол.

* * *

Когда многократно повторенный опыт в одних и тех же условиях дает неизменный результат, то есть все основания считать, что установленные связи подчинены какому-то закону.

Так, например, если любители ранней похмельки выстраиваются в длинные очереди у ларьков в бесплодном ожидании возделенной цистерны с пивом, если строители бестрепетно роют канавы в ухоженных газонах, обнажая склеротическую кровеносную систему города, если по утрам к шуму трамвая под окном добавляется пыхтение катков для асфальта, если, просыпаясь от щебета птиц, вы не можете сообразить, ночь сейчас или день, знайте: на дворе июнь.

Если на дворе июнь, а вам двадцать шесть лет, если вы каждый вечер читаете девушке прекрасные стихи, если... Впрочем, хватит! И так все ясно.

Какой-то пошляк, родоначальник литературных штампов, сказал, что любовь не знает преград. Ну и что? Одно дело не знать преград, а другое — суметь их преодолеть, или, как выразился бы философ, добиться такого развития событий, когда любовь в себе превращается в любовь для себя. Ведь что ни говори, а две тысячи лет...

Хотите еще одну заезженную сентенцию? Пожалуй-ста! Беда приходит оттуда, откуда ее меньше всего ждешь. На этот раз она явилась через дверь в облике дворника, пригласившего однажды вечером Кларнета незамедлительно прибыть в домоуправление, где его ждет комиссия содействия в полном составе.

Состав оказался не так уж велик: два человека, не считая уже известного нам бравого майора в отставке.

Увидев Кларнета, майор пришел в крайнее возбуждение и вытянул вперед правую длань, отчего стал сразу удивительно похож на Цицерона, обличающего Катилину.

— Вот он, голубчик! Собственной персоной!

Председатель комиссии расправил седые запорожские усы и вытащил из стола листок, исписанный корявым почерком.

— Так... садитесь, товарищ Кларнет.

Кларнет сел.

— Имеются сигналы, что вы пользуетесь незарегистрированным радиопередатчиком. Верно это?

— Нет у меня никакого передатчика,— солгал Кларнет.

— Ну до чего же нахально темнит! — патетически воскликнул Будилов.— Ведь сам слышал, как передает! То открытым, то закрытым текстом.

Председатель вопросительно взглянул на Кларнета.

— Это... я стихи читаю.

— Почему же вслух? — удивилась интеллигентного вида немолодая женщина.

— Они так лучше запоминаются.

— Врет, врет! — кипятился майор.— Пусть тогда скажет, что он там у себя паяет, почему пробки все время горят?

— Ну-с, товарищ Кларнет?

— Не паяю я. Раньше, когда телевизор ремонтировал, то паял, а сейчас не паяю.

Председатель крикнул и снова расправил усы.

— Так... Значит, только стихи читаете?

— Только стихи.

— Какие будут суждения? — Он поглядел на женщину, но та только плечами пожала.

— Обыск бы нужно сделать, — сказал Будилов. — С понятыми.

— Таких прав нам не дано, — поморщился председатель. — А вы, товарищ Кларнет, учтите, никому не возбраняется и телевизоры мастерить, и радиоприемники...

— И стихи читать, — насмешливо добавила женщина.

— И стихи читать, — подтвердил председатель. — Но ежели действительно радиопередатчик... тут другое дело. Нужно зарегистрировать. И вам лучше, и нам спокойней. Согласны?

— Согласен, — вздохнул Кларнет, — только нет у меня никакого передатчика.

О святая, неумелая, бесхитростная ложь! Ну, кому какое дело до честного слова, опрометчиво брошенного в туманное будущее?

Нет, Кларнет, не тебе тягаться с выдавшим виды майором в отставке Будиловым. Сколько ты ни темни, расколется он тебя, непременно расколется! Пора подумать, чем это все может кончиться.

* * *

— Маша! — Кларнет говорил шепотом, опасливо поглядывая на дверь. — Пойми, Маша, я этого просто не переживу.

— Что ты предлагаешь?

— Не знаю. Возьми меня туда. Есть же, наверное, какие-нибудь машины времени.

— Нет таких машин, — печально улыбнулась Маша. — Все это сказки.

— Но сумела же ты переправить передатчик.

— Это совсем другое дело. Трансмутация. Но ведь она у вас еще не изобретена.

Кларнета внезапно осенила идея.

— Послушай, а ты сама бы не смогла?

— Что?

— Трансмутироваться сюда.

— Ох! Ты понимаешь, что ты говоришь?! Нет, это невозможно!

— Но почему?!

— Я же сказала, никаких контактов с прошлым. Нельзя менять историю. Трансмутацией во времени у нас пользуются не больше, чем в пределах столетия, и то со всякими ограничениями. А тут... ведь возврата назад уже не будет. Остаться навсегда неизвестно где...

— Известно! Ты же будешь со мной!

Маша заплакала.

— Ну что ты, Машенька?!

— А ты меня никогда не разлюбишь? — спросила она, сморкаясь в крохотный платочек.

Вы сами знаете, что отвечают в подобных случаях.

В июне все идет по раз навсегда установленным законам. Вот набежала туча, брызнул дождь, а там, глядишь, через несколько минут снова греет солнышко.

— Не могу же я в таком виде к вам явиться, — сказала Маша. — Достань мне хоть несколько журналов мод.

Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать за женщиной, изучающей фасоны платьев? Такого абсолютного отвлечения от суетного мира, такого полного погружения в нирвану не удавалось добиться ни одному йогу. Не пробуйте в это время ей что-нибудь говорить. Она будет кивать головой, но можете быть уверены, что ни одно слово не доходит до ее сознания.

— Переверни страницу!

— Послушай, Маша...

— Это не годится, следующую!

— Маша!

— Поднеси ближе, я хочу рассмотреть прическу.

— Машенька!

— Дай другой журнал.

На все нужно смотреть философски, и каждое терпение бывает вознаграждено сторицей.

Кларнет убедился в этом уже на следующий день.

— Ну, как я тебе нравлюсь?

Он обалдел.

Давеча я наклеветал на мужчин, будто они неспособны оценить по достоинству женский наряд. Внесем поправку: оценить способны, запомнить — нет.

Но тут была налицо такая разительная перемена...

Во-первых, Кларнет установил, что трефовая дама его сердца превратилась в бубновую. Изменилась не только масть. Доступный ранее для обозрения лоб богини был теперь прикрыт завитой челкой, тогда как затылок подстрижен совсем коротко.

Во-вторых, вместо каких-то ниспадающих одежд на ней был обтягивающий фигуру свитерок.

А в-третьих... В-третьих — мини-юбка.

Не верьте предсказателям! На то они и предсказатели, чтобы врать. Нет, никогда не выродится человечество в беззубых головастика с хилыми конечностями, не выродится, независимо от того, что по сему поводу думают антропологи. Не знаю, как обстоит дело где-нибудь в Крабовидной туманности, но на Земле пара восхитительных ножек всегда будет вызывать волнение, подобное тому, какое мы испытываем, просматривая тиражную таблицу. Сознайтесь, кто из вас, несмотря на ничтожный шанс, не мечтал втайне о главном выигрыше?

Счастливчик Кларнет! Этот выигрыш достался ему, единственному из триллионов людей, родившихся и сошедших в могилу за два тысячелетия.

— Ну как?

— Потрясающе!

— Теперь я готова.

Любовь не так безрассудна, как принято думать. Подсознательно она чувствует, что отгремят свадебные цимбалы, погрузится во мрак чертог, промчится полная счастья ночь и настанет, по меткому определению поэта, благословенный день забот.

Кое-какие из этих забот уже заранее посетили Кларнета.

— Кстати, Машенька,— сказал он небрежным тоном,— не забудь захватить с собой паспорт.

— Что?

— Ну, документ, удостоверяющий личность.

Маша рассмеялась.

— Глупый! Как же документ может удостоверить личность? Личность — это я,— она горделиво повернулась в профиль,— а документ — бумажка. Вряд ли ты бы удовлетворился такой подменой.

Вот тебе первый сюрприз, Кларнет! «Что это за гражданка у вас ночует?» — «Это моя жена». — «Она прописана?» — «Нет, видите ли, у нее потерян пас-

порт». — «Разрешите взглянуть на свидетельство о браке». — «Мы знаете, ли, еще не успели...» — «Какой-нибудь документ, удостоверяющий личность?» — «Ну, что вы?! Человеческая личность неповторима, неужели какая-то бумажка...» Н-да...

— А диплом?

— Какой диплом? — удивилась Маша.

— Училась же ты где-то?

— Конечно!

— Так вот, свидетельство об окончании.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — Маша надула губы. — Если ты раздумал, так прямо и скажи, а не... не...

Страшная вещь женские слезы. Черт с ними, со всякими бумажками! Целый ворох их не стоит и одной крохотной слезинки. Подумаешь, важное дело — диплом. «Выдан в три тысячи девятьсот таком-то году». Тьфу, пропасть! Ладно, что-нибудь придумаем!

— Не надо, Машенька! Ты меня неправильно поняла. Просто в нашем времени есть свои особенности. Ну, давай назначим день.

— А почему не завтра?

— Завтра? Гм... завтра. Видишь ли, мне нужно кое-что подготовить. Взять отпуск на работе и вообще...

— Когда же?

— Сейчас сообразим. — Кларнет вынул из записной книжки табель-календарь. — Сегодня у нас четверг. Давай в субботу. Суббота двадцать девятого июня. — Он обвел красным карандашом дату. — Согласна?

— Хорошо! Я за это время уговорю Федю.

— При чем тут Федя?

— Мне самой не справиться. Я ведь всего лишь лингвист, а тут нужно составить программу трансмутации так, чтобы не получилось осечки.

Ну что ж, Федя так Федя. Кларнет даже почувствовал какое-то злобное удовлетворение.

— Нужны ориентиры, — продолжала Маша, — не такие, как ты мне дал прошлый раз. Пустынное место, где нет транспорта и пешеходов, лучше поздно вечером. Вот что, давай-ка у Медного Всадника в одиннадцать часов вечера.

— Он у вас еще стоит?

— Еще бы! Договорились?

— Договорились! — радостно сказал Кларнет. — У Медного Всадника в одиннадцать часов вечера в субботу двадцать девятого июня. Не забудешь?

— Такие вещи не забывают. Ну, целую!

* * *

Тот, кто никогда не выходил на свидание задолго до назначенного срока, достоин сожаления. Настоящая любовь прошла мимо, не задев его даже краем своих белоснежных одежд.

...Наступал час, когда белая ночь отдает беззащитный город во власть колдовских чар.

По остывающему асфальту скользили на шабаш юные ведьмы в коротких распашонках. Изнывающие от сладостного томления чертенята подтанцовывали в подворотнях, повесив на грудь транзисторные приемники, старый греховодник в лихо сдвинутом берете, под которым угадывались элегантные рожки, припадая на левое копыто, тащил тяжелый магнитофон. Скрюченная карга с клюкой несла под мышкой полупотрошеного петуха в цветастом пластиковом мешочке.

Марципановые ростральные колонны подпирали бело-розовую пастилу неба, сахарный пароходик резал леденцовую гладь Невы, оставляя за кормой пенистую струю шампанского. Над противнями крыш вечерний бриз гнал на закланье белых пушистых ягнят, и надраенный шампур Адмиралтейства уже сверкал отблеском подвешенного на западе мангала. А там, где хмельные запахи лились в реку из горлышка Сенатской площади, маячила исполинская водочная этикетка с Медным Всадником на вздыбленном коне. Все готовилось к свадебному пиру.

Кларнет шел по ковру тополиного пуха, и на шелковых подушках клумб навстречу ему раскрывались лепестки фиалок, доверчиво, как глаза любимой.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Основательное знакомство с творчеством Блока определенно пошло на пользу моему герою.

...Тот, кто не простаивал на месте свидания, когда уже все мыслимые сроки прошли, не знает, что такое муки любви.

Она обманула... Нет горше этих слов на свете.

Тоскливо дождливым утром в Ленинграде, ох, как тоскливо! Все кажется мерзким: и злобный оскал лошади, и самодовольная рожа всадника, и насмешливые крики чаек, и сгорбленные фигуры первых пешеходов, и плюющийся черным дымом буксир, волокущий грязную баржу, и покрытая коростой дождя река, и похожие на свежие могильные холмы клумбы с небрежно брошенными мокрыми цветами, и нелепые столбы, у подножия которых сидят голые мужики с дурацкими веслами.

Тошно с опустошенной душой возвращаться в одинокое свое жилье, где подготовлен ужин на двоих и вянут уже никому не нужные розы,— трудно сказать, до чего тошно!

Торговец! В твоих руках секрет забвенья, нацеди мне из той бочки добрую кружку вина! Ах, еще не продаете? Простите, я вечно путаю эпохи.

...Сколько же раз можно нажимать кнопку вызова, пока тебе ответят?! Ну вот, слава богу!

На экране проявилась физиономия вихрастого юноши.

— Ну? — спросил он, неприязненно взглянув на Кларнета. Очевидно, это и был тот самый Федя.

— Где Маша?

— Вам лучше знать.

— Она не прибыла.

— Не может быть, — нахмурился юноша. — Я сам составлял программу. Максимальный разброс по времени не должен превышать пяти минут.

— Все-таки ее нет. Я прождал десять часов.

Федя недоуменно почесал затылок.

— Сейчас проверю. Какой у вас вчера был день?

— Суббота двадцать девятого июня, вот погляди-те! — Кларнет поднес к экрану календарь, на котором красным карандашом была отмечена вожаделенная дата.

— А год?

— Тысяча девятьсот шестьдесят девятый.

Федя уткнул нос в какие-то записи. Когда он наконец поднял голову, его лицо было перекошено.

— Идиот! — сказал он тихо и злобно. — Прозевал свое счастье, дубина! Суббота двадцать девятого июня! Ищи ее теперь во вчерашнем дне. Понятно? Каждый день — во вчерашнем.

Изображение на экране исчезло.

Кларнет растерянно взглянул на картонный прямоугольник, который все еще вертел в руках, и обмер. Это был прошлогодний календарь!

* * *

С тех пор в Ленинграде каждый вечер можно видеть обросшего бородой, небрежно одетого человека, который внимательно вглядывается в лица встречаемых женщин. Он идет всегда одной дорогой, мимо Биржи на Васильевском острове, через Дворцовый мост, вдоль фасада Адмиралтейства, и выходит к памятнику. Там он стоит некоторое время, а потом возвращается назад тем же маршрутом.

По утрам, когда он просыпается, ему кажется, что вчера она была здесь. Нет, не кажется. Он помнит ее поцелуи, наконец, есть десятки примет, свидетельствующих, что это не сон. И так — каждое утро. Он плачет, и слезы каплют в стакан с чаем, который он проглатывает, торопясь на работу.

А вечером он снова отправляется на бесплодные поиски.

Иногда его видят в компании пожилого тучного человека.

— Ты понимаешь, Будилов, — говорит он, — человек не может жить вчерашним днем. Нельзя быть сытым от обеда, который съел накануне. Что толку, что она тебя целовала вчера? Человеку все нужно сегодня. Чтобы каждый день было сегодня. Ты понял?

— Ладно, пойдем домой, фантазер. Смотри не споткнись!

Будилов берет его под руку и бережно ведет, пока тот заплетающимся языком бормочет стихи:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет...

И тогда Будилову тоже почему-то хочется плакать.

Конференция

Соломенно-желтый шар медленно вращается на экране. Раскаленные пустыни, высохшие водоемы, растрескавшиеся голые скалы.

Мертвая, покинутая планета.

Народный Уполномоченный повернул выключатель и откинулся в кресле. Серебристо-матовая поверхность экрана медленно тускнела.

Покинутая планета! Десять лет титанического труда по эвакуации населения, бессонные ночи и полные напряженной работы дни — все это уже позади.

Ну что ж! Пора и ему надевать скафандр. Иначе не выйдешь на поверхность.

Слегка согнувшись под тяжестью кислородного баллона, он медленно бредет по бесконечным пустынным улицам подземного города.

Центральный пульт. Здесь еще чувствуется жизнь. Сияющие белизной панели, тысячи разноцветных лампочек, экраны с изображениями ритмично работающих машин, дрожащие стрелки приборов.

Одну за другой он нажимает кнопки: реакторы аварийного освещения, зеленый сигнал вспыхивает на щите — подтверждение запуска реакторов; остановка кислородных станций, остановка фабрик синтетической пищи, лабораторий органического синтеза, климата, промышленных предприятий, связи, транспорта, горнорудной промышленности. Теперь уже почти все стрелки приборов стоят на нуле. Гаснут лампочки на щитах. Застыли в непривычной неподвижности изображения машин на экранах.

Подземный мир планеты погружается в сон.

Последняя кнопка — энергоснабжение. Темнеющие экраны. В тусклом свете ламп аварийного освещения зал Центрального пульта кажется бесконечным...

Старый, смертельно уставший человек поднимается по ступеням неподвижного эскалатора. Жар раскаленной поверхности планеты проникает через плотную ткань космического комбинезона. Пора включать индивидуальное охлаждение.

* * *

Пилот нетерпеливо поглядывает на часы. До старта осталось пятнадцать минут. Небольшая задержка, и все навигационные расчеты придется делать заново. Почему же он так медленно идет?

— Товарищ Уполномоченный! Корабль готов к старту, экипаж и пассажиры в кабине.

— Мария уже сняла скафандр?

— Нет, она в грузовом отсеке.

— Попросите, пожалуйста, ее выйти.

Пилот сокрушенно смотрит на циферблат, но Уполномоченный слишком занят своими мыслями, чтобы заметить это.

Через несколько минут маленькая фигурка в мешковатом комбинезоне сбегает по трапу.

— Что-нибудь случилось?

Голубые глаза тревожно смотрят сквозь стекло шлема.

— Простите, что я вас побеспокоил. Мне хочется перед отлетом посмотреть на ваших питомцев.

— Пройдем в колонию?

— Нет, вызовите старшего сюда.

Мария вытаскивает из купола шлема тонкий прут антенны.

— А-381! Срочно направляйся к месту старта. Ориентируйся по моим радиосигналам.

Пилот, безнадежно махнув рукой, поднимается по трапу. Нужно все подготовить для корректировки расчетов.

Уполномоченный с любопытством смотрит на приближающуюся фигуру робота.

— А-381 прибыл по вашему вызову.

— С тобой хочет говорить Уполномоченный.

— Слушаю.

— Мы улетаем.

— Знаю. Вы когда-нибудь вернетесь?

— Нет, мы навсегда покидаем Солнечную систему. Живые здесь не могут больше оставаться. Теперь хозяевами планеты будут роботы. Ты хорошо знаешь свои обязанности?

— Хранить в памяти человеческие знания, беречь себя и все, что нам оставлено Живыми, производить себе подобных и обучать их, менять тактику поведения в зависимости от внешних условий, непрерывно совершенствоваться. В случае появления на планете пришельцев из космоса передать им то, что заложено в нашей памяти Живыми, и все, что сохранится к этому времени на планете.

— Правильно. Не забывай, что находиться в подземельях опасно. Ожидаются землетрясения. Подземные города, вероятно, будут разрушены. Вам придется производить раскопки.

— Это заложено в нашей программе.

— Следите за тем, чтобы ваши солнечные батареи были всегда заряжены.

— Знаю.

— Планета лишилась атмосферы. Сейчас на поверхности очень велика метеоритная опасность.

— Наша колония уже под крышей.

— Хорошо, можешь идти. Помни: Живые доверили вам все, что ими было добыто за многие миллионы лет.

— Помню.

— Иди. Желаю успеха.

— Удачного полета.

— Спасибо.

* * *

Прошло два миллиона лет, а крохотная, лишенная атмосферы песчинка на краю Галактики, лежащая в стороне от маршрутов лайнеров Космического Содружества, так и не привлекла ничьего внимания.

Что же касается роботов, то... впрочем, лучше послушаем, что они сами говорят.

Председатель. Уважаемые коллеги! Наша конференция посвящена одной из наиболее интересных проблем современной науки — гипотезе немашинных форм жизни. Слово для сообщения предоставляется профессору химического синтеза, автомату класса «А» досточтимому ЛА-36-93. Прошу вас, профессор!

Л А-3 6-9 3.. Жесткий регламент, принятый на наших собеседованиях, заставляет меня ограничиться только кратким сообщением о полученных экспериментальных данных и о предположениях, вытекающих из них. Более подробно материал изложен в тезисах доклада, розданных участникам совещания.

В течение последних лет в нашей лаборатории ведутся опыты по синтезу высокомолекулярных углеводородных соединений.

В этом году нам удалось создать небольшой комок слизи, проявляющий все признаки того, что мы привыкли называть жизнедеятельностью. (*Оживление в зале.*) В жидкой органической среде этот комок обнаруживает способность к самопроизвольному передвижению, реагирует на раздражение током и усваивает находящиеся в растворе вещества. Вследствие не вполне еще разгаданных процессов окисления этих веществ обеспечивается необходимый энергетический жизненный баланс. При отсутствии кислорода в жидкости комок погибает.

Наиболее интересным свойством полученных в последнее время вариантов слизи является ее способность, ассимилируя органические соединения, расти и размножаться делением.

Таким образом, не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с совершенно новой формой жизни, резко отличающейся от привычных нам представлений о высокоорганизованной материи.

Может быть, где-нибудь во Вселенной существуют миры, где органическая жизнь достигла такого же высокого развития, какого на нашей планете достигла машинная. (*Оживление в зале, иронический скрип на скамьях автоматов класса «Б».*) Я понимаю, что автоматов класса «Б» больше интересует техническое применение сделанного открытия. Мне кажется, что способность полученного вещества реагировать на внешние раздражения позволит использовать его в некоторых счетно-решающих устройствах, облегчающих работу автоматов, а впоследствии, может быть, даже создать на этой базе некое подобие электронного мозга.

Председатель. Слово предоставляется заведующему кафедрой эволюции машин, автомату класса «А», почтенному РА-84-41.

РА-84-41. Доложенный здесь нашим ученым коллегой экспериментальный материал очень интересен, и у

нас нет никаких оснований сомневаться в его достоверности.

Однако я вынужден возразить по поводу некоторых выводов докладчика.

Неясно, действительно ли мы имеем дело в данном случае с проявлением жизнедеятельности в полном смысле этого слова. Мне кажется, что реакции на раздражение током могут быть просто следствием изменения поверхностного натяжения комка слизи. Может быть, на этом принципе и возможно какое-то моделирование некоторых функций полупроводникового нейрона, однако сомнительно, чтобы из столь примитивных моделей когда-нибудь удалось создать хотя бы жалкое подобие электронного мозга. Не следует забывать, что в основе всякой мыслительной деятельности лежит способность хранить информацию, называемая памятью. При всем разнообразии известных нам видов памяти: магнитной, емкостной, криогенной — ни один из них не может быть осуществлен в органической материи.

Таким образом, следует считать все предположения о возможности моделирования мыслительных процессов автоматов комбинацией элементов, составленных на базе углеводородных соединений, совершенно беспочвенными.

Председатель. Слово предоставляется доктору философии, заслуженному автомату класса «А», высококочтимому НА-54-26.

НА-54-26. Мне хотелось бы подойти к проблеме с несколько иных позиций, чем это было сделано в предыдущих выступлениях.

Прежде всего требуется определить само понятие «жизнь». По нашим представлениям, оно складывается из следующих элементов:

а) наличия устройств, превращающих солнечный свет в электрическую энергию, являющуюся основой моторной деятельности организма и протекающих в нем мыслительных процессов;

б) способности конструирования себе подобных и передачи им накопленного опыта.

Может ли органическая материя удовлетворять этим условиям?

Мы знаем, что на базе углеводородных соединений нельзя создать фотоэлементы, преобразующие излучение в электрическую энергию.

Поддержание энергетического баланса за счет реакций окисления возможно только в жидкой среде, так как в контакте с газообразным кислородом органические существа немедленно бы сгорели. Нам удастся получать жидкости только в лабораторных условиях. Можно, конечно, пофантазировать и представить себе гипотетический мир, в котором вещество находится в жидкой фазе и содержит все необходимое для жизнедеятельности органических существ. Что же произойдет в этом случае?

Бесконтрольное размножение в геометрической прогрессии путем деления очень быстро исчерпает все жизненные ресурсы среды, и размножающаяся материя сама себя лишит того, что служит предпосылкой для ее существования.

Вывод напрашивается сам собой: предположение о существовании в природе углеводородных форм жизни не выдерживает критики.

Председатель. Есть еще желающие высказаться? Вы хотите? Ваш индекс и звание? Отлично! Слово предоставляется аспиранту Института Истории Планеты, автомату класса «В», полупочтенному ЮВ-9611-7442.

Ю В-9 6 1 1-7 4 4 2. Я, так сказать, мало компетентен и вообще не берусь утверждать, но мне кажется, в общем, что, может быть, изображения странных существ, попадающихся в раскопках древних поселений эры примитивных машин, считающихся плодом творчества первобытных автоматов... не были ли они на самом деле памятниками культуры органических пришельцев из космоса, подчинивших себе в ту далекую эпоху наших предков. (*Веселый скрип в зале, переходящий в оглушительный скрежет.*) Я еще думал, что, может быть, конический спутник нашей планеты, так сказать, дело их рук. (*Шум в зале, крики: «Регламент!»*) Простите, я, конечно... так сказать... не предполагал, вообще... (*Садится на место.*)

Председатель. Разрешите подвести итоги нашей дискуссии. По-видимому, сегодня нет никаких оснований считать реальным существование в природе органических форм жизни на базе углеводородных соединений. Что же касается технического применения парадокса, обнаруженного нашим коллегой, то, как мне кажется, попытки использовать его в новых счетно-решающих приборах могут заслуживать внимания, хотя на пути реализации этой идеи стоит очень много чисто инженерных трудностей.

В атолле

— Мы теперь можем сколько угодно играть в робинзонов,— сказал папа,— у нас есть настоящий необитаемый остров, хижина и даже Пятница.

Это было очень здорово придумано — назвать толстого, неповоротливого робота Пятницей. Он был совсем новый, и из каждой щели у него проступали под лучами солнца капельки масла.

— Смотри, он потеет,— сказал я.

Мы все стояли на берегу и смотрели на удаляющегося «Альбатроса». Он был уже так далеко от нас, что я не мог рассмотреть, есть ли на палубе люди. Потом из трубы появилось белое облачко пара, а спустя несколько секунд мы услышали протяжный вой.

— Все,— сказал папа,— пойдем в дом.

— А ну, кто быстрее?! — крикнула мама, и мы помчались наперегонки. У самого финиша я споткнулся о корень и шлепнулся на землю, и папа сказал, что это несчастный случай и бег нужно повторить, а мама спросила, больно ли я ушибся. Я ответил, что все это ерунда и что вполне могу опять бежать к берегу, но в это время раздался звонок, и папа сказал, что это, вероятно, вызов с «Альбатроса» и состязание придется отложить.

Звонок все трещал и трещал, пока папа не включил видеофон. На экране появился капитан «Альбатроса». Он по-прежнему был в скафандре и шлеме.

— Мы уходим,— сказал он,— потому что...

— Я понимаю,— перебил его папа.

— Если вам что-нибудь понадобится...

— Да, я знаю. Счастливого плавания.

— Спасибо! Счастливого оставаться.

Папа щелкнул выключателем, и экран погас.

— Пап,— сказал я,— они навсегда ушли?

— Они вернутся за нами,— ответил он.

— Когда?

— Месяца через три.

— Так долго?

— А разве ты не рад, что мы наконец сможем побыть одни и никто нам не будет мешать?

— Конечно, рад,— сказал я, и это было чистой правдой.

Ведь за всю свою жизнь я видел папу всего три раза и не больше чем по месяцу. Когда он прилетал, к нам всегда приходила куча народу, и мы никуда не могли выйти без того, чтобы не собралась толпа, и папа раздавал автографы и отвечал на массу вопросов, и никогда нам не давали побыть вместе по-настоящему.

— Ну, давайте осматривать свои владения,— предложил папа.

Наша хижина состояла из четырех комнат: спальни, столовой, моей комнаты и папиного кабинета. Кроме того, там была кухня и холодильная камера. У папы в кабинете было очень много всякой аппаратуры и настоящая электронно-счетная машина, и папа сказал, что научит меня на ней считать, чтобы я мог помогать ему составлять отчет.

В моей комнате стояли кровать, стол и большущий книжный шкаф, набитый книгами до самого верха. Я хотел их посмотреть, но папа сказал, что лучше это сделать потом, когда мы полностью осмотрим остров.

Во дворе была маленькая электростанция, и мы с папой попробовали запустить движок, а мама стояла рядом и все время говорила, что такие механики, как мы, обязательно что-нибудь сожгут, но мы ничего не сожгли, а только проверили зарядный ток в аккумуляторах.

Потом мы пошли посмотреть антенну, и папе не понравилось, как она повернута, и он велел Пятнице влезть наверх и развернуть диполь точно на север, но столб был металлический, и робот скользил по нему и никак не мог подняться. Тогда мы с папой нашли на электростанции канифоль и посыпали ею ладони и колени Пятницы, и он очень ловко взобрался наверх и сделал все, что нужно, а мы все стояли внизу и аплодировали.

— Пап,— спросил я,— можно, я купаюсь в океане?

- Нельзя, — ответил он.
- Почему?
- Это опасно.
- Для кого опасно?
- Для тебя.
- А для тебя?
- Тоже опасно.
- А если у самого берега?

— В океане купаться нельзя, — сказал он, и я подумал, что, наверное, когда папа таким тоном говорит «нельзя» там, на далеких планетах, то ни один из членов экипажа не смеет с ним спорить. — Мы можем выкупаться в лагуне.

Право, это было ничуть не хуже, чем если бы мы купались в настоящем океане, потому что эта лагуна оказалась большим озером в середине острова и вода в ней была теплая-теплая и совершенно прозрачная.

Мы все трое плавали наперегонки, а потом мы с папой ныряли на спор, кто больше соберет ракушек со дна, и я собрал больше, потому что папа собирал одной рукой, а я двумя.

Когда нам надоело собирать ракушки, мы сделали для мамы корону из веточек коралла и морских водорослей, а папа украсил ее морской звездой.

Мама была похожа в ней на настоящую королеву, и мы стали перед ней на одно колено, и она посвятила нас в рыцари.

Потом я предложил Пятнице поплавать со мной. Было очень забавно смотреть, как он подходил к воде, щелкал решающим устройством и отступал назад. А потом он вдруг отвинтил на руке палец и бросил его в воду, и, когда палец утонул, Пятница важно сказал, что роботы плавать не могут. Мы просто покатывались от хохота, такой у него был при этом самодовольный вид. Тогда я спросил у него, могут ли роботы носить на руках мальчиков, и он ответил, что могут. Я встал ему на ладони, и он поднял меня высоко над головой, к самой верхушке пальмы, и я срывал с нее кокосовые орехи и кидал вниз, а папа ловил.

Когда солнце спустилось совсем низко, мама предложила пойти к океану смотреть закат.

Солнце стало красным-красным и сплющивалось у самой воды, и от него к берегу потянулась красная све-

тящаяся полоса. Я зажмурил глаза и представил себе, что мчусь по этой полосе прямо на Солнце.

— Пап,—спросил я,—а тебе приходилось лететь прямо на Солнце?

— Приходилось,—ответил он.

— А там от него тоже тянется такая полоса?

— Нет.

— А небо там какого цвета?

— Черное,—сказал папа.— Там все другое... незнакомое и... враждебное.

— Почему? —спросил я.

— Я когда-нибудь расскажу тебе подробно, сынок,—сказал он,—а сейчас идемте ужинать.

Дома мы затеяли очень интересную игру. Мама стояла у холодильника, а мы угадывали, что у нее в руках. Конечно, каждый из нас называл свои любимые вещи; а каким-то чудом оказывалось, что мы каждый раз угадывали. Поэтому ужин у нас получился на славу.

Папа откупорил бутылку вина и сказал, что мужчинам после купания совсем не вредно пропустить по рюмочке. Он налил мне и себе по полной рюмке, а маме — немножко. «Только чтобы чокнуться»,—сказала она.

После ужина мы смотрели по телевизору концерт, и диктор перед началом сказал, что этот концерт посвящается нам. Мама даже покраснела от удовольствия, потому что она очень гордится тем, что у нас такой знаменитый папа.

Они передавали самые лучшие песни, а одна певица даже пропела мою любимую песенку о белочке, собирающей орешки. Просто удивительно, как они об этом узнали.

Когда кончился концерт, папа сказал, что ему нужно садиться писать отчет, а я отправился спать.

Я уже лежал в постели, когда мама пришла пожелать мне спокойной ночи.

— Мама, посиди со мной,—попросил я.

— С удовольствием, милый,—сказала она и села на кровать.

В открытое окно светила луна, и было светло, совсем как днем. Я смотрел на мамино лицо и думал, какая она красивая и молодая. Я поцеловал ее руку, пахнущую чем-то очень приятным и грустным.

— Мама,—спросил я,—почему это запахи бывают грустные и веселые?

— Не знаю, милый,— ответила она,— мне никогда не приходилось об этом думать. Может быть, просто каждый запах вызывает у нас какие-то воспоминания, грустные или веселые.

— Может быть,— сказал я.

Мне было очень хорошо. Я вспомнил проведенный день, самый лучший день в моей жизни, и думал, что впереди еще восемьдесят девять таких дней.

— Ох, мама,— сказал я,— какая замечательная штука жизнь и как не хочется умирать!

— Что ты, чижик? — сказала она.— Тебе ли говорить о смерти? У тебя впереди такая огромная жизнь.

Мне было ее очень жалко: еще на «Альбатросе» ночью я слышал, как они с папой говорили об этой ужасной болезни, которой папа заразился в космосе, и о том, что всем нам осталось жить не больше трех месяцев, если за это время не найдут способа ее лечить. Ведь поэтому экипаж «Альбатроса» был одет в скафандры, а мы никуда не выходили из каюты, и в океане, вероятно, нам нельзя купаться, раз эта болезнь заразная.

И все же я подумал, что когда люди так любят друг друга, нужно всегда говорить только правду.

— Не надо, мамочка, дорогая,— сказал я.— Ведь даже если не найдут способа лечить эту болезнь...

— Найдут,— тихо сказала мама,— обязательно найдут. Можешь быть в этом совершенно уверен.

Фиалка

Город простирался от полярных льдов до экваториального пояса. Западные и восточные границы Города омывались волнами двух океанов.

Там, за лесом нефтяных вышек, присосавшихся к морскому дну, раскинулись другие города, но этот был самым большим.

На два километра вторгался он в глубь земли и на сорок километров поднимался ввысь.

Подобно гигантскому спруту, лежал он на суше, опустив огромные трубы в воду.

Эти трубы засасывали все необходимое для синтеза, рования продуктов питания и предметов обихода Города.

Потом вода нагнеталась в подземные рекуператоры, отбирала от планеты тепло, отдавала его Городу и снова сливалась в океан.

Крыша Города была его легкими. Здесь, на необозримых просторах регенерационного слоя, расположенного выше облаков, солнечные лучи расщепляли продукты дыхания сорока миллиардов людей, обогащая воздух Города кислородом.

Он был таким же живым, как те, кто его населял, великий Город, самое грандиозное сооружение планеты.

В подземных этажах Города были расположены фабрики. Сюда поступало сырье, отсюда непрерывным потоком лились в Город пища, одежда — все, в чем нуждалось многочисленное и требовательное население Города.

Тут, в свете фосфоресцирующих растворов, без вмешательства человека текли таинственные и бесшумные процессы Синтеза.

Выше, в бесконечных лабиринтах жилых кварталов, как во всяком городе, рождались, умирали, работали и мечтали люди.

— Завтра уроков не будет,— сказала учительница,— мы пойдем на экскурсию в заповедник. Предупредите родителей, что вы вернетесь домой на час позже.

— Что такое заповедник? — спросила девочка с большим бантом.

Учительница улыбнулась.

— Заповедник — это такое место, где собраны всякие растения.

— Что собрано?

— Растения. Во втором полугодии я буду вам о них рассказывать.

— Расскажите сейчас,— попросил мальчик.

— Да, да, расскажите! — раздались голоса.

— Сейчас у нас очень мало времени, и это длинный разговор.

— Расскажите, пожалуйста!

— Ну что с вами поделаешь! Дело в том, что Дономага не всегда была такой, как теперь. Много столетий назад существовали маленькие поселения...

— И не было Города? — спросил мальчик.

— Таких больших городов, как наш, еще не было.

— А почему?

— По многим причинам. В то время жизнь была очень неустроенной. Синтетическую пищу никто не умел делать, питались растениями и животными.

— А что такое животные?

— Это вы будете проходить в третьем классе. Так вот... было очень много свободной земли, ее засевали всякими растениями, которые употреблялись в пищу.

— Они были сладкие?

— Не знаю.— Она снова улыбнулась.— Мне никогда не приходилось их пробовать, да и не все растения годились в пищу.

— Зачем же тогда их... это?..

— Сеяли? — подсказала учительница.

— Да.

— Сеяли только те растения, которые можно было есть. Многие же виды росли сами по себе.

— А как они росли, как дети?

Учительнице казалось, что она никогда не выберется из этого лабиринта.

— Вот видите,— сказала она,— я же говорила, что за пять минут рассказать об этом невозможно. Они рос-

ли, потому что брали у почвы питательные вещества и использовали солнечный свет. Завтра вы все это увидите собственными глазами.

* * *

— Мама, мы завтра идем в заповедник! — закричал мальчик, распахивая дверь.

— Ты слышишь? Наш малыш идет в заповедник.

Отец пожал плечами.

— Разве заповедник еще существует? Мне казалось...

— Существует, существует! Нам учительница сегодня все про него рассказала. Там всякие растения, они едят что-то из земли и растут! Понимаешь, сами растут!

— Понимаю, — сказала мать. — Я там тоже была лет двадцать назад. Это очень трогательно и очень... наивно.

— Не знаю, — сказал отец, — на меня, по правде сказать, это особого впечатления не произвело. Кроме того, там голая земля, зрелище не очень аппетитное.

— Я помню, там была трава, — мечтательно произнесла мать, — сплошной ковер из зеленой травы.

— Что касается меня, то я предпочитаю хороший пол из греющего пластика, — сказал отец.

* * *

Лифт мягко замедлил стремительное падение.

— Здесь нам придется пересаживаться, — сказала учительница, — скоростные лифты ниже не спускаются.

Они долго стояли у смешной двери с решетками, наблюдая неторопливое движение двух стальных канатов, набегающих на скрипящие ролики, пока снизу не выползла странного вида коробка с застекленными дверями.

Учительница с трудом открыла решетчатую дверь. Дети, подавленные непривычной обстановкой, молча вошли в кабину.

Слегка пощелкивая на каждом этаже, лифт опускался все ниже и ниже. Здесь уже не было ни светящихся панелей, ни насыщенного ароматами теплого воздуха. Запахи утратили чарующую прелесть синтетики и вызывали у детей смутную тревогу. Четырехугольник бездонного колодца освещался режущим глаза светом люминесцентных ламп. Шершавые бетонные стены шахты, казалось, готовы были сомкнуться над их головами и на-

всегда похоронить в этом странном, лишенном радости мире.

— Долго еще? — спросил мальчик.

— Еще двадцать этажей, — ответила учительница. — Заповедник расположен внизу, ведь растениям нужна земля.

— Я хочу домой! — захныкала самая маленькая девочка. — Мне тут не нравится!

— Сейчас, милая, все кончится, — сказала учительница. Она сама чувствовала себя здесь не очень уютно. — Потерпи еще минутку.

Внизу что-то громко лязгнуло, и кабина остановилась.

Учительница вышла первой, за ней, торопясь, протиснулись в дверь ученики.

— Все здесь?

— Все, — ответил мальчик.

Они стояли в полутемном коридоре, конец которого терялся во мраке.

— Идите за мной.

Несколько минут они двигались молча.

— Ой, тут что-то капает с потолка! — взвизгнула девочка с бантом.

— Это трубы, подающие воду в заповедник, — успокоила ее учительница. — Видно, они от старости начали протекать.

— А где же заповедник? — спросил мальчик.

— Вот здесь. — Она приоткрыла окованную железом дверь. — Заходите по одному.

Ошеломленные внезапным переходом от полумрака к яркому свету, они невольно зажмурили глаза. Прошло несколько минут, прежде чем любопытство заставило их оглядеться по сторонам.

Такого они еще не видели.

Бесконечный колодец, на дне которого они находились, был весь заполнен солнцем. Низвергающийся сверху световой поток зажег желтым пламенем стены шахты, переливался радугой в мельчайших брызгах воды маленького фонтанчика, поднимал из влажной земли тяжелые, плотные испарения.

— Это солнце, — сказала учительница, — я вам про него уже рассказывала. Специальные зеркала, установленные наверху, ловят солнечные лучи и направляют их вниз, чтобы обеспечить растениям условия, в которых они находились много столетий назад.

— Оно теплое! — закричал мальчик, вытянув вперед руки. — Оно теплое, это солнце! Смотрите, я ловлю его руками!

— Да, оно очень горячее, — сказала учительница. — Температура на поверхности солнца достигает шести тысяч градусов, а в глубине еще больше.

— Нет, не горячее, а теплое, — возразил мальчик, — оно, как стены в нашем доме, только совсем другое, гораздо лучше! А почему нам в Городе не дают солнце?

Учительница слегка поморщилась. Она знала, что есть вопросы, порождающие лавину других. В конце концов это всего лишь дети, и им очень трудно разобраться в проблемах, порою заводящих в тупик даже философов. Разве объяснишь, что сорок миллиардов человек... И все же на каждый вопрос как-то нужно отвечать.

— Мы бы не могли существовать без солнца, — сказала она, погладив мальчика по голове. — Вся наша жизнь зависит от солнца. Только растения непосредственно используют солнечные лучи, а мы и их заставляем работать в регенерационных установках и в солнечных батареях. Что же касается солнечного света, то он нам совсем не нужен. Разве мало света дают наши светильники?

— Он совсем не такой, он холодный! — упрямо сказал мальчик. — Его нельзя поймать руками, а этот можно.

— Это так кажется. В будущем году вы начнете изучать физику, и ты поймешь, что это тебе только кажется. А сейчас попросим садовника показать нам растения.

Он был очень старый и очень странный, этот садовник. Маленького роста и с длинной белой бородой, спускавшейся ниже пояса. А глаза у него были совсем крохотные. Две щелки, над которыми торчали седые кустики бровей. И одет он был в какой-то чудной белый халат.

— Он игрушечный? — спросил мальчик.

— Тише! — сказала ему шепотом учительница. — Ты лучше поменьше говори и побольше смотри.

— А я могу и смотреть и говорить, — сказал мальчик. Ему казалось, что садовник приоткрыл один глаз и подмигнул ему. Впрочем, он не был в этом уверен.

— Вот здесь, — сказал садовник тоненьким-тоненьким голоском, — вот здесь полезные злаки. Пятьдесят стеблей пшеницы. Сейчас они еще не созрели, но через

месяц на каждом стебельке появится по несколько колосков с зернами. Раньше эти зерна шли в пищу, из них делали хлеб.

— Он был вкусный? — спросила девочка с бантом.

— Этого никто не знает, — ответил старичок. — Рецепт изготовления растительного хлеба давно утерян.

— А что вы делаете с зернами? — спросила учительница.

— Часть расходуется на то, чтобы вырастить новый урожай, часть идет на замену неприкосновенного музейного фонда, а остальное... — Он развел руками. — Остальное приходится выбрасывать. Ведь у нас очень мало земли: вот эта грядка с пшеницей, два дерева, немного цветов и лужайка с травой.

— Давайте посмотрим цветы, — предложила учительница.

Садовник повел их к маленькой клумбе.

— Это фиалки — единственный вид цветов, который уцелел. — Он нагнулся, чтобы осторожно поправить завернувшийся листик. — Раньше, когда еще были насекомые, опыление...

— Они еще этого не проходили, — прервала его учительница.

— Можно их потрогать? — спросил мальчик.

— Нагнись и понюхай, — сказал садовник, — они чудесно пахнут.

Мальчик встал на колени и вдохнул нежный аромат, смешанный с запахами влажной, горячей земли.

— Ох! — прошептал он, склоняясь еще ниже. — Ох, ведь это... — Ему было очень трудно выразить то, что он чувствовал. Запах пробуждал какие-то воспоминания, неясные и тревожные.

Остальные дети уже осмотрели траву и деревья, а он все еще стоял на коленях, припав лицом к мягким благоухающим лепесткам.

— Ну все! — Учительница взглянула на часы. — Нам пора отправляться. Поблагодарите садовника за интересную экскурсию.

— Спасибо! — хором произнесли дети.

— До свидания! — сказал садовник. — Заходите как-нибудь еще.

— Обязательно! — ответила учительница. — Эта экскурсия у них в учебной программе первого класса. Теперь уже в будущем году, с новыми учениками.

Мальчик был в дверях, когда случилось чудо. Кто-то сзади дернул его за рукав. Он обернулся, и садовник протянул ему сорванную фиалку. При этом он с видом заговорщика приложил палец к губам.

— Это... мне?! — тихо спросил мальчик.

Садовник кивнул головой.

— Мы тебя ждем! — крикнула мальчику учительница. — Вечно ты задерживаешься!

— Иду! — Он сунул цветок за пазуху и шмыгнул в коридор.

* * *

В этот вечер мальчик лег спать раньше, чем обычно. Погасив свет, он положил фиалку рядом на подушку и долго лежал с открытыми глазами, о чем-то думая.

Было уже утро, когда мать услышала странные звуки, доносившиеся из детской.

— Кажется, плачет малыш, — сказала она мужу.

— Вероятно, переутомился на этой экскурсии, — пробурчал тот, переворачиваясь на другой бок. — Я еще вечером заметил, что он какой-то странный.

— Нужно посмотреть, что там стряслось, — сказала мать, надевая халат.

Мальчик сидел на кровати и горько плакал.

— Что случилось, малыш? — Она села рядом и обняла его за плечи.

— Вот! — Он разжал кулак.

— Что это?

— Фиалка! — У него на ладони лежало несколько смятых лепестков и обмякший стебель. — Это фиалка, мне ее подарил садовник. Она так пахла!

— Ну что ты, глупенький?! — сказала мать. — Нашел о чем плакать. У нас дома такие чудесные розы.

Она встала и принесла из соседней комнаты вазу с цветами.

— Хочешь, я тебе ихотрегулирую на самый сильный запах?

— Не хочу! Мне не нравятся эти цветы!

— Но они же гораздо красивее твоей фиалки и пахнут лучше.

— Неправда! — сказал он, ударив кулаком по подушке. — Неправда! Фиалка — это совсем не то, она... она... — И он снова заплакал, потому что так и не нашел нужного слова.

Судья

В одном можно было не сомневаться: меня ждал скорый и беспристрастный суд.

Я был первым подсудимым, представшим перед Верховным Электронным Судьей Дономаги.

Уже через несколько минут допроса я понял, что не в силах больше лгать и изворачиваться.

Вопросы следовали один за другим с чудовищной скоростью, и в каждом из них для меня таилась новая ловушка. Хитроумная машина искусно плела паутину из противоречий в моих показаниях.

Наконец мне стало ясно, что дальнейшая борьба бесполезна. Электронный автомат с удивительной легкостью добился того, чего следователю не удавалось за долгие часы очных ставок, угроз и увещеваний. Я признался в совершении тягчайшего преступления.

Затем были удалены свидетели, и я остался наедине с судьей.

Мне было предоставлено последнее слово.

Я считал это пустой формальностью. О чем можно просить бездушный автомат? О снисхождении? Я был уверен, что в его программе такого понятия не существует.

Вместе с тем я знал, что пока не будет произнесено последнее слово подсудимого, машина не вынесет приговора и стальные двери судебной камеры не откроются. Так повелевал Закон.

Это была моя первая исповедь.

Я рассказывал о тесном подвале, где на полу, в куче тряпья, копошились маленькие человекообразные существа, не знающие, что такое солнечный свет, и об измученной непосильной работой женщине, которая была им матерью, но не могла их прокормить.

Я говорил о судьбе человеческого детеныша, вынужденного добывать себе пищу на помойках, об улице, которая была ему домом, и о гнусной шайке преступников, заменявшей ему семью.

В моей исповеди было все: и десятилетний мальчик, которого приучали к наркотикам, чтобы полностью парализовать его волю, и жестокие побои, и тоска по иной жизни, и тюремные камеры, и безнадежные попытки найти работу, и снова тюрьмы.

Я не помню всего, что говорил. Возможно, что я рассказал о женщине, постоянно требовавшей денег, и о том, что каждая принесенная мною пачка банкнот создавала на время крохотную иллюзию любви, которой я не знал от рождения.

Я кончил говорить. Первый раз в жизни по моему лицу текли слезы.

Машина молчала. Только периодически вспыхивавший свет на ее панели свидетельствовал о том, что она продолжала анализ.

Мне показалось, что ритм ее работы был иным, чем во время допроса. Теперь в замедленном мигании лампочек мне чудилось даже какое-то подобие сострадания.

«Неужели,— думал я,— автомат, созданный для защиты Закона тех, кто исковеркал мою жизнь, тронут моим рассказом?! Возможно ли, чтобы электронный мозг вырвался из лабиринта заданной ему программы на путь широких обобщений, свойственных только человеку?!»

С тяжело бьющимся сердцем, в полной тишине я ждал решения своей участи.

Проходили часы, а мой судья все еще размышлял. Наконец прозвучал приговор:

«К а з н и т ь и п о с м е р т н о п о м и л о в а т ь».

Взаимопонимание возможно

— Это больной Вахромеев, профессор. Я вам уже докладывал.— Врач положил на стол историю болезни.

Профессор походил на эффелевского бога Саваофа. У него была лохматая седая борода и простодушный взгляд, свойственный только карманным воришкам и очень опытным психиатрам. Этот взгляд с профессиональной точностью отметил и асимметрию лица больного, и то, как, закрывая дверь, он посмотрел себе под ноги, и неуверенную походку.

— Разденьтесь!

Больной скинул халат и торопливо стянул рубаху.

Профессор вел осмотр быстро и элегантно, как будто играл в давно знакомую и очень увлекательную игру. Дважды он удовлетворенно хмыкнул. Патологические рефлексы. Классический случай, прямо хоть сейчас на демонстрацию студентам.

— Так... Одевайтесь!

Несколько минут он листал историю болезни.

— Так что вас беспокоит?

Больной усмехнулся.

— Этот вопрос я должен бы задать вам.

— В каком смысле?

— Ведь вы меня держите в сумасшедшем доме, а не я вас.

— Ловко! — захохотал профессор.— Ловко вы меня поддели! Я вижу, вам пальца в рот не клади! Однако...— Он снова стал серьезным и взглянул на первую страницу истории болезни.— Однако, Дмитрий Степанович, во-первых, здесь не сумасшедший дом, а клиника

неврозов, а во-вторых, скажите, вам когда-нибудь приходилось видеть сумасшедшего?

Вахромеев задумался.

— Ну как? — спросил профессор, отметив про себя, что больной погрузился в воспоминания, видимо, забыв об окружающей обстановке. — Приходилось?

— Приходилось.

— Находите ли вы какое-нибудь сходство между вашим поведением и поведением того сумасшедшего.

— Нет.

— Вот видите. Даже вам, человеку неискушенному, ясна разница. Так неужели вы думаете, что я, врач с пятидесятилетним стажем, неспособен отличить нормального человека от сумасшедшего?

— Не знаю. Во всяком случае, я здесь. Тогда объясните, зачем меня сюда привезли.

— Вот это другой вопрос! Попробуем сообща найти на него ответ.

Профессор вытащил из кармана серебряный портсигар с монограммой. Почувствовав запах табачного дыма, Вахромеев глотнул слюну.

— Пожалуйста, курите! — Профессор протянул ему портсигар и щелкнул зажигалкой. — Итак... почему вы находитесь тут на излечении? Прежде всего потому, что у вас налицо признаки функционального расстройства центральной нервной системы. С сумасшествием это имеет так же мало общего, как понос с раком желудка. Ваше заболевание излечивается полностью. Пройдете курс лечения, и мы с вами распрощаемся, надеюсь, навсегда.

Вахромеев посмотрел под стол.

— Вы что-нибудь потеряли? — спросил профессор, многозначительно взглянув на врача.

— Нет... Сколько же времени продлится лечение?

— Это во многом зависит от вас. В таких случаях очень важно полное взаимопонимание между лечащим врачом и пациентом. Мы поможем вам, а вы поможете нам. Согласны?

— Согласен, — вздохнул Вахромеев. — Что же от меня требуется?

— Прежде всего расскажите об этой крысе.

— Что рассказывать?

— Какая она, большая или маленькая?

— Подкрысок.

Профессор удивленно поднял брови:

— Что значит подкрысок?

— Подкрысок — это подкрысок, — раздраженно сказал Вахромеев. — Бывает подлещик, бывает подсвинок, а это подкрысок.

— Значит, подросток?

— Подросток — у людей, у крыс — подкрысок.

— Хорошо. Серая или белая?

— Черная.

— Вот такая? — Профессор нарисовал на листе бумаги очень похожий силуэт крысы.

— Такая.

— Ясно. Как часто она к вам приходила?

— Не она, а он.

— Откуда вы знаете?

— Он мне сам сказал.

— Гм... Ну, допустим... Так как часто он к вам приходил?

— Сначала редко. Он боялся. Если была приотворена дверь, смотрел с порога, в комнату не заходил. Потом я начал, уходя на работу, оставлять ему еду в блюдечке. Что-нибудь вкусненькое. Вот он и привык ко мне.

— Отлично! Что же дальше?

— Однажды вечером он пришел и взобрался ко мне на плечо.

— Правое или левое?

— Какое это имеет значение?!

— Просто так, любопытствую.

— Левое.

— И тогда вы начали с ним разговаривать?

— Нет. Недели две он приходил и сидел просто так. Ну, а потом...

— Что же было потом?

— Заговорил.

— На каком же языке он заговорил?

— Ни на каком. Просто я его начал понимать.

— Телепатически?

— Может быть, и телепатически.

— А он тоже понимал ваши мысли?

— Понимал.

Врач хотел было что-то сказать, но профессор жестом его остановил.

— Скажите, Дмитрий Степанович, — спросил он, — а у вас раньше не было таких ощущений? Ну, скажем,

едете вы в трамвае, и вдруг вам начинает казаться, что кто-то читает ваши мысли. Какой-то незнакомый вам человек.

— Нет... Просто я... сам иногда... Впрочем, ерунда! Не было такого!

— Значит, только с этой... с этим подкрыском?

— Да.

— О чем же вы разговаривали?

— Этого я вам сказать не могу.

— Почему?

— Не поверите.

Профессор взял в руки узкую ладонь Вахромеева и пристально посмотрел ему в глаза. При этом его взгляд сразу утратил былое простодушие.

— Дмитрий Степанович,— сказал он тихо и раздельно.— Мы с вами уже говорили, что лечение возможно только при полном взаимопонимании и доверии между нами. Ну, рассказывайте!

Вахромеев как-то обмяк.

— Хорошо! — забормотал он.— Я расскажу, все расскажу, только вы никому не говорите, а то...

— Так что вам говорил подкрысок?

— Он говорил, что, в общем... ну, словом, их род гораздо древнее нашего. Что они уже давно пытаются добиться, чтобы люди их оставили в покое, что никакого вреда они никому не причиняют, что люди ведут себя по отношению к ним просто мерзко, что сейчас им уже совсем житья не стало, что они могут многому нас научить, а мы этого не понимаем и... все такое.

— Спасибо!

Профессор откинулся в кресле и закрыл глаза. Некоторое время он сидел так, что-то обдумывая. Затем, видимо, приняв решение, поднял глаза на Вахромеева.

— Ну что ж, Дмитрий Степанович, попробуем во всем этом разобраться. Во-первых, этот ваш подкрысок. Известно ли вам, что при некоторых заболеваниях, в частности при белой горячке, люди видят чертей? Известно?

Вахромеев кивнул.

— Почему же именно чертей? — продолжал профессор.— Да потому, что в глазу есть клетки, имеющие очень сходную форму. В нормальном состоянии человек их не видит, а вот при белой горячке, вследствие расстройства зрения, появляется такая иллюзия.— Профес-

сор нарисовал рядом с силуэтом крысы хвостатого чертика.— Не правда ли похоже?

— Да.

— Кстати, а вы, Дмитрий Степанович, никогда не приносили чрезмерных жертв Бахусу?

— Кому?

— Бахусу. Ну, словом, не злоупотребляли ли алкоголем?

— Нет, я непьющий.

— Тем лучше. Просто мне хотелось объяснить вам, почему подобные галлюцинации всегда связаны с чертями или крысами.

Вахромеев неприязненно взглянул на профессора.

— Это не галлюцинация,— сказал он, вновь опуская глаза.— Настоящий живой подкрысок.

— Допустим,— согласился профессор.— В конце концов приручить крысенка не так уж трудно. Мне хочется вместе с вами выяснить другое обстоятельство. Вы по профессии?..

— Инженер-электрик.

— Великолепно! Значит, культурный человек. Это значительно облегчает мою задачу. Давайте немного порассуждаем. Вот вы говорили о телепатическом общении с этим крысенком.

— Подкрыском.

— Подкрыском,— кивнул профессор,— именно подкрыском. Я, знаете ли, не из тех, кто отвергает любую идею только потому, что она не укладывается в существующие концепции. К сожалению, мы еще очень многого не знаем, особенно там, где речь идет о человеческом мозге. В том числе и телепатические явления остаются пока загадкой. Не думайте, что в этой области подвизаются только шарлатаны. Даже сам Бехтерев отдал много времени, чтобы разобраться во всем этом. К сожалению, до сих пор ни один из научно поставленных опытов не подтвердил наличие телепатической связи.

— Да, но...

— Я предвижу все ваши возражения! — перебил профессор.— Я сам их часто высказываю в споре с теми, кто не проявляет достаточной научной объективности в подходе к этому вопросу. Обычно я привожу такой пример: если бы Исааку Ньютону сказали бы, что есть возможность видеть людей, находящихся на Луне,

и даже разговаривать с ними, он бы наверняка привел неопровержимые доказательства того, что это невозможно. Он просто ничего не знал об электромагнитных волнах. Не допускаем ли мы точно такую ошибку, когда отождествляем биосвязь на расстоянии с электромагнитными колебаниями? Может быть, существует иной, еще неизвестный нам вид носителя этой связи? Тем более, что у насекомых что-то подобное наблюдается. Не правда ли?

— Конечно! — убежденно сказал Вахромеев.

Профессор улыбнулся.

— Вот видите, Дмитрий Степанович, я не догматик. Наука догматизма не терпит. Однако она также не терпит игнорирования уже твердо установленных фактов, которые лежат в самой ее основе. Давайте посмотрим, что это за факты. Природа снабдила все живые существа органами чувств. Совокупность этих органов называется первой сигнальной системой. Только человек в процессе эволюции обрел речь. Именно это приобретение, именуемое второй сигнальной системой, поставило его над животным миром и дало возможность пользоваться абстрактными и обобщенными понятиями. Согласны?

— Согласен.

— Хорошо! Теперь предположим, что телепатическое общение все же возможно. Спрашивается, что это — свойство, утраченное человеком в процессе эволюции, или наоборот — приобретенное? Второе предположение мы вынуждены отвергнуть, так как, во-первых, человек, по данным антропологии, не менялся со времен кроманьонца, а во-вторых, именно наличие второй сигнальной системы делает биосвязь на расстоянии ненужной. Вы меня поняли?

— Понял.

— Теперь выводы делайте сами. Если и признать возможность телепатии, то она может осуществляться только на базе первой сигнальной системы. Всякую возможность телепатического разговора следует исключать, даже в общении между людьми. Что же касается ваших воображаемых разговоров с... подкрыском, то это вообще абсурд, потому что животные, как мы уже говорили, не обладают второй сигнальной системой.

— Но я же с ним говорил! — упрямо сказал Вахромеев.

— Это плод расстроенного воображения, результат болезненного состояния. Чем скорее вы это поймете, тем успешнее пойдет лечение. А сейчас,— он похлопал больного по плечу,— отдохните и подумайте обо всем в спокойной обстановке. До свидания!

Черный подкрысок закончил сообщение и сейчас вместе с пятью членами Совета почтительно прислушивался к мыслям исполинской белой крысы:

«Трудно переоценить значение этих опытов. Впервые удалось осуществить связь с двуногими. Может быть, это начало новой эры. Кто бы мог предположить, что взаимопонимание возможно? Теперь все сомнения отпали. Необходимо закрепить достигнутые результаты». «Но они держат его в заключении,— подумал подкрысок.— Осуществлять связь становится все труднее. За ним наблюдают круглые сутки».

Белая крыса пошевелила усами.

«В таком деле нужна ловкость и изворотливость. Или, может быть, ты считаешь себя непригодным для этой цели?»

Подкрысок почтительно склонил голову.

«Нет, что вы?! Я приложу все силы!»

«Тогда желаю успеха!»

— Так что будем делать? — спросил врач.— Ко мне обратилась его дальняя родственница. Она согласна взять его под расписку.

Профессор поморщился.

— Об этом говорить преждевременно. Такое течение шизофрении иногда дает острые и нежелательные вспышки. Пока продолжим химиотерапию. Если она не даст желаемых результатов, придется прибегнуть к электрошоку.

Секреты жанра

Инспектор отдела полезных ископаемых

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Джек Клинч прибыл в Космополис инкогнито. Поэтому его раздражало, что все, начиная со стюардесс и кончая дежурной в отеле, глядели на него с нескрываемым любопытством. Впрочем, это было в порядке вещей. Его двухметровый рост, рыжая шевелюра и пушистые рыжие усы всегда вызывали повышенный интерес, особенно у женщин. Нельзя сказать, чтобы сам Клинч был равнодушен к прекрасному полу, однако сейчас он предпочел бы на время быть обладателем менее броской внешности. Но не сбривать же из-за этого усы, взращенные с такой заботливостью!

Номер в отеле был заказан на имя Юджина Коннели, инженера из Лондона, поэтому Клинч, кроме маленького чемодана, захватил еще и объемистый портфель из буйволовой кожи с множеством застёжек.

Портфель был пуст, так же как и сафьяновый бумажник, хранящийся во внутреннем кармане темно-серого пиджака, сшитого одним из лучших портных Англии. На оплату костюма ушла большая часть полученного аванса. Не то чтобы Клинч был так уж беден, но последний год в делах ощущался застой, а жить он привык широко, ни в чем себе не отказывая.

— Пожалуйста, мистер Коннели! — Дежурная протянула ему ключ от номера. — Куда послать за вашим багажом?

— Не беспокойтесь. Я всего на несколько дней.

Клинч проследовал за боем, подхватившим чемодан и портфель.

Он придиричиво осмотрел апартаменты люкс, состоящие из спальни, кабинета и гостиной. Профессия частного детектива сводила Клинча с самыми различными

людьми, но он терпеть не мог скаредных клиентов. Что ж, на этот раз, кажется, все в порядке.

— Вам ничего не нужно, сэр?

— Нет, можете идти.

Клинч вынул из кармана брюк несколько монет.

— Благодарю вас, сэр! Бар на втором этаже, ресторан на первом. Если захотите обед в номер, позвоните в этот звонок.

— Хорошо.

— Помочь вам разложить вещи?

— Не нужно, я сам.

Клинч подождал, пока за боем закрылась дверь, достал из чемодана белье и начал наполнять ванну.

Через час, отдохнувший и свежевыбритый, он спустился в бар.

Там еще было мало народа. В углу, за столиком, трое парней со значками пилотов КОСМОЮНЕСКО пили виски в компании трех юных дев, да у стойки дремал какой-то тип в поношенном твидовом пиджаке и мятых брюках. На носу у него красовались огромные круглые очки.

Одна из девиц изумленно уставилась на Клинча.

— Милый,— обратилась она к своему кавалеру,— в следующий раз привези мне откуда-нибудь такое диво, ладно?

— Привезу,— кивнул тот.— Обязательно привезу, еще почище, с усами до самого пола.

Клинч вспыхнул. Больше всего он не терпел насмешек над своей внешностью. Однако ввязываться в скандал сейчас ему не было никакого резона. Одарив подвыпившую компанию презрительным взглядом, он подошел к стойке:

— Двойное martini! Только вместо маслины положите туда кусочек лакричного корня.

Бармен озадаченно взглянул на него:

— Вы совершенно правы, сэр... но...

— Ладно! Нет лакрицы, положите гвоздику.

— Сию минуту, сэр!

Дремавший у стойки очкарик приоткрыл один глаз:

— А я тебя где-то видел, парень! Не могу вспомнить— где. А ну-ка повернись!

Он положил руку на плечо Клинча. Тот, не поворачиваясь, сжал двумя пальцами его локоть, и очкарик взвыл от боли.

— Ах, ты так?! погоди, все равно дознаюсь, кто ты такой! Ведь у меня репортерская память.

Клинч залпом осушил свой стакан и встал.

— Советую тебе, дружок, не попадаться мне на глаза, а то всякое может случиться. Я ведь не всегда такой добрый, понял?

Он бросил на прилавок монету и гордо прошествовал к двери.

Встреча с клиентом была назначена на завтра, и Клинч решил пройтись, а заодно посмотреть здание, в котором эта встреча должна состояться. Одним из его правил была предварительная разведка местности.

Сорокаэтажное здание КОСМОЮНЕСКО, все из бетона и матового стекла, произвело на Клинча благоприятное впечатление. Такое учреждение не могло вызвать его по пустякам. Видимо, дело пахло солидным гонораром.

Поел он в маленьком кафе. Денег было в обрез, и приходилось экономить.

2

— Пожалуйста, мистер Клинч, доктор Роу вас ждет.— Секретарша улыбнулась и предупредительно открыла дверь, обитую коричневой кожей.

Доктор С. Роу, директор отдела полезных ископаемых КОСМОЮНЕСКО, восседал за большим письменным столом, на котором, кроме нескольких разноцветных телефонов, ничего не было. Именно таким, чопорным, сухопарым, лет пятидесяти, с холодным взглядом выцветших голубых глаз, и представлял себе Клинч этого человека. Блистательная научная карьера и привычка повелевать всегда накладывают свой отпечаток.

В глубоком кожаном кресле, удаленном от стола на такую дистанцию, чтобы чувствовалась разница в общественном положении посетителя и хозяина кабинета, сидел старший инспектор Интерпола Вилли Шнайдер. Клинчу уже приходилось с ним встречаться.

Видимо, дело было не шуточное, если приглашен Интерпол. Клинч знал, что Шнайдер пустяковыми преступлениями не занимается.

Третьей в кабинете была девушка лет двадцати пяти, хорошенькая, как куколка. Она сидела на диване, поджав под себя очаровательную ножку в ажурном чулке. Ее

черные кудри падали на плечи, а в синих глазах, когда она взглянула на Клинча, было нечто такое, отчего у него сладко заныло в груди.

Клинч поклонился.

— Очень рад, мистер Клинч, что вы любезно приняли наше приглашение,— произнес Роу.— Разрешите вам представить мадемуазель Лоран. Она у нас возглавляет управление личного состава. А это — герр Шнайдер из Интерпола.

— Мы уже знакомы.

— Совершенно верно! — подтвердил Шнайдер.— Мистер Клинч оказал нам однажды большую услугу в деле о гонконгской шайке торговцев наркотиками.

— Что ж, отлично! — Роу кашлянул и задумался, видимо, не зная, с чего лучше начать.— Должен вас предупредить, мистер Клинч,— продолжал он после небольшой паузы,— что дело, по которому мы к вам обращаемся, носит... э... строго доверительный характер.

Клинч не любил такие вступления.

— О деле я пока ничего не знаю,— сухо ответил он,— но гарантия тайны — одно из неперемennых условий работы частного детектива.

— Превосходно! — Роу поглядел на свои руки, словно отыскивая пятнышко грязи.— Тогда прямо приступим к делу. Думаю, вы знаете, что мы, я имею в виду КОСМО-ЮНОСКО, занимаемся разведкой и добычей полезных ископаемых в космосе.

— Знаю.

— В числе планет, на которых мы ведем работу, есть одна под названием Мези.

— Странное название! — усмехнулся Клинч.— Больше подходит для скаковой лошади. Кто же ее так окрестил?

Роу поморщился:

— Ничего странного нет. Мези — означает металлические залежи иридия. Надеюсь, вам известно, что это такое?

— Примерно.

— Мистер Клинч по образованию геолог,— вмешалась девушка.— Кстати, это было одной из причин, по которой...

— Не совсем так, мадемуазель,— прервал ее Клинч.— Когда-то я действительно окончил три курса геофизи-

ческого факультета. Диплома не имею, но иридий со свинцом не путаю.

— Тем лучше.— Роу изучающе поглядел на Клинча.— Тогда вы должны знать, что мощные залежи металлического иридия — явление совершенно уникальное. В данном же случае оно является результатом жизнедеятельности бактерий, разлагающих осмистый иридий и на Земле не встречающихся.

— Понятно.

— Мези — планета во многих отношениях своеобразная,— продолжал Роу.— Девяносто восемь процентов ее поверхности занимает океан, глубина которого даже у берегов доходит до шести километров. Поэтому всякое подводное бурение исключается. Небольшой клочок суши — базальтовые скалы со следами тектонического разлома. Единственное место, пригодное для проходки ствола,— небольшой пятачок в глубине ущелья.

— Вы там были, сэр? — спросил Клинч.

— Я там не был, но обстановку хорошо знаю по отчетам экспедиций.

Клинч вздохнул. Ему хотелось поскорее добраться до сути. Ведь зачем-то они его пригласили, да и Интерпол...

— Так чем я могу быть вам полезен? — напрямик спросил он.

— Подождите. Сейчас вам все станет ясным.

— Если только что-нибудь вообще может стать ясным,— иронически добавила мадемуазель Лоран.

Роу игнорировал ее замечание и продолжал тем же менторским тоном:

— В составе атмосферы планеты восемьдесят целых и три десятых процента кислорода. Он выделяется планктоном в океане. Животной жизни нет. Сила тяжести на экваторе составляет примерно три четверти земной. Словом, условия обитания и работы подходящие. Мы туда отправили рабочую группу и завезли оборудование стоимостью в сто миллионов.

— Сто миллионов фунтов?

— Нет, долларов. Вообще же вся эта затея обошлась уже около миллиарда.

— И что же?

— А то, что с момента начала работ там творятся странные вещи. При проходке главного ствола — взрыв, в результате которого ствол затоплен грунтовыми во-

дами. Затем инженер экспедиции кончает самоубийством.

— Каким способом он это проделал?

— Застрелился.

— Оставил какую-нибудь записку?

— В том-то и дело, что нет.

— И вы предполагаете, что это было не самоубийство?

— Предполагаю! Да я почти уверен!

— Что ж, можно произвести эксгумацию трупа, и судебно-медицинские эксперты всегда определяют...

— Трупа нет. Он кремирован на месте. Прах доставлен на Землю.

Клинч непроизвольно свистнул.

— Да... из пепла много сведений не выудишь.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Джек,— вмешался Шнайдер.— Как раз из пепла мы и выудили главную улику.— Он достал из кармана обгоревший кусочек металла.— Поглядите внимательно. Вам это что-нибудь напоминает?

Клинч протянул руку, и Шнайдер осторожно положил ему на ладонь свой трофей.

— Похоже на деформированную оболочку пули тридцать пятого калибра.

— Верно! — кивнул Шнайдер.— И какие же выводы вы из этого можете сделать?

— Ну, о выводах, мне кажется, говорить рано, хотя я понимаю, что вы имеете в виду. Если человек стреляет в себя из пистолета такого калибра, то пуля проходит навывлет, не правда ли?

— Конечно! И следовательно?..

— Выстрел был сделан с какого-то расстояния.

— Что и требовалось доказать! — Шнайдер удовлетворенно ухмыльнулся.

Клинч задумался. У него было такое чувство, что он зря сюда приехал. Если Интерпол уже ввязался в это дело, пусть продолжает. Роль советника при Шнайдере его совершенно не устраивала. Пожалуй, нужно сегодня же вернуться в Лондон, благо, клиент оплачивает самолет в оба конца. Осень — благодарное время для частного детектива. Какое-нибудь дело да подвернется.

— Крайне сожалею, мистер Роу,— сказал он, поднимаясь со стула,— но я вряд ли смогу быть вам чем-нибудь

полезен. Мне кажется, Интерпол нашел достаточный повод, чтобы начать расследование. Думаю, что герр Шнайдер прекрасно со всем справится.

— Интерпол не будет заниматься этим делом,— сказал Шнайдер.

— Почему?

— Сядьте, Джек, и я вам все объясню. По уставу нашей организации, мы не можем действовать вне пределов Земли. Межпланетная полиция еще не создана. Так что лететь на эту планету придется вам.

Клинч изумленно взглянул на него.

— Что?! Вы хотите, чтобы я отправился на эту... как ее... Сузи?

— Мези,— поправил Роу.

— Но это же займет уйму времени!

— Около года.— Роу вынул из ящика стола блокнот и начал его листать.— Ага, вот! Двадцатого октября — старт «Гермеса». Значит, до отлета у вас есть десять дней. Затем пять месяцев пути. «Гермес» совершает облет группы планет. На Мези посадка не производится. Вас высадят на почтовой ракете. Через месяц вы на той же ракете выйдете на постоянную орбиту, где вас подберет «Гермес» и доставит на Землю.

— И все ради того, чтобы выяснить, кто всадил пулю в инженера?

— Не только ради этого, мистер Клинч. Мы не имеем радиосвязи с экспедицией. Слишком много помех на пути. Почта, как вы сами видите, в один конец идет несколько месяцев. Мне нужно знать, что там делается. Можно ли откачать воду из шахты, и вообще, говоря между нами, стоит ли продолжать всю эту затею. Там сейчас всего три человека, один из них химик, другой врач, а третий биолог. В этих делах они не компетентны.

— А кто же работает в шахте?

— Автоматы.

— Роботы?

— Если хотите, можете называть их так, только не думайте, что они взбунтовались и прикончили своего повелителя. Это просто механизмы с высокой степенью автоматизации.

— Значит, предполагаемый убийца — один из трех членов экспедиции?

— Очевидно.

— Так...— Клинч вынул из кармана золотой портсигар.— Вы разрешите, мадемуазель?

Лоран вопросительно взглянула на Роу.

— Курите!— ответил тот и небрежно пододвинул пепельницу.

Клинч глубоко затянулся и выдохнул большой клуб дыма. Какое-то время он с интересом наблюдал за облаком, расплывшимся в воздухе. Крохотное подобие Вселенной со своими галактиками. Может быть, в одной из этих спиралей есть тоже своя планета с дурацким названием, подобная той, куда надо лететь пять месяцев, чтобы расследовать самоубийство, похожее на преступление. Подсознательно Клинч чувствовал, что Роу чего-то недоговаривает. Вряд ли нужно нанимать одного из лучших частных детективов для такого дела. Интересно, насколько они действительно заинтересованы во всей этой истории?

Клинч погасил окурок и обратился к Роу:

— Кстати, вы прикидывали, во что это вам все обойдется? Я имею в виду мой гонорар.

— Полагаю, что сорока пяти тысяч долларов, которые ассигнованы дирекцией, хватит.

Это была бóльшая сумма, чем собирался запросить Клинч.

— Кроме того,— продолжал Роу,— мы учитываем, что вы не можете явиться туда в качестве... э... сыщика. Поэтому по рекомендации мадемуазель Лоран мы вас зачислим на должность инспектора отдела полезных ископаемых с окладом две тысячи долларов в месяц со всеми надбавками, которые получает наш персонал в космосе.

Клинч поглядел на мадемуазель Лоран. Она сидела все в той же позе. Очаровательный бесенок, который того и гляди высунет язычок за чьей-нибудь спиной. Начальница управления личного состава. Видимо, с ее мнением тут считаются. Интересно, кто ей покровительствует? Не сам ли Роу? Тогда, прямо сказать, вкус у него неплохой.

Клинч встал:

— Я подумаю, мистер Роу. Однако мне нужно более подробно ознакомиться с обстоятельствами дела.

— Конечно! Мадемуазель Лоран и герр Шнайдер сообщат вам все необходимые данные. Через два дня я жду окончательного ответа.

— Ну-с, Джек, я вижу, что у вас столько вопросов, что вы не знаете, какой задать первым.— Шнайдер усмехнулся и отпил большой глоток пива из литровой глиняной кружки.

Клинч задумчиво вертел в пальцах свой стакан. Они сидели в маленьком погребеке. Других посетителей не было. Видимо, Шнайдер знал, где можно потолковать по душам. Возможно, что и бармен у него свой человек. Что ж, тогда можно говорить вполне откровенно.

— Прежде всего мне непонятно, какого черты вы ввязались в это дело, Вилли. Насколько я знаю, Интерпол не такая организация, чтобы бросаться на первое попавшееся убийство.

— И это единственное, что вас смущает?

— Нет. Мне еще непонятно, зачем КОСМОЮНЕСКО выбрасывает на ветер такую кучу денег. В конце концов так ли уж важно, какой смертью помер этот самый инженер. Боятся, что родственники что-нибудь пронюхают и устроят скандал?

— У него нет родственников.

— Тогда что же?

Шнайдер вздохнул:

— Все очень сложно, Джек. Вы что-нибудь слышали о концерне «Горгона»?

— Что-то припоминаю. Добыча полезных ископаемых в странах Латинской Америки, не так ли?

— Совершенно верно! Теперь учтите, что львиная доля добычи иридия на Земле находится в их руках. В последние годы цены на иридий невероятно подскочили, и концерн извлекает огромные прибыли. Если шахта на Мези начнет работать, то, даже несмотря на большие транспортные расходы, цены упадут, и концерн окажется на грани банкротства. Ну а выводы делайте сами.

Клинч нахмурился. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с промышленным саботажем. Да, дело, кажется, значительно серьезнее, чем он предполагал. И все же как-то странно получается. Ну взрыв шахты — это еще понятно, но что может дать убийство?

Казалось, Шнайдер прочитал его мысли.

— Не думайте, Джек, что это простое убийство. «Горгона» — частный капитал, КОСМОЮНЕСКО — межгосударственный. Все работы оно ведет по особым ассигно-

ваниям ООН. Там есть свои противники космических разработок ископаемых. Если то, что творится на Мези, попадет в печать, они постараются использовать это при очередном обсуждении бюджета. Поэтому Роу так нервничает и готов на любые расходы.

— Значит, вы думаете, что на Мези работает агентура «Горгоны»?

— Почти уверен.

— И все это на основании кусочка металла, извлеченного из пепла?

— Вы забываете про взрыв и затопление шахты.

— Нет, не забываю. Но это может быть и простым совпадением. Кстати, кто констатировал смерть?

— Врач экспедиции Долорес Сальенте.

— Испанка?

— Мексиканка. Она же и производила кремацию.

— А кто обнаружил оболочку пули?

— Похоронная служба КОСМОЮНЕСКО.

— Ах, есть и такая?

— Есть. К сожалению, она загружена больше, чем хотелось бы. Сами понимаете, работа в космосе — это не прогулка за город. Бедняжке Лоран приходится не только подбирать персонал, но и заботиться о достойных похоронах.

Клинч снова задумался. Нужно поговорить с Лоран. Необходимо иметь подробные досье всех членов экспедиции. Видимо, там у них в управлении личного состава достаточно сведений.

В этот момент распахнулась дверь, и размышления Клинча были прерваны удивленным возгласом.

— А, вот неожиданная встреча!

Клинч поднял глаза. Перед ним, покачиваясь, стоял очкарик в твидовом пиджаке.

Очкарик попытался удержаться за столик и смахнул на пол кружку с пивом.

— Удивительно! Гроза бандитов Вильгельм Шнайдер и король сыщиков Джек Клинч! Будь я проклят, если в космосе не случилось что-то сенсационное!

Клинч встал.

— У вас есть телефон? — обратился он к бармену.

— Да, сэр. Пожалуйста!

— Вызовите врача. Сейчас придется вправлять челюсть этому типу.

— Перестаньте, Джек! — Шнайдер взял Клинча за локоть и силой вывел на улицу. — Вы не знаете, с кем связываетесь! Ведь это Макс Дрейк, корреспондент «Космических новостей». Не дай бог, он что-нибудь узнает. Тогда Роу может распрощаться со всякой надеждой на увеличение кредитов.

— Ладно! — Клинч спрятал кулак в карман. — Придет время, я все-таки набью ему морду!

— Когда придет время, набейте и за меня, а сейчас держитесь от него подальше. У вас еще есть ко мне вопросы?

— Пока нет. Завтра поговорю с мадемуазель Лоран и сообщу Роу свое решение.

— Он его уже знает.

— Вот как? Он что, телепат?

— Нет. Просто я ему сказал, что вы согласны.

— Интересно, откуда вы это взяли?

— Мне известно, что Джек Клинч никогда не отказывается от крупного гонорара. А вот и аванс, который вам сейчас так необходим. — Шнайдер вынул из кармана пачку банкнот. — Ведь у вас в общей сложности не больше пяти долларов. Верно?

Клинч рассмеялся:

— Вы всегда знаете больше, чем вам полагается.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул Шнайдер. — Каждый детектив должен знать больше, чем полагается.

4

— Так с чего мы начнем, мистер Клинч? — спросила мадемуазель Лоран.

«С поцелуя, детка, — подумал Клинч. — Тогда нам будет легче определить, чем мы кончим».

Он огляделся по сторонам. Обстановка явно не располагала к поцелуям. Белый пульт со множеством кнопок, стереоэкран, шкафы с какими-то хитроумными приспособлениями. В таком окружении мадемуазель Лоран хотя и не потеряла своей привлекательности, но казалась более недоступной, чем тогда, когда сидела, поджав ножку, на диване.

— Ну хотя бы с личности убитого, — ответил он.

— Хорошо! — Она нажала кнопку на пульте, взяла выскочившую на лоток кассету и вставила ее в зев аппарата. — Вот он, полюбуйте!

Клинч взглянул на стереоэкран. Там красовалась типичная физиономия неврастеника. Худое, изможденное лицо, длинный, слегка свернутый на сторону нос, оттопыренные уши, левая бровь заметно выше правой, редкие волосы, зачесанные так, чтобы по возможности скрыть недостаток их на темени. Пожалуй, такой и мог бы пустить себе пулю в лоб. Лоран нажала новую кнопку, и динамик заговорил бесстрастным голосом:

«Эдуард Майзель, швейцарец, сорок два года. Холост. Окончил механический факультет Цюрихского политехнического института. Специальная подготовка на Высших курсах КОСМОЮНЕСКО. Эксплуатация горнодобывающих механизмов. Двухгодичная стажировка на Урании. Направлен инженером в составе экспедиционной группы на Мези. Родственников не имеет. От страхования жизни отказался».

Голос умолк.

— Это все? — спросил Клинч.

— А что бы вам хотелось еще?

Тут снова бес шепнул на ухо Клинчу нечто совсем фривольное, но он усилием воли отогнал искушителя прочь.

— Какие-нибудь сведения, так сказать, более... — Клинч замялся под изучающим взглядом ее глаз.

— Интимные? — пришла она ему на помощь.

— Вот именно.

— Есть данные психоневрологического исследования. Хотите послушать?

— Пожалуй.

— Обычно мы их не оглашаем, но, думаю, здесь можно сделать исключение, не так ли?

— Конечно! — подтвердил Клинч.

Лоран нажала красную кнопку.

«Эмоционально возбудим, — забубнил голос. — Сексуальный индекс — сорок три по шкале Кранца, коэффициент общительности — ноль тридцать шесть, показатели вхождения в норму после шокового возбуждения — два пятнадцать, критерий дружбы по Шмальцу и Рождественскому...»

— Постойте! — взмолился Клинч. — У меня и так уже мозги вверх тормашками. Что такое сексуальный индекс?

— Есть специальная формула. Если хотите...

— Не хочу. Скажите только, сорок три по шкале Кранца — это много или мало?

— Смотря по тому, с какими требованиями подходить — улыбнулась Лоран.

— С самыми жесткими.

— Тогда мало.

Не успел Клинч подумать, как бес сам задал за него вопрос:

— А какой, по-вашему, может быть индекс у меня?

— О, у вас! Судя по тому, как вы на меня все время смотрите, не меньше ста.

Клинч проглотил слюну. Если бы не полученный аванс... Впрочем, что сейчас об этом думать. Все же он не удержался и самодовольно произнес:

— Ирландская кровь!

— Представляю себе, — сказала Лоран. — Однако вам не кажется, что мы несколько отвлеклись от темы?

— Гм... Простите, мадемуазель! Итак, с Эдуардом Майзелем мы покончили. Кстати, почему его кремировали там, на Мези?

— Так предписывает устав. Во избежание переноса инфекции. Мы снабжаем экспедицию специальными портативными печами, и врач обязан производить эту операцию лично.

— Понятно. А дальше?

— Дальше контейнер с прахом отправляют на Землю.

— И куда он попадает?

— В похоронную службу. Там они переносят прах в новую урну. Приходится иметь дело с родственниками. Обязанность не из приятных.

— Я думаю. Но ведь в этом случае никаких родственников не было?

— Да, он одинокий. Его похоронили тут, в Космополисе.

— Кто-нибудь присутствовал на похоронах?

— Мистер Роу, Шнайдер и я.

— Не густо.

Мадемуазель Лоран нахмурилась.

— Вы понимаете, что после находки оболочки пули мы не могли... Словом, покойнику все равно, а интересы дела...

— Короче, в газеты ничего не сообщили и надеялись все скрыть?

— Да. Пока все не выяснится.

— Кто же должен был это выяснить?

— Вы, мистер Клинч. Я настояла, чтобы пригласили именно вас, потому что мне казалось, что лучше вас никто не сможет во всем разобраться. Я так и сказала мистеру Роу.

Клинч привычным жестом расправил усы. Не каждый день приходится выслушивать комплименты из таких очаровательных уст. И все же в бальзаме, изливавшемся в его душу, была какая-то горчинка. Девочка, видно, здорово предана этому сухарю Роу.

— Что ж, попробуем во всем разобраться...— сказал он.— Итак, Майзеля собственноручно сожгла Долорес...

— Сальенте.

— Долорес Сальенте. Давайте посмотрим, что за Долорес.

Мадемуазель Лоран соткала из света объемный портрет.

— Н-да...— задумчиво произнес Клинч.

— Хороша?

— Хороша — не то слово! Да будь я самим сатаной, я бы не мечтал ни о чем лучшем!

— Вы думаете, у сатаны тоже ирландская кровь? — насмешливо спросила Лоран.

— Несомненно! Все ирландцы — потомки сатаны. По его совету Адам в первом варианте был рыжим. Бог испугался и сразу выгнал его из рая.

— Сатану или Адама?

— Обоих.

— Без Евы?

— Конечно. Поэтому мы всегда ищем женщину.

Лоран улыбнулась и включила динамик.

«Долорес Сальенте, мексиканка, двадцать семь лет. Разведена. Девичья фамилия — Гарсиа. Бывший муж — Хозе Сальенте — фабрикант. Родители: мать — Анна-Мария Гарсиа, отец — Христофор Гарсиа, местожительство — Мехико. Долорес Сальенте окончила медицинский факультет Мадридского университета. Специальность — космическая медицина. Стажировка — в санитарном отделе КОСМОЮНЕСКО. Направлена врачом в составе экспедиционной группы на Мези. Страхование жизни — двести тысяч долларов».

— Я полагаю, что индекс по шкале Кранца не нужен? — спросила Лоран.

— Нет. И вам было не жалко загнать такую красотку к черту на рога? .

Лоран подавила зевок.

— О таких вещах нужно думать, когда выбираешь профессию,— равнодушно сказала она.— Мы не только не делаем скидку на красоту, а скорее наоборот.

— Не понял.

— Тут нечего понимать. Всегда стараемся включить в группу красивую женщину. Мужчины очень быстро опускаются в космосе, а присутствие женщины их подтягивает. Невольное соревнование, свойственное сильному полу.

«Которое иногда приводит к самоубийствам, смахивающим на уголовное преступление»,— мысленно добавил Клинч.

— Так с кем же приходилось соревноваться покойнику? — спросил он.

Мадемуазель очень выразительно пожала плечами.

— Там один другого лучше. Посмотрите хотя бы на Милна.

Томас Милн, обладатель университетского диплома химика и розовой поросычей рожцы (не то Наф-Наф, не то Нуф-Нуф), не производил впечатления заядлого сердцееда. Восемьдесят килограммов нежнейшего бекона. По виду такого за уши не оторвешь от вкусной еды и мягкой постели, однако на счету три космические экспедиции. Премия имени Роулинса. Жена и трое детей. Либо фанатик науки, решил Клинч, либо копит денежки на старость. Трудно было представить себе Милна стоящим в засаде с пистолетом. Впрочем, кто его знает. Бывает всякое.

Зато Энрико Лоретти, биолог, был идеальным любовником, воплощенной мечтой семнадцатилетних девиц. Возраст Иисуса Христа, черные глаза и профиль гондольера. Так и просится гитара в руки. «Санта Лючия, санта Лючия!» К тому же незаурядная биография. Два развода по-итальянски. Первая жена утонула во время купания, вторая отравилась жареной камбалой. Скандальная история с несовершеннолетней дочерью миллионера. Причин вполне достаточно, чтобы плюнуть на университетскую карьеру и отсидеться несколько лет в космосе. Занятный тип. «Стоп! — прервал себя Клинч.— Слишком очевидная версия. Противоречит классическим традициям детективного романа. Так все-таки кто же из трех? Ладно, не будем торопиться».

— Все? — спросила мадемуазель Лоран.

Клинч взглянул на часы. Половина десятого. Свинья, задержал девочку до позднего вечера.

— Еще один вопрос.

— Какой? — Лоран скорчила гримаску.

— Не согласится ли мадемуазель поужинать со мной?

— Слава богу! Наконец-то догадались! И бросьте, пожалуйста, это дурацкое «мадемуазель», меня зовут Жюли.

5

Джек Клинч не зря прожил несколько лет во Франции. Сейчас он был при деньгах, и заказанный им ужин не вызвал бы замечаний самого изысканного гурмана. Устрицы по-марсельски, лангуст а ля кокот, петух в вине и седло дикой козы с трюфелями. На десерт — салат из фруктов с березовым соком и бланманже. Что же касается вин, то даже выдавший виды метрдотель дышал как загнанная лошадь, когда наконец Клинч выбрал подходящий ассортимент.

Жюли, видно, проголодалась и с нескрываемым удовольствием уписывала все, что подкладывал ей на тарелку Клинч. От нескольких бокалов вина она стала очень оживленной и еще более соблазнительной.

Когда подали кофе, Клинч как бы невзначай положил свою ладонь на ее руку и сказал:

— А теперь, Жюли, расскажите, что же вас привело на работу в КОСМОЮНЕСКО.

Жюли сразу как-то сникла. От ее бывшего оживления не осталось и следа.

— Это очень грустная история, Джек.

— Простите, — смутился Клинч. — Право же, я не хотел... Если вам неприятно...

— Нет, отчего же. Иногда даже становится легче, если кому-нибудь расскажешь. Итак, слушайте сентиментальную повесть о несчастной девушке. Мой отец был коммерсантом, сколотившим состояние на поставках бразильского кофе. Он женился на моей матери, когда ему было сорок лет, а ей — двадцать. Я у них была единственным ребенком. У нас был очаровательный домик в пригороде Парижа, три автомобиля и все такое. Меня они очень баловали. Я окончила одну из лучших частных школ и поступила в Сорбонну. Отец всегда устраивал

свои дела так, чтобы мы могли проводить каникулы всей семьей где-нибудь на море.

Я была на втором курсе, когда случилось несчастье. Отец с матерью вылетели на Гавайи, а я должна была присоединиться к ним через несколько дней, когда сдам последний экзамен. И вот нелепая катастрофа при посадке самолета. Отец и мать погибли. После смерти отца выяснилось, что дела его совсем запутаны. Он последнее время крупно играл на бирже, и неудачно. Я продала все наше имущество, но его еле хватило на покрытие долгов. С университетом пришлось расстаться и подыскивать работу. Друзья отца устроили меня в управление личного состава секретарем. Однако доктор Роу очень хорошо ко мне отнесся и, как видите...

— Да... История не из веселых. Роу знал вашего отца?

— Нет, они не были знакомы.

«Так, так,— подумал Клинч.— Старая история о мягкосердечном старикане и девочке, оказавшейся в затруднительном положении. Лакомый кусочек, никому не хочется упустить».

В это время в ресторане появился вездесущий Макс Дрейк. Он насмешливо поклонился Клинчу, а Жюли помахал рукой.

— Вы уже успели познакомиться с Дрейком? — спросила она.

— Да, этот тип меня везде преследует.

— Представьте себе, меня тоже.

— В таком случае я вас на минутку оставлю одну.— Клинч поднялся и направился к Дрейку.

— Вы мне нужны для небольшого разговора.

Дрейк усмехнулся и пошел за Клинчем в уборную.

Апперкот — страшный удар, особенно если противник едва достает вам до плеча. Клинч поднял бесчувственное тело и сунул его головой под кран.

— Сплюнь хорошенько кровь, сынок,— сказал он, когда Дрейк наконец открыл глаза.— Не забывай впредь, что ни мадемуазель Лоран, ни я не желаем видеть твою рожу. Понятно?

В ответ Дрейк пробормотал что-то совсем маловразумительное.

Клинч вернулся к своему столику.

— Простите, Жюли! Мне нужно было уладить с Дрейком одно дельце. Думаю, он вам надоедать больше не будет.

— Вы истинный рыцарь, Джек. В награду вам разрешается проводить меня домой.

Они шли по ночному бурлящему Космополису. Гостеприимно распахнутые двери ресторанов, кафе, спотыкающиеся синкопы джаза, огни световых реклам — все это напомнило Клинчу родное Сохо. Ему стало грустно при мысли, что через несколько дней придется расстаться со всеми радостями жизни на щедрой Земле и отправиться в совершенно чуждый мир, где кто-то подло, из засады, всадил пулю в ничего не подозревающего человека.

Ослепительный фиолетовый свет затопил город. На мгновение поблекли огни реклам. Исполинская стартовая ракета прочертила огненный след в небе. Клинч взглянул на Жюли. Ее лицо показалось ему скорбным и озабоченным. Он крепко сжал ее руку и почувствовал слабое ответное пожатие.

На перекрестке черный «олдсмобиль» вынырнул из-за угла и стал у них на пути. От резкой вспышки Клинч непроизвольно закрыл глаза. «Олдсмобиль» рванул с места. Клинчу показалось, что за рулем сидел Дрейк. В руке у него был фотоаппарат.

Клинч тихонько выругался.

— Вы видели? — спросила Жюли.

Он кивнул.

— Дрейк что-то пронюхал, — задумчиво сказала она. — Это такой тип, который может здорово напакостить.

— В следующий раз я сверну ему шею!

— Будьте осторожны! — сказала Жюли, и Клинч снова почувствовал пожатие ее руки.

Все же настроение было испорчено. Они шли молча, думая каждый о чем-то своем.

— Вот здесь, на двадцатом этаже, я коротаю в одиночестве свой век, — неожиданно сказала Жюли. — Может быть, вы зайдете выпить чашку чая?

Сердце у Клинча провалилось куда-то вниз, а затем заработало с перебоями, как мотор, у которого засорился карбюратор.

— Почту за честь! — Его хриплый голос был вполне под стать этой напыщенной фразе.

Оставшиеся до отлета дни были предельно насыщены делами. Клинч изучал все донесения экспедиции, рылся

в накладных управления снабжения, звонил по телефону в Мехико-Сити и в Рим. По его заданию Шнайдер куда-то летал с каким-то таинственным поручением. Привезенные им сведения привели Клинка в отличное настроение. Он принадлежал к тому типу людей, которые чувствуют себя счастливыми, только когда перед ними стоят головоломные задачи.

Все вечера он проводил с Жюли. Она оказалась очаровательной подружкой, веселой и нежной. Они бродили по улицам, заходили поужинать в маленькие кабачки, ездили на машине Жюли в окрестности Космополиса.

Наконец, настал день, когда Клинка, снабженный удостоверением инспектора КОСМОЮНЕСКО, выписанным на имя того же мифического Юджина Коннели, должен был взойти на борт «Гермеса».

До космопорта его проводили Жюли и Шнайдер. Вилли молча пожал ему руку, а Жюли шепнула нечто такое, что не предназначалось для посторонних ушей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Джек Клинка с трудом отвернул стопора почтовой капсулы. У него было такое чувство, будто он подвергся четвертованию. Капсула явно не была рассчитана на пассажиров его роста. Ломило шею, онемели руки, а ноги, казалось, навсегда останутся в согнутом положении. Он сначала выбросил в люк мешок с почтой, а затем, преодолевая боль в коленях, сам вылез из капсулы и огляделся. Пейзажик не радовал. Голые скалы бурого цвета, ни деревца, ни травинки. На горизонте — темно-красный диск какого-то светила. Порывистый, холодный ветер доносил глухой рев. Клинка вспомнил, что почти вся поверхность планеты покрыта океаном, и это никак не улучшило его настроения. Мысленно (уже в который раз!) он обругал Роу. Тому, конечно, хорошо, сидя в кабинете, рассуждать о вполне подходящих условиях работы.

Клинка еще раз ругнулся, на этот раз вслух, достал из капсулы свой рюкзак и начал спускаться в ущелье, ориентируясь по световому маяку. Скалолаз он был никудышный, к тому же мешал рюкзак за спиной и мешок с

почтой. Судя по описанию, где-то рядом проходила тропа, но в сумерках Клинчу так и не удалось ее разыскать. Он несколько раз оступался, больно ударился коленом и чуть не сломал шею, сорвавшись вниз с одного из уступов. В результате окончательно сбился с маршрута и вышел в ущелье в районе шахты, примерно в полутора километрах от базы.

Небольшое пространство между скалами было сплошь уставлено зачехленными механизмами. В центре располагалась бурильная установка. Атомная электростанция находилась в искусственной пещере, металлические ворота оказались закрытыми. Клинч решил отложить детальное знакомство с местом работы. Он изнемогал от усталости.

Здесь, в ущелье, ветер дул, как в аэродинамической трубе. Хотя он и подгонял Клинча в спину, легче от этого не становилось. Объемистый рюкзак выполнял роль паруса, а крупные камни на дне ущелья напоминали подводные рифы, грозившие в любой момент вызвать кораблекрушение.

Когда Клинч наконец добрался до базы, вид у него был совсем неважный. Мокрые от пота усы свисали вниз жалкими сосульками, одежда заляпана грязью, правая штанина разорвана на колене. Шлем он потерял в скалах, и ветер раздувал кудри, совсем как у короля Лира, ищущего ночного пристанища.

Дверь алюминиевого домика оказалась на запоре.

«Странно! — подумал Клинч. — От кого здесь нужно запираяться?»

Он постучал. Никакого эффекта. Постучал сильнее. Казалось, база покинута людьми. Окна закрыты ставнями, через которые невозможно что-либо разглядеть. Клинч забарабанил в дверь ногами. Неожиданно она распахнулась. На пороге, протирая глаза, стоял Томас Милн. Видимо, он только что поднялся с постели. Мятая пижама, стоптанные шлепанцы. К тому же лауреат премии Роулинса благоухал ринным перегаром. Он изумленно глядел на Клинча, пытаясь сообразить, откуда тот взялся.

Клинч представился. Инспектор отдела полезных ископаемых Юджин Коннели, и все такое.

Милн почесал затылок.

— Привезли приказ об эвакуации?

— Нет, должен определить, что требуется для продолжения работ.

Химик рассмеялся:

— Продолжения работ? Интересно, как они себе это представляют? Разве вы не знаете, что шахта затоплена?

— Знаю.

— И что же?

— Может, вы меня впустите? — раздраженно сказал Клинч. — Я не собираюсь обсуждать дела, стоя на этом чертовом ветру.

— Простите! — Милн посторонился и пропустил Клинча. — Есть хотите?

— Не откажусь.

Клинч проследовал за Милном по полутемному коридору.

— Жить вам придется здесь. — Милн открыл одну из дверей. — Если вы, конечно, не боитесь привидений.

— Это комната Майзеля?

— Да. Мы тут все оставили, как было.

Клинч осмотрелся. Комната как комната, похожа на номер во второразрядном кемпинге. Кровать, стол, кресло, убирающаяся в стену ванна. Раковина с двумя кранами. Горячая вода, видно, поступает от атомной электростанции. В общем, жить можно.

На столе, рядом с толстой тетрадью, лежал пистолет «хорн». Клинч сделал вид, что не заметил его. Великолепная улика, если проверить отпечатки пальцев.

— Кают-компания — в конце коридора, — сказал Милн. — Я буду там. А это что, почта?

— Совсем забыл, пожалуйста, возьмите! — Клинч подал ему мешок.

На то, чтобы принять ванну и привести себя в порядок, одежду, ушло около сорока минут.

Когда Клинч появился в кают-компании, там уже все были в сборе.

— Знакомьтесь! Мистер Коннели, инспектор КОСМО-ЮНЕСКО, — представил его Милн. — Сеньора Сальенте — врач и Энрико Лоретти — биолог.

Прекрасная Долорес одарила Клинча ослепительной улыбкой. Лоретти оторвался на миг от газеты и небрежно кивнул.

Милн поставил на стол перед Клинчем банку саморазогревающихся консервов, пачку галет и термос.

— Вы прибыли вместо Майзеля? — спросила Долорес.

Клинч дожевывал твердую галету и ответил:

— Нет, с инспекторской целью.

— Вот как? С какой же именно?

Клинч налил себе из термоса чуть тепловатый кофе.

— Мне поручено выяснить, как быстро можно начать работы в шахте.

Лоретти неожиданно расхохотался.

— Бросьте враты! — Он протянул Клинчу газету. — Никакой вы не инспектор Коннели, а полицейская ищейка Джек Клинч. Вот полюбуйте!

Клинч развернул газету. Это были «Космические новости». На первой странице красовалась большая фотография его особы под заголовком:

«Детектив Джек Клинч отправляется на Мези для расследования предполагаемого убийства Эдуарда Майзеля».

Да... Видимо, у Дрейка был настоящий нюх репортера. Только подумать, что Клинч сам доставил этот номер газеты в мешке с почтой. Такого промаха он ни разу еще не допускал в своей работе.

Лоретти встал и демонстративно вышел из кают-компании.

Милн впился своими пороссячьими глазами в Клинча:

— Так что, Пинкертон, придется выложить карты на стол?

— Придется, — усмехнулся Клинч. — Однако не забывайте, что я еще к тому же наделен инспекторскими полномочиями.

— Постараемся не забыть.

Милн поднялся и вместе с Долорес покинул кают-компанию, оставив Клинча допивать холодный кофе.

2

Из дневника Джека Клинча

21 марта

Итак, по воле нелепой случайности, я превратился из детектива в следователя. Весь разработанный план пошел насмарку. Приходится вести игру в открытую. Вся надежда на то, что убийца произвольно сам себя выдаст. Нужно перейти к тактике выжидания, ничего не

предпринимать, ждать, пока у преступника сдадут нервы и он начнет делать один ошибочный ход за другим. Впрочем, кое-что уже есть. Пистолет «хорн». Кто-то промыл его спиртом, смыл отпечатки пальцев. При этом так спешил, что не заметил нескольких волокон ваты, прилипших к предохранителю. Все это было сделано, пока я в одиночестве пил кофе. Когда я вернулся в комнату, запах спирта еще не выветрился.

В обойме не хватает одного патрона, в стволе — следы выстрела. Обшарил всю комнату в поисках стреляной гильзы. Безрезультатно. Либо выстрел был произведен в другом месте, либо гильзу предусмотрительно убрали. Первая версия более вероятна. Комната слишком мала, чтобы пуля 35-го калибра не прошла навылет. Вероятно, выстрел был сделан с расстояния 20—30 метров. Ладно, не будем торопиться с выводами, а пока — спать!

22 марта

Спал отвратительно. Всю ночь мерещились шаги в коридоре и какой-то шепот. Несколько раз вставал и подходил к двери, шаги смолкали. На всякий случай запер дверь на ключ и сунул под подушку пистолет. У меня нет никакого желания прибыть на Землю в кремированном виде.

Утром завтракал в одиночестве. Опять консервы и кофе, который сам сварил на плитке. Обитатели базы не показывались.

Просмотрел тетрадь, лежавшую на столе. В ней — данные геофизической разведки с многочисленными пометками, сделанными другой рукой. Видимо, это почерк Майзеля. Очень характерный почерк, неразборчивый и с наклоном в левую сторону. Жаль, что я не графолог, с этим почерком стоило бы повозиться.

Если затопление шахты — диверсия, то сделана она со знанием дела. Рядом с главным стволом — подземное озеро, миллионы кубометров воды. Галерея шахты должна была идти в другом направлении. Очевидно, взрыв разрушил перемычку между стволом и озером. Если так, то откачать воду вряд ли удастся.

Листая тетрадь, сделал любопытное открытие: на полях, в нескольких местах, — женский профиль. Рисунок не очень искусный, но все же улавливается нечто общее с профилем прекрасной Долорес. Чернила те же, что и на пометках, сделанных Майзелем. Любопытно! Сразу скла-

дывается версия: ревнивец, стреляющий по счастливому сопернику. Впрочем, чушь! Не такая была внешность у Майзеля, чтобы взять приз на подобных скачках. Тогда что же? Неразделенная любовь. Опять-таки повод для самоубийства. Но самоубийства не было, значит... Значит, гипотеза не подходит.

Около двух часов пополудни услышал, как кто-то топает по коридору. Открыл дверь и столкнулся с ученым Томасом Милном. Он был настолько пьян, что шел держась за стены.

Я спросил его, когда здесь обедают.

Он подтянул сползающие брюки и ответил:

— Когда захотят. Что касается меня, то постараюсь проделывать это в такое время, когда вас там не будет. Ясно?

Яснее выразиться трудно. Как говорится, благодарю за комплимент.

Обедал в одиночестве. На кухне, примыкающей к кают-компании, холодильная камера. Большой набор продуктов, но не чувствуется, чтобы ими пользовались. Сковородки и кастрюли покрыты толстым слоем пыли. Разыскал замороженное мясо и зажарил себе бифштекс весом в два фунта. Запил пивом. После этого стало как-то веселее жить.

Вымыл посуду и направился восвояси.

В кают-компании обнаружил Энрико Лоретти, поглощающего консервы. Увидев меня, он вздрогнул и выронил вилку.

Я спросил его, почему никто не готовит обед.

Он пожал плечами:

— Так безопасней.

— В каком отношении?

— В запаянную банку труднее подсыпать яд.

Я почувствовал, как у меня в животе перевернулся съеденный бифштекс. Впрочем, разговор принял занятное направление, и я решил его продолжить:

— Чепуха! Кто же тут может подсыпать яд?

— Не беспокойтесь, желающие найдутся.

Он бросил в мусоропровод банку и, не поднимая глаз, вышел из кают-компании.

Я вернулся в свою комнату и сразу почувствовал, что в ней что-то изменилось. Тетрадь на столе была немного сдвинута, а в воздухе витал чуть уловимый запах духов.

Я снова просмотрел тетрадь. Один лист оказался выр-

ванным. К сожалению, в прошлый раз я ее только перелистал, и сейчас никак не мог вспомнить, что же могло быть на этих страницах.

Пересмотрел заново все записи. Ничего интересного, если не считать рисунков на полях.

Спать лег рано, приняв соответствующие меры против непрошенных визитеров.

23 марта

Первый допрос Долорес Сальенте. Все получилось совершенно неожиданно. Я готовил себе завтрак, когда она пришла на кухню.

— Доброе утро, мистер Клинч!

— Доброе утро, сеньора!

— Можете называть меня Долорес.

— Благодарю вас!

Она села на табуретку. Я невольно залюбовался ею, до того она была хороша в кружевном пеньюаре. Пахло от нее уже знакомыми мне духами.

Я предложил ей кофе.

Она сидела опустив глаза, пока я жарил яичницу. Женщины обычно плохо умеют скрывать волнение. В таких случаях их выдает напряженная поза. Долорес несколько раз порывалась что-то сказать, но не решалась. Пришлось прийти ей на помощь:

— Вы хотите меня о чем-то спросить?

— Да.

— Пожалуйста!

— Почему... почему вы меня не допрашиваете?

Я рассмеялся.

— А почему вы решили, что я должен вас допросить?

Она взглянула мне в глаза, и я почувствовал, что это крепкий орешек, гораздо крепче, чем можно было предположить. Во взгляде мексиканки было нечто такое, что трудно определить. Какая-то смесь страха и твердой решимости бороться до конца. Раненая пантера, приготовившаяся к прыжку.

— Ведь вы меня, наверное, подозреваете в убийстве Майзеля,— сказала она спокойным тоном, будто речь шла о совершенно обыденных делах.

Нужно было чем-то сбить этот тон, и я спросил:

— Зачем вы вчера заходили ко мне в комнату?

Она побледнела и закусил губу.

— Случайно. Я привыкла поддерживать в ней порядок, и вчера совершенно машинально...

— Не лгите, Долорес! Вы вырвали лист из тетради. Почему? Что там было такого, что вам обязательно понадобилось это убрать?

— Ничего. Клянусь вам, ничего особенного!

— И все же?

— Ну... там были стихи... и я боялась, вы неправильно поймете... Словом, все это личное.

— Где эти стихи?

— У меня в комнате.

— Пойдемте!

Несколько секунд она колебалась.

— Ну что ж, пойдемте!

В коридоре мы столкнулись с Лоретти. Нужно было видеть выражение его лица, когда я вслед за Долорес входил в ее комнату.

— Вот! — Она протянула мне сложенный вчетверо тетрадный лист.

На полях, рядом с данными гравитационных измерений, были нацарапаны стихи, которых раньше я не заметил.

Когда со светом фонаря
Смешает бледный свет
Мертворожденная заря,
В окно вползает бред.
И то, что на меня ползет,
Огромно, жадно и безлико.
Мне страшно, раздирают рот
В тиши немые спазмы крика.
Мне от него спасенья нет.
Я тяжесть чувствую слоноюю...
И говорят, что этот бред
В бреду я называл любовью.

— Эти стихи посвящены вам?

— Не знаю, возможно.

— Он был вашим любовником?

— Нет.

— Он вас любил?

— Да... кажется.

— А вы его?

— Нет.

Я вернул ей листок со стихами. Мне он был не нужен, а ей... Кто разберется в душе женщины, да еще к тому же и красивой.

- Как умер Эдуард Майзель?
- Он застрелился.
- Где?
- Около шахты.
- Кто его обнаружил?
- Милн.
- Как там очутился Милн?
- Эдуард не пришел ночевать, и Милн отправился его искать.
- Милн принес труп на базу?
- Нет, он прибежал за нами, и мы втроем...
- Куда стрелял Майзель?
- В голову.
- Рана была сквозная?
- Не знаю. Череп был сильно изуродован, и я...
- Договаривайте!
- И я... Мне было тяжело на это смотреть.
- И все же вы его собственноручно кремировали?
- Я обязана была это сделать.
- Вам кто-нибудь помогал?
- Энрико.

Я задумался. Тут была одна тонкость, которая давала повод для размышлений. Долорес, видимо, сама того не замечая, называла Майзеля и Лоретти по имени, а Милна — по фамилии. Это не случайно. Очевидно, отношения между членами экспедиции были в достаточной мере сложны.

- Как вы думаете, почему застрелился Майзель?

Я намеренно немного отпустил поводья. Сделал вид, что верю, будто это самоубийство. Однако во взгляде Долорес снова мелькнул страх.

- Не знаю. Он вообще был какой-то странный, особенно последнее время. Я его держала на транквилизаторах.

- Он всегда был таким?

- Нет, вначале это не замечалось. Потом он стал жаловаться на бессонницу, ну а после взрыва...

- Он прибегал к снотворному?
- О, да!

Еще одна загадка. Если убийца — Долорес, то ей проще было его отравить. Ведь она врач и сама должна была определить причину смерти. Проще простого — вкатить смертельную дозу наркотика, а в заключение поставить диагноз: паралич сердца. Нет, тут что-то не то! И все

же откуда у нее этот страх? Я вспомнил слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу. Они все тут чего-то боятся. Не зря же питаются только консервами. Остерегаются друг друга? Бывает и так, когда преступление совершено сообща.

Я решил провести разведку в другом направлении.

— Что вам известно о взрыве в шахте?

— Почти ничего. Эдуард сказал, что это от скопления газов.

— В это время кто-нибудь был на рабочей площадке?

— Мы все были на базе. Взрыв произошел во время обеда.

В каждом допросе есть критическая точка, после которой либо допрашиваемый, либо следователь теряет почву под ногами. Я чувствовал, что наступает решающий момент, и спросил напрямик:

— Взрыв в шахте мог быть результатом диверсии?

Кажется, я попал в цель. Теперь во взгляде Долорес было такое выражение, какое бывает у тонущего человека.

— Нет, нет! Это невозможно!

— Почему?

— Не знаю.

Мне показалось, будто что-то начинает проясняться, и я задал новый вопрос:

— У вас есть оружие?

— Есть... пистолет.

— Такой? — Я достал из кармана пистолет Майзеля.

— Да.

— Зачем он вам? Ведь здесь, на Мези, не от кого защищаться.

— Не знаю. Все экспедиции снабжаются оружием.

Проклятье! Я вспомнил, что в документах нет никаких данных о номерах пистолетов. Тот, что я сейчас держал в руках, мог принадлежать любому члену экспедиции.

— Как пистолет Майзеля оказался в его комнате?

— Я его подобрала около шахты.

— А почему вы после моего появления здесь смыли с него отпечатки пальцев?

Она удивленно подняла брови.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Позавчера вечером пистолет был промыт спиртом.

— Клянусь вам, что я об этом не знаю!

Возможно, что на этот раз она не лгала.

— Благодарю вас, Долорес! Пожалуйста, никому не рассказывайте, о чем мы тут с вами беседовали.

— Постараюсь.

Я откланялся и пошел к себе. Итак, новая версия: Долорес взрывает шахту. Об этом становится известно Майзелю, и она в спешке приканчивает его из своего пистолета. Затем берет его пистолет, а свой оставляет на месте преступления. Однако сколько требуется натяжек, чтобы эта версия выглядела правдоподобно!

24 марта

Снова спал очень плохо. Ночью кто-то тихо прошел по коридору, постоял у моей двери, а затем тихонько попробовал ее открыть. Я схватил пистолет и распахнул дверь, но в коридоре уже никого не было. Потом я долго не мог уснуть. Я не робкого десятка, но иногда мне тут просто становится страшно. Есть что-то зловещее во всей здешней обстановке.

Утром решил осмотреть шахту. Впрочем, утро — понятие довольно относительное. Живем мы все тут по земному времени. Фактически же ни дня, ни ночи нет. Всегда сумерки, а вечно маячащий на горизонте багровый диск скорее греет, чем светит. Я невольно вспомнил стихи Майзеля. «Мертворожденная заря», — сказано очень точно.

Это была моя первая вылазка за пределы базы. В ущелье дул ветер, и идти против него было нелегко.

С годами у меня выработалось обостренное чувство опасности. Я обычно инстинктивно поворачиваюсь раньше, чем выстрелят в спину. Это не раз спасало мне жизнь. Вот и сейчас, идя согнувшись в сплошной пелене хлеставшего по глазам дождя, я чувствовал, что за мной кто-то крадется. Несколько раз на ходу я просматривал пространство за собой при помощи карманного зеркальца. Однажды мне показалось, что за уступ скалы скользнула какая-то тень. Я сунул руку в карман и перевел предохранитель пистолета в боевое положение. К сожалению, это мало что меняло. Шум дождя заглушал все другие звуки, а для того, кто крался сзади, я был отличной мишенью.

Все же до шахты я добрался без всяких приключений. Здесь, над небольшим пятачком, где располагалась бурильная установка и стояли бездействующие механизмы,

скалы нависали со всех сторон, образуя своеобразное перекрытие. Ветер тут свирепствовал с особой силой.

Я заглянул в глубь ствола и увидел зеркало воды примерно в десяти метрах от поверхности.

Я попытался представить себе все, что тут произошло, и внезапно меня осенило. Нужно точно выяснить, где был обнаружен труп, а затем попытаться найти гильзу от патрона. В случае самоубийства она должна была находиться где-то рядом. На всякий случай я решил осмотреть почву возле самой шахты, благо, со мной был электрический фонарь.

Я был целиком поглощен поисками, и только присущее мне шестое чувство заставило отпрыгнуть в сторону раньше, чем на место, где я стоял, обрушился сверху обломок скалы.

Теперь отпали все сомнения. Меня хотят убить по той же причине, по которой убили Майзеля. Из охотника я превратился в дичь.

3

Из дневника Джека Клинка

25 марта

Вчера я вернулся на базу совершенно разбитый. Повесил сушить одежду и завалился на кровать. Несмотря на усталость, спал плохо. Во сне мерещились то серая тень с пистолетом в руке, то Роу, приказывающий найти убийцу, то окровавленный Майзель, который, стоя на краю шахты, взывал к возмездию. Проснулся с твердым намерением, не откладывая, довести до конца все, что решил вчера. Оделся и, не завтракая, постучал в дверь к Томасу Милну.

В ответ слышался хриплый голос, приглашавший войти.

Великий боже! Мне показалось, что я попал в клетку со скунсом. Неприбранная кровать с грязными простынями, стол, заставленный химической посудой, обрывки бумаги и окурки на полу. Запах давно не мытого тела и алкоголя.

Химик сидел полуодетый на кровати и уписывал консервы. В ногах у него стояла уже опорожненная бутылка виски.

— А, комиссар Мегрэ! — приветствовал он меня с на-
смешливой улыбкой. — Вот не ожидал! Ну что ж, давай-
те выпьем по этому поводу! — Он подошел к шкафу и до-
стал новую бутылку. — Вот черт! Где-то был стакан.
Впрочем, пейте из горлышка первый, я-то не брезгливый,
могу после вас.

Я взял бутылку, подошел к шкафу, поставил ее на ме-
сто, запер дверцу и положил ключ в карман.

Он смотрел на меня вытаращив глаза.

— Эй! Какого дьявола вы распоряжаетесь в моей ком-
нате?!

— По праву старшего.

— Тут нет старших. У нас персимфанс, оркестр без
дирижера, так что отдайте ключ и катитесь к чертовой
матери!

— Я инспектор отдела полезных ископаемых.

Тут он взорвался окончательно:

— Сукин сын вы, а не инспектор! Будь вы инспектор,
вы бы видели, что тут творится! Пора закрывать эту ла-
вочку, а не то...

— Что же вы замолчали? Я вас слушаю.

Он устало махнул рукой.

— Отдайте ключ.

— Не отдам. Вы мне нужны в таком состоянии, что-
бы дойти до шахты.

Опять это знакомое мне выражение испуга:

— До шахты? Я туда не пойду.

— Почему?

— Мне там нечего делать.

— Вы помните место, где подобрали труп Майзеля?

— А что?

— Покажите мне.

— Не могу.

— Как это — не можете?

— Забыл.

Я подошел к нему, схватил за плечи и потрянул с та-
кой силой, что у него лязгнули зубы.

— Одевайтесь, и пошли!

— Я не могу, — вдруг захныкал он, — я болен!

— Вы не больны, а пьяны.

— Нет, болен. У меня кашель, высокая температура и
еще печень болит.

— Хорошо. Сейчас я приглашу сюда сеньору Сальен-
те. Она определит, больны вы или нет, и, если нужно,
даст лекарство.

Внезапно он протрезвел:

— Сальенте? Ну нет! Скорее я суну голову в львиную пасть, чем возьму лекарство из рук этой гадюки!

— Почему?

— Хочу еще пожить.

Я начал терять терпение.

— Послушайте, Милн. Или вы перестанете валять дурака и говорить загадками, или я вас так трахну головой о стену, что вы забудете, как вас зовут!

— Я не говорю загадками. Просто я боюсь этой женщины.

— Вы считаете, что она могла убить Майзеля?

Он расхохотался.

— Убить Майзеля?! Ох, уморил! Долорес могла убить Майзеля! Да вы знаете, что она нянчилась с этим хлюпиком, как с малым ребенком? После взрыва в шахте он запсиховал, ну что-то вроде нервной горячки. Так она с ним ночи сидела напролет. А вы — убить! Нет, уважаемый Шерлок Холмс, тут ваш метод дал осечку.

— Вы уверены, что Майзель покончил с собой?

— А кто его знает? Можег, и покончил. Я при этом не присутствовал. А вообще он был чокнутый, этот Майзель.

— Хватит! Одевайтесь!

Видно, он понял, что я от него все равно не отвяжусь.

— Отдайте ключ, тогда пойду.

— Не отдам. Вернемся, пейте сколько влезет.

— Ну один глоточек!

— Черт с вами! Лакайте!

Я отпер шкаф и налил ему в мензурку на два пальца. Но тут у меня опустилась рука, и содержимое бутылки полилось на ноги. Среди огрызков хлеба и недокуренных сигарет на столе лежала стреляная гильза.

— Перестаньте разливать виски! — крикнул Мили. — У меня его не так много осталось, чтобы поливать пол. Я поставил бутылку.

— Скажите, Милн, откуда у вас эта гильза?

Он выпил и еще раз налил. На этот раз я ему не препятствовал.

— Откуда гильза? Подобрал около шахты.

— Когда?

— Не помню. Давно.

— Зачем?

— А чего ей там валяться?

Я взял гильзу. Судя по влажным окислам на поверхности, она долго находилась под открытым небом и попала на стол к Милну не далее чем вчера.

— Ладно,— сказал я,— поход отменяется, а теперь сядьте, и поговорим по душам.

— А разве до этого мы говорили не по душам?

Он снова начал хмелеть, но я подумал, что, может, это лучше. Больше вероятности, что проболтается спьяну.

— Слушайте, Милн. Есть основание считать, что Майзель был убит, и подозрение падает на вас.

Он ухмыльнулся:

— Ну нет, номер не пройдет! У меня — железное алиби. Я тогда два дня не уходил с базы.

— Но именно вы нашли труп.

— Это еще ничего не доказывает.

Милн нахмурился и засопел. Видимо, такая постановка вопроса ему была не очень приятна. Я выдержал долгую паузу и спросил:

— Вы вчера шли за мной к шахте?

— Шел.

— Зачем?

— Обожаю детективные романы. Хотел поглядеть, как работает прославленный Джек Клиш.

— И чтобы облегчить работу, спрятали гильзу?

— Может быть.

— Где вы ее обнаружили?

— Она сама попалась мне под ноги. Около входа на пятачок. Видно, отнесло туда ветром.

Я мысленно обругал себя болваном. Эту возможность я не предусмотрел. В самом деле, ветер такой силы вполне мог откатить легкую гильзу.

— А потом из-за того же интереса к детективным сюжетам вы пытались меня убить?

— Я этого не делал. Слышал, как упал обломок скалы, но я находился тогда внизу.

— Что же, он сам так просто и свалился?

— Возможно. Такие вещи тут бывают. Полно бактерий, разлагающих горные породы. Остальное делает ветер.

— А вы не допускаете мысли, что этот обломок кто-то сбросил нарочно?

— Вполне допускаю.

— Кто же это мог сделать?

Он удивленно взглянул на меня!

— Как это кто? Конечно, Энрико. Вы его еще не знаете. Угробил двух жен, и вообще ему убить человека легче, чем выкурить сигарету.

О господи! Час от часу не легче! Я вообще уже перестал что-либо понимать. Если даже допустить, что все они убили Майзеля сообща, то какой ему резон топить Лоретти. Ведь о главной улике — оболочке пули, найденной в пепле, — им ничего не известно. Зачем же Милну так легко соглашаться с версией убийства? На суде все равно вскроется правда, тем более что изворачиваются они очень неумело. Однако так или иначе, но допрос нужно было довести до конца.

— Значит, Лоретти мог и Майзеля убить?

— Конечно!

— Вы располагаете какими-нибудь данными на этот счет?

— Я же вам сказал, что это законченный негодяй.

— Ну а взрыв в шахте — тоже дело чьих-нибудь рук?

— Не думаю. Тут все объясняется просто. Бактерии выделяют много водорода. Я предупреждал Майзеля, чтобы он был осторожнее.

— И он вас не послушал?

— Видно, не послушал, раз произошел взрыв.

В комнате было нестерпимо душно, и я весь взмок. Хотелось поскорее уйти из этого логова алкоголика, но многое в Милне мне еще оставалось неясным. Я решил повернуть допрос в новое русло:

— Скажите, Милн, почему вы так опустились? На Земле у вас жена и трое детей. Неужели вам не стыдно было бы предстать перед ними в таком виде?

Он вздрогнул, будто я ударил его по лицу.

— Мне страшно, Клинч, — произнес он после небольшой паузы. Весь его гаерский тон куда-то улетучился. — Вы знаете, что такое страх?

— Знаю.

— Нет, не знаете, — вздохнул он. — Вам, наверное, никогда не приходилось умирать от страха. Мне кажется, что я схожу с ума. Я боюсь всего. Боюсь этой проклятой планеты, боюсь Лоретти, боюсь Долорес, боюсь...

— Меня? — подсказал я.

— Да, вас. Боюсь, что вы мне пришьете дело об убийстве, в котором я не виноват!

Я протянул ему бутылку, и он с жадностью припал к горлышку.

— Не собираюсь вам пришивать дело, Милн, но если в моих руках будет достаточно улик, тогда берегитесь!

— Спасибо за откровенность! — Он запрокинул голову и вылил себе в глотку добрых полпинты неразбавленного виски.

— И вот что еще, — сказал я, — отдайте мне ваш пистолет.

Милн безропотно вытащил из кармана брюк вороненый «хорн» и подал его мне. Пистолет был на боевом взводе со спущенным предохранителем. У меня заныло под ложечкой, когда я подумал, что все это время ему было достаточно сунуть руку в карман, чтобы выпустить мне в живот целую обойму. Впрочем, так открыто он вряд ли бы на это решился. Такие обычно наносят удар из-за угла.

Я встал и уже в дверях как бы невзначай задал вопрос:

— Кстати, не вы ли на днях смыли спиртом следы пальцев с пистолета Майзеля?

— Я.

— Почему?

— Все по той же причине. Там могли быть и мои следы.

26 марта

Опять не мог уснуть. Поводов для размышлений было более чем достаточно. Что представляет собой Милн? Откуда эта смесь наглости и страха? Почему он старается выгородить Долорес и поставить под подозрение Лоретти? Отчего не спрятал гильзу, а оставил ее на столе? Трудно предположить, чтобы он не ожидал моего визита. Тогда что же? Желание поиграть в опасную игру? К тому же мне казалось, что временами он прикидывался более пьяным, чем был на самом деле.

Если принимать поведение Милна всерьез, то напрашивается версия, при которой преступники — Милн и Долорес, а Лоретти что-то знает, но по неизвестным причинам не решается их разоблачить. Тогда становятся понятными загадочные слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу.

Кроме того, оставалось невыясненным вчерашнее падение камня. Случайность это или покушение?

Видимо, с камня и нужно начинать распутывать весь клубок.

Я оделся и, стараясь двигаться как можно тише, чтобы никого не разбудить, вышел на воздух.

Ветер стих, дождя тоже не было, и я дошел до шахты значительно быстрее, чем позавчера. На этот раз я был уверен, что за мною никто не крадется, поэтому позволил себе полностью расслабиться. После нескольких дней непрерывного напряжения впервые я наслаждался чувством безопасности и с удовольствием вдыхал свежий воздух.

Без особого труда мне удалось найти место, где я чуть было не отправился к праотцам. Обломок скалы весом в несколько тонн выглядел достаточно внушительно для надгробного памятника ирландцу на чужбине. Такого не постыдился бы даже мой дед, заказавший себе при жизни самый роскошный склеп в Дублине.

Я вооружился лупой и самым тщательным образом исследовал поверхность обломка. Милн говорил правду. Весь разлом, за исключением тонкой перемычки, был изъеден, как сыр рокфор. Впрочем, имеющуюся перемычку могли с одинаковым успехом сломать и ветер и человек.

Оставалось только бегло осмотреть почву. Следы крови давно уже должны были быть смыты дождями, а на какую-нибудь случайную находку я мало рассчитывал.

Вскоре я отправился назад, так и не обнаружив ничего интересного.

До базы оставалось не более сорока шагов, когда я услышал громкие голоса. На всякий случай я спрятался за выступ скалы и, выждав немного, осторожно высунул голову.

У дверей базы оживленно разговаривали Милн и Лоретти. Вернее, говорил Милн, а Лоретти весело смеялся. Затем Лоретти похлопал Милна по плечу, и они, продолжая беседовать, скрылись в дверях.

Я простоял в своем укрытии еще несколько минут, а затем с беспечным видом пошел к дому.

Однако выдержки мне хватило ровно настолько, чтобы дойти до своей комнаты. Там я бросился на кровать и в отчаянии схватился за голову. Теперь я решительно ничего не понимал! У меня даже мелькнула мысль, не разыгрывают ли тут меня. Неплохой сюжетик для водевиля. Сыщик явился для расследования убийства, а изнывающие от безделья ученые подсовывают ему одну липовую

версию за другой и потом веселятся за его спиной. Если так... Впрочем, нет! Весь мой многолетний опыт детектива подсказывает, что это не то. Я вспомнил выражение испуга во взгляде Долорес. Нужно быть изумительной актрисой, чтобы играть с таким искусством. Кроме того, Майзель мертв, а у меня в кармане — оболочка пули. Тут уж не до шуток. Для убийцы дело пахнет максимальным сроком заключения, если не хуже.

Я вымыл голову под краном и решил побриться, но тут мне был преподнесен новый сюрприз. Кто-то постучал в дверь, и голосок Долорес произнес сладчайшим тоном: — Мистер Клинч, идите завтракать!

Этого я ожидал меньше всего.

В кают-компании моему взору представилась поистине буколистическая картина. Во главе стола восседала прекрасная Долорес. На ней было ажурное платье, на изготовление которого ушло меньше шерсти, чем можно было бы настричь с моих усов. Справа от нее сидел свежевыбритый Милн в крахмальной рубашке с галстуком, к тому же совершенно трезвый. Слева — Лоретти, красивый, как супермен на сигарной этикетке.

Они ели яичницу с беконом. В центре стола красовалось большое блюдо с тостами.

Я пожелал им приятного аппетита. Долорес жестом указала мне место напротив себя.

— Вам кофе с молоком или черный? — спросила она.

— Благодарю вас, черный.

Лоретти пододвинул ко мне сковороду с яичницей, и мы с ним обменялись любезнейшими поклонами.

Я подумал, что, видимо, это мой последний завтрак в жизни. Неплохо придумано! Трое свидетелей внезапной смерти Джека Клинча. Виноват, Юджина Коннели, инспектора и т. д. Дальше все по трафарету. Контейнер с прахом отправляется на Землю, прелестные пальчики мадемуазель Лоран повязывают траурный креп на урне, скромные похороны на кладбище в Космополисе.

— Почему вы не едите? — поинтересовалась Долорес.

— Спасибо, не хочется.

— Боитесь, что отравят? — усмехнулся Милн.

— Нет, не боюсь.

— Боитесь! — Он поддел вилкой большой кусок с моей сковороды и отправил себе в рот. — Ну что? Убедились?

— Убедился.— Я мысленно вознес молитву святому Патрику и залпом выпил кофе.

— Как вам здесь нравится? — светским тоном осведомилась Долорес.

— Ничего, очень мило. А у вас сегодня что, какой-нибудь праздник?

— У нас теперь каждый день — праздник, — сказал Милн. — Делать-то нам нечего.

— Смотря кому, — поморщился Лоретти, — мне так работы хватает.

— Вот как, вы продолжаете работать? — Для меня это было новостью.

— Делаю кое-что.

— Когда же нас все-таки отправят на Землю? — снова задала вопрос Долорес.

— Не знаю. Это должен решить мистер Роу.

— Ну а ваше мнение?

— Я думаю, что базу нужно ликвидировать. Откачать воду из шахты вряд ли удастся, а бурить такую толщу скал невозможно.

— Правильно! — хлопнул рукой по столу Милн. — Вот это слова! Приятно слышать!

Лоретти встал со стула.

— Прошу извинить, у меня дела.

Я тоже поднялся.

— Спасибо за кофе, Долорес! Мне нужно с вами поговорить, сеньор Лоретти.

Он удивленно поднял брови.

— Пожалуйста, но только не раньше чем через час. Я должен закончить опыт.

Я провел этот час у себя в комнате, пытаюсь разобраться, чем была вызвана удивительная метаморфоза. Чем больше предположений я строил, тем меньше что-нибудь понимал.

Так ничего и не решив, я направился к Лоретти.

Дверь комнаты Милна была открыта. Я заглянул туда. Долорес босиком, в шортах мыла пол. Милн, с видом пай-мальчика, без ботинок, поджав ноги, сидел на тщательно застеленной кровати. Окно было распахнуто, и даже видневшееся в нем небо имело какой-то непривычно голубоватый оттенок.

Поистине день чудес!

Долорес меня заметила и, откинув тыльной стороной руки прядь волос, улыбнулась:

— Не правда ли, мистер Клинч, Милн ужасный неряха?!

Я неплохо разбираюсь в женских ногах и могу сказать без преувеличения, что у Долорес они — выше всяких похвал. Увы! Детективу часто приходится приносить в жертву самое лучшее, чем может жизнь одарить мужчину. Впрочем, лирику побоку! Мне предстоял важный разговор, который мог кое-что прояснить.

Я постучал в дверь Лоретти.

Он сидел за микроскопом и кивком головы предложил мне сесть.

Я огляделся по сторонам. В комнате был идеальный порядок. В углу, над кроватью, висела фотография молодой девушки, почти ребенка. Мне невольно вспомнилась история с несовершеннолетней дочерью миллионера.

— Поглядите, мистер Клинч, металлургический завод в миниатюре.

Я подкрутил окуляры по своим глазам. В капле, на предметном столике, копошились какие-то твари.

— Бактериологическое разложение осмистого иридия,— пояснил Лоретти.— Полный переворот в технике. Огромная экономия, не нужно ни электрического тока, ни сложного оборудования. Все идет без вмешательства человека.

— Да, занятно. Но какой сейчас в этом толк, если шахта затоплена, а другого места для добычи на планете нет?— Я намеренно задал этот вопрос. Меня интересовало, как он воспринимает все случившееся.

— Не беда! — ответил он небрежным тоном.— Тут у меня подготовлено несколько штаммов для отправки на Землю. Не удалось тут, наладим там.

— А это не опасно?

— В каком смысле — опасно?

— Все-таки бактерии. А вдруг они вызовут на Земле какую-нибудь эпидемию?

— Исключено!

— Почему?

Он достал из стола коробку с сигарами. Это были мои любимые «Корона-корона», и я с удовольствием закурил.

— Видите ли, мистер Клинч,— сказал он, выпустив большой клуб дыма,— здесь, на Мези, никогда не было животной жизни, поэтому и опасных для живого организма бактерий быть не может. Они просто не смогли появиться в процессе эволюции.

— А если они, попав на Землю, приспособятся вместо осмистого иридия паразитировать на живых существах?

— Не думаю. Тогда это уже не те бактерии. Кроме того, будут приняты все необходимые меры предосторожности. Концерн «Горгона», куда я собираюсь их передать, обладает огромными возможностями.

Я чуть не проглотил от неожиданности собственный язык. Передо мной сидел человек, который совершенно открыто говорил о своих связях с «Горгоной».

— Как?! Вы собираетесь, помимо КОСМОЮНЕСКО, передать их концерну?

— Почему помимо? Они пройдут санитарно-эпидемиологический контроль КОСМОЮНЕСКО, а Роу не будет возражать. Чистый иридий нужен позарез. Здесь его добывать не удалось, нужно расширить добычу на Земле. Я даже хотел просить вас захватить два штамма с собой.

Нет! Это был либо дурак, либо величайший негодяй из всех, которых мне приходилось встречать. Ничего не скажешь, ловко! Сначала — диверсия здесь, а потом — обогащение «Горгоны» за счет КОСМОЮНЕСКО.

Все же нужно было делать вид, что у меня не возникло никаких подозрений. Я решил переменить тему:

— Чем вы объясняете сегодняшний торжественный завтрак в полном сборе?

Он поморщился и раздавил в пепельнице сигару.

— Людям иногда надоедает валять дурака, мистер Клинч.

— И вам тоже?

— И мне тоже.

— А я уже подумывал, нет ли тут каких-нибудь бактерий, вызывающих умопомешательство?

— Таких бактерий тут быть не может, я уже объяснил почему.

Я тоже погасил сигару и встал.

— Очень благодарен вам за беседу. Если не возражаете, зайду как-нибудь еще.

— С наручниками?

— Пока без них.

Он снова занялся своим микроскопом. Я подождал, пока его мысли не переключились целиком на работу, и спросил:

— Чем вызван взрыв в шахте?

— Не знаю, — ответил он, не отрываясь от окуляров. — Это не по моей части, спросите Милна.

- Милн считает, что был взрыв газа.
- Значит, взрыв газа.
- И о смерти Майзеля вы ничего не можете мне сообщить?
- И о смерти Майзеля я вам ничего не могу сообщить, обратитесь к Долорес.
- До свиданья, сеньор Лоретти.
- Прощайте, мистер Клинч.

4

Из дневника Джека Клинча

4 апреля

Восемь дней ничего не записывал. Внезапно возникшая нежная дружба между обитателями базы тает, как кусок сахара в стакане чая. Некоторое время еще продолжались совместные трапезы, но уже без былого блеска. Долорес что-то готовила на скорую руку, однако созвать всех вовремя к обеду было нелегко. Уже на третий день Милн стал являться в кают-компанию под хмельком, а Лоретти часто отсутствовал, ссылаясь на срочные опыты. Видимо, ему не терпится передать «Горгоне» драгоценные бактерии.

Все же встречи за столом давали мне единственную возможность продолжать наблюдения. Остальное время все отсиживаются по своим комнатам. Снова дует ветер, и мы живем при искусственном свете. Приходится держать ставни закрытыми. Даже специальные стекла не выдерживают напора ветра. О том, чтобы выйти на прогулку, нечего и думать.

Все эти дни я пытался заново пересмотреть все, что мне известно о членах экспедиции. Мне кажется, что все они — одна шайка и, судя по всему, Лоретти — главарь. Его связи с «Горгоной» не подлежат сомнению, Майзель им мешал, и его убили. Я даже не уверен, действительно ли взрыв в шахте предшествовал смерти Майзеля. А может быть, наоборот. К сожалению, сейчас установить это трудно.

Мне совершенно неясна роль Долорес. Судя по ее поведению, она целиком во власти Лоретти и Милна. Она много знает, но очень искусно играет свою роль. Зачем им понадобилась эта инсценировка дружбы? Впрочем, тут не только инсценировка. Я ведь видел из укрытия, как

по-приятельски беседовали Милн с Лоретти. Тогда, значит, инсценировкой была их взаимная неприязнь?

Они вполне могли меня отравить, но почему-то побоялись. Возможно, понимали, что две смерти вызовут подозрения. Может быть, если бы не проныра Дрейк с его заметкой в «Космических новостях», я бы уже давно был на том свете. Этот подонок, сам того не подозревая, оказал мне неплохую услугу. Правда, игру приходится вести в открытую, но они-то знают, что находятся под подозрением, и вынуждены действовать очень осторожно.

О, с каким удовольствием я бы отдал их в руки правосудия! Но у меня нет никаких прямых улик. Болтовня Милна не в счет, он уже на предварительном следствии может от всего отпереться. Подобранная им гильза? Но мои показания вряд ли будут приняты во внимание, а других доказательств у меня нет. Оболочка пули? Это, конечно, веская улика, но докажи, кто убил! Суду нужен конкретный убийца, а не трое предполагаемых. Ну что ж, значит, нужно продолжать искать убийцу.

7 апреля

Чрезвычайное происшествие! Уже несколько дней я чувствовал, как что-то назревает. Какая-то гнетущая атмосфера страха и взаимного недоверия. Все сидят в своих комнатах, снова питаются консервами. Меня просто игнорируют. При встречах отворачиваются и не отвечают на приветствия. Милн беспробудно пьянствует. Я слышу, как он натыкается на стены, когда идет в уборную. Долорес ходит с заплаканными глазами. Опять по ночам кто-то подкрадывается к моей двери и пробует, заперта ли она.

И вот вчера все разразилось.

Я задремал, и разбудил меня громкий шепот в коридоре. Разговаривали Милн с Лоретти. Слов разобрать не удавалось. Только один раз до меня донесся обрывок фразы: «...он может услышать, и тогда...» Очевидно, речь шла обо мне. Спустя некоторое время шепот перешел в перебранку. Голос Лоретти громко произнес: «Не думай, что тебе это удастся!» Последовал звук удара, топот ног, закричала Долорес, а затем прозвучал выстрел.

Я выскочил в коридор.

Милн стоял привалясь к стене. Одной рукой он держался за бок, а другой сжимал длинный охотничий нож.

Напротив него — Лоретти с пистолетом. Дверь в комнату Долорес была открыта.

— Что тут происходит, черт вас побери?!

— Он меня ранил! — захныкал Милн.

В дверях показалась Долорес. На ней была шелковая пижама. Видно, ее подняли с постели.

— Какой негодяй! — произнесла она дрожащим голосом. — Боже, какой негодяй!

Я не понял, к кому это относилось.

Милн шагнул вперед.

— Эй, отнимите у него нож, а то он вас пырнет! — крикнул Лоретти.

Ударом по предплечью я заставил Милна выронить нож, а затем обратился к тем двоим:

— Сдайте оружие!

Лоретти швырнул свой «хорн» мне под ноги.

— И вы, Долорес, тоже!

Она вызывающе взглянула на меня:

— Я не могу тут остаться безоружной. Не забывайте, что я женщина!

Глядя на нее, забыть это было трудно.

— Ладно, защищайте свою честь. Так что же все-таки произошло?

— Он вломился ко мне в комнату. — Долорес показала пальцем на Лоретти.

— Он стрелял в меня, ранил, хотел убить! — проскулил Милн.

— Милн пытался ударить меня ножом, мы сцепились врукопашную, я не удержался на ногах и влетел в комнату Долорес, ну а потом... пришлось стрелять.

— Это правда?

Долорес презрительно улыбнулась:

— Не верьте ему. Этот негодяй способен на что угодно!

— Психопатка! — Лоретти повернулся и направился к себе в комнату.

— А вы, Милн, потрудитесь... — Я обернулся к нему и увидел, что он, закрыв глаза, сползает на пол. Рубашка на нем была пропитана кровью.

Мы с Долорес перенесли его в комнату.

Рана оказалась пустяковой. Пуля скользнула по ребру, но пройди она немного правее, экспедиция лишилась бы еще одного специалиста.

Милн быстро очнулся и снова начал скулить. Долорес хотела сделать ему обезболивающий укол, но он, увидя шприц, пришел в совершенное иступление. Пришлось дать ему виски.

Мы подождали, пока он уснул рядом с наполовину опорожненной бутылкой, и вышли в коридор.

— Ну, Долорес, вам по-прежнему нечего мне сказать?

Она закрыла лицо руками.

— Не спрашивайте меня ни о чем, мистер Клинч, право, я ничего не знаю!

— Все равно вам придется дать откровенные показания, не здесь, так на Земле.

— Сжальтесь!

Первый раз в жизни женщина стояла передо мной на коленях. И какая женщина! До чего же она была хороша в позе кающейся грешницы!

— О, пожалуйста, умоляю вас, отправьте меня на Землю. Я готова на что угодно, только не переносить этот ужас!

Что я мог ей ответить? Все равно до прибытия пассажирского лайнера они не могли покинуть базу. Отправить ее вместо себя? Я не имел права на это. У меня на руках было нераскрытое убийство, и виновна она или нет, но до окончания следствия нельзя было дать ей возможность скрыться от правосудия. Ищи ее потом по всему свету.

Я поднял ее и отвел в комнату.

— Успокойтесь, Долорес. Обещаю вам, что, как только я вернусь на Землю, за вами отправят специальный корабль. А сейчас ложитесь спать. За Милном я присмотрю сам; если понадобится, разбужу вас.

Мне не пришлось ее будить. Я лег в кровать и будто провалился в преисподнюю. Терзали кошмары, чудились чьи-то крики, и я долго не мог проснуться от настойчивого стука в дверь.

— Мистер Клинч! Мистер Клинч! Откройте, случилось несчастье! — Это был голос Долорес.

Я выбежал в пижаме и босиком.

— Что произошло?

— Милн мертв, он отравился.

В комнате Милна пахло горьким миндалем. Я поглядел на кирпичный цвет лица покойника и спросил:

— Цианистый калий?

— Да.

На столе мы нашли мензурку со следами яда и записку. Характерным пьяным почерком было нацарапано:
«Я вынужден так поступить, потому что лучше лишиться себя жизни, чем...»

На этом записка обрывалась.

10 апреля

Милна кремировали. Я должен привезти его прах на Землю.

Временами мне кажется, что схожу с ума. Все версии разваливаются одна за другой. Мне никак не удается связать факты воедино. Такого позорного провала еще не было в моей практике.

С нетерпением жду дня отлета. Скоро кончится период муссонов. Старт назначен на 20 апреля — время относительного затишья. Изучаю инструкцию. Почтовая ракета полностью автоматизирована, нужно только нажать кнопку, но есть множество правил поведения в случае неполадок, их требуется знать назубок.

Из Лоретти и Долорес больше ничего не вытянешь. Зря я ввязался в это дело. Теперь пусть им занимаются следователи на Земле, с меня хватит!

21 апреля

Через несколько часов я должен стартовать на постоянную орбиту. Зашел попрощаться с Долорес. Бедняжка! У нее такой вид, что сердце переворачивается. Мне страшно оставлять ее здесь, но что я могу поделать?

Следующий визит — к Лоретти. После того как я ему заявил, что без разрешения Роу ни одной бактерии отсюда вывезено не будет, отношения между нами более чем натянутые.

Все же встретил он меня на этот раз без обычных колкостей. Видимо, рад-радешенек, что будет избавлен от дальнейших допросов. Даже извлек из своих запасов бутылку старого бренди.

— За благополучное путешествие! Или вы при исполнении служебных обязанностей не можете пить с подследственным?

— Вы ошибаетесь, Лоретти. Я не служу в полиции и могу пить с кем вздумается. Наливайте!

Несколько минут мы просидели молча над своими стаканами.

— Так что, мистер Клинч, удалось вам найти убийцу?

Я ответил не сразу. Мое внимание было поглощено жидкостью в стакане. У меня даже дух заняло от внезапно пришедшей идеи. Поразительно, как все вдруг стало на свои места. Наконец я поднял голову и сказал:

— Нашел, сеньор Лоретти.

— Вот как?! Кто же?

— Пока это профессиональная тайна. Скажите, где Майзель хранил взрывчатку?

— Взрывчатку? — Он удивленно пожал плечами. — Кажется, во второй кладовой. А зачем вам?

— Хочу устроить салют по поводу успешного окончания расследования!

Я посмотрел на часы. Времени оставалось совсем мало. Нужно было еще раз тщательно исследовать оболочку пули, а затем... В душе у меня все пело. Я бы даже перекувыркнулся через голову, если б не боялся уронить престиж фирмы «Джек Клинч, частный детектив».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Они снова, как год назад, собрались в кабинете Роу. Хозяин — за столом, Жюли — на диване, Шнайдер — в кресле, Клинч — на стуле.

Роу потер переносицу, оглядел всех присутствующих и обратился к Клинчу:

— Так вот, мистер Клинч, я ознакомился с вашим рапортом и дневниками. Должен сказать, что я поражен.

— Благодарю вас! — Клинч вежливо поклонился.

— Боюсь, что вы меня не вполне поняли, — продолжал бесстрастным тоном Роу. — Благодарить не за что. Я не только поражен, но и возмущен. Мне кажется, что полученные вами от нас инструкции были достаточно точными. Вам поручалось выяснить причину, вызвавшую взрыв, найти убийцу и определить возможность эксплуатации месторождения иридия. Так?

— Совершенно верно! — согласился Клинч.

— Теперь посмотрим, что вы сделали. Разберем по пунктам. Причину взрыва вы так и не установили, убийцу не нашли, а взамен этого предлагаете нам... э... сюжет для научно-фантастического романа, да к тому же извлеченный из... стакана с бренди. Вы согласны со мной?

— Абсолютно не согласен! — Усы у Клинча торчали, как две пики, лицо покрылось красными пятнами, чувствовалось, что он готов ринуться в бой.

Роу жестом предложил ему замолчать.

— К этому вопросу мы еще вернемся. Разберем до конца, как вы выполнили задание. В то время, когда здесь наши специалисты разработали способ откачки воды из шахты, вы безо всякого на то разрешения взрываете скалу и заваливаете всю площадку, да еще так, что выведена из строя большая часть оборудования. Как же я, по-вашему, должен расценивать эти действия?

— Мне кажется, что я все достаточно ясно изложил в своем рапорте.

Роу развел руками.

— Может быть, вы, герр Шнайдер, что-нибудь поняли?

Шнайдер заерзал в кресле. Ему очень не хотелось сознаться, что он вообще плохо представляет, о чем идет речь.

— Честно говоря, у меня еще много недоуменных вопросов. Может быть, Джек, вы растолкуете нам все на словах, а то из вашего рапорта не все понятно.

— Хорошо! — Клинч закурил и положил ногу на ногу. — Начну с психологического климата на базе. Ведь именно для этого я предоставил в ваше распоряжение свои дневники. Скажите, Вилли, вас не удивляет поведение всех без исключения членов экспедиции?

— Ведут они себя, конечно, странно.

— А какой элемент вы особо выделили бы в их поведении?

— Гм... Пожалуй, страх.

— Правильно! Именно страх. Они боятся меня, это еще как-то можно объяснить. Ведь идет расследование убийства. По милости Дрейка я вынужден вести его открыто, и каждый из них может считать себя подозреваемым.

— Но убийца должен был бояться больше других, а тут...

— Они боятся все. Очень рад, что вы это почувствовали. Кроме того, они боятся друг друга, а это может быть только в случае?..

— Если они убили сообща.

— Верно! Или если каждый подозревает в убийстве других и имеет для этих подозрений веские основания.

И то и другое предположение исключается, если Майзель действительно застрелился.

— Но ведь Майзель был убит! Есть оболочка пули.

— К оболочке мы вернемся потом. Пока же примем в основу рассуждений самоубийство. Тогда нужно искать другую причину, вызывающую страх. Эту причину, как справедливо подметил мистер Роу, я и нашел в стакане с бренди.

— Тут уже я вас не понимаю.

— Стоячие волны в жидкости. Они навели меня на след. Ведь все время на Мези страх испытывал и я тоже. Мне постоянно чудились какие-то шаги и шепот в коридоре, преследовало чувство нависшей опасности. Временами я себя чувствовал на грани умопомешательства.

— И очевидно, в этом состоянии вы и решили прибегнуть к спасительной гипотезе об инфразвуке? — иронически заметил Роу.

— Да, именно так. Ведь расположенный в ущелье ствол затопленной шахты представлял собой исполинскую органную трубу, настроенную на низкую частоту, недоступную человеческому слуху. В литературе описано много случаев, когда люди, подвергавшиеся воздействию мощного инфразвука, испытывали необъяснимый страх и даже доходили до полного психического расстройства.

— Довольно смелое заключение, мистер Клинч. А что, если вы ошиблись?

— Я проверил свои предположения. Помните необычный для обитателей базы коллективный завтрак, во время которого они все вели себя совершенно нормально?

— Ну допустим, и что из этого следует?

— В тот день было полное безветрие. Стоило потом ветру задуть снова, как все вернулось на круги своя.

— Мне кажутся рассуждения мистера Клинча очень логичными, — подала голос Жюли.

Роу осуждающе взглянул на нее и нахмурился.

— Мы опять уходим в область фантастики. Не соблаговолите ли вы, мистер Клинч, все же ответить на основные вопросы: причина первого взрыва, обстоятельства смерти Майзеля и окончательный вывод шахты из строя, за который вы несете персональную ответственность. По каждому вопросу жду краткого и вразумительного ответа, по возможности без психологических экскурсов. Меня интересуют только факты.

— Постараюсь придерживаться фактов, хотя без психологических экскурсов моя работа была бы бессмысленной. Итак, взрыв в шахте произошел от скопления газов.

— Какие основания у вас так считать?

— У меня нет оснований считать иначе. Самоубийство Майзеля не подлежит сомнению. Из всех членов экспедиции у него была самая неустойчивая психика. Добавьте к этому потрясение, вызванное взрывом. Следующей жертвой стал Милн. Постоянное пьянство усилило эффект действия инфразвука.

— Пойдите, пойдите! — взмолился Шнайдер. — Вы говорите о самоубийстве Майзеля как о чем-то вполне установленном, ну а оболочка пули?

— Оболочка пули ни о чем не свидетельствует. Вы помните, как она была деформирована?

— Помню, но ведь она находилась в кремационной печи.

— Значит, не помните. Конец оболочки был разорван. Видимо, в ней раньше была трещина. В таких случаях после выстрела свинец силой инерции вылетает вперед, а оболочка застревает в теле. Не зря Долорес говорила, что череп Майзеля был сильно изуродован. Типичный эффект распиленной оболочки. Некогда англичане применяли такие пули в войне с бурами.

— А ну, покажите! — протянул руку Шнайдер.

Клинч достал из кармана замшевый кошелек.

— Куда же она могла задеваться? — пробормотал он, запустив туда пальцы. — Вот дьявол! Боюсь, Вилли, что я второпях забыл ее на Мези.

— Очень жаль! — сухо сказал Шнайдер. — Это очень важное вещественное доказательство. Впрочем, если вы утверждаете...

— Можете мне верить, Вилли.

— С пуль вы разберитесь, герр Шнайдер, сами, — сказал Роу. — А я все-таки попрошу мистера Клинча ответить на третий вопрос: на основании каких полномочий была подорвана скала и окончательно выведена из строя шахта?

— Таких полномочий мне действительно не давали. Но если бы я этого не сделал, сейчас на Мези могло бы быть еще два трупа. Более того, я не уверен, что и следующую экспедицию не постигла бы та же участь. Такой источник инфразвука, да еще направленного действия, — вещь поистине страшная!

Роу поднялся с кресел, давая понять, что совещание окончено.

— Хорошо, мистер Клинч. Я вынужден доложить обо всем совету директоров. Надеюсь, вы понимаете, что пока вопрос о выплате вам гонорара решен быть не может. А вы, мадемуазель Лоран, задержитесь здесь. Я хочу выслушать ваши соображения об эвакуации оставшихся в живых членов экспедиции.

Клинч со Шнайдером вышли в приемную.

— Старик очень расстроен,— сказал Шнайдер.— Мне кажется, вы неплохо поработали там, но все же хочу задать вам еще несколько вопросов.

— Думаю, это лучше сделать за кружкой пива,— усмехнулся Клинч.— У меня от этой милой беседы все внутри пересохло!

2

Вечером того же дня Клинч мерил шагами свой роскошный номер в отеле «Галактика». Мягкий свет торшера, батарея бутылок для коктейлей, приглушенная музыка, льющаяся из магнитофона,— все свидетельствовало о том, что Клинч кого-то поджидает.

Он несколько раз нетерпеливо поглядывал на часы.

Наконец ровно в восемь скрипнула дверь, и в комнату проскользнула Жюли. Клинч выключил магнитофон и с протянутыми руками пошел ей навстречу.

— Здравствуй, дорогая! — Он увлек ее на диван, но она ловко выскользнула из его объятий.

— погоди, Джек! Сначала дело, все остальное, потом.— Жюли вынула из сумки большой пакет.— Вот деньги. Как видишь, «Горгона» платит за услуги наличными. Можешь не беспокоиться, ни в одной бухгалтерской книге этот платеж не записан. Должна сказать, что впервые вижу, чтобы такую огромную сумму отвалили за самую бессовестную брехню.

— Брехня всегда бессовестная,— спокойно сказал Клинч, пересчитывая пачки банкнот.— Мне было поручено окончательно вывести из строя шахту, я это сделал, а все остальное — литература, фантастический сюжет, как говорит Роу.

Жюли презрительно усмехнулась:

— Однако на совещании ты имел очень жалкий вид. Казалось, еще немного — и ты расколешься.

— Еще бы! Эта оболочка пули меня чуть не доконала. «Хорн» имеет укороченный патрон, а ты подложила в урну оболочку от пули «кольта». Представляешь, что было бы, попади она в криминалистическую лабораторию. Пришлось срочно потерять главное вещественное доказательство. Все-таки тебе бы следовало лучше разбираться в марках пистолетов.

Жюли села к нему на колени и обняла за шею.

— Не будь таким придирой, Джек. У меня было очень мало времени. Подумай о другом: ведь если б я не придумала этот трюк с оболочкой, мы с тобой так бы и не познакомились.

— Вернее, ты бы меня не завербовала.

— Фу! Как грубо ты говоришь о таких вещах!

— Ладно,— сказал Клинч,— победителей не судят.

— Конечно! — Жюли положила голову к нему на грудь.— Теперь у нас есть деньги. Будь уверен, я найду способ заставить этого старого осла Роу выплатить тебе все до последнего цента. С тем, что ты получил от «Горгоны», хватит на всю жизнь. Мы можем купить виллу во Флориде.

— Я предпочитаю Ниццу.

— Неужели ты не можешь мне уступить даже в такой мелочи?

— Хорошо, пусть будет Флорида.

— Умница! Можешь меня поцеловать!

— погоди, я запру дверь.

Клинч направился к двери, но в этот момент она распахнулась. На пороге стояли Шнайдер и Роу. Позади них маячили двое полицейских в форме.

Жюли попыталась проскользнуть в спальню, но Клинч преградил ей дорогу.

— Входите, джентльмены,— сказал он.— Разрешите представить вам начальницу секретной службы «Горгоны» Минну Хорст, известную здесь под псевдонимом Жюли Лоран. Наш разговор с ней записан на магнитофоне, а вот деньги, уплаченные через нее концерном за диверсионный акт на Мези. Думаю, что этого достаточно, чтобы взять под стражу Хорст — Лоран и возбудить судебное дело против «Горгоны».

Жюли выхватила из сумочки пистолет.

Первый выстрел вдребезги разнес лампу торшера. В наступившей тьме вторая пуля просвистела рядом с головой Клинча. Он бросился на звук выстрела. Послыша-

лась борьба, еще один выстрел и падение тела. Вспыхнули фонарики в руках полицейских. Жюли лежала на полу.

Клинч включил люстру под потолком и подошел к Жюли. Она была мертва. Ее глаза, казалось, с немым укором глядели на Клинча.

Он вытер рукой пот со лба и обратился к Шнайдеру:

— Мне очень неприятно. Так получилось. Я хотел отобрать у нее пистолет, а она... Надеюсь, вы понимаете, что это чистая случайность?

— Конечно! Мы даже не будем проводить судебно-медицинской экспертизы. Ограничимся показаниями свидетелей.

— А все-таки жаль! — задумчиво произнес Клинч. — Какая красивая женщина, и вдобавок какая актриса! Шнайдер сокрушенно покачал головой.

— Скажите, Джек, когда у вас впервые возникло подозрение, что Жюли Лоран — не та, за кого себя выдает?

— Когда мы ужинали в ресторане. Ни одна француженка не станет запивать устрицы красным вином.

3

Труп увезли в морг, магнитофонную пленку дважды прослушали, а Роу все еще не мог прийти в себя.

— Боже! — сказал он. — Я совершенно запутался в этом бесконечном потоке лжи! Может быть, вы все-таки объяснитесь, Клинч?

— Что ж, — Клинч поглядел на тающие кубики льда в стакане со «скотчем», — попытаюсь. Мне самому надоело разыгрывать фарс, но иначе мы бы не разоблачили преступницу. Итак, Жюли Лоран была секретным агентом «Горгоны». Правда, то, что ее настоящее имя Минна Хорст, я узнал только сегодня от Шнайдера. Он проделал большую работу, пока я был на Мези.

— Да, — самодовольно сказал Шнайдер, — пришлось перевернуть все досье лиц, связанных когда-либо с промышленным шпионажем.

— Минна Хорст, — продолжал Клинч, — направила Эдуарда Майзеля на Мези с диверсионным заданием. Он взорвал шахту. Это не подлежит сомнению, я нашел на рабочей площадке обрывок упаковки от детонаторов. Однако Майзель не оправдал полностью надежд своих хозяев. Постоянное воздействие инфразвука и боязнь

разоблачения довели его до нервной горячки. Судя по всему, в бреду он болтал много лишнего, и Долорес начала кое о чем догадываться. Возможно, что после его выздоровления она ему прямо об этом сказала. Тут уж Майзелю не оставалось ничего другого, как пустить себе пулю в лоб.

— Значит, Долорес знала и ничего вам не рассказывала? — спросил Роу.

— Да, видимо, это так. При всем том ее нельзя в этом особо винить. Во-первых, она считала себя связанной врачебной тайной; во-вторых, Майзель уже мертв; а в-третьих, он был в нее без памяти влюблен. Нет такой женщины, которая была бы к этому совсем равнодушна.

— Гм... И что же дальше?

— Дальше то, что положение на Мези остается неясным. Неизвестно, можно ли откачать воду из шахты. Не будет ли предпринята новая попытка наладить там добычу. Поэтому Минна Хорст решает забросить туда нового диверсанта. Придумывается трюк с оболочкой пули, и меня вызывают сюда из Лондона.

— Вы с ней раньше были знакомы?

— Нет.

— Почему же она так настаивала именно на вашей кандидатуре? На что она могла рассчитывать?

Клинч слегка покраснел.

— На неотразимость своих чар. Она знала, что мы, ирландцы, очень чувствительны к женской красоте.

— И кажется, не ошиблась в этом! — засмеялся Шнайдер. — Впрочем, извините, Джек! Продолжайте, пожалуйста!

— Что ж тут продолжать? Пожалуй, это все.

— Как все?! — удивился Роу. — А взрыв, который вы там устроили? Вы что, действительно только хотели заткнуть эту органную трубу?

— Конечно! Но были еще и другие соображения. Вы помните про обломок скалы, который чуть не превратил меня в отбивную котлету?

— Помню.

— Так вот, когда я исследовал поверхность разлома, то обнаружил металлический иридий. Бактерии работали и в скалах. Своим взрывом я вскрыл богатейшее месторождение, которое можно разрабатывать открытым способом. Собственно говоря, это было ясно уже из данных геофизической разведки, и, если бы Майзель честно от-

носился к своим обязанностям, он бы наверняка обратил на это внимание. Так что, мистер Роу, отправляйте туда новую экспедицию и начинайте работу. Что же касается старых механизмов, пострадавших при обвале, то они там теперь не нужны.

Роу встал и прошелся по комнате.

— Да, мистер Клинч, думаю, что вы заслужили свой гонорар.

— С двадцатипроцентной надбавкой,— невозмутимо ответил Клинч.

— Это еще почему?

— Пятнадцать процентов за открытие месторождения, а пять,— Клинч ехидно улыбнулся,— пять процентов за фантастический сюжет, как вы изволили выразиться. Ведь вам, наверное, не хотелось бы, чтобы я этот сюжет продал какому-нибудь писаке?

— Конечно, нет! — с неожиданной серьезностью ответил Роу.— Тем более что всю эту историю, видно, придется сдать в архив. Сейчас ведутся переговоры между правительствами латиноамериканских стран о национализации рудников «Горгоны». Предполагается организовать межгосударственный концерн под эгидой ЮНЕСКО. Все производство будет реконструировано на научной основе, и вот тут нам пригодятся бактерии Лоретти. Однако, мистер Клинч, эти сведения совершенно конфиденциальны, и я надеюсь на вашу скромность.

Джек Клинч встал, горделиво расправил усы и снисходительно взглянул на Роу с высоты своего роста.

— Я уже вам говорил, что гарантия тайны — одно из неперемennых условий работы частного детектива. Кроме того, черт побери, есть еще и честное слово ирландца, которое тоже чего-нибудь стоит!

Послесловие автора к 20-му изданию

Мне хотелось в этом произведении совместить все тенденции развития зарубежного детектива и фантастической повести. Поэтому я избегал всяких литературных красот, не свойственных упомянутым жанрам, а язык максимально приблизил к переводу, сделанному по подстрочнику. Однако при всем том я воздержался от описания ряда натуралистических сцен, могущих вызвать только отвращение у нашего читателя.

Как ни странно, но именно эта авторская добросовестность породила множество недоразумений.

В письмах, полученных мною от читателей, обычно варьируются два вопроса:

1. Что произошло между Жюли и Клинчем, когда он зашел к ней выпить чашку чая? Если можно, то расскажите со всеми подробностями. (Такой вопрос чаще всего задают школьницы и пенсионеры.)

2. Почему автор не открывает всей правды о Клинче? А не утаил ли он большую часть денег, полученных от «Горгоны», благо, после смерти Жюли установить, кто заначил деньги, невозможно. (Авторы таких писем — люди среднего возраста, в основном работники торговой сети.)

На первый вопрос я уже дал ответ вначале, и менять свое решение не намерен. Что же касается второго, то такие подозрения вполне оправданы и вызваны здоровым недоверием нашего читателя к частным детективам, этому типичному порождению капиталистического строя. Честно говоря, и у меня они никогда не вызывали ни особой симпатии, ни доверия. (За исключением Шерлока Холмса, но, как известно, исключения только подтверждают правило.)

Недавно в печати некоторых западных стран появились сенсационные сообщения о том, что автор якобы воспользовался туристской путевкой в Англию, чтобы выманить у Джека Клинча сюжет в обмен на набор матрешек и бутылку русской водки. Я считаю ниже своего достоинства вести полемику с клеветниками, хотя уверен, что за подобными инсинуациями стоят тайные агенты «Горгоны». Что же касается вопроса о том, откуда мне все это стало известно, то тут я связан честным словом и ничего сказать не могу.

Вот и все! Благодарю за внимание!

Ограбление произойдет в полночь

Патрик Рейч, шеф полиции, уселся в услужливо пододвинутое кресло и огляделся по сторонам. Белые панели с множеством кнопок и разноцветных лампочек чем-то напоминали автоматы для приготовления коктейлей. Сходство Вычислительного центра с баром дополнялось двумя девицами-операторами, восседавшими за пультом в белых халатах. Девицы явно злоупотребляли косметикой, и это определенно не нравилось Рейчу. Так же, как, впрочем, и вся затея с покупкой электронной машины. Собственно говоря, если бы министерство внутренних дел поменьше обращало внимание на газеты, нечего было бы вводить все эти новшества. Кто-кто, а Патрик Рейч за пятьдесят лет работы в полиции знал, что стоит появиться какому-нибудь нераскрытому преступлению, как газетчики поднимают крик о том, что полиция подкуплена гангстерами. Подкуплена! А на кой черт им ее подкупать, когда любой гангстерский синдикат располагает значительно большими возможностями, чем сама полиция. К их услугам бронированные автомобили, вертолеты, автоматическое оружие, бомбы со слезоточивым газом и, что самое главное, возможность стрелять по кому угодно и когда угодно. Подкуплена!..

Дэвида Логана корчило от нетерпения, но он не решался прервать размышления шефа. По всему было видно, что старик настроен скептически, иначе он бы не делал вида, будто все это его не касается. Ну что ж, посмотрим, что он запоет, когда все карты будут выложены на стол. Такое преступление готовится не каждый день!

Рейч вынул из кармана трубку и внимательно оглядел стены в поисках надписи, запрещающей курить.

— Пожалуйста! — Логан щелкнул зажигалкой.

— Благодарю!

Несколько минут Рейч молча пыхтел трубкой.

Логан делал карандашом отметки на перфоленте, исподтишка наблюдая за шефом.

— Итак,— наконец произнес Рейч,— вы хотите меня уверить, что сегодня ночью будет сделана попытка ограбления Национального банка?

— Совершенно верно!

— Но почему именно сегодня и обязательно Национального банка?

— Вот! — Логан протянул шефу небольшой листок. — Машина проанализировала все случаи ограбления банков за последние пятьдесят лет и проэкстраполировала полученные данные. Очередное преступление,— карандаш Логана отметил точку на пунктирной кривой,— очередное преступление должно произойти сегодня.

— Гм...— Рейч ткнул пальцем в график. — А где тут сказано про Национальный банк?

— Это следует из теории вероятностей. Математическое ожидание...

Национальный банк. Рейч вспомнил ограбление этого банка в 1912 году. Тогда в яростной схватке ему прострелили колено, и все же он сумел догнать бандитов на мотоцикле. Буколические времена!.. Тогда преступники действовали небольшими группами и были вооружены старомодными кольтами. Тогда отвага и ловкость чего-то стоили. А сейчас... «Математическое ожидание», «корреляция», «функции Гаусса», какие-то перфокарты, о, господи! Не полицейская служба, а семинар по математике.

— ...Таким образом, не подлежит сомнению, что банда Сколетти...

— Как вы сказали?! — очнулся Рейч.

— Банда Сколетти. Она располагает наиболее современной техникой для вскрытия сейфов и давно уже не принимала участия в крупных делах.

— Насчет Сколетти — это тоже данные машины?

— Машина считает, что это будет банда Сколетти. При этом вероятность составляет восемьдесят шесть процентов.

Рейч встал и подошел к пульту машины.

— Покажите, как она работает.

— Пожалуйста! Мы можем повторить при вас все основные расчеты.

— Да нет, я просто так, из любопытства. Значит, Сколетти со своими ребятами сегодня ночью вскроют сейфы Национального банка?

— Совершенно верно!

— Ну что ж,— усмехнулся Рейч.— Мне остается только его пожалеть.

— Почему?

— Ну как же! Готовится ограбление, о нем знаем мы с вами, знает машина, но ничего не знает сам Сколетти. Логана захлестнула радость реванша.

— Вы ошибаетесь,— злорадно сказал он.— Банда Сколетти приобрела точно такую же машину. Можете не сомневаться, она им подскажет, когда и как действовать.

* * *

Жан Бристо променял университетскую карьеру на деньги, и ничуть об этом не жалел. Он испытывал трезвое самодовольство человека, добровольно отказавшегося от райского блаженства ради греховных радостей сей земной юдоли. Что же касается угрызений совести оттого, что он все свои знания отдал гангстерскому синдикату, то нужно прямо сказать, что подобных угрызений Жан не чувствовал. В конце концов работа программиста — это работа программиста, и папаша Сколетти платил за нее в десять раз больше, чем любая другая фирма. Вообще все это скорее всего напоминало игру в шахматы. Поединок на электронных машинах. Жан усмехнулся и, скосив глаза, посмотрел на старого толстяка, которому в этот момент телохранитель наливал из термоса вторую порцию горячего молока. Вот картина, за которую корреспонденты газет готовы перегрызть друг другу глотки: гроза банков Педро Сколетти пьет молочко.

— Ну что, сынок? — Сколетти поставил пустой стакан на пульт машины и обернулся к Бристо.— Значит, твоя гадалка ворожит на сегодня хорошее дельце?

Бристо слегка поморщился при слове «гадалка». «Нет, сэр, если вы уж решили приобрести электронную машину и довериться голосу науки, то будьте добры обзавестись и соответствующим лексиконом».

— Мне удалось,— сухо ответил он,— найти формулу, выражающую периодичность ограблений банков. Разумеется, удачных ограблений,— добавил он, беря в руки

школьную указку.— Вот здесь, на этом плакате, они изображены черными кружками. Красные кружки — это ограбления, подсчитанные по моей формуле. Расположение кружков по вертикали соответствует денежной ценности, по горизонтали — дате ограбления. Как видите, очередное крупное ограбление приходится на сегодняшнее число. Не вижу, почему бы нам не взять такой куш.

— Какой куш?

— Сорок миллионов.

Один из телохранителей свистнул. Сколетти в ярости обернулся. Он ненавидел всякий неожиданный шум.

Некоторое время глава синдиката сидел, тихо посапывая. Очевидно, он обдумывал предложение.

— Какой банк?

— Национальный.

— Так...

Чувствовалось, что Сколетти не очень расположен связываться с Национальным банком, на котором синдикат уже дважды ломал себе зубы. Однако, с другой стороны, сорок миллионов — это такая сумма, ради которой можно рискнуть десятком ребят.

Бристо понимал, почему колеблется Сколетти, и решил использовать главный козырь.

— Разумеется, все проведение операции будет разработано машиной.

Кажется, Бристо попал в точку. Больше всего Сколетти не любил брать на себя ответственность за разработку операции. Пожалуй, стоит попробовать, если машина... Но тут его осенило.

— Постой! Говорят, что старик Рейч тоже установил у себя в лавочке какую-то машину. А не случится так, что они получают от нее предупреждение?

— Возможно, — небрежно ответил Бристо. — Однако у нас в этом деле остается некоторое преимущество: мы знаем, что у них есть машина, а они про нашу могут только догадываться.

— Ну и что?

— Вот тут-то вся тонкость. Машина может разработать несколько вариантов ограбления. Одни из них будут более удачными, другие — менее. Предположим, что полиция получила от своей машины предупреждение о возможности ограбления. Тогда они поручат ей определить, какой из синдикатов будет проводить операцию и какова тактика ограбления. Приняв наилучший вариант за ос-

нову, они разработают в соответствии с ним тактику поведения полиции.

— Ну и прихлопнут нас.

— Ни в коем случае!

— Почему же это?

— А потому, что мы, зная об этом, примем не наилучший вариант, а какой-нибудь из второстепенных.

Сколетти энергично покрутил носом.

— Глупости! Просто они устроят засаду в банке и перебьют нас как цыплят.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь,— возразил Бристо.— Рейч ни в коем случае не решится на засаду.

— Это еще почему?

— По чисто психологическим причинам.

— Много ты понимаешь в психологии полицейских,— усмехнулся Сколетти.— А я-то знаю старика больше тридцати лет. Говорю тебе: Рейч любит действовать наверняка и ни за что не откажется от засады.

Бристо протянул руку и взял со стола рулон перфоленты.

— Я, может быть, и мало знаю психологию полицейских, но машина способна решить любой психологический этюд, при соответствующей программе, разумеется. Вот решение такой задачи. Дано: Рейчу семьдесят четыре года. Кое-кто в министерстве внутренних дел давно уже подумывает о замене его более молодым и менее упрямым чиновником. Во-вторых, на засаду в Национальном банке требуется разрешение министерства внутренних дел и санкция министерства финансов. Что выигрывает Рейч от засады? Чисто тактическое преимущество. Чем Рейч рискует в случае засады? Своей репутацией, если он не сможет отбить нападение. Тогда все газеты поднимут вой, что полиция неспособна справиться с шайкой гангстеров даже в тех случаях, когда о готовящемся преступлении известно заранее. В еще более глупое положение Рейч попадет, если засада будет устроена, а попытки ограбления не последует. Спрашивается: станет ли Рейч просить разрешения на засаду, раз он сам не очень доверяет всяким машинным прогнозам? Ответ: не станет. Логично?

Сколетти почесал затылок.

— А ну, давай посмотрим твои варианты операций,— буркнул он, усаживаясь поудобнее.

— Ну что ж,— сказал Рейч,— ваш первый вариант вполне в стиле Сколетти. Все рассчитано на внешние эффекты — и прорыв на броневиках, и взрывы петард, и весь план блокирования района. Однако я не понимаю, зачем ему устраивать ложную демонстрацию в этом направлении.— Палец шефа полиции указал на одну из магистралей центра города.— Ведь отвлечение сюда большого количества полицейских имеет смысл только в том случае, если бы мы знали о готовящемся ограблении и решили бы подготовить им встречу.

Логан не мог скрыть торжествующей улыбки.

— Только в этом случае,— подтвердил он.— Сколетти уверен, что нам известны его замыслы, и соответствующим образом готовит операцию.

— Странно!

— Ничего странного нет. Приобретение управлением полиции новейшей электронно-счетной машины было разрекламировано министерством внутренних дел во всех газетах. Неужели вы думаете, что в Вычислительном центре синдиката Сколетти сидят такие болваны, что они не учитывают наших возможностей по прогнозированию преступлений? Не станет же полиция приобретать машину для повышения шансов выигрыша на бегах.

Рейч покраснел. Его давнишняя страсть к тотализатору была одной из маленьких слабостей, тщательно скрываемой от сослуживцев.

— Ну и что из этого следует? — сухо спросил он.

— Из этого следует, что Сколетти никогда не будет действовать по варианту номер один, хотя этот вариант наиболее выгоден синдикату.

— Почему?

— Именно потому, что это самый выгодный вариант.

Рейч выколотил трубку, снова набил ее и погрузился в размышления, окутанный голубыми облаками дыма.

Прошло несколько минут, прежде чем он радостно сказал:

— Ей-богу, Дэв, я, кажется, все понял! Вы хотите сказать, что синдикат не только догадывается о том, что нам известно о готовящемся ограблении, но и о том, что мы имеем в своих руках их планы.

— Совершенно верно! Они знают, что наша машина обладает такими же возможностями, как и та, что они приобрели. Значит, в наших руках и план готовящейся операции, а раз этот план наивыгоднейший для синдиката, полиция положит его в основу контроперации.

— А они тем временем...

— А они тем временем примут менее выгодный для себя вариант, но такой, который явится для полиции полной неожиданностью.

— Фу! — Рейч вытер клетчатым платком багровую шею. — Значит, вы полагаете, что нам...

— Необходимо приступить к анализу плана номер два, — перебил Логан и дал знак девицам в халатах включить машину.

* * *

— Не понимаю, почему вы так настроены против этого варианта? — спросил Бристо.

— Потому что это собачий бред! — Голос Сколетти дрожал от ярости. — Ну хорошо, у меня есть пяток вертолетов, но это вовсе не означает, что я могу сбрасывать тысячекилограммовые бомбы и высаживать воздушные десанты. Что я — военный министр, что ли?! И какого черта отставлять первый вариант? Там все здорово было расписано.

— Поймите, — продолжал Бристо, — второй вариант как раз тем и хорош, что он, во всяком случае в глазах полиции, неосуществим. Действительно, откуда вам достать авиационные бомбы?

— Вот и я о том же говорю.

— Теперь представьте себе, что вы все же достали бомбы. Тогда против второго варианта полиция совершенно беспомощна. Ведь она его считает блефом и готовится к отражению операции по плану номер один.

— Ну?

— А это значит, что сорок миллионов перекочевали из банка в ваши сейфы.

Упоминание о сорока миллионах заставило Сколетти задуматься. Он поскреб пятерней затылок, подвинул к себе телефон и набрал номер.

— Алло, Пит? Мне нужны две авиационные бомбы по тысяче килограммов. Сегодня к вечеру. Что? Ну ладно, позвони.

— Вот видите! — сказал Бристо. — Для синдиката Сколетти нет ничего невозможного.

— Ну, это мы посмотрим, когда у меня на складе будут бомбы. А что, если Пит их не достанет?

— На этот случай есть вариант номер три.

* * *

В машинном зале Вычислительного центра главного полицейского управления было нестерпимо жарко. Стандартная миловидность операторш таяла под потоками горячего воздуха, поднимавшегося от машины. Сквозь разноцветные ручейки былой красоты, стекавшей с потом, проглядывало костлявое лицо Времени.

Рейч и Логан склонились над столом, усеянным обрывками бумажных лент.

— Ну хорошо, — прохрипел Рейч, стараясь преодолеть шум, создаваемый пишущим устройством, — допустим, что синдикату удалось достать парочку бомб, снятых с вооружения. Это маловероятно, но сейчас я готов согласиться и с такой гипотезой.

— Ага, видите, и вы...

— Подождите, Дэв! Я это говорю потому, что по сравнению даже с этим вариантом подкоп на расстоянии пятидесяти метров да еще из здания, принадлежащего посольству иностранной державы, мне представляется форменной чушью.

— Почему?

— Да потому что, во-первых, такой подкоп потребует уйму времени, во-вторых, иностранное посольство... это уже верх идиотизма.

— Но посмотрите, — Логан развернул на столе план. — Здание посольства наиболее выгодно расположено. Отсюда по кратчайшему расстоянию подкоп приводит прямо к помещению сейфов. Кроме того...

— Да кто же им позволит вести оттуда подкоп?! — перебил Рейч.

— Вот этот вопрос мы сейчас исследуем отдельно, — усмехнулся Логан. — У меня уже заготовлена программа.

* * *

— Хватит, сынок! — Сколетти снял ноги в носках с пульта и протянул их телохранителю, схватившему с пола ботинки. — Так мы только зря теряем время. Твой первый план меня вполне устраивает.

— Да, но мы с вами говорили о том, что он наиболее опасен. Действуя по этому плану, мы даем верный козырь полиции.

— Черта с два! Когда полиция ждет налета?

— Сегодня!

— А мы его устроим завтра.

— Папаша! — проникновенно сказал Бристо. — У вас не голова, а счетная машина! Ведь это нам дает удвоенное количество вариантов!

* * *

— Так. — Логан расстегнул воротничок взмокшей сорочки. — Вариант номер семь — это неожиданное возвращение к варианту номер один. О, черт! Послушайте, шеф, может быть, нам просто устроить засаду в банке?!

— Нельзя, Дэв. Мы должны воздерживаться от каких-либо действий, могущих вызвать панику на бирже. Наше ходатайство разрешить засаду обязательно станет известно газетчикам, и тогда...

— Да... Пожалуй, вы правы, тем более что вариант номер восемь дает перенос ограбления на завтра, а в этом случае... Да заткните вы ему глотку! Трезвонит уже полчаса!

Одна из девиц подошла к телефону.

— Это вас, — сказала она Рейчу, прикрыв трубку рукой.

— Скажите, что я занят.

— Оперативный дежурный. Говорит, что очень важно. Рейч взял трубку.

— Алло! Да. Когда? Понятно... Нет, лучше мотоцикл... Сейчас.

Закончив разговор, шеф полиции долго и молча глядел на Логана. Когда он наконец заговорил, его голос был странно спокоен.

— А ведь вы были правы, Дэв.

— В чем именно?

— Десять минут назад ограбили Национальный банк. Логан побледнел.

— Неужели Сколетти?..

— Думаю, что Сколетти целиком доверился такому же болвану, как вы. Нет, судя по всему, это дело рук Вонючки Симса. Я знаю его манеру действовать в одиночку, угрожая кольцом образца 1912 года и консервной банкой, насаженной на ручку от мясорубки.

Новое о Шерлоке Холмсе

Лондонское воскресенье всегда полно скуки, но если к этому добавляется дождь, то оно становится невыносимым.

Мы с Холмсом коротали воскресный день в нашей квартире на Бейкер-стрит. Великий сыщик смотрел в окно, барабанил своими тонкими, длинными пальцами по стеклу.

Наконец он прервал затянувшееся молчание:

— Не раздумывали ли вы, Ватсон, насчет неравноценности человеческих потерь?

— Я не вполне вас понимаю, Холмс.

— Сейчас я это поясню: когда человек теряет волосы, то он их просто теряет. Когда человек теряет шляпу, то он теряет две шляпы, так как одну он потерял, а другую должен купить. Когда человек теряет глаз, то неизвестно, потерял ли он что-нибудь, ведь одним глазом он видит у всех людей два глаза, а они, имея два глаза, видят у него только один. Когда человек теряет разум, то чаще всего он потерял то, чего не имел. Когда человек теряет уверенность в себе, то... впрочем, сейчас мы, кажется, увидим человека, потерявшего все, что я перечислил. Вот он звонит в нашу дверь!

Через минуту в комнату вошел тучный, лысый человек без шляпы, вытирая носовым платком капли дождя с круглой головы. Левый глаз у него был скрыт черной повязкой. Весь его вид выражал полную растерянность.

Холмс церемонно поклонился.

— Если я не ошибаюсь, то имею честь видеть у себя герцога Монморанси? — спросил он с очаровательной изысканностью.

— Разве вы меня знаете, мистер Холмс? — спросил изумленный толстяк.

Холмс протянул руку и достал с полки книгу в черном коленкоровом переплете.

— Вот здесь, ваша светлость, моя скромная работа по переписи всех родовых перстней. Я не был бы сыщиком, если бы с первого взгляда не узнал знаменитый перстень Монморанси. Итак, чем я могу быть вам полезен? Можете не стесняться моего друга и говорить обо всем вполне откровенно.

Некоторое время герцог колебался, по-видимому, не зная, с чего начать.

— Речь идет о моей чести, мистер Холмс, — сказал он, с трудом подбирая слова, — дело очень деликатное. У меня сбежала жена. По некоторым соображениям я не могу обратиться в полицию. Умоляю вас помочь мне! Верьте, что мною руководит нечто большее, чем ревность или ущемленное самолюбие. Дело может принять очень неприятный оборот с политической точки зрения.

По блеску полузакрытых глаз Холмса я понял, что все это его очень интересует.

— Не соблаговолите ли вы изложить обстоятельства, при которых произошло бегство? — спросил он.

— Это случилось вчера. Мы находились в каюте «Мавритании», готовящейся к отплытию во Францию. Я вышел на минуту в бар, а жена оставалась в каюте. Выпив стаканчик виски, я вернулся, но дверь оказалась запертой. Открыв ее своим ключом, я обнаружил, что жена и все принадлежащие ей вещи исчезли. Я обратился к капитану, весь пароход был обыскан от клотика до киля, к сожалению, безрезультатно.

— Была ли у миледи горничная?

Наш гость замялся:

— Видите ли, мистер Холмс, мы совершали свадебное путешествие, и вряд ли посторонние могли способствовать...

Я хорошо знал деликатность моего друга в таких делах и не удивился тому, что он жестом попросил герцога не продолжать рассказ.

— Надеюсь, что мне удастся помочь вам, ваша светлость, — сказал Холмс, вставая, чтобы подать гостю его пальто. — Жду вас завтра в десять часов утра.

Холмс учтиво снял пушинку с воротника герцога и проводил его до двери.

Несколько минут мы провели в молчании. Холмс, сидя за столом, что-то внимательно рассматривал в лупу.

Наконец я не выдержал:

— Интересно, Холмс, что вы думаете об этой истории?

— Я думаю, что герцогиня Монморанси грязное животное! — ответил он с необычной для него резкостью. Впрочем, Холмс всегда был очень строг в вопросах морали.

— А теперь, Ватсон, спать! Завтра нам предстоит тяжелый день. Кстати: я надеюсь, что ваш армейский пистолет с вами? Он может нам понадобиться.

Я понял, что из Холмса больше ничего не вытянешь, и пожелал ему спокойной ночи.

На следующее утро герцог не заставил себя ждать. Ровно в десять часов он позвонил в нашу дверь.

Кеб был уже заказан Холмсом, и мы отправились по указанному им адресу.

Ехали мы очень долго, и наш клиент уже начал терять терпение. Неожиданно Холмс приказал кебмену остановиться в районе доков. Он свистнул, и из-за угла появился верзила с рыжим кенгуру на привязи.

— Ваша светлость, — обратился Холмс к герцогу, — прошу вас вручить мне пятнадцать фунтов три шиллинга и четыре пенса в присутствии моего друга мистера Ватсона. Из этой суммы я должен десять фунтов хозяину зверинца за герцогиню Монморанси, а остальное я внесу в виде штрафа таможенным властям за попытку незаконного вывоза животных из Англии.

Герцог весело рассмеялся.

— Простите меня, мистер Холмс, за маленький обман, — сказал он, доставая кошелек. — Я не мог сказать вам, что под видом миледи на пароходе скрывался кенгуру. Вы никогда бы не взялись за ее розыски. Я вынужден был нарушить закон и привезти во Францию это животное из-за дурацкого пари. Надеюсь, что вы на меня не в претензии?

— Нисколько! — ответил Холмс, протягивая ему руку.

Через мгновение в руках Холмса блеснули наручники, ловко защелкнувшиеся на запястьях герцога.

— Инспектор Летард! — сказал Холмс, обращаясь к нашему кебмену. — Вы можете арестовать профессора Мориарти по обвинению в убийстве герцога и герцогини Монморанси. Он совершил это преступление, чтобы по-

хитить голубой карбункул, находящийся в настоящее время в сумке этого кенгуру. Не трудитесь, профессор, мой друг Ватсон выстрелит первым!

— Скажите, Холмс,— спросил я его вечером,— как вы догадались, что это была не миледи, а кенгуру?

— Я снял с нашего клиента при первом свидании рыжий волос. По наведенным мною справкам, миледи была брюнеткой, следовательно, волос мог принадлежать или горничной, или животному. Горничная, как вы знаете, исключается. То, что это была самка кенгуру, я установил при помощи лупы. А теперь, Ватсон,— закончил он,— я намерен на два года оставить все дела, чтобы пополнить мою монографию о черных дроздах.

— Последний вопрос,— взмолился я,— как вам удалось узнать, что под видом герцога скрывается Мориарти?

— Не знаю,— растерянно ответил он,— может быть... может быть, я за ним следил все эти годы?

Я вздохнул, положил руку на плечо Холмса и нажал на скрытую под пиджаком кнопку выключения. Затем, сняв с Холмса заднюю панель, я начал перепайвать схему. Нечего было даже пытаться продать его в таком виде Скотланд-Ярду.

Секреты жанра

У светофора Дик Пенроуз резко затормозил и громко выругался. Он был в отвратительном настроении. Впрочем, к этому были все основания.

«Вы попросту выдохлись,— сказал ему сегодня редактор.— Откровенно говоря, я жалею, что с вами связался. «Нью Нонсенс» в последнем номере поместил рассказ о пилоте, выбросившем в космосе молодую девушку из ракеты, «Олд Фулер» уже три номера подряд дает роман о войне галактик, а вы нас чем пичкаете? Какой-то дурацкой повестью об исчезнувшем материке. Нечего сказать, хорош король фантастов! Мы из-за вас теряем подписчиков. К воскресному номеру мне нужен научно-фантастический рассказ. Полноценная фантастика, а не галиматья на исторические темы. Читатель интересуется будущим. Кстати, надеюсь, вы не забыли, что через месяц кончается наш контракт. Сомневаюсь, чтобы при таких тиражах мы смогли его возобновить».

Пенроуз снова выругался. Как это всё просто получается у редактора! Старик не хочет считаться с тем, что работать становится всё труднее. Тридцать толстых научно-фантастических журналов, свыше сорока издательств, бесчисленное множество воскресных приложений только и занимаются тем, что выбрасывают на рынок научно-фантастическую продукцию. Идет бешеная погоня за темами...

В квартире короля фантастов царило уныние. Уже было предложено и рассмотрено свыше двадцати тем, но ни одной из них не хватало главного — оригинальности.

— Можно было бы,— робко сказала миссис Пенроуз,— написать рассказ о роботах, уничтожавших людей.

Пусть они оставят несколько человек, чтобы держать их в клетках вместе с обезьянами в зоологическом саду.

— Я уже писал на эту тему несколько раз.

— Может быть,— сказал Том,— редактора заинтересует рассказ о гибели человечества от мощного взрыва на Солнце. Тут можно дать отличные сцены: захват космических кораблей шайкой гангстеров. Они предлагают возможность спасения тем, кто согласится продаться им в рабство. Человечество начинает новую жизнь где-нибудь в созвездии Рака, организуя там рабовладельческое общество. Это не тема, а золотиносная жила!

К сожалению, и эта жила была полностью истощена старателями-фантастами.

— Папа! — раздался голос крошки Мод.— Напиши рассказ о Красной Шапочке и Сером Волке.

Внезапная идея, яркая, как молния, озарила мозг писателя. Он нежно поцеловал золотистые локоны на гениальной головке своей дочери и сел за машинку...

Утром Пенроуз небрежно бросил на стол редактора рукопись.

Она называлась:

КРАСНЫЙ СКАФАНДР

Научно-фантастический рассказ

— Готово! — сказал пилот, проверяя крепления ремней.— Желаю успеха! Рация настроена на волну Сервантоса. Они вас сразу запеленгуют. Как только вы войдете в трассу антигравитации, подключатся автоматы космодрома. Кланяйтесь Харли! Смотрите не попадите на завтрак лвоку, их, говорят, там тысячи.

Прозрачная сталитовая крышка контейнера захлопнулась над моей головой.

Я откинулся на надутые воздухом подушки кресла в ожидании первой вспышки двигателя...

Вскоре сбросивший меня корабль превратился в маленькую светящуюся точку.

Зеленый сигнал загорелся на щитке. Теперь автоматы космодрома взяли на себя управление посадкой. Контейнер летел по трассе антигравитации.

В моем распоряжении оставалось несколько часов, чтобы обдумать всё случившееся.

Сервантос был проклятой богом планетой.

Шесть лет назад я покинул ее с твердым намерением никогда туда больше не возвращаться, и вдруг это нео-

жиданное назначение. Нечего сказать, приятная перспектива стать помощником Харли! С тех пор как Гревс ушла от меня к нему, мы старались не замечать друг друга. Собственно говоря, это послужило главной причиной, заставившей меня просить Компанию о переводе на Марс. Надо же было болванам из Управления Личного Состава вновь завязать этот дурацкий узел! Опять замкнутый треугольник. Гревс, Харли и я. Впрочем, теперь уже не треугольник. У Гревс большая дочь. Шесть лет — такой возраст, когда многое в отношениях взрослых становится понятным...

Я с трудом приподнял крышку контейнера и выбрался наружу. Так и есть! На космодроме ни одного человека. Впрочем, ничего другого от Харли нельзя было ждать. Вероятно, и Гревс он не сказал о моем прибытии.

Дорога от космодрома до станции была мне хорошо знакома, но даже человек, впервые попавший на Сервантос, не мог бы сбиться. Через каждые десять метров по обе стороны дороги высились антенные мачты электромагнитной защиты от лвоков, оставшихся фактическими хозяевами планеты.

Лвоки были загадкой во всех отношениях и самым крупным препятствием для полного освоения природных богатств Сервантоса. Никто толком не знал, что представляют собой эти электромагнитные дьяволы. Какая-то совершенно новая форма жизни на базе квантованных полей. Было известно только то, что лвоки обладают высокоразвитым интеллектом и способны передвигаться в пространстве со скоростью света. Увидеть их было невозможно.

Однажды я был свидетелем нападения лвока на человека. Это произошло вскоре после нашего прибытия на Сервантос. Тогда жертвой стал врач экспедиции Томпсон. Мы стояли с ним около походной радиостанции, ожидая сеанса связи с Землей. Не помню, о чем мы тогда говорили. Неожиданно Томпсон замолк на середине фразы. Я взглянул на него и увидел остекленевшие глаза, смотревшие на меня сквозь стекло скафандра. Через несколько минут от врача ничего не осталось, кроме одежды. Казалось, что он попросту растворился в атмосфере планеты.

Наша экспедиция потеряла еще несколько человек раньше, чем удалось найти способ защиты от этих чудовищ.

Лвоки не всегда так быстро расправляются со своими жертвами. Иногда они их переваривают часами, причем вначале человек ничего не чувствует. Он еще ходит, разговаривает, ест, не подозревая, что уже окутан электромагнитным облаком. Самое страшное то, что в этот период его поступки целиком подчинены чужой воле.

— Хелло, Френк!

Я поднял голову и увидел похожий на стрекозу геликоптер, висящий на небольшой высоте. Микробиолог Эн Морз радостно махала мне рукой. Она была сама похожа на стрекозу в голубом шлеме и плавках. Я невольно ею залюбовался.

— Вы напрасно летаете без одежды, Эн. Здесь слишком много ультрафиолетовых лучей.

— Зато они чудесно действуют на кожу. Попробуйте, какие у меня гладкие ноги.

Она откинула сетку электромагнитной защиты и спустила за борт длинную ногу шоколадного цвета.

Мне всегда нравилась Эн. На Земле я за ней немного ухаживал, но у меня не было никакого желания заводить с ней шашни на Сервантосе. Мне вполне хватало нерешенных проблем. Впереди еще была встреча с Гревс.

— Расскажите лучше, что у вас делается на станции. Почему меня никто не встретил?

Эн устало махнула рукой:

— Всё без изменений. Ох, Френк, если бы мне удалось околпачить какого-нибудь болвана, чтобы он меня увез на Землю, я бы и одного часа тут не осталась!

— Если вы имеете в виду...

— Не беспокойтесь, я пошутила,— перебила она меня, убирая ногу в кабину.— Спешите к своей Гревс. Она вас ждет. Мне нужно взять пробы воды из Моря Загадок, так что по крайней мере три дня я не буду вам мешать.

...Харли сидел в кресле на застекленной веранде. Он был совершенно гол и вдребезги пьян.

— Я прибыл, Харли.

— Убирайтесь к дьяволу! — пробормотал он, наводя на меня атомный пистолет.— Может быть, черти не побрезгают сожрать вас с потрохами!

— Не будьте ослом, Харли! Положите пистолет на место!

— Ах, ослом?!

Только выработавшаяся с годами реакция боксера позволила мне вовремя отклонить голову от метко брошенной бутылки виски.

Очевидно, на этом энергия Харли была исчерпана. Он уронил голову на грудь и громко захрапел. Будить его не имело смысла.

Я зашел в холл.

— Не будьте ослом, Харли! — Огромная говорящая жаба, ростом с бегемота, уставилась красными глазами мне в лицо.

Я никогда не мог понять страсти Гревс ко всем этим гадам. По ее милости станция всегда кишела трехголовыми удавами, летающими ящерицами и прочей мерзостью. Гревс утверждала, что после ее дрессировки они становятся совершенно безопасными, но я всё же предпочитал поменьше с ними встречаться.

Мне очень хотелось есть. На кухне, как всегда, царил беспорядок. В холодильнике я нашел вареного умбара и бутылку пива.

Утолив голод, я заглянул на веранду. Харли продолжал спать. Дальше откладывать свидание с Гревс было просто невежливо.

Я нашел ее в ванной. Она очень похорошела за эти годы.

— Ради бога, объясните мне, что у вас тут творится.

— Ничего, мы просто опять поругались с Харли. На этот раз из-за Барбары. Нужно же было додуматься послать шестилетнюю девочку через лес, пешком, на океанографическую станцию!

— Зачем он это сделал?

— Мама больна, и она понесла ей лекарство. Но это только предлог. Я уверена, что у Харли вышел весь кокаин. Как всегда, он рассчитывает поживиться у старушки. Она ни в чем ему не может отказать.

Я невольно подумал, что никогда не мог похвастать особым успехом у миссис Гартман.

— Вы думаете, что для девочки это сопряжено с какой-нибудь опасностью?

— Не знаю, Френк. Подайте мне купальный халат. Пока работает электромагнитная защита, ничего произойти не может, но всё же я очень беспокоюсь.

— Почему же вы ее не удержали?

— Вы не знаете Барбары. Инспектор подарил ей красный скафандр, и она не успокоится до тех пор, пока не покажется в нем бабушке.

Очевидно, Барбара была вполне достойна своей мамы. Я помог Гревс натянуть чулки, и мы спустились в холл.

Дверь Центрального пульта была открыта. Это противоречило всем правилам службы на Сервантосе. Нужно было проверить, в чем дело.

Вначале я не понял, что произошло.

Бледный, со спутанными волосами, Харли стоял, опершись обеими руками на приборный щит. Остекленевшими глазами он глядел на стрелки приборов. Я перевел взгляд на мраморную панель и увидел, что все рубильники электромагнитной защиты вырублены.

— Что вы делаете, Харли?! Ведь там ваша дочь, миссис Гартман, Эн! Вы всех их отдаете во власть лвоков!

— Лвоков? — переспросил он, противно хихикая. — Лвоки — это очаровательные создания по сравнению с такими ублюдками, как вы, Френк! Можете сами заботиться о своей дочери или отправляться вместе с ней в преисподнюю, как вам больше нравится!

Я сделал шаг вперед, чтобы ударить его в челюсть, но внезапная догадка заставила меня застыть на месте. Этот остекленевший взгляд... Харли был уже конченным человеком. Прикосновение к нему грозило смертью. Овладевший им лвок не представлял для нас опасности, пока не переварит Харли. Страшно было подумать, что произойдет потом. На наше счастье, все клетки жирного тела Харли были пропитаны виски. Пока алкоголь не улетучится из организма, лвок не будет его переваривать. Однако с каждым выдохом удалялись пары спирта. Необходимо было заставить Харли перестать дышать. Для него ведь было уже всё равно. Я выхватил из кобуры атомный пистолет...

Через несколько минут мы с Гревс мчались через лес в танке. Снопы света, вырывающиеся из фар, освещали ажурные сплетения мачт электромагнитной защиты и фиолетовую крону буйной растительности, окружавшей трассу.

Кружащаяся в бешеной пляске стая летающих обезьян внезапно возникла перед танком. Через мгновение от них не осталось ничего, кроме красноватой кашицы, стекавшей по смотровому стеклу.

Очевидно, население Сервантоса не теряло времени, пока мачты защиты были выключены. Теперь нас спасала от лвоков только электромагнитная броня танка.

Океанографическая станция была погружена во мрак. Лишь в спальне миссис Гартман горел свет. Нельзя было терять ни одной минуты. Я повел танк прямо на стену...

Достаточно было одного взгляда на кровать, чтобы понять, что здесь произошло. От миссис Гартман уже почти ничего не осталось.

Я на мгновение отбросил крышку люка и подхватил рукой тщедушную фигурку в красном скафандре, с ужасом глядевшую на останки бабушки. После этого я навел ствол квантового деструктора на кровать...

Танк мчался по направлению к космодрому. Сейчас вся надежда была на ракету космической связи, если туда еще не успели забраться лвоки.

С Эн, по-видимому, всё было кончено. Защита ее вертолета питалась от центральной станции...

Я резко затормозил у самой ракеты. Раньше, чем мы с Гревс успели опомниться, Барбара откинула крышку люка и соскочила на бетонную поверхность космодрома. Бедная девочка! Мы уже ничем ей не могли помочь. Лвоки никогда не отдают своих жертв. Нужно было избавить Барбару от лишних страданий.

Гревс закрыла глаза руками.

Сжав зубы, я навел ствол деструктора на красный скафандр. После этого под защитой большого излучателя мы взобрались по трапу в кабину ракеты...

Меня всегда восхищала фантазия Гревс. Если бы она не придумала всю эту историю, то присяжные наверняка отправили бы нас обоих на электрический стул.

Ведь откровенно говоря, мы прикончили Харли и миссис Гартман потому, что иначе мне бы пришлось до окончания века торчать на Сервантосе и делить Гревс с этим толстым кретином.

Что же касается Эн, то она сама во всем виновата. После того как ей стало известно, что мы снова сошлись с Гревс, она совершенно сбесилась и всё время угрожала нам разоблачением.

Вывезенная с Сервантоса платина позволила мне бросить работу в Компании и навсегда покончить с космосом.

На следующих выборах я намерен выставить свою кандидатуру в Конгресс.

В моем кабинете над столом висит большая фотография Барбары. Мне очень жаль, что я ничего не смог сделать, чтобы спасти ей жизнь: в ракете было всего два места.

— ...Отличный сюжет! — сказал редактор, снимая очки. — Теперь мы утрем нос парням из «Олд Фулера». Думаю, Пенроуз, что мы с вами сможем продлить контракт.

Новый шедевр научной фантастики имел большой успех.

Журнал приобрел подписчиков, читатели получили занимательный рассказ, Пенроуз — доллары, миссис Пенроуз — нейлоновую шубку, Том — спортивный «шевроле».

Словом, все были довольны, кроме крошки Мод. Ей было жалко свою любимую сказку о Красной Шапочке.

Гомункулус

Я проснулся от звонка телефона. На светящемся циферблате будильника часовая стрелка перешла за два часа. Не понимая, кто может звонить так поздно, я снял трубку.

— Наконец-то вы проснулись! — услышал я взволнованный голос Смирнова. — Прошу вас немедленно ко мне приехать!

— Что случилось?

— Произошло несчастье. Сбежал Гомункулус. Он обуреваем жаждой разрушения, и я боюсь даже подумать о том, что он способен натворить в таком состоянии.

— Ведь я вам говорил, — начал я, но в трубке послышались короткие гудки.

Медлить было нельзя.

Гомункулус! Я дал ему это имя, когда у Смирнова только зародилась идея создания мыслящего автомата, обладающего свободой воли. Он собирался применить изобретенные им пороговые молекулярные элементы для моделирования человеческого мозга.

Уже тогда бессмысленность этой затеи вызвала у меня резкий протест. Я просто не понимал, зачем это нужно. Мне всегда казалось, что задачи кибернетики должны ограничиваться синтезом автоматов, облегчающих человеческий труд. Я не сомневался в неограниченной возможности моделирования живой природы, но попытки создания электронной модели человека представлялись мне просто отвратительными. Откровенно говоря, меня пугала неизбежность конфликта между человеком и созданным им механическим подобием самого себя, подобием, лишенным каких бы то ни было человеческих черт, со свободой воли, определяемой не чувствами, а абстракт-

ными, сухими законами математической логики. Я был уверен, что чем совершеннее будет такой автомат, тем бесчеловечнее он поведет себя в выборе средств для достижения поставленной им цели.

Все это я откровенно высказал тогда Смирнову.

— Вы такой же ханжа, — ответил он, — как те, кто пытается объявить выращивание человеческих зародышей в колбе противоречащим элементарным нормам морали. Ученый не может позволить себе роскошь быть сентиментальным в таких вопросах.

— Когда выращивают человеческого эмбриона в колбе, — возразил я, — для того, чтобы использовать его ткани при операциях, требующих пересадки, то это делается в гуманных целях и морально оправдано. Но представьте себе, что кому-нибудь пришло в голову из любопытства вырастить в колбе живого человека. Такие попытки создания нового Гомункулуса, по-моему, столь же омерзительны, как и мысль о выведении гибрида человека с обезьяной.

— Гомункулус! — захохотал он. — Это то, чего мне не хватало! Пожалуй, я назову робота Гомункулусом.

* * *

Смирнов ожидал меня на лестнице.

— Полюбуйтесь! — сказал он, открывая дверь в квартиру.

То, что я увидел, прежде всего поразило меня своей бессмысленностью. Прямо у входа на полу лежали изуродованные останки телевизора. Было похоже на то, что кто-то с извращенным сладострастием рвал его на куски.

Я почувствовал специфический запах газа и прошел в ванную. Газовой колонки попросту не существовало. Искореженные куски арматуры валялись в коридоре.

Закрыв краны, я направился в кабинет Смирнова. Здесь меньше чувствовалось проявление инстинкта разрушения, но книги и бумаги валялись на полу в хаотическом беспорядке.

— Скажите, как это произошло? — спросил я, усаживаясь на диван.

— Я почти ничего не могу объяснить вам, — сказал он, пытаясь привести в порядок бумаги. — Вы знаете, что год тому назад я взял Гомункулуса из лаборатории к се-

бе домой, чтобы иметь возможность уделять ему больше внимания. Недели две тому назад он захандрил. Его вдруг начало интересовать все, что связано со смертью. Он часто расспрашивал меня, от каких причин она наступает. Три дня тому назад он попросил меня рассказать подробно, чем он отличается от человека. Потом он спросил, не придет ли мне когда-нибудь в голову умертвить его. И вот тут я допустил ошибку. Мне так надоела его хандра, что я пригрозил ему демонтажем, если он не изменит своего поведения и не станет более тщательно готовить заданные ему уроки.

«И тогда я перестану существовать и от меня ничего не останется, кроме кучи мертвых деталей?» — спросил он, пристально глядя мне в глаза.

Я ответил утвердительно.

После этого разговора он замолчал. Целые дни он напряженно о чем-то думал. И вот сегодня вечером я, придя домой, увидел, что входная дверь открыта, а квартира приведена в такое состояние, будто в ней хозяйничало стадо диких слонов. Самого же Гомункулуса и след простыл.

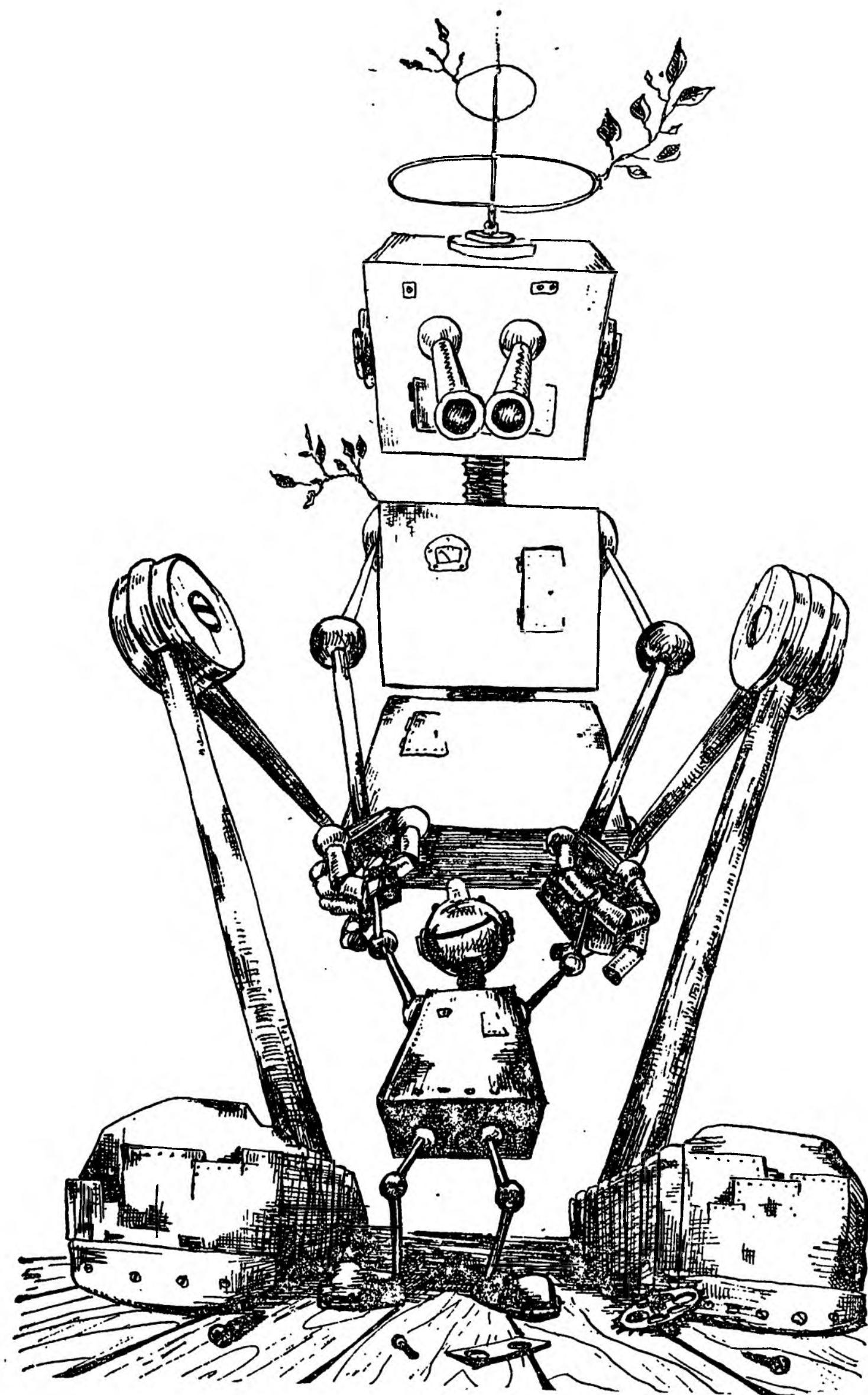
— Куда же он мог отправиться?

— Право, не знаю. Он всего один раз был на улице, когда я вез его из лаборатории домой. Может быть, он запомнил дорогу и пошел туда. Просто так, без всякого плана, искать его в городе невозможно. Мне кажется, что лучше всего сначала посмотреть, нет ли его в лаборатории.

Мы снова вышли на лестницу. Я обратил внимание на то, что несколько стальных стоек, поддерживавших перила, вырваны. Одной из них на лестнице не было. Мне стало не по себе. Легко предположить, на что способен разъяренный робот, спасающийся от демонтажа и вооруженный вдобавок ко всему стальной дубинкой.

Выйдя из дома на улицу, мы свернули за угол. У большого универсального магазина стояла милицейская машина. Несмотря на поздний час, десятка два прохожих толпились около разбитой витрины.

Достаточно было беглого взгляда на хаос, царящий внутри магазина, чтобы понять, что там произошло. Это были следы той же бессмысленной ярости, той же слепой жажды разрушения, поразивших меня при осмотре квартиры Смирнова. Даже на улице валялись искореженные магнитофоны и радиоприемники.

Смирнов молча показал мне на большую куклу с оторванной головой, брошенную среди обломков, и я понял, какая страшная участь ожидает всякого, кто этой ночью попадется на пути Гомункулуса.

Два милиционера с собакой вышли из магазина. Собака беспомощно толклась на тротуаре.

— Не берет след,— сказал один из милиционеров.

Смирнов остановил проезжающее мимо такси и назвал адрес лаборатории.

К нашему удивлению, вахтер, дежуривший с вечера, мирно попивал чай и ни о каких роботах не слышал. Мы осмотрели все помещения, но ничего подозрительного не обнаружили.

След Гомункулуса потерялся.

Смирнов устало опустился на стул.

— Заряда аккумуляторов хватит на два дня,— сказал он, вытирая влажный лоб.— Трудно представить себе, что он может натворить за это время! К несчастью, он настолько хитер, что найдет способ подзарядить аккумуляторы, когда они разрядятся.

Необходимо было срочно принимать решительные меры.

Мы вызвали такси и отправились в милицию.

Дежурный лейтенант вначале скептически отнесся к нашему рассказу, но вскоре перспектива преследования стального чудовища, одержимого манией мести человечеству, вызвала в нем чисто профессиональный интерес. Он быстро связался по телефону со всеми отделениями милиции. Теперь нам оставалось только ждать.

Скоро начали поступать сообщения. Однако все это были обыденные ночные происшествия большого города. Даже в совершенных преступлениях не чувствовалось того, что следователи называют «почерком преступника», уже хорошо мне знакомого.

Было ясно, что робот где-то притаился и выжидает, пока бдительность преследующих его людей ослабнет.

На рассвете, усталые и еще более обеспокоенные, мы распростились с лейтенантом и поехали домой к Смирнову, чтобы за чашкой кофе обсудить дальнейший план действий.

К сожалению, нашим мечтам о кофе не суждено было сбыться.

Поднявшись по лестнице, мы увидели, что входная дверь квартиры разбита в щепки и во всех комнатах горит свет.

Я посмотрел на Смирнова и поразился странной бледности его лица.

— Гомункулус пришел свести со мной счеты,— пробормотал он, прислонясь к стене.— Скорее звоните лейтенанту, иначе мы оба пропали!

Через несколько минут к дому подъехал автомобиль с тремя милиционерами.

— Преступник в этой квартире? — спросил бравый старшина, расстегивая кобуру пистолета.— Кому известно расположение комнат?

— Пистолетом вы ничего не сделаете,— обратился к нему Смирнов.— Корпус робота изготовлен из хромово-молибденовой стали. Подождите, я спущусь вниз и постараюсь достать брезент от автомашины. Единственный способ обезвредить Гомункулуса — это поймать его в сеть.

Вскоре он вновь появился на лестнице в сопровождении дюжего дворника, тащившего большой кусок брезента.

Теперь нас было шестеро. Шесть мужчин, полных решимости обезвредить это электронное исчадие ада. И все же каждый из нас испытывал смутную тревогу.

— Он, кажется, в кабинете,— прошептал Смирнов, заглядывая в дверь,— идите за мной. Может быть, мне удастся на мгновение его отвлечь, а вы набрасывайте на него брезент. Не мешкайте, потому что он вооружен стальной дубинкой.

Сохраняя полную тишину, затаив дыхание, мы медленно продвигались по коридору. Смирнов вошел первым, и сразу же слышались хрипы человека, которого стальной рукой схватили за горло.

Мы постарались поскорее проскочить с развернутым брезентом в дверь. То, что мы увидели в кабинете, заставило нас застыть на месте.

Припав головой к стене, Смирнов хохотал захлебывающимся истеричным смехом.

На полу, сидя среди разбросанных радиодеталей и всевозможного металлического лома, перед разложенными рукописями своего хозяина, мурлыкая тихую песенку, Гомункулус мастерил маленького робота. Когда мы вошли, он прилаживал к нему голову куклы, добытую в разграбленном им магазине.

Предварительные изыскания

— Послушайте, Ронг. Я не могу пожаловаться на отсутствие выдержки, но, честное слово, у меня иногда появляется желание стукнуть вас чем-нибудь тяжелым по башке.

Дани Ронг пожал плечами.

— Не думайте, что мне самому вся эта история доставляет удовольствие, но я ничего не могу поделать, если контрольная серия опытов...

— А какого черта вам понадобилось ставить эту контрольную серию?!

— Вы же знаете, что методика, которой мы пользовались вначале...

— Не будьте болваном, Ронг!

Торп Кирби поднялся со стула и зашагал по комнате.

— Неужели вы так ничего и не поняли? — Сейчас в голосе Кирби был сладчайший мед. — Ваша работа носит сугубо теоретический характер. Никто, во всяком случае в течение ближайших лет, никаких практических выводов из нее делать не будет. У нас вполне хватит времени, ну, скажем, через два года, отдельно опубликовать результаты контрольной серии и, так сказать, уточнить теорию.

— Не уточнить, а опровергнуть.

— О господи! Ну хорошо, опровергнуть, но только не сейчас. Ведь после той шумихи, которую мы подняли...

— Мы?

— Ну пусть я. Но поймите наконец, что, кроме вашего дурацкого самолюбия, есть еще интересы фирмы.

— Это не самолюбие.

— А что?

— Честность.

— Честность! — фыркнул Кирби. — Поверьте моему опыту. Вы, вероятно, слышали о препарате Тервалсан. Так известно ли вам...

Ронг закрыл глаза, приготовившись выслушать одну из сногшибательных историй, в которой находчивость Торпа Кирби, его умение разбивать козни врагов, его эрудиция и ум должны были служить примером стаду овец, опекаемому все тем же Торпом Кирби.

«Откуда этот апломб? — думал Ронг, прислушиваясь к рокочущему баритону шефа. — Ведь он ни черта не смыслит. Краснобай и пустомеля!»

— ...Надеюсь, я вас убедил?

— Безусловно. И если вы рискнете опубликовать результаты работ без контрольной серии, я всегда найду способ...

— Ох, как мне хочется сказать вам несколько теплых слов! Но что толку, если вы даже не обижаетесь?! Первый раз вижу такую толстокожую...

— Вас удивляет, почему я не реагирую на ваши грубости?

— Ну?

— Видите ли, Кирби, — тихо сказал Ронг, — часто каждый из нас руководствуется в своих поступках каким-то примером. Мое отношение к вам во многом определяется случаем, который мне довелось наблюдать в детстве. Это было в зоологическом саду. У клетки с обезьянами стоял старый человек и кидал через прутья конфеты. Вероятно, он делал это с самыми лучшими намерениями. Однако когда запас конфет в его карманах кончился, обезьяны пришли в ярость. Они сгрудились у решетки и, прежде чем старик успел опомниться, оплевали его с ног до головы.

— Ну и что?

— Он рассмеялся и пошел прочь. Вот тогда я понял, что настоящий человек не может обидеться на оплевавшую его обезьяну. Ведь это всего-навсего обезьяна.

— Отличная история! — усмехнулся Кирби. — Мне больше всего в ней понравилось, что он все-таки ушел оплеванный. Пример поучительный. Смотрите, Ронг, как бы...

— Все понятно, Кирби. Теперь скажите, сколько времени вы сможете еще терпеть мое присутствие? Дело в том, что мне хочется закончить последнюю серию опытов, а для этого потребуется по меньшей мере...

— О, не будем мелочны! Я не тороплюсь и готов ждать хоть до завтрашнего утра.

— Ясно.

— Послушайте, Дан.— В голосе Кирби вновь появились задушевные нотки.— Не думайте только, ради бога, что это результат какой-то личной неприязни. Я вас очень высоко ценю как ученого, но вы сами понимаете...

— Понимаю.

— Я знаю, как трудно сейчас в Дономаге найти приличную работу биохимику. Вот телефон и адрес. Они прекрасно платят, и работа, кажется, вполне самостоятельная. С нашей стороны можете рассчитывать на самые лучшие рекомендации.

— Еще бы.

— Кстати, надеюсь, вы не забыли, что при поступлении сюда вы дали подписку о неразглашении?..

— Нет, не забыл.

— Отлично! Желаю успеха! Если у вас появится желание как-нибудь зайти ко мне домой вечером поболтать, просто так, по-дружески, буду очень рад.

— Спасибо.

* * *

— Доктор Ронг?

— Да.

— Господин Латиани вас ждет. Сейчас я ему доложу. Ронг оглядел приемную. Ничего не скажешь, дело, видно, поставлено на широкую ногу. Во всяком случае, денег на обстановку не жалеют. Видно...

— Пожалуйста!

Ступая по мягкому ковру, он прошел в предупредительно распахнутую дверь. Навстречу ему поднялся из-за стола высокий лысый человек с матово-бледным лицом.

— Очень приятно, доктор Ронг! Садитесь, пожалуйста.

Ронг сел.

— Итак, если я правильно понял доктора Кирби, вы бы не возражали против перехода на работу к нам?

— Вы правильно поняли доктора Кирби, но я вначале хотел бы выяснить характер работы.

— Разумеется. Если вы ничего не имеете против, мы об этом поговорим немного позже, а пока я позволю себе задать вам несколько вопросов.

— Слушаю.

— Ваша работа у доктора Кирби. Не вызван ли ваш уход тем, что результаты вашей деятельности не оправдали первоначальных надежд?

— Да.

— Не была ли сама идея...

Ронг поморщился.

— Простите, но я связан подпиской, и мне бы не хотелось...

— Помилуй бог! Меня вовсе не интересуют секреты фирмы. Я просто хотел узнать, не была ли сама идея несколько преждевременной при нынешнем уровне науки... Ну, скажем, слегка фантастической?

— Первоначальные предположения не оправдались. Поэтому, если вам нравится, можете считать их фантастическими.

— Отлично! Второй вопрос: употребляете ли вы спиртные напитки?

«Странная манера знакомиться с будущими сотрудниками», — подумал Ронг.

— Обета трезвости я не давал, — резко ответил он, — но на работе не пью. Пусть вас это не тревожит.

— Ни в коем случае, ни в коем случае! — казалось, Латиани был в восторге. — Ничто так не возбуждает воображение, как рюмка коньяку. Не правда ли? Поверьте, нас это совершенно не смущает. Может быть, наркотики?..

— Извините, — сказал, поднимаясь, Ронг, — не думаю, что разговор в этом тоне...

Латиани вскочил.

— Да что вы, дорогой доктор Ронг? Я не хотел вас обидеть. Просто ученые, работающие у нас над Проблемой, пользуются полной свободой в своих поступках, и мы не только не запрещаем им прибегать в служебное время к алкоголю и наркотикам, но даже поощряем...

— Что поощряете?

— Все, что способствует активизации воображения. Это было похоже на весьма неуклюжую мистификацию.

— Послушайте, господин Латиани, — сказал Ронг, — может быть, вы вначале познакомите меня с сущностью

Проблемы, а потом будет видно, ~~стоит~~ ли нам говорить о деталях.

Латиани усмехнулся.

— Я бы охотно это сделал, уважаемый доктор Ронг, но ни я, ни ученые, работающие здесь, не имеют ни малейшего понятия, в чем эта Проблема заключается.

— То есть как это не имеют?

— Очень просто. Проблема зашифрована в программе машины. Вы выдаете идеи, машина их анализирует. То, что непригодно, отбрасывается, то, что может быть впоследствии использовано, запоминается.

— Для чего это нужно?

— Видите ли, какого бы совершенства ни достигла машина, ей всегда будет не хватать основного — воображения. Поэтому там, где речь идет о поисках новых идей, машина беспомощна. Она не может выйти за пределы логики.

— И вы хотите...

— Использовать в машине человеческое воображение. Оно никогда не теряет своей ценности. Даже бред шизофреника складывается из вполне конкретных представлений, пусть в самых фантастических сочетаниях. Вы меня понимаете?

— Квант мысли, — усмехнулся Ронг. — И таким способом вы хотите решить сложную биохимическую проблему?

— Я разве сказал, что она биохимическая?

— Простите, но в таком случае зачем же...

— Мы пригласили вас?

— Вот именно.

— О, у нас работают ученые всех специальностей: физики, математики, физиологи, конструкторы, психиатры, кибернетики и даже один астролог.

— Тоже ученый?

— В своем роде, в своем роде.

Ронг в недоумении потер лоб.

— Все же я не понимаю, в чем должны заключаться мои обязанности?

— Вы будете ежедневно приходить сюда к одиннадцати часам утра и находиться в своем кабинете четыре часа. В течение этого времени вы должны думать — неважно о чем, лишь бы это имело какое-то отношение к вашей специальности. Чем смелее гипотезы, тем лучше.

— И это все?

— Все. Первое время вы будете получать три тысячи соле в месяц.

Ого! Это в три раза превышало оклад, который Ронг получал, работая у Кирби.

— В дальнейшем ваша оплата будет автоматически повышаться в зависимости от количества идей, принятых машиной.

— Но я ведь экспериментатор.

— Великолепно! Вы можете ставить мысленные эксперименты.

— Откуда же я буду знать их результаты? Для этого нужны настоящие опыты.

— Это вам они нужны. Машина пользуется такими методами анализа, которые позволяют определить результат без проведения самого эксперимента.

— Но я хоть буду знать этот результат?

— Ни в коем случае. Машина не выдает никаких данных до полного окончания работы над Проблемой.

— И тогда?..

— Не знаю. Это вне моей компетенции. Вероятно, есть группа лиц, которая будет ознакомлена с результатами. Мне эти люди неизвестны.

Ронг задумался.

— Откровенно говоря, я в недоумении,— сказал он.— Все это так необычно.

— Несомненно.

— И я сомневаюсь, чтобы из этого вообще что-нибудь вышло.

— Это уже не ваша забота, доктор Ронг. От вас требуются только идеи, повторяю, неважно какие, но достаточно смелые. Все остальное сделает машина. Помните, что, во-первых, вы не один, а во-вторых, сейчас ведутся только предварительные изыскания. Сама работа над Проблемой начнется несколько позже, когда будет накоплен достаточный материал.

— Последний вопрос,— спросил Ронг.— Могу ли я, находясь здесь, продолжать настоящую научную работу?

— Это нежелательно,— ответил, подумав, Латини,— никакой систематической работы вы не должны делать. Одни предположения, так сказать, по своему усмотрению. Подписки мы с вас не берем.

— Ну что ж,— вздохнул Ронг,— давайте попробуем, хотя я не знаю...

— Прекрасно! Пойдемте, я покажу вам ваш кабинет.

Гигантский спрут раскинул свои щупальца на площади в несколько сот квадратных метров. Розовая опалесцирующая жидкость пульсировала в прозрачных трубах, освещаемая светом мигающих ламп. Красные, фиолетовые, зеленые блики метались среди нагромождения причудливых аппаратов, вспыхивали на матовой поверхности экранов, тонули в хаотическом сплетении антенн и проводов.

Кибернетический Молох переваривал жертвоприношения своих подданных.

Латиани постучал кулаком по прозрачной стене, отгораживающей машинный зал:

— Крепче броневой стали. Неплохая защита от всяких случайностей, а?

Ронг молча кивнул головой, пораженный масштабами и фантастичностью этого сооружения.

Напротив машинного зала располагалось множество дверей, обитых черной кожей. Латиани открыл одну из них.

— Вот ваш кабинет,— сказал он, укрепляя на двери картиночку с изображением ромашки.— Многие из наших сотрудников по разным соображениям не хотят афишировать свою работу у нас, да и мы в этом не заинтересованы. Придется вам ориентироваться по этой карточке. Вот ключ. Вход в чужие кабинеты категорически запрещен. Библиотека — в конце коридора. Итак, завтра в одиннадцать часов.

Ронг заглянул в дверь. Странная обстановка для научной работы. Небольшая комната. Фонарь под потолком, украшенный изображениями драконов, освещает ее скудным светом. Окон нет. Вдоль стены — турецкий диван, подушки на нем. Над диваном непонятное сооружение, напоминающее корыто. Рядом — низкий столик, уставленный бутылками с яркими этикетками и коробочками с какими-то снадобьями. Даже письменного стола нет.

Латиани заметил недоумение Ронга.

— Не удивляйтесь, дорогой доктор. Скоро вы ко всему привыкнете. Это определяется спецификой нашей работы.

«...Думай, думай, думай! О чем думать? Все равно о чем, только думай, тебе за это платят деньги. Выдвигай гипотезы, чем смелее, тем лучше. Ну, думай! Скотина Кирби! Если он посмеет опубликовать результаты без контрольной серии... Не о том! Думай! О чем же думать? У, дьявол!»

Уже пять дней Ронг регулярно является на работу, и каждый раз повторяется одно и то же.

«Думай!»

Ему кажется, что даже под угрозой пытки он не способен выдавить из себя хоть какую-нибудь мыслишку.

«Думай!»

Махнув рукой, он встает с дивана и направляется в библиотеку.

На полках царит хаос. Книги по ядерной физике, биологии, математике валяются вперемежку с руководствами по хиромантии, описаниями телепатических опытов, пергаментными свитками на неизвестных Ронгу языках. На столе — большой фолиант в потертom переплете из свиной кожи «ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ».

«А, все равно, чем бессмысленнее, тем лучше!»

Сунув книгу под мышку, Ронг плетется в свой кабинет.

Лежа на диване, он лениво листает пожелтевшие страницы с кабалистическими знаками.

Занятно. Некоторые фигуры чем-то напоминают логические структурные обозначения.

«Кто знает, может быть, вся эта абракадабра попросту является зашифровкой каких-то логических понятий», — мелькает у него мысль.

В сооружении над диваном раздается громкое чавканье.

Вспыхивает и гаснет зеленый сигнал. Похоже, что машине понравилась эта мысль.

«Сожрала?! Ну, думай, Ронг, дальше. О чем думать? Все равно, только думай!»

Ронг швыряет в угол книгу, наливает из бутылки, стоящей на столике, стакан темной ароматной жидкости и залпом опорожняет его.

«Думай!»

— Интересуетесь, как наша коровка пережевывает жвачку?

Ронг обернулся. Рядом с ним стоял обрюзгший человек в помятом костюме, с лицом, покрытым жесткой седой щетиной. Резкий запах винного перегара вырывался изо рта вместе с сиплым астматическим дыханием.

— Да, действительно, похоже.

— Только подумать.— Собеседник Ронга стукнул кулаком по прозрачной перегородке.— Только подумать, что я отдал пятнадцать лет жизни на создание этой скотины!

— Вы ее конструировали? — спросил Ронг.

— Ну не я один, но все же многое из того, что вы здесь видите,— дело рук Яна Дорика.

Ронгу было знакомо это имя. Блестящий кибернетик, некогда один из самых популярных людей в Дономаге. Его работы всегда были окутаны дымкой таинственности. Генерал Дорик возглавлял во время войны «Мозговой трест», объединяющий ученых самых разнообразных специальностей. Однако вот уже пять лет о нем ничего не было слышно.

Ронг с любопытством на него посмотрел.

— Значит, это вы составитель программы? — спросил он.

— Программы! — Лицо Дорика покрылось красными пятнами.— Черта с два! Я тут такой же кролик, как и вы. Никто из работающих здесь не имеет ни малейшего представления о Проблеме. Они слишком осторожны для этого.

— Кто они?

— Те, кто нас нанимает.

— Латиани?

— Латиани — это пешка, подставное лицо. Даже он, вероятно, не знает истинных хозяев.

— Почему же все держится в таком секрете?

Дорик пожал плечами.

— Очевидно, это вытекает из характера Проблемы.

— А вы что тут делаете? — спросил Ронг.

— С сегодняшнего дня — ничего. Меня уволили... Слишком бедная, видишь ли, у меня фантазия.

Дорик снова ударил кулаком по перегородке.

— Смотрите, вот он, паразит, питающийся соками нашего мозга. Бесстрастная самодовольная скотина! Еще бы! Что значат такие муравьи, как мы, по сравнению с этой пакостью, спрятанной за прозрачную броню?! Ведь она к тому же бессмертна!

— Ну, знаете ли,—сказал Ронг,—каждая машина тоже...

— Смотрите! — Дорик ткнул пальцем.— Вы видите этих черепашек?

Ронг взглянул по направлению протянутой руки. Среди путаницы ламп, конденсаторов и сопротивлений двигались два аппарата, похожих на черепашек.

— Вижу.

— Все схемы машины дублированы. Если в одной из них вышел из строя какой-нибудь элемент, автоматически включается запасная схема. После этого та черепашка, которая находится ближе к месту аварии, снимает дефектную деталь, и заменяет ее новой, хранящейся в запасных кладовых, разбросанных по всей машине. Не правда ли, здорово?

— Занятно.

— Это мое изобретение,—самодовольно сказал Дорик.— Абсолютная надежность всей системы. Ну, прощайте! Вам нельзя со мной разговаривать, узнает Латини, не оберетесь неприятностей. Только знаете что...— Он понизил голос до шепота.— Мой вам совет: сматывайте поскорее удочки. Это плохо кончится, поверьте моему опыту.

Дорик вытащил из кармана клетчатый платок, громко высморкался и, махнув на прощание рукой, зашагал к выходу.

* * *

«Не думай о Дорике, не думай о Кирби, не думай о Латини, думай только о научных проблемах. Чем смелее предположения, тем лучше, думай, думай, думай, думай. Не думай о Дорике...»

Ронг взглянул на часы. Слава богу! Рабочий день окончен, можно идти домой.

Он был уже на полпути к выходу, когда одна из дверей резко распахнулась и в коридор, спотыкаясь, вышла молодая женщина.

— Нода?!

— А, Дан! Оказывается, и вы здесь?

— Что вы тут делаете? — спросил Ронг. — Разве ваша работа в университете?..

— Длинная история, Дан. Ноды Сторн больше нет. Есть эта... как ее... хризантема... математик на службе у машины, краса и гордость Проблемы. — Она криво усмехнулась.

Только сейчас Ронг обратил внимание на мертвенную бледность ее лица и неестественно расширенные зрачки.

— Что с вами, Нода?

— Ерунда! Это героин. Слишком много героина за последнюю неделю. Зато что я им сегодня выдала! Фантазмагория в шестимерном пространстве. Ух, даже голова кружится! — Пошатнувшись, она схватила Ронга за плечо.

— Пойдемте, — сказал он, беря ее под руку. — Я отвезу вас домой. Ведь вы совершенно больны...

— Я не хочу домой. Там... Послушайте, Дан, у вас бывают галлюцинации?

— Пока еще нет.

— А у меня бывают. Наверное, от героина.

— Вам нужно немедленно лечь в постель!

— Я не хочу в постель. Мне хочется есть. Я ведь три дня... Повезите меня куда-нибудь, где можно поесть. Только чтобы там были люди и... эта... как называется?.. Ну, словом, музыка.

* * *

Нода, морщась, проглотила несколько ложек супа и отодвинула тарелку.

— Больше не могу. Послушайте, Дан, вы-то как туда попали?

— В общем, случайно. А вы давно?

— Давно. Уже больше шести месяцев.

— Но почему? Ведь ваше положение в университете...

— Ох, Дан! Все это началось очень давно, еще в студенческие годы. Вы помните наши вечеринки? Обычная щенячья бравада. Наркотики. Вот и втянулась. А они ведь все знают, вероятно, следили. Предложили работу. Платят отлично, героину — сколько угодно. Раньше не понимала, что там творится, а теперь, когда начала догадываться...

— Вы имеете в виду Проблему? Вам что-нибудь о ней известно?

— Очень мало, но ведь я аналитик. Когда у меня возникли подозрения, я разработала систему определителей. Начала систематизировать все, что интересует машину, и тогда...

Она закрыла лицо руками.

— Ух, Дан, как все это страшно! Самое ужасное, что мы с вами беспомощны. Ведь программа машины никому не известна, а тут еще вдобавок добрая треть наркоманов и алкоголиков, работающих на нее, бывшие военные. Вы представляете себе, на что они способны?!

— Вы думаете,— спросил Ронг,— что Проблема имеет отношение к какому-то новому оружию? Но тогда почему они пригласили меня? Ведь я биохимик.

Нода залилась истерическим смехом.

— Вы ребенок, Дан! Они ищут новые идеи главным образом в пограничных областях различных наук. Перетряхивают все, что когда-либо было известно человечеству. С незапамятных времен. Сопоставляют и анализируют.— Она понизила голос.— Вы знаете, есть мнимости в геометрии. Никто никогда не думал об их физическом смысле. Однако когда человек... ну, словом, героин... мало ли какой бред тогда лезет в голову. Так вот, все, что я тогда думала по этому поводу, машина сожрала без остатка. А разве вы не замечали, что лампочка над вашей головой часто вспыхивает при самых невероятных предположениях?

Ронг задумался.

— Пожалуй, да. Однажды — это было к концу рабочего дня, я был утомлен и плохо себя чувствовал — мне пришла в голову дикая мысль, что, если бы кровь, кроме гемоглобина, содержала еще хлорофилл, можно было бы осуществить газовый обмен в организме по замкнутому циклу. Правда, тут встала бы проблема превращения кожных покровов в прозрачные.

— И что же? — Нода вся подалась к Ронгу.— Как она на это реагировала?

— Зачавкала, как свинья, жрущая похлебку.

— Вот видите! Я была уверена, что здесь должно быть что-то в этом роде!

— Не знаю,— задумчиво произнес Ронг,— все это очень странно, но я не думаю, чтобы какое-либо оружие могло быть создано на базе таких...

— Вероятно, это не оружие,— перебила Нода.— Но если мои подозрения правильны, то эта кучка маньяков

получит в свои руки жуткие средства порабощения. Не зря они не жалеют денег и ни перед чем не останавливаются, чтобы заполучить в свои лапы нужных им ученых.

— Но что мы с вами можем сделать, Нода?

— Мне нужно еще два дня, чтобы закончить проверку моей гипотезы. Если все подтвердится, мы должны будем попытаться предать все огласке. Может быть, газеты...

— Кто нам поверит?

— Тогда мы должны будем уничтожить машину,— сказала она, вставая.— А теперь, Дан, отвезите меня домой. Мне нужно выспаться перед завтрашним поединком.

* * *

Прошло два дня. Ронгу больше не удавалось переговорить с Нодой. Дверь ее кабинета всегда была закрыта изнутри. На стук никто не отзывался.

Ронг не мог отделаться от тревожных предчувствий.

Тщетно он поджидал Ноду у выхода. Либо она не покидала кабинета, либо Латиани уже кое о чем пронюхал и успел принять контрмеры.

Было около трех часов, когда слух Ронга резанул пронзительный женский вопль. Он выбежал в коридор и увидел двух верзил в белых халатах, волочивших Ноду. Ронг бросился к ним.

— Меня увозят,—крикнула Нода,—наверное, они...— Ей не дали договорить, один из санитаров зажал ей ручищей рот.

Ронг схватил его за воротник.

— Стукни его, Майк,— проревел тот, вертя шеей.— Они все тут сумасшедшие!

Ронг почувствовал тупую боль в виске. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги...

* * *

— Где Латиани?

— Он уехал минут тридцать назад. Сегодня не вернется. Ронг рванул дверь. Кабинет был пуст.

— Куда увезли Ноду Сторн?!

Лицо секретарши выразило изумление.

— Простите, доктор Ронг, но я не поняла...

— Бросьте прикидываться дурочкой! Я спрашиваю, куда увезли Ноду Сторн?!

— Право, я ничего не знаю. Может быть, господин Латиани...

Отпихнув ногой стул, Ронг бросился вниз.

Нужно было принимать решение.

Ясно. Ноду убрали потому, что она достаточно близко подошла к разгадке этой преступной тайны. Нет ничего проще, чем объявить сумасшедшей женщину, у которой нервная система расшатана постоянным употреблением наркотиков.

Ронг вернулся в свой кабинет.

Откинувшись на подушки, он пытался привести в порядок мысли, мелькавшие в голове.

Найти Ноду будет очень трудно. Вероятно, они держат ее в одной из психиатрических лечебниц под вымышленным именем. Даже если это не так, то все равно медицинские учреждения подобного рода очень неохотно выдают справки о своих пациентах. Да и кто он такой, чтобы требовать у них сведений? Насколько ему было известно, родственников у нее нет. Можно обшарить всю Дономагу и ничего не добиться.

Ведь пока машина работает, каждый день неуклонно приближает страшную развязку. О черт! Если б можно было проникнуть за эту прозрачную броню!

Ронг вспомнил двух черепашек, которых показывал ему Дорик. Даже если каким-то чудом удалось бы вывести из строя машину, те ее сразу реставрировали бы. Ведь им достаточно получить сигнал... Стоп! Это, кажется, мысль!

От напряжения лоб Ронга покрылся каплями пота.

Полученный сигнал о неисправности какого-либо элемента заставляет черепаху идти к месту аварии, чтобы сменить негодную деталь запасной. А если сделать так, чтобы было наоборот — отсутствие сигнала побуждало бы заменить годную деталь вышедшей из строя? Но что для этого нужно? Очевидно, где-то в схеме нужно переключить вход на выход. Изменить направление сигнала, и программа на самосохранение у машины превратится в манию самоубийства.

Внезапно наверху что-то щелкнуло, и вспыхнул зеленый сигнал.

«Ага! А ну, дальше! Как проникнуть за броню, чтобы переключить контакты? Это нужно сделать у обеих че-

репах. Ура! Молодчина, Ронг! Слава богу, что их две! Пусть переключат вводы друг у друга».

Многочисленные реле непрерывно щелкали над головой Ронга. Зеленый сигнал светился ярким светом.

Машина явно заинтересовалась этой идеей. Однако еще нельзя было понять, сделает ли она из нее какие-либо практические выводы.

Ронг вышел в коридор. Черепашки прекратили свой бег и стояли, уставившись друг на друга красными глазами. Ронг приник к перегородке.

Прошло несколько минут, и вот одна из черепашек начала ощупывать другую тонкими паучьими лапками. Затем неуловимо быстрым движением откинула на ней крышку...

* * *

Теперь все сомнения исчезли. Обе черепашки вновь двигались вдоль машины, снимая многочисленные конденсаторы и сопротивления. Судя по скорости, с какой они это проделывали, через несколько часов все будет кончено. Ронг усмехнулся. Больше ему здесь нечего было делать.

* * *

На следующее утро Ронг влетел в кабинет Латиани.

— А, доктор Ронг! — На губах Латиани появилась насмешливая улыбка. — Могу вас поздравить. С сегодняшнего дня ваш оклад увеличен на пятьсот соли. Эта идея насчет черепашек дала нам возможность значительно увеличить надежность машин. Просто удивительно, как мы раньше не предусмотрели возможность подобной диверсии.

Ронг схватил его за горло.

— Говорите, куда вы запрятали Ноду Сторн?!

— Спокойно, Ронг! — Латиани резким ударом отбросил его в кресло. — Никуда ваша Нода не денется. Недельку полечится от истерии и снова вернется к нам. Так уже было несколько раз. Ее-то мы с удовольствием возьмем назад, хотя предварительные изыскания уже закончены. Сегодня машина начнет выдавать продукцию — тысячу научно-фантастических романов в год. Мы в это дело вложили более ста миллионов соли, а вы, осел эдакий, чуть было все нам не испортили. Хорошо, что автоматическая защита, предусмотренная Дориком, вовремя выключила ток.

Диктатор

Было три часа семнадцать минут по астрономическому времени системы Синих Солнц, когда Люпус Эст, гроза двенадцати планет, появился в отсеке управления звездолетом.

Через три минуты, бросив удовлетворенный взгляд на командира, лежавшего с раздробленным черепом, он направился в кабину помочь двум своим товарищам, добивавшим экипаж и пассажиров.

Еще через час Службой Космического Оповещения было объявлено о потере связи со звездолетом ХВ-381, а объединенное полицейское управление двенадцати планет сообщило о дерзком побеге трех преступников, приговоренных Верховным судом к смертной казни.

В это время уже освобожденный от лишнего груза корабль взял курс на созвездие Лебеда.

* * *

— Отлично проведенная операция! — сказал Прох Хиндей, откупоривая вторую бутылку.

Люпус Эст самодовольно заржал.

— Неплохо, мальчики, но не нужно забывать, что это только начало. Основная работенка нам предстоит на Галатее.

— А какое у них оружие? — спросил Пинта Виски, самый осторожный из трех друзей.

— Планета населена слюнтяями, не умеющими отличить квантовый деструктор от обычного лучевого пистолета. Я там был десять лет назад, когда служил вторым штурманом на трампе. Не планета, а конфетка! Роскош-

ный климат, двадцать шесть процентов кислорода в атмосфере, богатейшие запасы золота, а девочки такие, что пальчики оближешь. Словом, Галатея специально создана для таких парней, как мы, и взять ее можно голыми руками.

За третьей бутылкой были окончательно распределены роли:

Люпус Эст — диктатор,

Пинта Виски — начальник полиции и штурмовых отрядов,

Прох Хиндей — глава церкви.

План, предложенный Люпусом Эстом, основывался на тонком понимании человеческой психологии.

— Нынешнее правительство Галатеи, — сказал он, ковыряя в зубах, — должно быть обвинено в попытке продать планету чужеземцам, арестовано и расстреляно без суда. Взамен него будет создано новое марионеточное правительство из элементов, недовольных своим положением в обществе. На этой стадии переворота нам придется оставаться в тени.

— А потом они пошлют нас к черту? — спросил туповатый Прох.

— Потом мы их пошлем к черту, но к этому времени Пинта должен закончить подпольное формирование штурмовых отрядов, а ты, Прох, довести религиозный психоз до предела.

— А как это делается?

— Начни крестовый поход против рыжих или тех, кто имеет больше пяти детей. Объяви их слугами дьявола. Нужно устроить заваруху, неважно какую, чтобы дать возможность отрядам Пинты вмешаться для наведения порядка.

— Здорово! Вот эта работенка по мне! — заорал Пинта, глядя влюбленными глазами на Эста. — У тебя, Люпус, не башка, а бочка с идеями!

— Подожди вопить раньше времени, — усмехнулся Эст, — поорешь от радости, когда золотые запасы планеты окажутся в наших руках, а лучшие девочки Галатеи будут за неделю записываться в очередь к нам на прием.

— Хип, хип, ура!

— Да здравствует диктатор Галатеи Люпус Эст!

— И его ближайшие друзья и соратники Прох Хиндей и Пинта Виски, — скромно поддержал тост Люпус.

— Так ты решительно отказываешься мне помочь? — спросил Люпус, стараясь сохранять спокойствие.

Галатеец вежливо улыбнулся.

— Видите ли, я химик, а не врач, но кое-что могу сделать. Брат моей жены очень хороший психиатр, и если вы согласитесь с ним поговорить, то он, вероятно, подберет лечение.

Эст заскрипел зубами.

— Пристукни его, Люпус, — сказал Прох.

— Пойми, — продолжал Эст, — что ты предаешь свой народ. Ваши правители тайком распродают планету иноземцам, а ты не хочешь возглавить правительство национального освобождения. Какой же ты после этого патриот?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. У нас нет никаких правителей.

Люпус вытер пот со лба.

— А что же у вас есть?

— Два координационных центра с электронными машинами. Если вы можете внести какие-то предложения по усовершенствованию этих машин, то Совет Кибернетиков вас охотно выслушает.

— Дай я с ним поговорю, — взмолился Пинта. У него давно чесались руки.

— Подожди, Пинта.

Люпус задумался.

— Перестань валять дурака! — внезапно заорал он. — Мне говорили, что твой проект, над которым ты работал пять лет, забраковали и что ты этим очень недоволен. Кем же ты, черт тебя дери, недоволен?! Машинами, что ли?

— Конечно, я недоволен. Сам собой недоволен. Было очень глупо зря потратить пять лет.

Люпус взял галатейца за шею и повел к выходу.

— Проваливай отсюда и держи язык за зубами. Помни, что мы тебя не прикончили только потому, что не охота возиться с падалью, но если ты проболтаешься, о чем с тобой говорили, то...

Выразительный жест Люпуса был понятнее всяких слов.

Галатеец вышел.

Прох укоризненно покачал головой, затоптал окурок и пошел к двери.

— Назад!

Прох неохотно остановился и сунул пистолет в карман.

— Мне кажется, Люпус, что так было бы спокойнее. У них нет полиции, и если бы я бросил труп в канал...

— Забудь о своей профессии, болван! Теперь ты политик. Один труп не решает вопроса и только зря привлекает к нам внимание. Нам нужны миллионы трупов, без этого невозможна настоящая власть. Научи их стрелять друг в друга. Довольно вы тут побездельничали! Завтра принимайтесь с Пинтой за работу.

— А как же правительство?

— Пока придется подождать. Ты же видишь, что сейчас ни черта не получается.

* * *

Первая проповедь Проха имела сенсационный успех. Институт Общественного Мнения зарегистрировал свыше двадцати миллионов галатейцев, собравшихся у телеэкранов и радиоприемников.

Хиндей выглядел очень эффектно в желтом клетчатом костюме и зеленом галстуке.

— Братья! — начал он, солидно высморкавшись в красный платок. — Покайтесь, братья и сестры, ибо десница божья уже поднята для разящего удара. Велик ваш грех перед господом нашим. Мерзкие отродья дьявола бродят по Галатее, оскверняя образ божий, по которому он создал нас с вами. Я, ребята, имею в виду рыжих. Разве этот богомерзкий цвет волос был у наших прародителей, некогда изгнанных из рая? Нет, тысячу раз нет! — ответит каждый ревностный христианин. Рыжий цвет пошел от дьяволицы Лилит, в блуд с которой был ввергнут Адам по наущению Сатаны.

Чем опасен для нас рыжий человек, если только можно применить это слово к подобным выродкам? Рыжий постоянно думает о том, что он рыжий, и душа его полна злобы на все человечество.

Мне могут возразить, что, мол, рыжих у нас на планете не больше двух процентов и потому они не представляют большой опасности. Пагубное заблуждение! Рыжие тем и опасны, что их мало. Оттого и бросают на них похотливые взгляды ваши жены и дочери, что рыжий им в диковинку.

Придет час, и рыжие настолько расплодятся на Галатее, что каждый, кто имел несчастье родиться брюнетом, блондином, шатеном или лысым (ораторская пауза, чтобы дать возможность слушателям оценить острогу)... или лысым (небольшая пауза для смеха), лишится своей порции воздуха на планете.

Побивайте рыжих камнями, распинайте на крестах, сжигайте их жилища, ибо этим вы сделаете богоугодное дело.

За каждого убитого рыжего вам будут отпущены грехи, за двух рыжих бог обещает спасение, за трех рыжих — вечное блаженство. Рыжие дети до десяти лет идут по три штуки за одного взрослого.

— Молодчина, Прох! — сказал Эст после окончания проповеди. — Я и не знал, что ты родился оратором.

* * *

Люпус Эст в бешенстве ходил по комнате. Друзья трусливо опускали глаза, когда он поворачивался к ним лицом. Они хорошо знали характер диктатора.

Дела шли из рук вон плохо.

Вторая проповедь Проха собрала всего двух слушателей. Один из них — глухой старичок, не разобравший прошлый раз ни одного слова, пришел с новым слуховым аппаратом, но в момент наивысшего накала ораторских способностей Хиндея поднялся с места и ушел. Второй (психиатр, брат жены того самого галатейца) просидел до конца, но, судя по многочисленным заметкам, которые он делал в блокноте, и попытке после окончания проповеди проверить способности Проха запоминать многозначные числа, руководствовался чисто профессиональными интересами к проповеднику.

Не лучше подвигалось дело у Пинты. Ему было удалось сколотить штурмовой отряд из десяти галатейцев, но когда выяснилось, что речь идет не о штурме одной из горных вершин, а о каких-то других делах, о которых Пинта говорил весьма загадочно, отряд распался.

Люпус подошел к своим помощникам. Те поспешно встали.

— Дальше так действовать нельзя, — сказал он, сверля их взглядом. — Еще неделя, и мы станем посмешищем всей планеты. Необходимо менять тактику. Сегодня ночью мы захватим золотой запас Галатеи.

* * *

Было пять часов утра — самое темное время на Галатее.

Отряд продвигался к складу, сохраняя полную тишину.

Шедший первым Люпус сделал знак своим помощникам подойти к нему вплотную.

— Стрельбы не открывать, — сказал он шепотом. — Стражу снимем ножами. Пинта останется охранять вход, а мы с Прохом займемся сейфами.

— Далеко до склада? — спросил прерывающимся шепотом Прох. Он очень устал тащить на себе квантовый вскрыватель сейфов.

— Вот ворота. Я иду первым. Стойте здесь. Когда будет снят часовой, я свистну.

Люпус исчез во мраке. В ночной тишине было слышно только тяжелое дыхание Хиндея.

Внезапно на складе вспыхнул свет.

— Тревога! Пожалуй, Прох, нам лучше смыться, — прошептал Пинта. — Я так и знал, что у них там автоматика!

— Прох! Пинта! — Люпус показался в освещенных воротах. — Склад не охраняется. Золото в слитках — прямо на земле. Жмите сюда!

* * *

Прошло трое суток со дня захвата склада. Пока галатейцы не проявляли по этому поводу никакого беспокойства.

Друзья сидели на слитках золота, не спуская глаз с закрытых ворот, готовые отразить любое нападение. Рядом с ними лежали лучевые пистолеты.

Прошли еще сутки, и постоянное напряжение начало утомлять. Чтобы скоротать время, Люпус предложил сыграть в покер. Играли на слитки.

...Шли шестые сутки с начала операции.

— Двести, — сказал Прох.

— Пас, — ответил Пинта.

— Еще сто, — поднял ставку Люпус.

— И еще сто пятьдесят, — добавил Прох.

— Откройся.

— Каре королей!

Люпус тихо выругался. Уже больше двух третей золотого запаса перешли к Проху. Такая концентрация ка-

питала и духовной власти в одних руках создавала реальную угрозу положению диктатора. Эст небрежно бросил карты. Одна из них упала на землю. Прох нагнулся, чтобы ее поднять.

Люпус был мастером своего дела. Когда затылок Проха поравнялся со стволом пистолета, ослепительный луч прошел насквозь голову новоиспеченного финансового магната.

— Зачем ты это сделал? — спросил бледный Пинта. — Что же теперь будет?

— Придется воссоединить церковь с полицией, — небрежно ответил Люпус, — поработаешь, Пинта, за двоих.

* * *

Прошло еще семь дней. Галатейцы не появлялись. Казалось, они совершенно не интересовались своим золотом.

Моросил дождь. Пинта, как мокрый воробей, сидел, втянув голову в плечи. Наученный опытом, он вежливо отклонял все предложения Эста сыграть в карты.

Кончились запасы продовольствия.

— Знаешь, Люпус, — мечтательно сказал Пинта, — в центральной тюрьме двенадцати планет все-таки было лучше, чем здесь. Кислорода, правда, там поменьше, но зато крыша над головой, горячая пища, а на прогулках можно перекинуться несколькими словами с приятелями и всегда узнать что-нибудь новенькое.

Люпус презрительно посмотрел на него.

— Может быть, ты рассчитываешь, что твои подвиги при захвате звездолета заставят присяжных заменить тебе смертный приговор на общественное порицание?

Пинта опустил голову.

— Конечно, Люпус, Синих Солнц нам не видать больше, как своих ушей, но чего мы добьемся, сидя здесь на этих слитках? По-видимому, это золото им просто не нужно. Валяется на складе без всякой охраны. Никакой власти оно нам не даст. Зря мы только мокнем под дождем.

— Подождем еще денек. Золото — это всегда золото. Не может быть, чтобы они про него забыли.

Люпус был прав. К вечеру у ворот появился парламентар — старичок со слуховым аппаратом, один из слушателей второй проповеди Проха.

— Откройте ворота! — крикнул он, стараясь разглядеть через ажурную решетку лица экспроприаторов. — Сейчас придут машины за золотом!

Люпус с пистолетом в руках подошел к воротам.

— Как бы не так! Золото теперь наше, и всякий, кто попробует сюда сунуться, живым назад не уйдет!

— Это мое золото! — завизжал старичок. — Вы не имеете права захватывать чужое золото, это беспрецедентный случай!

Положение прояснилось. Наконец-то вместо таинственной безликой массы галатейцев перед Люпусом был реальный обладатель богатств Галатеи. В таких ситуациях он чувствовал себя как рыба в воде.

— Послушай, — в голосе Эста появились добродушные нотки. — Золото теперь наше, но я не хочу, чтобы новый порядок на вашей планете начался с нарушения права частной собственности. Номинально ты останешься владельцем золота, а распоряжаться им будем мы. С сегодняшнего дня все слитки поступают в фонд Промышленно-финансового банка, а ты назначаешься его директором. Думаю, что десяти процентов акций тебе хватит.

— Отдайте мое золото! — продолжал кричать старичок. — Если для ваших опытов нужно золото, то я вам приготовлю несколько тонн, но не раньше, чем через неделю, а это золото я сегодня должен превратить в свинец. Вы не имеете права задерживать пробный пуск моей установки.

— В свинец? В какой свинец? — Люпусу показалось, что он ослышался.

— В обыкновенный свинец для защиты реакторов. Я руководитель лаборатории алфизики и синтезирую тяжелые металлы из кварцевого песка. На первой установке мы не могли подняться выше золота. Эти слитки — полуфабрикат для второго каскада, превращающего золото в свинец. Отдайте мне мое золото!

— Открой ему ворота, Пинта.

Старичок вбежал в склад, быстро пересчитал слитки и подпрыгивающей походкой направился к выходу.

— Через недельку я пришлю несколько тонн золота для ваших опытов, — крикнул он Эсту на ходу.

Люпус сплюнул и пошел к воротам.

— Куда ты, Люпус?

— Просить у этих ангелов горючее для звездолета, Решил отправиться в Страну Голубых Обезьян.

— Но они же голозады, лазают по деревьям и жрут какие-то корни.

— Ничего не поделаешь, не так уж много осталось мест в Галактике, где еще можно стать диктатором.

— А как же я? — жалобно спросил Пинта.

— Ты полетишь со мной, — ответил великодушный Эст. — Жаль, что нет Проха, он бы мне там тоже пригодился.

Фантастика вторгается в детектив, или Последнее дело комиссара Дебрэ

1. Хмурое утро

Комиссар Дебрэ проснулся в 9 часов. Впрочем, «проснулся» не то слово. Если вы до трех часов ночи занимались тем, что бесплодно обшаривали огромный особняк в поисках спрятанной кем-то бомбы с часовым механизмом, если после этого вас терзал жестокий приступ язвы желудка и вам вкатили изрядную дозу наркотика, то правильнее было бы сказать, что вы очухались, или, в крайнем случае, продрали глаза.

Дебрэ надавил пальцами на живот. Притаившаяся было боль снова рванула когтями желудок. Вот она, награда за 40 лет работы в уголовной полиции. Тут все: и бессонные ночи, и съеденные наспех сандвичи сомнительной свежести, и бесконечное количество выкуренных трубок в поисках разгадки очередной головоломки. К сожалению, подорвано не только здоровье, но нечто более существенное — вера в человека. Газеты, захлебываясь, превозносят знаменитый метод комиссара Дебрэ. А если разобраться, что, собственно, представляет этот пресловутый метод? Не что иное, как знание человеческих слабостей и страстишек. Уж кому-кому, а Дебрэ известно, что огромное количество преступлений совершается по совсем пустяковым поводам. Уязвленное самолюбие, зависть, ревность. Странный парадокс: чем сложнее преступление, тем примитивнее его причины. Полицейский комиссар должен быть прежде всего психологом, и тогда становится ясным многое. В искусстве раскрытия преступлений не существует мелочей. Очевидная версия — далеко не всегда самая правильная. Понять характер преступника, уметь вжиться в его психологию, почувствовать подсознательные мотивы преступления удастся далеко не каждому, однако, если вы овладели этим мето-

дом, успех обеспечен. Но какой ценой дается этот успех? Решение психологических этюдов требует максимально-го напряжения всех духовных сил, а за это тоже приходится расплачиваться. Рано или поздно вы почувствуете себя совершенно опустошенным, а люди, которые вас окружают...

Дебрэ взял с ночного столика трубку и протянул руку в поисках коробки с табаком. Ее не оказалось на привычном месте, и тут он вспомнил все, что было ночью. Как он корчился в кровати от боли и как перепуганная насмерть жена вызвала по телефону доктора Малинду. Конечно, чушь вызывать в таких случаях полицейского врача, специалиста по судебно-медицинской экспертизе, но мадам Дебрэ уверена, что Малинда — лучший из врачей Парижа. Может быть, оно и так, но было бы спокойнее, если б приехал не Малинда, а кто-нибудь другой. Тогда бы удалось обойти вопрос о курении. С Малиндой это не прошло. «Отныне ни одной затяжки, вы слышите, мадам Дебрэ? Это на вашей совести. Весь табак — немедленно в мусоропровод!»

Дебрэ встал и босиком, чтобы не привлечь внимания жены, прошел в переднюю. Он пошарил в карманах пальто. Тщетная надежда! Кисет с табаком исчез и оттуда.

Дебрэ тихонько выругался и, посасывая пустую трубку, снова улегся в постель. «Ну его все к дьяволу! — подумал он. — Сегодня же подаю прошение об отставке. В конце концов жизнь на пенсии тоже имеет свои прелести». Он представил себе маленький домик на берегу Луары, который они с женой давно уже облюбовали для покупки. Жить подальше от Парижа, удить рыбу и читать детективные романы. Спать до десяти часов, вечером смотреть передачи по телевизору. Совсем неплохо. Можно еще разводить шампиньоны. Итак, решено! Прощение будет вручено сегодня. Откладывать не имеет смысла, тем более что дело с бомбой в особняке Костагенов, видимо, просто дурацкая мистификация.

Комиссар закрыл глаза и попытался вспомнить голос человека, звонившего ему по телефону. Он говорил через платок. Старый трюк. Как удалось выяснить, звонил из автомата в районе Монмартра. В преувеличенно учтивых выражениях сообщил о готовящемся покушении. На вопрос, откуда ему это известно, не ответил. Просто положил трубку. Интересно, зачем это ему понадобилось? Ведь особняк Костагенов...

Дебрэ вскочил и торопливо начал одеваться. Он совершенно забыл, что бедняга Морранс до сих пор дежурит у особняка.

Стояла отвратительная погода. Холодный ноябрьский ветер гнал со стороны Сены низкие тучи. Моросил дождь пополам со снегом. Прохожие шли, подняв воротники пальто и упрятав руки в карманы. Веселый, жизнерадостный Париж выглядел сегодня серым, как на выцветшей фотографии.

На углу бульвара Вольтера Дебрэ, вместо того чтобы сесть в автобус, взял такси.

Он велел шоферу остановиться в начале улицы и пешком пошел по направлению к особняку Костагенов. Вот оно, нелепое здание постройки начала XVIII века. Интересно, сколько представителей рода Костагенов родилось и умерло под этой крышей? Вообще-то владельцы одного из крупнейших состояний могли бы обзавестись домом покомфортабельнее. Дебрэ вспомнил многочисленные коридоры, тупики, винтовые лестницы и потайные двери. Право, в наше время все это выглядит просто глупо.

В маленьком скверике, наискосок от дома, сидел съевшийся от холода Морранс.

— Доброе утро, малыш!

— О, это вы, комиссар! А я думал, что обо мне уже забыли.

— Ну, рассказывай.

— Рассказывать нечего. Никто не входил и не выходил. Только час назад во двор въехал зеленщик, оставил там овощи и уехал.

Дебрэ нахмурился.

— Вот как?! Нужно посмотреть, что он там привез.

— Проверил. Завел разговор об артишоках и капусте и перещупал все кочаны. Ничего...

— Ладно, отправляйся спать.

— А разве меня не сменят?

— Нет. Видимо, все дело не стоит выеденного яйца. Просто глупая шутка. Меня ждет на углу такси, если хочешь, подвезу домой.

— Спасибо, комиссар, но, право, если я сейчас не выпью рюмочку, грипп мне обеспечен, а тут как раз по близости...

— Хорошо, лечись, но не переусердствуй.

Дебрэ похлопал его по плечу и направился к такси.

2. Зоя Никитична

На набережной Орфевр ветер казался еще более холодным. Дебрэ углубился под своды здания уголовной полиции, где вечно гулял сквозняк, быстро поднялся по лестнице и вдохнул привычный застоявшийся запах табака и пыли. Он невольно ощутил грусть при мысли, что скоро ему уже не придется приходить сюда каждое утро.

Он вошел в кабинет и повесил в стенной шкаф пальто и шляпу. В кабинете было холодно, и Дебрэ вновь пожалел, что так легко согласился убрать старую печку. Пожалуй, несколько хороших поленьев было бы сейчас как раз кстати. Открыв дверь в комнату инспекторов, он сделал приветственный жест.

— Что нового, мальчики?

— Два раза звонили из министерства внутренних дел,— сказал Дюка.— Просили вас позвонить, как только придете. Телефон я записал на вашем блокноте.

— Ладно! — недовольно буркнул Дебрэ.— Позвоню, когда будет время.

Он не сомневался в том, что история с бомбой уже известна чиновникам министерства. Глупейшая ситуация. Наверняка инспектора зубоскалили все утро по этому поводу. Рассказывали в лицах, как комиссар попался на элементарную мистификацию, полночи разрывал уголь в подвале и ползал по чердаку. А теперь еще эти сопляки в министерстве!

Дебрэ сунул в рот трубку и машинально похлопал себя по карманам. Вспомнив, что табака нет, он совсем расстроился.

Ведь у каждого из нас бывают такие дни, когда все не клеится. Правда?

Он достал из ящика чистый лист бумаги и принялся составлять прошение об отставке.

Вошел Дюка и принес свежую почту. В это время звонил телефон.

— Послушай,— попросил Дебрэ, ставя размашистую подпись под прошением.

Дюка снял трубку.

— Это вас, комиссар. Из министерства.

Дебрэ поморщился и придвинул к себе аппарат.

— Комиссар Дебрэ у телефона!

Несколько минут он слушал, удивленно подняв бро-

ви, а затем кратко сказал: «Хорошо, присылайте» — и раздраженно дал отбой.

— Что-нибудь новое, комиссар? — спросил Дюка.

— У них всегда что-нибудь новое. Сейчас нам пришлют практикантку.

Дюка улыбнулся.

— Женщина-криминалист, как раз то, чего нам не хватало! Умоляю, комиссар, если она хорошенькая, прикомандируйте ее ко мне.

Дебрэ засопел. Он сегодня не был расположен к шуткам.

— Не знаю, как насчет внешности, а вот то, что она русская, мне уже известно.

Дюка свистнул.

— Русская? Откуда же такой сюрприз?

— Из Ленинграда. По научному обмену.

— Так... Какие-нибудь распоряжения будут?

— Встретить ее на улице и привести сюда.

— Слушаюсь! — Дюка осторожно прикрыл за собой дверь.

Дебрэ спрятал прошение в стол и начал просматривать почту. Он делал пометки на полях, кому из инспекторов следует подготовить ответ. Все это были мелкие дела, но Дебрэ хотелось разделаться с ними до вступления в должность нового комиссара. Чем меньше окажется незаконченной работы, тем скорее он сможет покинуть стены уголовной полиции. Он догадывался, кто будет назначен на его место. Комиссар района Иври, один из тех молокососов с университетским образованием, которые сейчас так быстро продвигаются по служебной лестнице... Да... В наше время все меняется, даже полицейская служба. На смену старой гвардии, считавшей раскрытие преступлений искусством, приходят молодые апостолы электронного века. Дебрэ усмехнулся, вспомнив статью, в которой автор доказывал, что один вычислительный центр может заменить сотню квалифицированных криминалистов. Нет уж, дудки! Никогда ваши электронные машины не будут в состоянии проникнуть в самую глубь человеческой души, а без этого нельзя раскрыть ни одно серьезное преступление. Конечно, полезно иметь под рукой электронную машину для быстрого получения справок, но разве в этом дело?

— Разрешите, комиссар? — Дюка приоткрыл дверь и подмигнул Дебрэ.

— Прошу вас!

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла женщина. С профессиональной точностью Дебрэ отметил, что лет ей больше сорока, рост сто шестьдесят сантиметров, вес около восьмидесяти килограммов, что цвет губной помады плохо гармонирует с лаком для ногтей, что она близорука и что очки с толстыми стеклами отнюдь ее не красят.

— Прошу! — повторил он, встав из-за стола, и направился ей навстречу.

— Комиссар Дебрэ?

— К вашим услугам.

— Моя фамилия Стрелкина, Зоя Никитична Стрелкина. Вот письмо из министерства внутренних дел.— Она вынула из сумочки конверт.

— Да, я знаю. Мне звонили.

Дебрэ жестом пригласил ее и Дюка сесть.

— Итак, мадам Стель....

— О, просто Зоя Никитична.

— Зоя Ники...— Произнести это странное имя было не под силу ни одному французу.— Зоя... Ники?..

Стрелкина рассмеялась.

— Зовите меня просто Зоя. Это легче. А я вас буду называть «комиссар», хорошо?

— Хорошо. Вы надолго к нам?

— Недели на две. Дело в том, что моя основная работа — в Сорбонне, а здесь я надеюсь собрать дополнительный материал к своей диссертации.

— Что ж,— Дебрэ встал, показывая, что аудиенция закончена.— Я вас прикомандирую к инспектору Дюка. Ему тоже будет полезно ознакомиться с методами советских криминалистов.

На лице Дюка было написано такое отчаяние, что Дебрэ счел нужным позолотить пилюлю.

— Дюка — один из способнейших инспекторов. Лучше его никто не введет вас в курс работы уголовной полиции.

Стрелкина громко расхохоталась.

— О нет, комиссар! Тут явное недоразумение. Зря вы не прочли письмо. Я не криминалистка, а литературовед. Ничему научить инспектора Дюка я не смогу. Меня интересуют вы, а не уголовная полиция.

— Простите, я не совсем понимаю...

— Конечно, не понимаете. Поэтому я и хочу объяснить. Тема моей диссертации — проникновение фантастики в детектив. А вы меня интересуете потому, что ведь именно вы послужили Сименону прототипом комиссара Мегрэ, не правда ли?

Дебрэ нахмурился. Упоминание о комиссаре Мегрэ всегда вызывало у него сложные и противоречивые чувства. С одной стороны, конечно, лестно, что весь мир знает тебя как двойника литературного героя, а с другой...

— В известной степени это так,— нехотя ответил он.— Сименон действительно использовал материалы ряда дел, которые я расследовал. Больше того: он неплохо понял мой метод. Однако в ряде случаев...

— Прекрасно! — перебила Стрелкина.— В конце концов Сименон писатель, а не газетный репортер. За ним всегда остается право на художественный вымысел. Именно поэтому я намерена ознакомиться с методом мышления самого комиссара Дебрэ.

— С какой целью? — сухо спросил он.

— Чтобы выяснить, подчинен ли он целиком законам классического детектива, или наш электронно-атомный век внес в него элементы, свойственные современной фантастике.

— Если вы имеете в виду применение электронных машин для расследования преступлений, то могу прямо сказать, что считаю это ерундой. Я сторонник психологического метода, и никакая машина...

Стрелкина не дала ему договорить.

— Речь идет не о машинах, а именно о психологическом методе. Точнее — о человеческом мышлении. Оно может быть разным. Например, рациональным или парадоксальным. Современной фантастике, как и науке, все в большей степени становится свойственно парадоксальное мышление. Не ошибусь, если скажу, что это веяние века. Наступает время, когда преступники тоже начинают мыслить иначе, и если тот, кто расследует преступление, не в состоянии понять заложенный в нем парадокс, то рано или поздно... — она оборвала свою тираду очень выразительной гримасой.

Дебрэ сел. Ему совершенно ни к чему была эта практикантка со всеми ее сумасбродными идеями. Однако перед выходом на пенсию не стоило портить отношения с министерством внутренних дел. Ведь наградные, на ко-

торые он мог рассчитывать... А может быть, он просто хитрил сам с собой. Вполне благовидный предлог, чтобы отложить на две недели прошение об отставке. Объяснить жене, что при создавшейся ситуации его присутствие здесь просто необходимо. Международный культурный обмен и все такое.

— Так как вы представляете себе свою работу здесь?

— О, я ни на что не претендую! Разрешите мне быть безмолвной свидетельницей вашей работы. Если вы здесь поставите для меня маленький столик, я буду вполне удовлетворена, а чтобы быть вам чем-нибудь полезной, я могла бы взять на себя секретарские обязанности.

Этого только не хватало!

— Я привык обходиться без секретаря,— сказал Дебрэ.— Что же касается столика, то Дюка все сейчас устроит.

— Отлично! — Стрелкина извлекла из сумочки портсигар.— Вы не возражаете?

— Пожалуйста, курите.

При этом глаза Дебрэ загорелись хищным огнем. Стрелкина протянула ему портсигар.

— Если разрешите, я возьму две.

Он разорвал сигареты и высыпал табак в трубку. Тем временем Стрелкина уже успела закурить.

Дюка вдохнул воздух и удивленно поднял брови.

Дебрэ зажег трубку. Казалось, что у него под носом вспыхнул пороховой заряд.

— Кхе-кхе-кхе!

— Что, слишком крепкие? — осведомилась Стрелкина.

— Да... кхе-кхе! Любопытный табак.

— Сигареты «Памир». Других я не признаю.

— И много их у вас? — деликатно спросил Дюка.

— Целый чемодан. Меня еще в Москве предупредили, что ваши сигареты — трава.

— Вот что, малыш,— сказал Дебрэ.— Пошли-ка кого-нибудь за табаком.

3. Красный «Понтиак»

Прошло три дня. Для Дебрэ это был самый тяжкий период за все сорок лет работы в уголовной полиции. Он постоянно чувствовал себя кем-то вроде диковинного зверя в зоопарке. Стрелкина не спускала с

него любопытных глаз. При этом у нее был такой напряженный вид, словно сию минуту должно было начаться расследование какого-нибудь головоломного преступления.

Между тем дела все шли ерундовые, и инспектора только изредка заходили в кабинет комиссара с докладом о поимке мелкого воришки или об очередном угоне автомобиля.

Последние годы Дебрэ привык в такие периоды затишья дремать в кресле, зажав зубами потухшую трубку. В присутствии же постороннего человека ему приходилось симулировать напряженную деятельность, в которой решительно не было никакой необходимости.

Зоя Никитична курила одну сигарету за другой из своего неисчерпаемого запаса. Постоянный запах табачного дыма заставил Дебрэ плюнуть на все предписания доктора Малинды. Теперь у него на работе всегда был табак. Дома дело обстояло сложнее. Мадам Дебрэ средним искусством обнаруживала все подозрительные запахи. Но попался все же комиссар на работе. Он шел по коридору, пуская клубы дыма, когда неожиданно столкнулся с доктором Малиндой. Последовало короткое, но бурное объяснение, в результате которого Дебрэ удалось уговорить врача ничего не сообщать жене, а взамен пришлось дать согласие пройти несколько сеансов внушения.

Гипноз — великая вещь, но если вы курили свыше сорока лет, то он может только погасить желание, но никак не уничтожить его. Тем более, когда у вас постоянно под носом кто-то курит.

Немудрено, что в этот день Дебрэ был в отвратительном настроении. Больше всего его раздражала Стрелкина. Ведь каждый из нас в таких случаях готов сделать виновником своих бед кого угодно, только не самого себя.

Дебрэ казалось, что, сумеет он хоть на день сплавить куда-нибудь практикантку, все пошло бы иначе. Наконец, перебрав все возможные варианты, он с преувеличенной вежливостью спросил:

— Может быть, мадам хочет посетить Лувр?

— О, я была в Лувре несколько раз.

— Тогда, может быть, поездка в Версаль? Правда, в это время года он не так хорош, как летом, но для иностранцев...

— Я была в Версале летом.

Дебрэ начал яростно сосать пустую трубку. Он был уверен, что еще час наедине с этой невозмутимой женщиной сведет его с ума. Нужно было что-то предпринять. Сослаться на недомогание и уйти домой? Но как в этом случае объяснить жене причину такого раннего возвращения? Он молил судьбу, чтобы она послала ему сегодня хоть самое ерундовое убийство. Ведь тогда он смог бы наконец продемонстрировать свой знаменитый метод, а Стрелкина удовольствовалась бы одним примером и вернулась к своим занятиям в Сорбонне.

Наконец Дебрэ решился:

— Может быть, мадам окажет мне честь пообедать со мной? Тут неподалеку есть кабачок, излюбленный уголовниками. Право, ни в одном детективном романе вы не найдете такой коллекции преступных типов.

— Охотно, комиссар! Только не называйте меня «мадам». Мы ведь с вами договорились.

Конечно, Дебрэ немного преувеличил, когда говорил об уголовниках. Это был обычный кабачок, охотно посещаемый проститутками и сутенерами. Они все знали комиссара в лицо, и, когда он со своей спутницей появился в дверях, наступила напряженная тишина. Все с любопытством разглядывали Стрелкину.

К ним подошел гарсон и проводил к свободному столу в углу.

— Сегодня есть отличное жигу! — доверительно нагнулся он к Дебрэ.

— Как вы относитесь к жигу, Зоя? — спросил комиссар.

— Ну что ж, жигу так жигу.

Комиссара тоже вполне устраивала баранина после утренней порции овсяной каши.

— Что мы будем пить?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Водку я днем не пью, а все ваши вина — ужасная кислятина. Впрочем, закажите мне то же, что и себе.

— Хорошо! Две рюмки перно.

Гарсон мгновенно выполнил заказ.

— За ваши успехи, комиссар!

• Она чуть пригубила и удивленно взглянула на Дебрэ.

— У вас кашель?

— Нет, почему вы думаете?

— У нас эта штука продается в аптеках от кашля.

— Гм...— Дебрэ принялся за баранину.

Когда подали кофе, Стрелкина с увлечением начала пересказывать содержание какого-то научно-фантастического романа. Дебрэ рассеянно слушал. Его мало интересовала фантастика. Во всяком случае, значительно меньше, чем пара, сидящая в другом углу кабачка. Мужчина ничего особенного собой не представлял. Обычный тип, какого можно встретить повсюду. Массивного телосложения, облачен в вельветовые брюки и замшевую куртку со множеством застёжек. Густые черные волосы, мохнатые брови, мясистый нос, под которым красовались тщательно подбритые усики. Не то коммивояжер, не то альфонс, а может быть, и то и другое. Женщина же явно принадлежала к привилегированному слою общества, хотя одета была нарочито скромно, видимо, для того, чтобы не привлекать здесь лишнего внимания. Опытный глаз Дебрэ отметил золотой портсигар с бриллиантовой монограммой, который она небрежно вертела в пальцах, и безукоризненный покрой синего костюма. Красота ее холеного лица усугублялась огромными расширенными зрачками наркоманки. Такие глаза бывают обычно у человека, принявшего большую дозу морфия. Именно эти глаза заставили комиссара напрячь память. Где-то он их уже видел.

Дебрэ вспомнил. Это было ночью в особняке Костягенов, когда он искал там спрятанную бомбу. Конечно, это была та женщина, которая прошла мимо него по коридору в тончайшем пеньюаре, оставляя за собой аромат дорогих духов. Его тогда еще поразило странное выражение ее глаз и неуверенная походка.

— Правда, интересно? — прервала Стрелкина его воспоминания.— Рассказывать дальше?

— Да, пожалуйста!

Дебрэ по движению губ пытался определить, о чем разговаривает та пара. Женщина почувствовала его взгляд, посмотрела на Дебрэ, нахмурилась и что-то сказала своему спутнику. Они поднялись, женщина вынула из сумочки ассигнацию, положила на столик и направилась к выходу. Мужчина последовал за ней.

— Простите! — перебил Дебрэ Стрелкину.— Я вас покину на несколько минут. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения Моррансу.

Он подошел к телефону, откуда можно было, оставаясь незамеченным, вести наблюдение за улицей.

Наискось от кабачка стоял красный «понтиак», спортивная модель последнего выпуска. Мужчина в замшевой куртке открыл дверцу, пропустил вперед свою даму, а сам сел за руль.

Дебрэ подождал, пока они отъехали, и записал номер машины. После этого он позвонил в уголовную полицию.

— Инспектор Морранс у телефона!

— Слушай, малыш,— тихо сказал Дебрэ,— узнай-ка быстренько, кому принадлежит «понтиак». Номер я тебе сейчас назову. Записывай!

— Слушаю, комиссар!

Дебрэ продиктовал ему номер машины.

— Куда вам сообщить?

— Я буду через полчаса.

Он вернулся к столику. Стрелкина курила очередную сигарету, жадно рассматривая компанию подвыпивших парней.

— Уголовники? — шепотом спросила она Дебрэ.

— Безусловно! — ответил комиссар. Он хорошо знал этих славных ребят — мясников с Центрального рынка, но нельзя же разочаровывать практикантку. Ведь он сам ей обещал роскошную коллекцию уголовных типов.

В кабинете на столе его уже ждало донесение Морранса. Красный «понтиак» две недели назад был взят на прокат неким Жаном Пьебефом, проживающим на улице Франсуа, дом 15, по профессии спортивным комментатором. Плата за машину была внесена за месяц вперед.

— Странно! — сказал Дебрэ. — Очень странно!

— Что странно? — поинтересовалась Стрелкина.

— Странно, что после сеанса гипноза мне хочется курить еще больше, а курить противно,— уклончиво ответил комиссар.

4. Серебряный ледоруб

Весь воскресный день Дебрэ нервничал. К этому было несколько причин. Его удручала жесткая диета, установленная женой, раздражало непроходящее желание курить. Кроме того, комиссар непрестанно ду-

жал о Жане Пьебефе. Какое отношение мог иметь этот вульгарный тип к аристократическому дому Костагенов? Не был ли он замешан в этой глупейшей шутке с бомбой? Но если действительно о бомбе сообщил он, то какими соображениями при этом руководствовался?

Наконец уже поздно вечером, когда мадам Дебрэ включила телевизор, комиссар заявил, что пойдет прогуляться.

Он купил в киоске на углу маленькую пачку табака и с наслаждением закурил. Первая же затяжка его немного успокоила.

Попыхивая трубкой, Дебрэ направился к особняку Костагенов.

Ветер по-прежнему гнал тучи, и только временами в их просвете показывался диск луны. Дебрэ выбрал себе наблюдательный пункт в скверике. Это затененное место делало его невидимым с улицы.

Очевидно, в особняке уже спали. Лишь в одном из окон второго этажа сквозь щель в плотной занавеси виднелся свет, но и тот вскоре погас.

Весь облик старинного здания с облупившимися колоннами почему-то вызывал у Дебрэ тревогу. Он никак не мог отделаться от мысли, что какая-то таинственная угроза нависла над обитателями этого дома...

Когда комиссар вернулся домой, мадам Дебрэ уже спала.

— Где ты был так долго? — спросила она, не открывая глаз.

— Гулял, — буркнул Дебрэ и погасил свет в спальне.

Уснул он сразу, но всю ночь его терзали кошмары, и все они были так или наче связаны с особняком Костагенов.

На работу Дебрэ явился позже обычного. Едва он открыл дверь, как навстречу ему бросилась взволнованная Стрелкина.

— Ах, комиссар! Я уже вас совсем заждаюсь! Убит Леон Костаген. Морранс и Дюка уже там, а я решила подождать вас. Вы ведь возьмете меня с собой, правда?

— Да, — сказал Дебрэ.

У подъезда особняка стояло три автомобиля. Трое полицейских с трудом сдерживали любопытных. Несколько поодаль стояла группа репортеров. Видимо, им не разрешали войти.

— На второй этаж, комиссар,— почтительно сказал полицейский.

Дебрэ поднялся по уже знакомой ему мраморной лестнице. За ним, пыхтя от возбуждения, следовала Стрелкина.

В дверях их встретил Морранс.

— Убит во сне ударом ледоруба в висок,— отрапортовал он.— Мы пока ничего не трогали. Видимо, преступник проник через дверь угольного подвала. Есть следы угля на полу. Вышел тем же путем. Шел в носках, ботинки надел уже на улице. Дальше след теряется, собака не берет. Убийство произошло не с целью грабежа: бумажник, в котором крупная сумма, лежит на ночном столике. Сейчас прибудет врач из соседнего округа.

— Почему не Малинда?

Морранс усмехнулся.

— Малинда отколол номер! В субботу уехал с женой в Компьень. Вчера вечером в Сен-Дени у самого комиссариата смял крыло полицейской машине. Когда составляли протокол, обругал инспектора скотиной и отказался предъявить документы. Они его задержали до утра. Сегодня позвонили, и я подтвердил, что он наш сотрудник. Обещали отпустить.

— Ладно!

Дебрэ подошел к кровати. Фотограф делал снимки. Убитый лежал на боку. На вид ему было лет 35. Несмотря на раздробленный висок, у него было безмятежное выражение лица, какое бывает у человека, убитого во сне.

— Все, комиссар! — сказал фотограф.— Двенадцать снимков.

— Хорошо.

Дебрэ приподнял одеяло. Убитый был совершенно гол. Тренированное, загорелое тело спортсмена, все мышцы расслаблены. Смерть наступила мгновенно, даже не проснулся.

— Так...— Дебрэ вновь накинул на него одеяло.— Кто обнаружил труп?

— Огюстен, дворецкий.

— Когда?

— В девять часов утра. Он всегда в это время приносит кофе.

— Кто сообщил в полицию?

— Он же.

— Когда?

— В пять минут десятого.

— Удар был нанесен этой штукой?

— Совершенно верно! Мы ее пока не трогали, могут быть отпечатки пальцев.

— Едва ли. Человек, идущий на преступление, сняв ботинки, редко забывает надеть перчатки. Все же проверить нужно.

Дюка опрыскал оружие убийства фиксатором и поднял, держа за лезвие рукой, обернутой платком.

— А ну, покажи-ка.— Дебрэ подошел поближе и взглянул на серебряную табличку, украшавшую рукоятку.— Что это такое?

— Серебряный ледоруб,— ответил Дюка.— Высшая награда ассоциации альпинистов. Преподнесена убитому два года назад.

— Позови Огюстена,— обратился Дебрэ к Моррансу.

Дебрэ помнил Огюстена еще с той ночи. Это он сопровождал комиссара по всему особняку. Сейчас у дворецкого был совсем перепуганный вид. Дебрэ предложил ему сесть. Дюка, Морранс и Стрелкина отошли к окну.

— Когда вы поступили в этот дом? — задал вопрос Дебрэ.

— Пятнадцать лет назад. Тогда еще были живы старые господа, а месье Леон и месье Пьер учились.

— Кто такой месье Пьер?

— Брат... покойного... месье Леона.— Дворецкий взглянул на кровать и снова опустил глаза.

— Месье Пьер живет тут?

— Да.

— Кто еще живет в доме?

— Мадам. Жена... месье Леона.

— Кто еще?

— Камилла, горничная мадам Костаген.

— А остальная прислуга?

— Шофер, кухарка и еще одна горничная, но они проходящие.

— У кого из прислуги есть ключи от входных дверей?

— Только у меня и у Камиллы.

— Кто запирает двери на ночь?

— Я.

- Сколько дверей?
- Три.
- А дверь от угольного подвала?
- Она никогда не запиралась.
- Почему?
- Попасть из подвала в дом посторонний человек не может, пройти можно только через потайной ход.
- Это тот ход, который вы мне показывали, когда я искал бомбу?
- Тот самый.
- В котором часу месье Леон вчера вернулся домой?
- Он вчера вообще не выходил из дому.
- А месье Пьер?
- Тоже.
- Когда вы заперли двери?
- В десять часов.
- Мадам Костаген тоже была дома?
- Нет. Она вернулась около одиннадцати.
- Она сама открыла дверь?
- Ключ был вставлен изнутри, и она позвонила. Я ей открыл.
- Когда вы легли спать?
- Сразу после этого.
- Ночью вы ничего не слышали?
- Нет.
- Где расположена ваша комната?
- В первом этаже.
- А комната Камиллы?
- Рядом с моей.
- Во сколько вы сегодня встали?
- В восемь часов. В это время обычно приходит прислуга.
- Через какую дверь они входят?
- Ту, которая ведет со двора.
- Она была утром заперта?
- Да.
- А остальные двери?
- Тоже.
- Прислуге известно о существовании потайного хода из угольного подвала?
- Нет, неизвестно.
- Итак, вы впустили прислугу. Что вы делали дальше?

— Сварил месье Леону кофе.
— Почему не кухарка?
— Я всегда это делаю сам.
— Когда вы отнесли кофе наверх?
— В девять часов. В это время я обычно бужу месье Леона. Я постучал в дверь, он не ответил. Тогда я вошел и увидел...

Дворецкий вытащил из кармана платок и приложил к глазам.

Дебрэ подождал, пока он немного успокоится, и задал новый вопрос:

— Что вы сделали после того, как увидели труп?
— Побежал сообщить мадам Костаген.
— Где находится ее комната?
— Рядом.
— Эта дверь ведет к ней?
— Да.
— Значит, вы не побежали, а просто вошли через эту дверь?

— Нет, эта дверь всегда заперта.

— Вот как? И давно?

— Больше года.

— Как реагировала мадам Костаген на смерть мужа?

— Она... Мне не сразу удалось ее разбудить... Она часто принимает снотворное и... Я решил, что лучше сразу сообщу в полицию, а потом уже...

— Месье Леон всегда спал без пижамы?

— Да, с детства.

— Вам знакома эта вещь? — Дебрэ указал на ледоруб.

— Да, это приз, который получил месье Леон.

— Где он обычно находился?

— Кто?

— Этот приз.

— Вон там, над каминной полкой.

Дебрэ подошел к камину, на котором красовалось несколько кубков. Все они, как явствовало из выгравированных надписей, были получены Леоном Костагеном за различные спортивные достижения.

В это время в комнату вошел маленький толстый человек с чемоданчиком в руке.

— Комиссар Дебрэ? Доктор Жаневье. Дело в том, что меня просили заменить доктора Малинду.

— Пожалуйста, вот труп.

Доктор Жаневье занялся покойником.

— Вот что, мальчики,— обратился Дебрэ к инспекторам,— допросите приходящую прислугу. Остальными я займусь сам. А вы, Огюстен, свободны.

— Мне можно остаться с вами? — спросила Стрелкина.

— Ну что ж, оставайтесь.

Тем временем врач закончил осмотр и вытер руки бумажной салфеткой, извлеченной из чемоданчика.

— Когда наступила смерть? — спросил Дебрэ.

— Десять—двенадцать часов назад. Точнее это можно будет сказать после вскрытия.

Дебрэ взглянул на часы. Было десять часов тридцать минут утра. Итак, убийство произошло вчера вечером.

5. Луиза Костаген

Дебрэ пришлось дважды постучать, прежде чем за дверью комнаты мадам Костаген раздался слабый голос, приглашавший войти.

Да, это была она, все в том же пеньюаре. Она полулежала в глубоком кресле.

— Комиссар Дебрэ, мадам.— Он показал свой жетон.— А это моя помощница, мадам... э-э-э... Зоя.

Стрелкина поклонилась.

Хозяйка поморщилась и небрежным жестом предложила им сесть.

— Я буду вынужден задать вам несколько вопросов.

Она даже не удостоила его ответом. Только пожала плечами.

— Мое присутствие не помешает? — неожиданно раздался голос.

Дебрэ оглянулся и невольно вздрогнул. В старинном вольтеровском кресле у камина сидел убитый Леон Костаген. Ошибки быть не могло. Это было то же волевое лицо с чеканным профилем и густыми каштановыми волосами, спадавшими на лоб.

Двойник убитого с трудом поднялся, и тут Дебрэ увидел, что голова покоится на туловище горбатого карлика.

— Месье Пьер?

— Совершенно верно, комиссар,— в его голосе звучала горькая насмешка.— Пьер Костаген, брат Леона.

— Я бы предпочел поговорить с вами отдельно,— сказал Дебрэ,— а пока...

— Понимаю. Извините, Луиза, но мне придется на время вас покинуть...

Дебрэ вновь почудилась в его голосе насмешка. Он подождал, пока за Пьером закрылась дверь, и обратился к Луизе:

— Я понимаю, мадам, ваше горе, но в интересах следствия...

— Нельзя ли обойтись без вступления?

— Как вам будет угодно.

Дебрэ поглядел на туалетный столик, где среди многочисленных баночек и флаконов лежал медицинский шприц.

— Итак, первый вопрос: с какого времени вы прибегаете к наркотикам?

Луиза встала и убрала шприц в ящик.

— Это вас не касается, комиссар, и к следствию не имеет никакого отношения.

— Допустим,— согласился Дебрэ.— Сейчас я не буду настаивать на ответе. Тогда другой вопрос: когда вы вчера вернулись домой?

Она снова пожала плечами.

— Точно не помню. Кажется, около десяти.

— Вы виделись с мужем вчера вечером?

— Нет.

— Прошли сразу к себе в комнату?

— Да.

— И легли спать?

— Да.

— Вы крепко спите?

— Да.

— Морфий?

— Снотворное.

Луиза, не вставая, взяла со столика коробку с люминалом и швырнула на колени Дебрэ.

— Значит, вы ночью ничего не слышали?

— Нет.

— Где вы провели вечер?

— Это вас не касается.

— И все же?..

— Ужинала в ресторане.

- С кем?
- Не имеет значения. Ну, хотя бы с любовником.
- На чем вы приехали домой?
- На такси.
- А почему вас не подвез на своем «понтиаке» Жан Пьебеф?

Луиза побледнела и закусила губу.

— Ах, вы и это знаете?! Что ж, ничего другого от полицейской ищейки ждать не приходится! Так вот, комиссар, больше ни на один ваш вопрос я отвечать не стану. Прошу оставить меня в покое.

— И все же я вынужден вам задать еще один вопрос: кто ведет денежные дела вашей семьи?

— Мэтр Севаль. Все?

— Пока все, мадам.— Дебрэ встал, вежливо поклонился, пропустил вперед Стрелкину и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Теперь вы приметесь за Пьера?—спросила Стрелкина.

— Пожалуй, это преждевременно. Сейчас меня больше интересует Камилла, горничная мадам Костаген.

6. Снова красный «Понтиак»

Трудно было предположить, что такая женщина, как Луиза Костаген, выберет себе в горничные древнюю старуху, к тому же весьма неопрятного вида. Маленькие злобные глаза Камиллы поочередно буравили Дебрэ и Стрелкину.

— Что вам от меня нужно?

— Каковы ваши обязанности в этом доме?

— Прибираю в комнате госпожи.

— И, надеюсь, пользуетесь ее полным доверием?

Старуха фыркнула.

— Доверием?! А как вы думаете, если я живу в этом доме уже тридцать пять лет? Нет уж, комиссар, спросите что-нибудь поумнее.

— Итак, вы живете тут тридцать пять лет. Значит, вы поступили еще до рождения нынешних хозяев?

— Я была кормилицей Пьера и Леона.

— Они близнецы?

— Близнецы.

— А когда же Пьер получил увечье?

— Пяти месяцев от роду.

— При каких обстоятельствах?

Камилла извлекла из кармана передника клетчатый платок и громко высморкалась.

— Много знать хотите, комиссар.

— Вы обязаны отвечать на мои вопросы.

— Ишь какой! Молоды вы меня стращать!

Дебрэ усмехнулся. До чего же относительно наши понятия о возрасте. Вот этой старухе он, шестидесятипятилетний полицейский, кажется юнцом. Впрочем, обстоятельства увечья были ему ясны. Судя по всему, невольной виновницей была сама Камилла. Пятимесячному ребенку выскользнуть из рук кормилицы не так уж сложно. Естественно, что она не хочет об этом говорить. И так, видимо, постоянные укоры совести не дают ей покоя.

— Хорошо,— примирительно сказал Дебрэ,— не будем ворошить старое.

— Вот так-то лучше.

— Какие были отношения между братьями? Они никогда не ссорились?

— Ссорились?! Вот уж дурацкий вопрос! Да они души не чаяли друг в друге, Пьер и Леон! Всю жизнь, с самого рождения.

— Так...— Дебрэ машинально вынул из кармана трубку.

— А у нас тут не курят!— раздраженно сказала Камилла.— Если невтерпех, выйдите во двор.

Дебрэ повертел трубку в руках и спрятал в карман.

— Вы не замечали, чтобы между мадам Костаген и мужем были какие-нибудь ссоры?

— Я в чужие дела нос не сую.

— Принимала ли мадам Костаген здесь, в доме, своих знакомых?

— Нет.

— А сама часто уезжала?

— Когда надо, тогда и уезжала.

— Каждый день?

— Не знаю.

— Когда вы вчера легли спать?

— Вечером, а когда точно — не помню.

— Вы крепко спите?

— Как когда.

— Сегодня ночью вы ничего не слышали?

— Слышала.

— Что именно?

— Как храпит Огюстен. Эта старая перечница...

— Ладно.— Дебрэ встал.— Я вижу, вы преданная горничная. Ну что ж, может, нам еще придется побеседовать.

— Из этой старухи много не вытянешь,— сказала Стрелкина, когда они снова поднялись на второй этаж.

— Ошибаетесь,— буркнул Дебрэ.— Я считаю, что она нам сообщила очень важные подробности.

— Какие?

Дебрэ не ответил.

Труп уже увезли на вскрытие. В комнате убитого был один Морранс.

— Ну как? — спросил Дебрэ.

— Вся приходящая прислуга допрошена. Видимо, у всех есть достаточно убедительное алиби. Сейчас Дюка все это проверяет.

— Отлично! Мы едем в полицию.

— Как?! Разве вы не будете допрашивать Пьера Костагена? — удивилась Стрелкина.

— Вызвать такси? — спросил Морранс.

Дебрэ поморщился. Он очень редко пользовался казенной машиной, только в исключительных случаях, когда за рулем сидел кто-нибудь из инспекторов. Сам он так и не научился управлять автомобилем. Что же касается расходов на такси, то каждый из нас с приближением пенсионного возраста становится немного скуповатым, не правда ли? Поэтому привыкший к причудам шефа Морранс не удивился, когда комиссар раздраженно заявил, что поедут они в автобусе.

Однако сегодня судьба уготовила им другой вид транспорта. Они прошли под морозящим дождем с полквартала, когда Дебрэ заметил на углу съезжившуюся фигурку Пьера Костагена. Горбун кого-то поджидал и явно нервничал. Он поминутно поглядывал на часы, раздраженно топая ногой.

Дебрэ молча увлек своих спутников в ближайший подъезд.

— Что-нибудь случилось, комиссар? — спросил Морранс.

— Нет, но, вероятно, сейчас случится.

Вскоре в конце улицы показался красный «понтиак», идущий на большой скорости. Он поравнялся с Пьером

Костагеном и резко остановился. Человек за рулем опустил стекло. Пьер бросился к машине.

— Пойдем! — сказал Дебрэ.

Пьер был настолько поглощен разговором с человеком за рулем, что вздрогнул, когда Дебрэ сказал:

— Отвратительная погода для прогулок, месье Костаген, не так ли?

Пьер состроил гримасу, многозначительно взглянул на водителя «понтиака» и, не говоря ни слова, направился к дому.

Дебрэ открыл дверцу машины.

— Месье Жан Пьебеф, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам.

— Садись-ка за руль, — обратился Дебрэ к Моррансу, — а мы сядем сзади.

— Что это за шутки?! — спросил огорошенный Пьебеф.

Дебрэ показал ему свой полицейский жетон.

— Вы арестованы!

— За что?!

— Вот об этом мы с вами поговорим в полиции.

7. Дебрэ отправляется завтракать

— Проведи его в арестантскую, малыш, и хорошенько обыщи машину, а я пока займусь другими делами.

Дебрэ поднялся в кабинет, повесил промокшее пальто на гвоздь и закурил.

Стрелкина уселась за свой столик. Она с каким-то благоговейным трепетом уставилась на комиссара, окутанного клубами дыма. Наконец-то начался настоящий детектив в духе Сименона. Прошло минут десять, прежде чем она решилась обратиться к комиссару:

— Вы подозреваете этого Пьебефа в убийстве?

Дебрэ поморщился. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь прерывал ход его мыслей.

— Как вы сказали? — переспросил он. — Подозреваю в убийстве?

— Да.

— В убийстве Леона Костагена?

— Конечно, кого же еще?

— Вот уж чепуха! Никакого отношения к убийству Леона Костагена он не имеет. Это же абсолютно ясно!

— Но почему?

— Человек, проникший в чужой дом, чтобы совершить убийство, всегда приносит оружие с собой, а не пользуется для этой цели первым попавшимся предметом, взятым в комнате убитого.

— Зачем же вы тогда арестовали Пьебефа?

— Для получения дополнительных данных.

Дебрэ взял телефонный справочник и начал листать, показывая этим, что урок основ криминалистики на сегодня закончен.

В кабинет вошел Морранс. Дебрэ поднял голову.

— Ну что, малыш?

— Парень, видно, напуган, но держится вызывающе. Говорит, что будет жаловаться на незаконный арест. А вот что я нашел в машине под сиденьем.— Морранс протянул комиссару футляр из крокодиловой кожи.

— Так...— Дебрэ осмотрел содержимое футляра и спрятал его в стол.— Еще какие новости?

— Лаборатория не нашла отпечатков пальцев на ледорубе. Очевидно, преступник действовал в перчатках.

— Разумеется. Что показало вскрытие?

— Убийство произошло между десятью и одиннадцатью часами вечера. В желудке убитого обнаружено большое количество коньяка.

— Вот как? — Дебрэ задумался.— Насколько я помню, в комнате не было ничего похожего на спиртное.

— Совершенно верно, комиссар.

— Где сейчас труп?

— Выдан родственникам для погребения.

— Ладно, можешь пока идти.

— Вы будете допрашивать Пьебефа?

— Потом. В свое время.

Несколько минут Дебрэ молча глядел на Стрелкину, что-то обдумывая. Потом придвинул к себе телефон внутренней связи.

— Доктора Малинду!

— Слушаю! — раздался в трубке низкий баритон.

— Говорит Дебрэ. Зайдите ко мне, пожалуйста!

Доктору Малинде было сорок лет. Он обладал веселым характером, незаурядной внешностью и непререкаемо авторитетным тоном. Как известно, все это привлекает женщин. Недаром мадам Дебрэ считала его

непогрешимым авторитетом в области медицины. Да и не только медицины. Все суждения молодого врача всегда отличались ясностью и оптимизмом. Он вошел в кабинет Дебрэ с несколько смущенной улыбкой.

— Добрый день, комиссар! Прошу извинить меня за эту глупейшую историю. Вы же знаете лучше меня этих полицейских чиновников. Должен сознаться, что нам с женой пришлось провести ночь в не очень комфортабельных условиях. И все из-за какого-то помятого крыла полицейской машины. Вы знаете, я редко теряю самообладание, но этот идиот инспектор совершенно вывел меня из себя. Впрочем, нет худа без добра. По правде сказать, я даже рад, что не принимал участия в вашем деле.

— Почему?

Малинда замялся.

— Длинная история. В общем, моя жена... ведь она дальняя родственница Костагенов. После замужества она с ними не встречалась, и, право, мое появление в их доме при подобной ситуации...

— Понимаю,— сказал Дебрэ.— Я вас хочу просить о другом.— Он вынул из стола крокодиловый футляр.— Не могли бы вы определить содержимое этих ампул?

— Попробую.— Малинда внимательно осмотрел футляр снаружи и изнутри.— Это тоже связано с убийством Леона?

— Полагаю, что связано. Видимо, эти ампулы должны были быть переданы кому-то из Костагенов.

— Отлично! Я к вам зайду, как только что-нибудь выяснится.

Дебрэ снова взял телефонный справочник. Нашел номер мэтра Севалья, попросил телефонистку соединить его с ним.

Долгое время на звонки никто не отвечал. Потом недовольный голос буркнул в трубку:

— Ну, что там такое?

— Говорит комиссар уголовной полиции Дебрэ.

— Кто вам нужен?

— Мэтр Севаль.

— Это я. Говорите, в чем дело.

— Вам известно об убийстве Леона Костагена?

— Об этом знает весь Париж. Во всяком случае, всякий, кто читает газеты.

— Покойный был вашим клиентом?

- Да.
- Вы могли бы сообщить мне размер его состояния?
- Нет.
- Почему?
- Подобные сведения даются только по решению судебных органов. Вам это должно быть известно, комиссар.
- Я не прошу называть мне точную сумму.
- Тогда что же?
- Скажите только, велико ли это состояние?
- В этом можете не сомневаться.
- Кто его наследует?
- По брачному договору жена.
- А брат?
- Вы имеете в виду месье Пьера?
- Да.
- Он не является наследником. Состояние родителей по завещанию было разделено между двумя братьями.
- А в случае смерти Луизы Костаген кто должен наследовать ее капитал?
- Не знаю. Такие вещи решаются судом.
- Если нет завещания?
- Совершенно верно.
- Благодарю вас, мэтр Севаль! — Дебрэ положил трубку.
- Попросите, пожалуйста, Дюка зайти ко мне, — обратился он к Стрелкиной.
- Доклад Дюка не внес ничего нового. Вся приходящая прислуга имела тщательно проверенное алиби.
- Что вы думаете делать дальше, комиссар? — спросила Стрелкина.
- Съесть пару сандвичей и выпить чашку кофе.
- Я с удовольствием составляю вам компанию.
- Дебрэ про себя чертыхнулся и галантно подал ей пальто.

8. Жан Пьебеф

Дебрэ уже давно достиг того возраста, когда после каждой еды клонит в сон. Инспектора это хорошо знали и обычно давали комиссару подремать часок в кресле. Однако в присутствии практикантки ему приходилось хитрить. Вот и сейчас он, прикрыв глаза,

изображал глубокое раздумье. Разбудил его доктор Малинда, похлопав по плечу.

У разбуженного человека всегда глуповатый вид, совсем не такой, какой пристал прославленному криминалисту, но и врач и практикантка проявили достаточно такта, прикинувшись, что ничего не замечают.

— Простите, что прервал ваши размышления,— сказал Малинда.— Анализ закончен. В ампулах морфий, доза, которую обычно употребляют закоренелые наркоманы. Боюсь, комиссар, что этот футляр предназначался Луизе. Не знаю, известно ли вам, что она...

— Известно,— прервал его Дебрэ. Он взял футляр и спрятал в стол. Чувствовал он себя очень неловко. Было двадцать минут пятого. значит, проспал он не менее двух часов.— Мне это известно,— повторил Дебрэ, закуривая потухшую трубку.— Поэтому я и попросил вас...

— Комиссар! — В голосе Малинды было столько укоризны, что Дебрэ вздрогнул.— А наш уговор?! Поймите, что для вашей язвы табак сущий яд. Нет, видно, мне все же придется прибегнуть к помощи мадам Дебрэ.

— Не надо.— Комиссар спрятал трубку в стол.— Не надо зря волновать мадам Дебрэ. Лучше уж давайте еще один сеанс внушения.

— Никакие сеансы не помогут, если вы сами не будете бороться с этой привычкой. Тем более что завтра утром я уезжаю в отпуск и присматривать за вами будет никому. Нет, нет, мой долг...

— Ну пожалуйста! — Дебрэ умоляюще взглянул на врача.— Я ведь обещаю...

— Что с вами поделаешь! — вздохнул Малинда.— Пойдемте!

Из кабинета Малинды Дебрэ вернулся совсем в скверном настроении. Он втянул ноздрями воздух и демонстративно открыл форточку. Смушенная Стрелкина затушила сигарету.

— Приведи-ка этого парня, Морранс! — крикнул Дебрэ, приоткрыв дверь в комнату инспекторов.

У Жана Пьебефа вид был одновременно наглый и испуганный.

— Я жду объяснений, комиссар!

— Объяснений?! — Дебрэ улыбнулся, что обычно не предвещало для арестованных ничего хорошего.— Объяснений, говоришь?

— Да,— уже менее уверенным тоном произнес Пьебеф.

— Ладно. Так вот, я расследую убийство мужа вашей любовницы.

— Которой? — простодушно спросил Пьебеф.

Стрелкина рассмеялась.

— Луизы Костаген.— Дебрэ неодобрительно взглянул на практикантку.— Леона Костагена, мужа Луизы. Вам что-нибудь говорит это имя?

— Разве муж Луизы убит?

— Да, вчера вечером.

— Очень жаль,— задумчиво произнес Пьебеф.— Бедняжка, вероятно, очень расстроена? Мне кажется, что она любила своего мужа.

— Возможно. Но это не помешало ей стать вашей любовницей.

Пьебеф ухмыльнулся и достал портсигар.

— Разрешите?

— Не разрешаю.— Дебрэ и впрямь теперь чувствовал отвращение к табачному дыму.— Когда Луиза стала вашей любовницей?

— Да что вы, комиссар! Никогда она моей любовницей не была. Сказать по правде, такая женщина вообще не в моем вкусе. Слишком тонка, на мой взгляд.— Он поглядел на Стрелкину и подмигнул ей.— Я люблю, чтобы были такие формы, как у мадам.

Дебрэ нахмурился.

— Послушайте, Пьебеф. Я вам уже сказал, что речь идет об убийстве. Мне нужны честные показания. В этом случае я готов не обращать внимания на некоторые обстоятельства, которыми обычно полиция не пренебрегает. В частности, обещаю не спрашивать, откуда под сиденьем вашей машины появилась эта штука.— Дебрэ извлек из стола крокодиловый футляр.— Итак, выбирайте: либо полная откровенность, либо адреса, где вы приобретаете наркотики.

Пьебеф побледнел. От его прежней самоуверенности не осталось и следа.

— Ну что ж, комиссар, давайте говорить откровенно.

— Сколько времени вы знакомы с Луизой Костаген?

— Два года.

— Она была вашей любовницей?

— Я же сказал, что не была, можете мне верить.

— Вы ее снабжали морфием?

- Как вам сказать?.. Ну, снабжал.
- Когда вы ее видели в последний раз?
- В субботу.
- Где?
- В кабачке «Голова вепря».
- Она вам назначила свидание?
- Да.
- Вы ей привезли морфий?
- Нет.
- Почему?
- У меня его не было. Не достал.
- Вы условились встретиться в другой раз?
- Нет, она сказала, что больше ей морфий не нужен.
- Она объяснила, почему не нужен?
- Решила бросить.
- Чем было вызвано это решение?
- Не знаю, она мне не сказала.
- Вы ее отвезли домой?
- Да.
- В воскресенье вы с ней виделись?
- Нет.
- Где вы были в воскресенье вечером?
- В котором часу?
- Между десятью и одиннадцатью.
- В радиостудии. Вел передачу, спортивный обзор за неделю.
- Когда началась передача?
- Ровно в десять.
- Когда окончилась?
- Около одиннадцати.
- Что вы делали потом?
- Ждал конца передач.
- Зачем?
- Ну... пока освободится моя подружка, дикторша.
- Как ее фамилия?
- Мишу. Эмма Мишу.
- Вы ночевали у нее?
- Да.
- В котором часу вернулись домой?
- Около девяти утра. Эмма в восемь ушла на работу.
- Когда вам позвонил Пьер Костаген?
- Вскоре.
- Что он вам сказал?

— Он сказал, что Луиза очень расстроена и что...
— Ей нужен морфий?
— Да.
— И назначил вам свидание на углу?
— Да.
— Вы с ним раньше встречались?
— Нет.
— Откуда он узнал ваш телефон и то, что вы снабжаете Луизу морфием?
— Не знаю. Может быть, ему сказала Луиза.
Дебрэ откинулся на спинку кресла.
— Вероятно, вы не врете, Пьебеф. Впрочем, все ваши показания мы проверим. Остается выяснить одно: в субботу вечером у вас не было морфия, а в понедельник утром оказался. Где вы его взяли?
— Комиссар! — Пьебеф развел руками. — Вы же обещали! Вот и верь после этого...
— Хорошо. — Дебрэ встал. — Я всегда держу слово, но предупреждаю, если вы еще раз попадетесь...
— Я тоже держу слово. Верьте мне, что с этим покончено навсегда. Я ведь хотел только помочь этой даме.
Дебрэ усмехнулся.
— Будем надеяться, Пьебеф, что это так.
— Я могу быть свободным?
— Не раньше вечера. Нам еще нужно проверить ваше алиби в деле об убийстве.
— Мерзкий тип! — воскликнула Стрелкина, когда Морранс увел арестованного.
— Еще не самый мерзкий во всей этой истории, — задумчиво сказал Дебрэ.
Он надел пальто и сунул во внутренний карман пиджака футляр с морфием.
— Вы уезжаете? — спросила Стрелкина.
— Да. Сейчас самое время допросить Пьера Костана. Только я думаю, что мне это лучше сделать без вас. А вы пока попросите Морранса проверить на радио все, что касается алиби Пьебефа.

9. Повод для размышлений

Дебрэ пришлось долго звонить, пока не приоткрылась окованная медью дубовая дверь и старческий голос спросил:

— Кто там?

— Полиция.

— Ах, это вы, комиссар! Сейчас минутку, я сниму цепочку.

Дверь снова прикрылась. Раздался звук снимаемой цепи, а затем в проеме возникла сгорбленная фигура Огюстена.

— Извините, комиссар, но я теперь закрываю на все запоры, тем более что, кроме меня, в доме никого нет.

— Где же ваши хозяева?

— Уехали в Понтуаз, в свое поместье. Там ведь семейный склеп Костагенов. Мадам пожелала, чтобы месье Леона перевезли туда.

— Когда будут похороны?

— Завтра.

— И мадам с месье Пьером вернутся в Париж?

— Да, завтра к вечеру.

Дебрэ задумался. Ему очень не хотелось откладывать допрос Пьера Костагена. Кто знает, что может произойти за сутки? Полицейский, ведущий расследование, всегда выбирает наиболее подходящий психологический момент для допроса. В этом главное его преимущество. Кроме того, Дебрэ интересовали кое-какие подробности, от которых зависел весь дальнейший ход следствия. Впрочем, это можно было выяснить и в отсутствие хозяев.

— Мне нужно еще раз осмотреть комнату убитого.

— Пожалуйста, комиссар,— дворецкий посторонился, давая Дебрэ пройти.

В спальне Леона Костагена все оставалось нетронутым. Даже подушка с засохшей кровью хранила след головы убитого.

— Ваш инспектор велел тут ничего не убирать,— пояснил дворецкий.

«Молодчина Морранс! — подумал Дебрэ. — Из этого мальчика со временем выйдет толковый криминалист».

— Хорошо.— Дебрэ сел в кресло у стола.— Я произведу осмотр. Когда вы понадобится, я вас вызову.

— Как вам угодно. Вот звонок.

Еще некоторое время после ухода дворецкого Дебрэ сидел в кресле, собираясь с мыслями. Итак, первая деталь: в желудке убитого обнаружен алкоголь. Судя по тому, что в крови его было совсем немного, Леон пил незадолго до смерти. Должны же быть где-то бутылка

и стакан. Ну хотя бы бутылка, если предположить, что он пил прямо из горлышка.

Дебрэ тщательно простучал стены в поисках замаскированного бара, но ничего не обнаружил. Исследование камина тоже не дало результатов.

Видимо, Леон пил не у себя в комнате. Но тогда спрашивается — где? Из дома в этот день он не выходил. Следовательно, есть три варианта: либо в столовой или библиотеке, либо у брата, либо у жены. Первый вариант легко поддается проверке, нужно только допросить Огюстена. Но странно было бы, если бы спортсмен, уделяющий столько внимания тренировкам, стал ни с того ни с сего глушить коньяк стаканами. Значит, к этому были какие-то причины. Может быть, сильное волнение, вызванное разговором с братом или женой. Однако, если верить Луизе, она вечером не виделась с мужем. Гм... если верить.

Дебрэ подошел к запертой двери, ведущей в спальню мадам Костаген. Человеку, проработавшему сорок лет в полиции, не так уж трудно открыть простой дверной замок.

Ничего спиртного в комнате Луизы не оказалось. Впрочем, бутылку могли уже убрать. Дебрэ открыл ящик туалетного столика, куда Луиза утром спрятала шприц. Он все еще находился там, а рядом — точно такой же футляр из крокодиловой кожи, какой Пьебеф собирался передать Пьеру Костагену. Дебрэ сличил содержимое обоих футляров. Сомнений быть не могло, ампулы того же размера, только в футляре Луизы оставалась всего одна, тогда как тот, что был изъят у Пьебефа, содержал двенадцать штук.

Дебрэ положил футляр Луизы на место, вернулся в комнату Леона и снова запер дверь.

«Ну что ж, — подумал Дебрэ, — приступим к проверке следующих вариантов».

— Вот что, Огюстен, — сказал он, когда явился вызванный звонком дворецкий, — где у вас в доме бар?

— Один в библиотеке, другой в столовой.

— Мне нужно их осмотреть.

— Пожалуйста, комиссар.

Содержимому обоих баров мог бы позавидовать самый тонкий ценитель спиртного, однако, к удивлению Дебрэ, ни одна бутылка не была откупорена.

— У вас что, никто не пьет?

Огюстен пожал плечами.

— Месье Леон не пил, мадам тоже, а гостей у нас не бывает.

— Вот как? Ну, а месье Пьер?

— У месье Пьера свой бар.

У Дебрэ непроизвольно напряглись все мышцы. Это с ним бывало всегда, когда наконец появлялся верный след.

— Проведите меня в комнату месье Пьера,— сказал он тоном, не допускающим возражений.

Долгая практика научила Дебрэ с первого взгляда определять по виду комнаты характер ее владельца. Но тут он остановился в недоумении. Вся обстановка напоминала скорее будуар кокетки, чем жилище холостяка. Старинная двуспальная кровать в глубоком алькове, освещаемом причудливым светильником, множество зеркал, туалетный столик, уставленный всевозможными косметическими принадлежностями, небрежно брошенный на спинку кресла японский халат, потолок, расписанный картинами фривольного содержания,— все это совершенно не гармонировало с обликом жалкого горбуна, каким оставался Пьер в памяти комиссара.

— Вот бар,— сказал Огюстен,— только, мне кажется, он всегда заперт.

Дебрэ подошел к небольшому шкафу черного дерева, украшенному фигурками из слоновой кости. Он поколдовал над дверцей, и она распахнулась.

Среди множества початых бутылок там была опорожненная бутылка старого коньяка и два стакана, из которых, судя по всему, недавно пили.

Дебрэ хотел было уже захлопнуть дверцу, но его пальцы нащупали на ее внутренней стороне странный выступ. Он нажал на него пальцем.

Тонкая стенка опустилась вниз, открыв фотографию обнаженной Луизы Костаген.

10. Неожиданный поворот событий

Человеку, расследующему преступление, часто приходится искать внутреннюю связь между фактами, казалось бы, внешне несопоставимыми. Дебрэ в таких случаях любил сгруппировать данные, в которых в первую очередь нужно было исключить противоречия.

Вот и теперь, взяв лист бумаги, он нанес на него все, что подлежало анализу:

Криминалистические данные

1. Предупреждение по телефону о готовящемся покушении.
2. Убийца проникает через угольный подвал.
3. Убийце известен потайной ход.
4. Убийца пользуется ледорубом, взятым в комнате Леона, а не приносит с собой оружие.
5. Подтверждение алиби Пьебефа.
6. Подтверждение алиби приходящей прислуги.
7. Убийца не взял бумажник Леона.
8. Подтверждено лабораторией, что отпечатки пальцев на одном из стаканов в баре Пьера принадлежат Леону.

Данные о семье Костагенов

1. Запертая дверь между спальнями супругов (в течение года).
2. Пьебеф снабжает Луизу морфием.
3. Луиза принимает решение не пользоваться больше услугами Пьебефа.
4. Пьер заказывает Пьебефу морфий для Луизы.
5. Пьебеф считает, что Луиза любила мужа.
6. Фотография Луизы у Пьера.
7. Камилла утверждает, что братья были очень дружны.
8. Леон перед смертью пьет коньяк с Пьером.
9. Пьер не наследует состояние Леона.
10. Луиза берет себе в горничные Камиллу, виновницу увечья Пьера.
11. Пьер очень заботится о своей внешности (косметика).

Любой полицейский инспектор сосредоточил бы свое внимание на левой колонке, где содержалось все, что непосредственно относится к убийству. Однако Дебрэ больше привлекала правая. Там были свои психологические противоречия, а комиссара в первую очередь интересовала загадочная жизнь обитателей старинного особняка. В их отношениях чувствовалась какая-то

скрытая трагедия, которая, быть может, и служила ключом к разгадке преступления.

Более двух часов под восхищенным взглядом Стрелкиной он изучал обе колонки. Затем сунул исписанный лист в карман и молча надел пальто.

— Вы уезжаете домой? — спросила практикантка.

— Да, — буркнул Дебрэ и направился к двери.

На набережной он остановил проезжавшее такси.

Забившись в угол машины, он попытался представить себе загадочные взаимоотношения этих трех людей. Красавец Леон, спортсмен и наверняка кумир многих женщин, наркоманка Луиза, жалкий калека Пьер. Вот они собираются на обед в столовой, обставленной старинной дубовой мебелью. О чем они разговаривают за обедом? И разговаривают ли вообще? Может быть, просто молча отбывают эту тягостную обязанность, пока им прислуживает Огюстен, такой же древний, как и весь особняк, а потом расходятся по своим комнатам? Как проводят вечер? В доме нет ни радио, ни телевизора. У книг в библиотеке такой вид, будто ими давно никто не пользуется. Луиза часто уезжает к каким-то знакомым, Леон в спортивный клуб. Остается один Пьер наедине со своим баром и потайным ящиком с фотографией нагой Луизы. Кстати, как она к нему попала? Подобные сувениры дарят только любовнику, но невозможно предположить, чтобы такая женщина...

— Приехали, комиссар!

Дебрэ поморщился. Очень трудно работать, когда каждый таксист знает тебя в лицо.

В 9 часов вечера Дебрэ занял наблюдательный пункт в сквере напротив особняка Костагенов.

Ждать ему пришлось недолго. Вскоре к дому подъехал черный «панхард», из которого вышли Пьер и Луиза в сопровождении Камиллы. Они вошли в дом, а шофер отвел машину в гараж.

В особняке осветилось несколько окон, но тут же плотные шторы скрыли от Дебрэ все, что за ними происходит.

Моросил дождь, но Дебрэ не покидал поста, пытаясь разгадать, что творится сейчас в доме. Подсознательно он чувствовал тревогу. Ему казалось, что смерть еще не собрала там всей жатвы...

Вернулся домой он мокрый и продрогший.

Мадам Дебрэ уже спала.

Дебрэ скинул с себя промокшую одежду, налил ванну и с наслаждением погрузился в горячую воду.

Перед тем как лечь в постель, комиссар долго разглядывал лист с данными следствия. Последняя запись, которую он там сделал, прежде чем потушить свет, гласила:

Оформить ордер на арест Пьера Костагена!

...Мадам Дебрэ не даром была женой комиссара уголовной полиции. Встав утром, чтобы приготовить диетический завтрак мужу, она быстро оценила ситуацию вчерашнего вечера. Грязное белье на полу в ванной и нетронутый ужин свидетельствовали о тяжелом дне, который выпал на долю комиссара. Поэтому она решила дать ему выспаться и выключила звонок будильника.

Все же выспаться Дебрэ не удалось. В начале девятого у него над ухом зазвонил телефон. Взмолванный голос Морранса сообщил, что убит Пьер Костаген. Машина с Дюка вышла за комиссаром. Все остальные уже на месте преступления.

Дебрэ выругался и начал торопливо одеваться. Спустя несколько минут он надевал в передней еще не просохшее за ночь пальто и шляпу.

Дюка в машине уже ожидал у подъезда. Дебрэ плюхнулся рядом с ним на сиденье.

— А ну, малыш, гони вовсю!

В комнате убитого было много народа. Пьер Костаген сидел в кресле, уставившись остекленевшими глазами на фотографию Луизы. Распухший язык вывалился изо рта, отчего казалось, что покойник дразнит свою прелестную невестку. Шея его была обмотана шелковым шарфом, скрученным наподобие веревки. У ног убитого рыдала Камилла. Фотограф устанавливал треногу аппарата, выбирая наиболее выгодный ракурс. В углу на стуле сидел обезумевший от горя Огюстен.

Морранс прервал разговор с молодым человеком в элегантном сером костюме и подошел к Дебрэ.

— Мы ничего не трогали до вашего приезда.

— А это кто?

— Доктор Гойяр. Он со вчерашнего дня заменяет Малинду.

Молодой человек в сером почтительно поклонился.

В это время кто-то сзади тронул Дебрэ за локоть.

— Какой ужас, комиссар! — По щекам Стрелкиной катились слезы. — Не пощадили даже калеку!

— А, и вы здесь, — сказал Дебрэ без особого энтузиазма.

— А как же? — Стрелкина обиженно поджала губы. — Ведь у нас была договоренность...

— Ладно! — Дебрэ терпеть не мог женских обид и слез. — Оставайтесь, если вам нравится. Прошу вас, доктор, начинайте.

Врач снял с шеи убитого шелковый жгут и внимательно осмотрел кровоподтеки, затем через лупу исследовал глаза и обратился к Дебрэ:

— Задушен вчера вечером.

Дебрэ взял в руки шарф, от которого исходил слабый запах духов.

— Кому принадлежит эта вещь, Камилла?

— Кому? — Старуха подняла на Дебрэ полный ненависти взгляд. — Кому же он может принадлежать, как не этой змее, — она ткнула корявым пальцем в фотографию Луизы, — этой волчице, этой... — Громкие рыдания прервали ее тираду.

— Где сейчас мадам Костаген?

— У себя в спальне, — ответил дворецкий. — Я ей сообщил обо всем, но мадам отказалась выйти из комнаты, она сказала... — Огюстен поднес платок к глазам. — Только подумать, что теперь с нами будет!

— Что она сказала, Огюстен?

— Она сказала, что... что в этом доме слишком много покойников... что сейчас она соберет вещи и уедет туда, где никогда больше не услышит проклятую фамилию Костагенов.

— Она не сказала, куда собирается уехать?

— Нет.

— Хорошо! Пойдем, Морранс. — Дебрэ направился к двери.

Стрелкина последовала за ними.

Дебрэ пришлось дважды постучать в дверь, прежде чем за ней прозвучал томный голос Луизы:

— Кто там?

— Комиссар Дебрэ.

— О господи! Оставят меня когда-нибудь в покое?! Подождите, комиссар, я не одета.

Дебрэ выждал несколько минут и постучал снова. Ответа не было. Тогда он открыл дверь.

Луиза лежала в кровати. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что здесь произошло.

— Доктора! — рявкнул Дебрэ.

Стрелкина кинулась выполнять это приказание.

Доктор Гойяр вытащил шприц из руки Луизы, поглядел ей в зрачки и понюхал ампулу, которую она все еще сжимала левой рукой.

— Цианистый калий. Предпринимать что-нибудь уже поздно.

Дебрэ взял со стола крокодиловый футляр. Он был пуст.

Комиссар снял шляпу.

— Пойдем, Морранс. Полиции тут делать больше нечего. Правосудие свершилось!

— Какое правосудие? — спросила Стрелкина.

— Есть Высший Судья. Он ведет счет нашим поступкам и карает без жалости.

— Вера в бога свидетельствует о примитивности мышления, — сказала Стрелкина, строго взглянув из-за толстых окуляров. — Никогда еще никому не удавалось, исходя из идеалистических концепций...

Дебрэ не дослушал ее. Он кивнул врачу и направился к двери.

11. Разные системы, разные точки зрения

На следующее утро Дебрэ был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил отсутствия Стрелкиной. Он испытывал счастливое чувство, какое, вероятно, знакомо только музыканту-виртуозу после удачно прошедшего концерта. Да... там, где требовался тщательный анализ человеческих страстей, комиссар Дебрэ не знал себе равных. Огорчало его только то, что в сухом донесении о раскрытии дела Костагенов придется отказаться от красочного узора, вытканного на психологической канве. Начальство таких вещей не одобряет, а жаль... Сейчас Дебрэ очень хотелось поделиться с кем-нибудь результатами напряженной работы мысли, приведшей его к успеху. Он достал из ящика стола трубку и доверху набил ее своим любимым табаком «Черри бленд». К черту все советы врачей! Доктор Малинда охотится на антилоп где-то в Африке, а инспектора —

надежные ребята, они наверняка не будут доносить на него жене.

— Добрый день, комиссар!

Дебрэ поднял голову. В дверях стояла покрасневшая от быстрой ходьбы Стрелкина.

— Добрый день.

— Вы знаете, какая неприятность?! — Стрелкина сняла пальто и уселась за свой столик. — Я получила телеграмму. Заболел отец, и мне придется ехать домой. Через три часа самолет. Я уже купила билет.

— Крайне сожалею! — вежливо ответил Дебрэ. — Надеюсь, болезнь вашего отца не очень серьезна?

— Трудно сказать, у него больное сердце.

Дебрэ снова набил трубку.

— О, вы опять курите?! — улыбнулась Стрелкина. — Меня это очень радует.

— Вот как? Почему же именно это вас радует?

— Во-первых, это означает, что вас больше не мучат боли в желудке, а во-вторых... — Стрелкина замаялась, — а во-вторых, я хотела оставить вам сувенир. Память о совместной работе. А если бы запрет доктора Малинды действовал по-прежнему, такой подарок был бы, по меньшей мере, бестактностью. А сейчас... — Она вынула из сумочки трубку. — А сейчас как раз кстати.

— Очень тронут вашим вниманием. — Дебрэ взял трубку. — Мне незнакома эта фирма. Что означают три буквы F?

— Это работа Федорова, знаменитого ленинградского мастера. Даже Сименон курит его трубки.

— Еще раз благодарю вас. — Дебрэ знал толк в трубках. С первой же затяжки он почувствовал, что эта — для самого взыскательного курильщика. — Великолепный вкус!

— Рада, что она вам понравилась. Как жаль, что все так неудачно складывается и я вынуждена уехать до того, как эти кошмарные преступления будут раскрыты.

— Вы ошибаетесь, — добродушно усмехнулся Дебрэ. — Они уже раскрыты.

— Неужели?! — Стрелкина даже привстала от волнения. — Умоляю, комиссар, расскажите мне обо всем подробно, это имеет огромное значение для моей диссертации!

— Ну что ж, — Дебрэ откинулся на спинку кресла, стараясь полностью восстановить весь ход рассужде-

ний.—Итак, нам придется начать издалека, когда в семье Костагенов появились на свет два очаровательных близнеца, Пьер и Леон. Казалось, судьба сделала все, чтобы они были счастливы. Но вот в дом вкрадывается первая беда. В пятимесячном возрасте Пьер выскальзывает из рук кормилицы и навсегда остается калекой. Пьер и Леон неразлучны, они вместе играют, учатся, достигают поры возмужания. И все это время перед глазами Пьера — его брат, красивый, удачливый во всем, любимый девушками. Ежечасно Пьер сравнивает себя с Леоном. Что представляет собой он, жалкий, горбатый карлик, рядом с покорителем сердец, спортсменом, молодым светским львом? Немудрено, что душа его озлобляется, и эта злоба переносится на брата. Он никому не выдает своих чувств. Наоборот, пытается создать видимость у всех окружающих, что души не чает в Леоне. И вот Леон женится на Луизе, красивой, очаровательной, но очень легкомысленной девушке. Все трое живут под одной крышей, и у Пьера просыпается страсть к жене своего брата. Тем временем между супругами происходит размолвка. Луиза пристрастилась к наркотикам. Леон, человек спартанских правил, не пьющий даже вина, не может мириться с пороком жены. Она же не в силах отстать от пагубной привычки. Дело фактически доходит до разрыва. Дверь между спальнями супругов заперта, и каждый из них живет своей жизнью. Сходящий с ума от страсти Пьер решает воспользоваться этой ситуацией. Единственный человек, который знает о его чувстве,—Камилла. Ему удастся устроить ее горничной к Луизе. Она же похищает для него интимную фотографию своей госпожи. Вы улавливаете основу конфликта?

— О, еще бы! Продолжайте, прошу вас! — Стрелкина молитвенно сложила руки.—Ведь это так интересно!

— Хорошо,—Дебрэ еще раз набил новую трубку и закурил.—Примерно в это время у Пьера складывается замысел убить брата. Он дьявольски тонко все подготавливает. Сначала звонит в полицию и сообщает о том, что в особняк собираются подложить бомбу.

— Это зачем же? — удивилась Стрелкина.

— По чисто психологическим мотивам. Этим он создает некую видимость угрозы, нависшей над домом извне. Естественно, что после убийства Леона полиция как-то свяжет его с несостоявшимся взрывом и не будет

искать убийцу среди обитателей дома, которые сами случайно избежали опасности. Никто ведь не станет сам себе подкладывать бомбу, не правда ли?

— Конечно! — убежденно сказала Стрелкина. — Ведь если бомба была бы в самом деле подложена...

— В том-то и дело. Дальше он зазывает Леона к себе в комнату и сообщает ему, что у Луизы есть любовник, торговец наркотиками Жан Пьебеф. Это известие ошеломляюще действует на Леона. Он испытывает сложные чувства. Тут и старая любовь к жене, и горечь по поводу ее наркомании, и презрение к сопернику. Пьер отлично учитывает его душевное состояние и предлагает выпить. Леон не привык к алкоголю, он быстро пьянеет. Пьер отводит Леона в его комнату, помогает лечь в постель, выжидает, пока он заснет, и ударом ледоруба раскалывает брату череп. Здесь тоже все предусмотрено, вплоть до перчаток, чтобы не оставить отпечатков пальцев. После этого он снимает ботинки, проходит в одних носках в угольный подвал, возвращается назад, оставляя заметные следы на полу, надевает ботинки и отправляется к себе.

— Ну и гадина! — воскликнула Стрелкина.

— Мало сказать — гадина, это самый хладнокровный и жестокий из всех преступников, с которыми мне приходилось иметь дело. Когда убийство обнаружено, он продолжает плести интригу. Ошеломленная смертью мужа Луиза в порыве откровенности рассказывает ему, что накануне приняла решение не прибегать больше к морфию, чтобы вновь завоевать любовь мужа. Пьебеф сказал правду: она действительно отказалась от его услуг. Пьер понимает, что потрясение, которое перенесла Луиза, вновь толкнет ее к морфию. Пока мы допрашивали мадам Костаген, он позвонил Пьебефу и заказал ему ампулы. С их помощью он надеялся поработить волю несчастной женщины. Вечером они отправляются в Понтуаз на похороны Леона. Еще не засыпана могила брата, а Пьер уже признается Луизе в своей страсти. Ей это кажется кощунством. С негодованием молодая вдова отвергает гнусные притязания горбатого сластолюбца. Тогда у Пьера появляется новый дьявольский план. Если Луиза не может принадлежать ему, она должна умереть. Вернувшись в Париж, он подменяет единственную ампулу в футляре из крокодиловой кожи ампулой с цианистым калием. Расчет очень тонок. Ве-

чером он сообщает ей, что убил Леона, предполагая, что, потрясенная этим известием, она немедленно захочет прибегнуть к морфию и впрыснет себе смертельную дозу яда. Тут уж факт самоубийства не вызовет сомнения даже у самого опытного следователя. Однако он просчитался. Разъяренная Луиза сначала задушила собственным шарфом убийцу мужа и только потом взялась за шприц, желая подбодрить себя перед допросом, на котором, не будь этой злополучной ампулы, она бы, вероятно, чистосердечно обо всем рассказала. Вот и все! Как видите, психологический метод раскрытия преступлений еще раз себя оправдал.

Стрелкина всплеснула руками.

— Изумительно! Какой тонкий психологический рисунок! Ведь это готовый детективный роман, написанный в лучших традициях жанра!

— Еще бы! — самодовольно усмехнулся Дебрэ. Он уже начал проникаться симпатией к этой практикантке, такой скромной и в то же время восторженной. — Думаю, что, когда данные следствия будут обнародованы, многие из писателей возьмутся за эту тему. А вы говорите — фантастика! Ну что бы в этом деле мог добавить фантаст?

— Очень многое, — улыбнулась Стрелкина. — Прежде всего иное решение сюжета. Я уже говорила вам, что фантастике свойственно парадоксальное мышление.

— Какой же тут может быть парадокс?

— Сейчас объясню, — она вынула из сумочки несколько фототелеграмм, исписанных убористым почерком. — Вот здесь — уже готовый сюжет. Я его сегодня получила из Ленинграда.

— Вот как?! — Дебрэ расхохотался. — Быстро же в наши дни работают писатели! Боятесь, как бы не перехватили тему? Может быть, уже запродали новый роман какому-нибудь издательству? Кто же ваш соавтор?

— Нет, комиссар. Я не собираюсь писать роман. Просто материал для диссертации. Что же касается соавтора, то это... электронная машина.

— Так... — Дебрэ испытующе поглядел на Стрелкину. — Значит, вы меня ввели в заблуждение, когда сказали, что не имеете никакого отношения к криминалистике. Я вам поверил, а вы тем временем...

— О нет! Клянусь вам, что все — чистая правда. Машина провела не криминалистический, а литератур-

ный анализ на стыке фантастики и детектива. Вот видите, тут написано: «Решение по обобщенному алгоритму».

— Не понимаю.

— Все очень просто. Каждый писатель имеет свой творческий метод. Именно благодаря ему вы никогда не спутаете, скажем, произведения Сименона и Агаты Кристи. Не правда ли?

— Допустим. Ну и что?

— Однако наряду с этими различиями существуют и некоторые сходные приемы, характерные для всего этого вида литературы в целом. Мне удалось выделить основные методы решения сюжетных задач в детективе. То же самое я проделала и для фантастических произведений. Эти методы, называемые алгоритмами, ввели в оперативную память электронно-вычислительной машины, и теперь она может превращать любые исходные ситуации либо в детективный, либо в фантастический сюжет. Что же касается дела Костагенов, то сюжетное решение было найдено по этим двум алгоритмам сразу. Тройное убийство положено в основу детектива, а разгадка построена на парадоксе — обычный прием в фантастике. Вчера я сообщила по телефону в вычислительный центр университета фактические данные, а сегодня получила готовый сюжет. Повторяю, это не криминалистическое исследование, поэтому пусть вас не удивляет, что разгадка, предложенная машиной, несколько отличается от блестяще проведенного вами расследования. Как-никак ваш метод — это чистый Сименон, а тут — какой-то гибрид.

Дебрэ плохо понял эту литературоведческую лекцию, однако утверждение Стрелкиной, что никто не покушался провести криминалистический анализ на электронной машине и тем самым поставить под сомнение психологический метод, успокоило его.

— Какая же развязка в вашем сюжете? — спросил он скорее из вежливости, чем из любопытства.

Стрелкина смутилась.

— О развязке говорить вряд ли придется, так как машина дала лишь примитивную сюжетную схему. Дело в том, что она... словом, предложен такой вариант, в котором комиссар расследует три убийства, которые он совершил сам.

— Что?! — шея Дебрэ приобрела пунцовый оттенок, глаза, казалось, готовы были выскочить из глазниц. — Что вы сказали?! Да как вы могли позволить себе?!

— Успокойтесь, комиссар! — Стрелкина слегка коснулась пальцами его рукава. — Мы ведь с вами говорим о чисто литературных вариантах темы, которые никак не могут бросить тень на вашу безупречную репутацию. Давайте, если вам угодно, поставим на ваше место литературного героя, хотя бы... комиссара Мегрэ.

— Ну, это другое дело, — облегченно вздохнул Дебрэ, — а то я уж, по правде сказать, думал, что вы...

— Ни в коем случае я бы не посмела ставить под сомнение результаты следствия, — перебила Стрелкина. — Ведь речь идет о том, что можно сделать из этого сюжета.

— Рассказывайте. — Дебрэ откинулся на спинку кресла и набил трубку. — Интересно, что там еще можно выдумать.

— Отлично! Итак, будем прежде всего исходить из психологических портретов, так мастерски нарисованных вами. Они отлично отражают моральный распад паразитической верхушки буржуазного общества.

Дебрэ пытался что-то возразить, но Стрелкина остановила его жестом.

— О, я понимаю, что служба в полиции вас обязывает... Впрочем, речь не об этом. Мне кажется, что в анализе поступков Пьера чувствуется чрезмерное увлечение фрейдизмом. Комплекс неполноценности, либидо и все такое. Не обязательно это должно служить мотивом преступления.

— Тогда что же?

— Хищнические стимулы, свойственные капиталистическому миру.

— Чепуха! — убежденно сказал Дебрэ. — Пьер не мог наследовать капитал Леона.

— Да, но его могла наследовать жена доктора Малинды, видимо, единственная родственница Костагенов.

— Ну и что из этого?

— Из этого вытекает новое сюжетное решение, и выглядит оно так.

Однажды доктор... будем называть его Лолиндой, встретившись в буфете с комиссаром... Мегрэ, незаметно подсыпает ему в кофе слабую дозу яда, достаточную только для того, чтобы вызвать через несколько часов

боль в желудке. Комиссар возвращается к себе в кабинет, а... Лолинда отправляется на Монмартр и под видом неизвестного сообщает о готовящемся покушении в особняке Костагенов. Ему нужно, чтобы комиссар тщательнейшим образом изучил все закоулки этого особняка. Естественно, что Мегрэ там ничего не находит, потому что никакой бомбы нет. Ночью яд начинает действовать, и встревоженная жена комиссара вызывает к нему доктора Лолинду — семейного врача Мегрэ. Лолинда знает, что комиссар страстный курильщик. Он ему запрещает курить, в полной уверенности, что комиссар бросить эту привычку не сможет. На следующий день он застаёт комиссара с трубкой в зубах и уговаривает подвергнуться гипнозу. Во время гипнотического сеанса он внушает Мегрэ план убийства Леона. Леон — лишь первая жертва в той цепи преступлений, которую задумал Лолинда. Поэтому нужно отвести всякие подозрения от обитателей особняка. Ведь если их арестуют, выполнить весь план будет труднее. В соответствии с этим комиссару внушается необходимость пробраться через угольный подвал в одних носках и оставить следы, свидетельствующие, что преступник проник со двора. Преступление совершено точно по плану Лолинды, но комиссар ничего не помнит, так как действовал в состоянии гипнотического транса. Лолинда же в эту ночь обеспечивает себе алиби, смяв крыло полицейской машины. Он с женой во время убийства находится в полицейском участке. Нужно сказать, что Лолинде везет. Он еще не продумал окончательного плана убийства Пьера и Луизы, но удача сама приходит к нему в руки. Мегрэ передает ему на анализ футляр с ампулами, которые Пьер заказал Пьебефу для Луизы. Врач-преступник подменяет одну ампулу ампулой с цианистым калием. В этот день Мегрэ подвергается новому гипнотическому сеансу. Ему внушают, чтобы он проник в комнату Луизы и подменил ампулу, а заодно прихватил там шарф Луизы. Этим шарфом ему предстоит задушить Пьера. Мегрэ послушно отправляется в особняк Костагенов, когда там никого нет, кроме Огюстена...

— Откуда вы знаете?.. Гм... Почему ваша машина предполагает, что Мегрэ поступил именно так? — спросил Дебрэ хриплым голосом.

— Об этом можно догадаться хотя бы потому, что, уходя из кабинета, он взял с собой футляр с ампула-

ми, побывавшими в руках Лолинды. Итак, ампула подменена и шарф похищен. Поздно вечером, следуя внушению Лолинды, Мегрэ снова проникает в особняк через угольный подвал. На этот раз важно не оставить никаких следов. Поэтому он снова проходит подвал в носках, но надевает ботинки в тамбуре потайной двери. Впрочем, теперь полиция и не будет искать следы, так как улики против Луизы налицо, это ее шарф. Пьер задушен. Мегрэ снова снимает ботинки перед входом в подвал и надевает их, выйдя на улицу. Вот и все. Комиссар ничего не знает и не помнит, ему просто приказано все забыть, поэтому со свойственным ему блеском он строит совершенно ложную, но вполне правдоподобную гипотезу. Между тем у Лолинды снова неопровержимое алиби. Он с женой уже два дня как в Африке. Вам нравится такой вариант?

— Ерунда! — сказал Дебрэ. — Ваш вариант противоречит основам криминалистики. Никогда в состоянии гипноза человек не может совершить преступление, если это противоречит его моральным устоям. Об этом написано множество статей.

— Верно! — подтвердила Стрелкина. — Однако есть одно исключение.

— Какое?

— Когда этот человек — полицейский комиссар, приверженец психологического метода раскрытия преступления. Ведь ему так часто приходится мысленно ставить себя на место преступника. Ох! — она взглянула на часы. — Кажется, я опаздываю на самолет! Всего хорошего, комиссар, большое спасибо за все!

— Не за что, — ответил Дебрэ.

Он подождал, пока за ней закроется дверь, пододвинул к себе телефон и набрал номер.

— Алло!

— Мэтр Севаль?

— Да, это я.

— Говорит комиссар Дебрэ. Не можете ли вы мне сказать, кто теперь возможный наследник состояния Костагенов?

— Думаю, что могу. Видимо, одна из дальних родственниц, мадам Малинда. Других наследников как будто нет.

Дебрэ положил трубку и задумался.

Эпилог

Спустя две недели мадам Дебрэ жаловалась соседке:

— Никак не пойму, что творится с мужем. С тех пор как он вышел на пенсию, слова от него не добьешься. Сидит целый день и о чем-то думает, курит одну трубку за другой, стал говорить во сне. Сегодня под утро как закричит: «Так какого черта он пил с Пьером?!» Я разбудила, спрашиваю, что ему снилось, не отвечает. Хорошо хоть, что живот теперь не болит.

Соседка сочувственно кивнула.

— Это с ними бывает. Мой тоже, когда ушел на пенсию, места себе не находил, а теперь ничего, привык.

— Может, и привыкнет,— сокрушенно сказала мадам Дебрэ.— Мы ведь хотели купить домик на берегу Луары. Я сейчас и заикаться об этом боюсь. Переутомился он там у себя в полиции, ведь служба не из легких. Вы не поверите, недавно два раза возвращался с работы в таком виде, что даже носки перепачканы углем, хуже трубочиста, честное слово!

**Тревожных
симптомов нет**

Сюжет для романа

Я был по-настоящему счастлив. Тот, кто пережил длительную и тяжелую болезнь и наконец почувствовал себя вновь здоровым, наверное, поймет мое состояние. Меня радовало все — и то, что мне не дали инвалидности, а предоставили на работе длительный отпуск для окончания диссертации, которую я начал писать задолго до болезни, и то, что впереди отдых в санатории, избавляющий от необходимости думать сейчас над этой диссертацией, и комфорт двухместного купе, и то, что моим попутчиком оказался симпатичный паренек, а не какая-нибудь капризная бабенка. Кроме того, меня провожала очаровательная женщина, которую я горячо и искренне любил. Мне льстило, что она, такая красивая, не обращая внимания на восхищенные взгляды пассажиров, держит меня за руку, как девочка, боящаяся потерять в толпе отца.

— А вы далеко едете? — обратилась она к моему попутчику.

— До Кисловодска.

— Вот как? Значит, вместе до самого конца. — Она пустила в ход свою улыбку, перед которой не мог устоять ни один мужчина. — Тогда у меня к вам просьба: присмотрите за моим... мужем. — Она впервые за все время, что мы были с ней близки, употребила это слово, и меня поразило, как просто и естественно оно у нее прозвучало. — Он еще не вполне оправился от болезни, — добавила она.

— Не беспокойтесь! — Мой попутчик тоже улыбнулся. — Я ведь почти врач.

— Что значит «почти»?

— Значит, не Гиппократ и не Авиценна.

— Студент?

— Пожалуй... Вечный студент с дипломом врача.

Он вышел в коридор и деликатно прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать нам.

— Вероятно, какой-нибудь аспирант,— шепнула она.

Я люблю уезжать днем. Люблю постепенно входить в ритм движения, присматриваться к попутчикам, раскладывать не торопясь вещи, обживать купе.

Все было так, как я люблю, к тому же, повторяю, я был вполне счастлив, но почему-то мною владело какое-то странное беспокойство, возбуждение. Я сам это чувствовал, но ничего не мог с собой поделать. Я то вскакивал и выходил в коридор, то, возвращаясь в купе, начинал без толку перебирать вещи в чемодане, то брался читать, но через минуту отбрасывал журнал, чтобы опять выйти в коридор.

Не знаю почему, но в дороге многие люди готовы открыть свои сокровенные тайны первому встречному. Может быть, это атавистическое чувство, сохранившееся еще с тех времен, когда любое путешествие таило опасности и каждый попутчик был другом и соратником, а может, просто дело в том, что у всякого человека существует потребность излить перед кем-то душу, и случайный знакомый, с которым ты наверняка никогда не встретишься, больше всего для этого подходит.

Между тем пришло время обедать, и мой сосед по купе предложил пойти в вагон-ресторан.

Вот тут-то, за обедом, я начал без удержу болтать. Уже мы давно пообедали, официант демонстративно сменил скатерть на столике, а я все говорил и говорил.

Мой компаньон оказался идеальным слушателем. Вся его по-мальчишески угловатая фигура, зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами и даже руки, удивительно выразительные руки с тонкими, длинными пальцами, казались олицетворением напряженного внимания. Он не задавал никаких вопросов, просто сидел и слушал.

В общем, я рассказал ему все, что было результатом долгих раздумий в бессонные ночи. О том, что в тридцать пять лет я почувствовал отвращение к своей профессии и понял, что мое истинное призвание — быть писателем, рассказал о пробах пера и о постигших неудачах, о новых замыслах и о том, что этот отдых в санатории должен многое решить. Либо я напишу задуманную повесть, либо навсегда оставляю всякие попытки. Я даже рассказал ему сюжет этой повести. Непонятно, отчего меня вдруг так прорвало. Ведь все это было моей тайной, которую я не поверял даже любимой женщине. Слишком много сомне-

ний меня одолевало, чтобы посвящать ее в свои планы. Впрочем, все это не так. Сомнение было всего одно: я не знал, есть ли у меня талант, и стыдился быть в ее глазах неудачником. Разочарование, если оно меня постигнет, я должен был пережить один. Кстати, это все я ему тоже высказал.

Наконец я выговорился, и мы вернулись в купе. Тут у меня наступила реакция. Мне было стыдно своей болтливости, обидно, что совершенно постороннему человеку доверил мысли, совсем не оформившиеся, и предстал перед ним в роли фанфарона и глупца.

Он заметил мое состояние и спросил:

— Вы жалеете, что обо всем этом рассказали?

— Конечно! — горько ответил я. — Разболтался, как мальчишка! Видимо, мне свойственна эта черта. Не помню, кто сказал, что писателем может быть каждый, если ему не мешает недостаток слов или, наоборот, их обилие. Боюсь, что многословие — мой основной порок. Сюжеты у меня ерундовые, на короткий рассказ, а стоит сесть писать, как я настолько запутываюсь в несущественных деталях, что все превращается в тягучую жвачку из слов. Вот и сейчас...

Он вынул из кармана какую-то коробочку.

— Я обещал вашей жене... Словом, примите таблетку. Как раз то, что вам сейчас нужно.

Этого только не хватало!

Видимо, гримаса, которую я скорчил, была достаточно выразительной.

— Вы правы, — сказал он, пряча обратно коробочку. — Вся эта фармакопея — палка о двух концах. Особенно транквилизаторы, хотя я сам к ним иногда прибегаю. В этом отношении народные средства куда как надежней. Проверено веками. Вот мы сейчас их и испробуем! — Он открыл свой чемоданчик и достал бутылку коньяка. — Армянский, высших кондиций! Погодите, я возьму у проводницы стаканы.

Меньше всего он походил на врача, какими я привык их видеть, особенно когда с торжествующим видом вернулся, неся два стакана.

— Вот! — Он плеснул мне совсем немного, а себе наполнил стакан примерно на одну треть — Согрейте предварительно в ладонях. Специалисты это называют «оживить напиток». Теперь пробуйте!

Я хлебнул, и приятное тепло прошло по пищеводу к желудку. Давненько же мне не приходилось пробовать коньяк!

— Странно! — сказал я. — Если бы вы знали, сколько пришлось выслушать наставлений по этому поводу. «Ни капли алкоголя», — все в один голос, а когда выписывали из больницы...

— Э, пустяки! — Он небрежно махнул рукой. — В медицине множество формальных табу. Алкоголизм — социальное зло. Злоупотребление алкоголем дает тяжелые последствия, для некоторых это повод объявить его вообще вне закона. А ведь в иных случаях он незаменим. Вот вы глотнули, и все прошло. Правда?

При этом у него был такой серьезный вид, что я невольно рассмеялся.

— Правда! Но что будет потом?

— А я вам больше не дам, так что ничего потом и не будет.

Он с видимым удовольствием отхлебнул большой глоток.

— Опять же для кого как, — продолжал он, разглядывая напиток на свет. — Вот один от кофе не спит, а другому он помогает заснуть. Человеческий мозг — хитрая штука. Вечное противоборство возбуждения и торможения. Кора и подкорка. В каждом отдельном случае нужно знать, на что и как воздействовать. Вот в вашем состоянии алкоголь успокаивает. Что, не так?

— Так. Но откуда вы это знали наперед?

— Ну иначе я был бы плохим психиатром.

— Ах, так вы психиатр?

— Отчасти.

С непривычки у меня немного закружилась голова. Вагон приятно покачивало, и от всего этого я чувствовал удивительную успокоенность.

— Что значит «отчасти»? — лениво спросил я. — Давеча вы сказали, что почти врач, сейчас — отчасти психиатр. А если точнее?

— Точнее, психофизиолог.

— Что это такое?

— В двух словах рассказать это трудно, а вдаваться в подробности вряд ли есть смысл. Постараюсь ограничиться примитивным примером. Вот вы сейчас глотнули коньяку, и ваше психическое состояние как-то изменилось. Верно?

— Верно.

— Это искусственно вызванное изменение. Однако в человеческом организме имеются внутренние факторы, воздействующие на психику, например, гормоны. Гормо-

нальной деятельностью управляет вегетативная нервная система. Существует множество прямых и обратных связей между мозгом и всем организмом. Это некое целое, которое следует рассматривать только в совокупности. Словом, психофизиология — наука, изучающая влияние состояния организма на психику и психики на организм.

— Вот, к примеру, желчный характер,— сказал я,— это, видимо, не случайное выражение? Вероятно, когда разливается желчь...

— Конечно! Хотя все обстоит гораздо сложнее. Иногда бывает трудно отделить причину от следствия. То, что принято считать следствием, часто оказывается причиной, и наоборот. Тут еще непочатый край работы, и работы очень интересной.

Он опять отпил глоток и задумался.

Я глядел в окно. Чувствовалось, что мы ехали на юг. Вместо подлесков с кое-где сохранившимся снегом пошли зеленеющие поля. И земля, и небо, и солнце были уже какими-то другими.

— А ведь я мог бы помочь вам,— неожиданно сказал мой попутчик.— У меня есть занятный сюжет для романа. События, которые можно положить в основу, произошли на самом деле. Это не выдумка, хотя многое выглядит просто фантастично. Хотите, расскажу?

— Конечно! — ответил я.— С удовольствием послушаю, хотя, по правде сказать, не уверен, что смогу даже из самого лучшего сюжета...

— Это уж ваше дело,— перебил он.— Я только должен предупредить, что есть такое понятие, как врачебная этика. Поэтому кое о чем я должен умолчать. В частности, никаких имен. Вам придется их придумывать самому, а в остальном... Впрочем, слушайте.

Вся эта история начинается в клинике известного ученого. Будем его называть просто профессором. Вот вам придется дать ему какую-то характеристику. Только, пожалуйста, не делайте из него ни сусального героя, ни маньяка из фантастического романа. Это очень сложный и противоречивый характер. Великолепный хирург. Ученый с широким кругозором. Вместе с тем человек болезненно честолюбивый и упрямый, к тому же знающий себе цену. Внимательный и отзывчивый по отношению к больным, но часто неоправданно грубый с подчиненными. Если хотите, можете по своему усмотрению наделить его еще какими-то качествами, это уже несущественно.

Можете также написать, что его работы по преодолению

нию барьера биологической несовместимости тканей при трансплантации органов вывели клинику, которой он руководит, на новый и очень перспективный путь.

Дальше вам придется представить себе отделение трансплантации в этой клинике. От вас не требуется знания техники дела, но нужно почувствовать особую атмосферу, царящую там. Постоянное напряженное ожидание. Большой коллектив врачей самых разных специальностей всегда в состоянии полной готовности. Никто не знает, когда это может случиться. Может, через час, а может, через месяц. Не думайте только, что все они обречены на безделье. Параллельно идет большая работа в лаборатории. Проводится множество опытов на животных. Каждый опыт рождает новые планы, надежды и, конечно, разочарования.

Профессор напролом идет к поставленной цели — трансплантации мозга. Уже проделаны десятки опытов на крысах и собаках. Однако все делается не так быстро, как может показаться. Проходят годы. Наконец — решающий эксперимент. Мартышка с пересаженным мозгом живет и здравствует. Возникает вопрос: что же дальше? Наука не может останавливаться на полпути. Будет ли такая операция проделана на человеке? Вы, наверное, знаете о настороженном отношении к трансплантации вообще, а тут ведь речь идет об эксперименте, связанном с новыми моральными и этическими проблемами. Профессор атакует одну инстанцию за другой, но никто не говорит ни «да», ни «нет». Все стараются под всякими благовидными предлогами уйти от решения этого вопроса. Словом, нет ни формального запрещения, ни официального разрешения.

Между тем время идет, клиника успешно производит пересадки почек, сердца и легких, продолжается работа и в лаборатории над главной темой, но все дальнейшее остается неясным.

Это, так сказать, прелюдия.

И вот однажды «Скорая помощь» почти одновременно доставляет двух человек. Оба в бессознательном состоянии, оба подобраны на улице. Первый — без всяких документов. Неизвестен ни возраст, ни фамилия, ни адрес, ни профессия. Диагноз: обширный инфаркт легких. Положение практически безнадежное. Второй — преподаватель вуза, тридцати трех лет, холост — жертва несчастного случая. Открытая травма черепа с ранением мозга и глубоким кровоизлиянием. Тоже не жилец. Поражены

участки, ответственные за жизненно важные функции. Оба лежат на реанимационных столах, два живых трупа, в которых поддерживается некое подобие жизни за счет искусственного кровообращения и дыхания. Однако если второй — безусловный кандидат в морг, то первого можно попытаться спасти. Пересадка легких от второго. Такое решение принимает профессор.

Все готово к операции, но начать ее нельзя. Вы не представляете, какими ограничениями связан в этих случаях врач.

Во-первых, на такую операцию нужно согласие больного либо его родственников и уж, во всяком случае, согласие родственников донора.

Во-вторых, пересаживаемые органы можно взять только у мертвого, и пока в теле донора теплится хоть какое-то подобие жизни, врач обязан принимать все меры к ее поддержанию. За это время другой может умереть.

В-третьих... Впрочем, что там в-третьих! Можно без конца перечислять всяческие проблемы, с которыми сталкивается в это время хирург, но самая гнусная из них — это напряженное ожидание смерти больного. Остановка сердца, клиническая смерть, высокочастотные разряды в область миокарда, снова чуть заметные пульсации, опять остановка, на этот раз разряды не помогают. Остается последнее средство: вскрытие грудной клетки и массаж сердца. Эта последняя мера дает результаты, хотя совершенно ясно, что ненадолго. Однако тут выясняется одна подробность, которая все сводит на нет. У второго туберкулезные каверны в легких.

Есть много людей, больных туберкулезом и не подозревающих об этом. Их организм выработал какие-то средства поддержания болезни в равновесии, так что она не прогрессирует. Но ни один врач не решится пересадить пораженный туберкулезом орган другому человеку.

В общем, можно было снимать перчатки и отправлять в морг два трупа.

Я не зря обратил ваше внимание на особенности характера этого... профессора. Без них не понять того, что произошло дальше.

Мгновенно было принято другое решение: пересадка мозга тому, второму. При этом, заметьте, без соблюдения всяких формальностей. Звонить в Москву и добиваться разрешения уже было некогда. По правде сказать, даже нет уверенности, что тут были соблюдены те нормы, о которых я упоминал.

— На что же он рассчитывал? — спросил я.

— Трудно сказать. Прежде всего, конечно, на успех. Люди такого склада, когда их обуревают какая-то идея, просто не желают считаться с возможностью неудачи. В таком деле всегда кто-то должен быть первым и взять весь риск на себя. Кроме того, он, видимо, справедливо полагал, что лучше один труп, чем два. А вообще он, думается мне, действовал скорее импульсивно, чем рассудочно. Уж больно мало времени оставалось для всяких рассуждений.

Вы можете воздержаться от описания самой операции. Дело это до крайности тонкое, растягивается на несколько этапов и для непосвященного читателя вряд ли может представлять интерес. Да и вы наверняка наврали бы с три короба. Для писателя гораздо важнее психологические коллизии, а их тут хоть отбавляй!

Итак, операция сделана. На следующее утро жена донора разыскала следы через справочную «Скорой помощи» и опознала его в морге. Ей сказали, что он умер от инфаркта легких, что, конечно, соответствовало действительности. В остальные подробности ее не посвятили. Это было бы для нее слишком сильным ударом. Он оказался журналистом двадцати пяти лет от роду. Прожили они вместе всего год и очень любили друг друга. Поверьте, что самое трудное в нелегкой профессии врача — разговаривать с близкими умершего пациента. Даже если он сделал все, что в его силах, все равно остается чувство, что ты в чем-то виноват. Поэтому простим профессору, что он не стал с ней говорить сам, а послал своего ассистента. И самые смелые люди иногда проявляют малодушие. Кроме того, не нужно забывать, что оставался еще тот, второй, за которого профессор нес ответственность не только перед обществом, но и перед своей совестью. Тут поводов для беспокойства было более чем достаточно.

Что, собственно говоря, было известно из предыдущих опытов? Что у животных с пересаженным мозгом сравнительно быстро восстанавливаются двигательные функции, чувство равновесия, что большинство условных рефлексов, выработанных у донора, исчезают после пересадки, но восстанавливаются быстрее, чем вырабатываются у экземпляров контрольной группы, что особи с пересаженным мозгом вполне жизнеспособны. Вот, пожалуй, и все. Вряд ли этого достаточно, чтобы прогнозировать поведение человека после такой операции. Тут есть очень много факторов, которые на животных не проверишь.

Что остается в памяти, а что полностью стирается? Что надолго, а может быть, навсегда вытесняется в подсознание? Наконец, даже речь. Ведь она тоже результат обучения. Характер. Я уж говорил, что деятельность мозга невозможно рассматривать в отрыве от организма в целом. Неисчислимое количество путей взаимодействия, большинство которых остается еще загадкой. Словом, человека с пересаженным мозгом нельзя считать неким симбиозом чьей-то индивидуальности с другим телом. Это совершенно новый индивид. Как видите, сомнений больше, чем уверенности.

Однако операция сделана. В постели — человек. Он дышит, реагирует на свет, глотает жидкую пищу, у него работают кишечник, почки, и... ничего больше. Идут недели, месяцы, его учат ходить. Он даже выучивает несколько слов. Что же дальше? Дальше одна надежда, что поможет время. Время идет. Он делает кое-какие успехи. С трудом, но разговаривает. Учится читать. Прошное свое не помнит. Проходит год. Он свободно разговаривает, читает, пишет. У него появляется интерес к окружающей обстановке. Восстанавливается все, кроме памяти о прошлом. Все попытки ее пробудить остаются безрезультатными. Ему объясняют, что он перенес тяжелую травму мозга, вызвавшую полную амнезию. Он это понимает. Проходит еще какое-то время, и больничная обстановка начинает его тяготить.

Возникает вопрос: что с ним делать? По документам он преподаватель вуза, но сами понимаете, что ни о какой профессиональной пригодности в этой области не может быть и речи. От журналиста в нем тоже ничего не осталось. Учиться заново? Об этом еще рано говорить. Перевести на инвалидность — сами понимаете, что это значит для него. Кроме того, пришлось бы оборвать уникальный эксперимент в самой решающей фазе. Нужно дать ему возможность встречаться с людьми, ходить в театр, кино, держа его все время под неослабным наблюдением специалистов.

Я забыл упомянуть, что у этого преподавателя была возлюбленная. Узнав о несчастном случае и об операции, она все время просила, чтобы ей разрешили его навещать. Обращалась даже в горздрав, но профессор категорически запретил всякие посещения. В то время, кроме вреда, это ничего бы не принесло. Однако теперь ситуация была иной. Ей разрешили свидание. Узнать ее он не мог, но появление нового человека из недоступного ему мира

очень его обрадовало. Кроме того, она ему определенно понравилась. Это была красивая, обаятельная женщина.

Ей разрешили приходить каждый день. Они подолгу разговаривали. Она рассказывала ему о его прошлой жизни, и бедняге даже казалось, что он начал кое-что вспоминать.

В конце концов она попросила разрешения взять его к себе. Профессор согласился на это.

Все складывалось неплохо. У нее не было никаких сомнений относительно того, что она берет к себе близкого человека, попавшего в беду. Материальных затруднений не предвиделось: у этого преподавателя были сбережения, а клиника имела возможность держать его на больничном листе неопределенно долгое время. Перемена же обстановки была просто необходима ему. Что же касается морального аспекта всей этой истории, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Тем более что оба они были, несомненно, счастливы. Оставалось только ждать, что будет дальше.

К сожалению, дальше все шло не очень ладно. То ли у него действительно начала пробуждаться память, то ли что-то из прошлой жизни журналиста было попросту вытеснено в подсознание, но так или иначе он стал уходить из дома и часами простаивал на лестнице возле квартиры, где этот журналист раньше жил. Его возлюбленная, естественно, встревожилась. Она даже обращалась за советом к профессору, но что он мог ей сказать? Видимо, надвигалось что-то неизбежное, и вряд ли можно было в этой ситуации что-либо изменить.

Наконец случилось неизбежное. Он встретил жену. Жену журналиста.

Я уже говорил, что они очень любили друг друга. Любовь! Сколько томов о ней написано, и все же как мало она изучена! О черт! — Он прервал свой рассказ и потянулся к бутылке. — Не будем ханжами! Право, вам еще один глоток не повредит. Ведь вы, так сказать, под наблюдением врача.

— Откуда вам известна вся эта история? — спросил я.

— Я... — Он запнулся. — Меня несколько раз приглашали на консультацию к этому больному. Так что, продолжать?

— Пожалуйста!

— Значит, так. Они встретились. На него это произвело ошеломляющее впечатление. Видимо, ее образ все

же где-то хранился в глубинах памяти, и то, что он считал любовью с первого взгляда, было попросту подсознательной реакцией.

— А она?

— Что ж она? Для нее это был посторонний человек, видимо, не в ее вкусе, к тому же еще не изгладились воспоминания о погибшем муже, так что она на него просто не обратила никакого внимания. Он начал ее преследовать. Поджидал у проходной, дома, заговаривал в метро, а если мужчина очень настойчив, то рано или поздно... Словом, все шло по извечным и непреложным законам. Не судите ее строго. Совсем еще молодая женщина, остро переживающая одиночество. Кроме того, ей казалось, что в этом назойливом поклоннике есть что-то от человека, которого она любила. Конечно, не внешность. Характер, манера говорить, десятки мелочей, из которых складываются индивидуальные черты.

— Но ведь была еще та, которая взяла его из клиники, он что, ушел от нее? — спросил я.

— В том-то и дело, что нет. Ее он тоже любил. Как женщина она ему даже больше нравилась. Здесь в описании их отношений от вас потребуется большой такт. Нужно понять его психологию. Это не вульгарный любовный треугольник. Это... трудно объяснить... Точно так же, как в нем было два человека, так и они обе... Нет, не то! Скорее — одна женщина в двух ипостасях, духовной и телесной. Вот именно! Обе они слились для него в единый образ, расчленив который было уже невозможно. Может быть, специалист уловил бы тут начало психического заболевания, но разве множество литературных героев, строго говоря, психически здоровы? Рогожин, Мышкин, Настасья Филипповна, Раскольников, Карамазовы... Уфф!

Он вытащил свою коробочку и отправил в рот таблетку. Выглядел он скверно, глаза блуждали, лоб покрылся потом. Кажется, нам с ним предстояло поменяться ролями. Не хватало только, чтобы теперь я его успокаивал. Однако вся эта история интересовала меня все больше и больше. Я начал кое о чем догадываться.

— Скажите, — спросил я, — этот второй, преподаватель, он что преподавал?

— Какое это имеет значение? Пусть хоть физиологию. Я ведь вам излагаю сюжет, а не...

— Продолжайте! — сказал я. — Сюжет действительно занятный.

— Хорошо! Значит, эти две женщины. Ни та, ни другая с таким положением мириться не желали. Обе они были молоды, хороши собой и по-женски самолюбивы. Каждая считала его своим. Разыгрывался последний акт трагедии, в которой главные участники не знали своей истинной роли. Я не зря упомянул о начале психического заболевания. У мозга есть защитные реакции. Когда ситуация становится невыносимой, человек часто уходит в вымышленный мир, реальность подменяется бредом. У специалистов это носит специальное название, но вы можете пользоваться термином «умопомешательство». Особый вид, когда человек представляется себе кем-то другим. Итак, в финале вашего романа не исключена психиатрическая лечебница.

— Невеселый финал,—сказал я.—Признаться, я ожидал другого, а не пожизненного заключения в сумасшедшем доме.

— Почему пожизненного? — возразил он.— У медицины есть достаточный арсенал средств лечения таких болезней. Вылечить всегда можно, нужно только устранить причину, а это самое трудное. Можно, конечно, на время убрать больного из конфликтной обстановки, но сами понимаете, что в данном случае — это всего лишь временная мера. Рано или поздно они снова встретятся, и все начнется сначала. Есть более радикальный метод — рассказать больному правду, чтобы он знал причину заболевания, как бы посмотрел на себя со стороны. Может быть, даже сам поведал потом об этом кому-нибудь... Однако тут накурено!.. Извините... больше не могу. Пойду в коридор.

Я подождал, пока за ним закроется дверь, налил полстакана коньяку и залпом выпил, потому что...

И как я мог не вспомнить раньше, что эту мальчишескую фигуру, облаченную в белый халат, и внимательные зеленоватые глаза с выгоревшими ресницами я видел над своим изголовьем в клинике, когда меня учили говорить, и потом сквозь пелену бреда...

Многое становилось мне ясным, многое. И то, что начатая диссертация казалась китайской грамотой, и обурававшее стремление писать.

Впрочем, теперь все это уже отходило на второй план. Важно было, что та женщина по праву назвала меня своим мужем. Все остальное не имело значения, даже три месяца, которые мне предстояло провести в туберкулезном санатории.

Повесть без героя

Пролог

Шедший с утра дождь к вечеру превратился в тяжелые хлопья снега, которые таяли на лету. Резкие порывы ветра сгоняли с окон крупные капли, оставлявшие подтеки на стекле.

Громоздкие кресла в холщовых чехлах, покрытый плюшевой скатертью с кистями круглый дубовый стол, оранжевый паркет, две кадки с фикусами — весь этот нехитрый уют больничной гостиной казался еще более грустным в хмуром сумеречном свете.

Старшая сестра в накрахмаленном белом халате осторожно приоткрыла дверь, но, увидев дремавшего в кресле Дирантовича, остановилась на пороге.

Академик сидел в неудобной позе, откинув голову на жесткую спинку, посапывая во сне. Он был все еще очень красив, несмотря на свои шестьдесят пять лет. Крупные, может быть, несколько излишне правильные черты лица, седые, коротко, по-мальчишески остриженные волосы и небрежная элегантность делали его похожим скорее на преуспевающего актера, чем на ученого.

Представитель Комитета Фетюков захлопнул книжку в цветастой лакированной обложке и обратился к сестре:

— Какие новости?

— Не знаю. Оттуда еще никто не выходил.

Фетюков поморщился.

— Зажгите свет!

Сестра нерешительно взглянула на Дирантовича, щелкнула выключателем и вышла.

Дирантович открыл глаза.

— Который час? — спросил он.

— Без четверти шесть, — ответил Фетюков.

Сидевший у стола Смарыга закончил запись в клее-
нчатой тетради и поднял голову.

— Пора решать!

Никто не ответил. Смарыга пожал плечами и снова уткнулся в свои записи.

Появилась сестра с подносом, на котором был выдавший вида алюминиевый чайник, банка растворимого кофе, три фарфоровые кружки, стакан с сахарным песком и пачка печенья.

— Может, кофейку выпьете?

— С удовольствием! — Дирантович пересел к столу.

Фетюков взял банку с кофе, поглядел на этикетку и с брезгливой миной поставил на место.

— Где у вас городской телефон? — спросил он сестру.

— В ординаторской. Я могу вас проводить.

— Не надо, разыщу сам. Пойду доложу шефу.

— Чего там докладывать? — сказал Дирантович. — Докладывать-то нечего.

— Вот и доложу, что нечего докладывать.

Смарыга снова оторвался от тетради и оглядел Фетюкова, начиная от светло-желтых ботинок на неснашиваемой подошве, немнущихся брюк из дорогой импортной ткани, долгополого пиджака, застегнутого только на верхнюю пуговицу, и кончая розовым упитанным лицом с маленькими глазками, прикрытыми очками в золоченой оправе.

— Пусть докладывает. На этот счет у них строгая дисциплинка, — добавил он с иронической усмешкой.

Фетюков, видимо, хотел ответить что-то очень язвительное, но передумал и, расправив плечи, вышел.

— Чинуша! — сказал Смарыга. — С детства ненавижу вот таких пай-мальчиков. Приставлен к науке, а сам ни уха, ни рыла ни в чем не смыслит.

— Бросьте! — устало сказал Дирантович. — Какое это имеет значение? Не он, так другой. Этот по крайней мере хоть исполнитель.

— Еще бы! Ведь вы величина для него недостижимая, академик и все прочее, а вот с нашим братом и похамить можно.

— Вам покрепче? — спросила сестра.

— Две ложки.

— Мне тоже, — сказал Смарыга.

— Вот, пожалуйста! Сахару положите, сколько нужно. Кушайте на здоровье!

— Спасибо! — Дирантович с удовольствием отхлебнул из фарфоровой кружки и взял оставленную Фетюковым книгу. — Агата Кристи! Однако наш пай-мальчик читает по-английски, а вы говорите — ни уха, ни рыла.

— У них у всех страсть к импортному. Будь хоть что-нибудь путное, а то второсортные детективчики.

— Ну не скажите! Агата — мастер этого жанра. Неужели не нравится?

— Признаться, равнодушен.

— Зря! Ведь работа ученого — это тоже своего рода детектив, и умение распутывать клубок загадок...

— Так что ж, по-вашему, детективы следует в университетские программы вводить?

— Зачем вводить? И так все читают.

Вернулся Фетюков.

— Звонил из Лондона председатель Королевского научного общества. Спрашивал, не могут ли чем-нибудь помочь.

— Вот и отлично! — обрадовался Дирантович. — Может быть, лекарство какое-нибудь или консультанта. Нужно немедленно выяснить.

— Не знаю... — Фетюков замялся. — Такие вопросы не просто решаются.

— Что значит «не просто»? Умирает этаким ученый, а вы... Погодите, я сам...

Дирантович встал и грузными шагами направился к двери с надписью «Вход воспрещен».

— Туда нельзя, — сказала сестра. — Подождите, я вызову дежурного врача.

— Порядочки! — сказал Дирантович и снова сел в кресло.

Через несколько минут из заветной двери в сопровождении сестры вышел врач.

— Ну, что там? — спросил Дирантович.

Врач откинул полу халата, достал из кармана брюк смятую пачку сигарет и закурил. Фетюков отошел к окну и открыл фрамугу.

— Закройте! — сказал Дирантович. — Дует.

— Тут все-таки больница, а не... — пробормотал Фетюков, но фрамугу захлопнул.

— Я вас слушаю, — сказал Дирантович.

Врач несколько раз подряд жадно затянулся, смочил слюной палец, загасил сигарету и сунул ее обратно в пачку.

— Ничего утешительного сообщить вам не могу. Нам удастся поддерживать работу сердца и дыхания, но боюсь, что в клетках мозга уже произошли необратимые изменения, которые...

— Англичане предлагают помощь. Что им ответить?

— Что они уже ничем помочь не могут.

— Но он же еще жив?

— Формально — да.

— А по существу?

— По существу — нет.

— Простите, — вмешался Фетюков, — что это еще за диалектика?! Формально — да, по существу — нет. Я, как представитель Комитета, настаиваю на немедленном консилиуме с привлечением наиболее авторитетных специалистов.

— Консилиум уже был. Сегодня ночью. Мы боремся за человеческую жизнь и делаем это до последней возможности.

— Значит, вы считаете, что эти возможности исчерпаны? — спросил Смарыга.

— Да. В таких случаях мы выключаем аппаратуру, но тут особая ситуация. Меня предупредили о готовящемся эксперименте, и нужно выяснить... Насколько я понимаю, вам необходимы живые ткани?

— Желательно, — ответил Смарыга. — Если комиссия наконец решит... — Он вопросительно взглянул на Дирантовича.

— Обождите! — нахмурился Фетюков. — Вы что ж, на живом человеке собираетесь опыты проводить? Имейте в виду, что Комитет никогда такого разрешения не даст.

— Послушайте, товарищ Фетюков, — голос Смарыги прерывался от плохо сдерживаемой ярости, — я понимаю, что ни по своим знаниям, ни по служебному положению вы не можете вникать в суть научных проблем. Однако вы могли бы взять на себя труд хотя бы ознакомиться с моей докладной запиской, составленной в достаточно популярной форме. Тогда бы вы не задавали такие вопросы. Никто проводить на нем опыты не собирается. Мне достаточно обычного мазка со слизистой оболочки.

— Успокойтесь, Никанор Павлович, — примирительно сказал Дирантович. — В конце концов вы тут единственный специалист в своей области, и каждый член комиссии, прежде чем принять решение, вправе задавать вам любые вопросы. Тем более, — он взглянул на врача, — тем более, что здесь находится представитель больницы, без

помощи которой, насколько я понимаю, вы обойтись не можете. Ведь так?

Смарыга кивнул головой.

— Вот и просветите нас. Забудьте на время о наших полномочиях и рассматривайте нас в данный момент, как своих учеников. А всякие там докладные записки и прочее — это, так сказать, проформа.

— Хорошо! Последнее время я только и занимаюсь просветительской работой. Так вот, — демонстративно обратился он к Фетюкову, — известно ли вам, что в каждой клетке вашего тела находится по сорок шесть хромосом?

— Известно, — ответил тот. — Это каждому теперь известно. Гены.

— Не генов, а хромосом. Генов неизмеримо больше. Это уже гораздо более тонкая структура. Половину своих хромосом вы унаследовали от матери, а половину — от отца. Вот в этих сорока шести хромосомах и заключена суть того, что именуется представителем Комитета Юрием Петровичем Фетюковым. Не правда ли занятно?

Фетюков не ответил.

— Вот так! Однако, к сожалению, все мы бренны, даже работники Комитетов.

— Кстати, профессора тоже, — сказал Фетюков.

— Золотые слова! Таков неумолимый закон природы. Ей все равно. Прожил положенное число лет, и хватит, освобождай место другим. Теперь предположим, что упомянутый Юрий Петрович решил передать свои выдающиеся качества потомству. Казалось бы, чего проще?

У Фетюкова покраснела даже шея, стянутая ослепительным воротничком. Он привстал, держась за подлокотник, отчего под натянувшимися рукавами обозначились отлично сформированные мышцы. При этом он весь как-то стал похож на рассерженного кота, которого неожиданно дернули за ус.

— Арсений Николаевич! Прошу вас оградить меня от шутовских выходок профессора Смарыги. В противном случае...

— Да бросьте вы препираться! — сказал Дирантович. — Так мы никогда ни до чего не договоримся. А вас, Никанор Павлович, прошу вашу лекцию проводить, так сказать, на э... более строгом уровне.

— Не могу. Вот, говорят, когда-то академик Крылов просил денег на проведение каких-то опытов. Некий чин из Морского ведомства поинтересовался, почему эти опыты должны так много стоить, на что Крылов отве-

тил: «Если бы Ваше Превосходительство было бы профессором Жуковским, я бы написал два интеграла и этого было бы достаточно. Но для того, чтобы убедить Ваше Превосходительство, требуется потратить массу денег».

— Очень остроумно! — огрызнулся Фетюков. — Жаль только, что вы не академик Крылов.

— Жаль, — согласился Смарыга. — Заодно, к вашему сведению: Крылов тогда был только профессором. Однако Арсений Николаевич прав, не будем попусту терять время. Итак, некто, будем называть его мистер Зэт, стал счастливым отцом. Вот тут-то и вступают в действие коварные законы генетики. Оказывается, только половина изумительных свойств папаши воспроизведена в новом члене общества. Остальную половину он получает в наследство от мамочки, так как в половых клетках каждого из родителей содержится всего по 23 хромосомы. В результате, часть способностей, даже таких существенных, как умение шикарно подавать на подпись бумаги, может погибнуть втуне для грядущих поколений.

— Никанор Павлович! — Дирантович рассерженно хлопнул ладонью по столу. — Ведь я вас просил!

— Хорошо, не буду! Просто мне хотелось обратить ваше внимание на то, что природа сама себя защищает от повторения пройденного, во всяком случае, там, где речь идет о биологических видах, как-то прогрессирующих. Теперь перейдемте к самому главному. Семен Ильич Пральников — гениальный ученый. Его работы расцениваются многими как переворот в современном естествознании. Не так ли?

— Несомненно! — подтвердил Дирантович.

— Однако, насколько мне известно, работы эти еще очень далеки от своего завершения. Более того, некоторыми выдающимися физиками теория Пральникова вообще оспаривается. Если я ошибаюсь, поправьте меня.

— Да, это так. Пока нет экспериментальных данных...

— Понимаю. Теперь скажите, найдется ли сегодня ученый, который после смерти Пральникова примет от него эстафету?

Дирантович развел руками.

— Вы задаете странный вопрос. В науке никогда ничего не пропадает. Рано или поздно найдется человек, который, учтя работы Пральникова...

— Это все не то! Есть ли у вас уверенность, что хотя бы в следующем поколении появится человек, в точно-

сти обладающий складом ума Пральникова, его парадоксальным взглядом на мир, его сокрушительной иронией, наконец, его несносным характером. Короче — абсолютная копия Семена Ильича.

— Такой уверенности нет. Вы же сами сказали, что природа защищает себя от повторения пройденного.

— Природа слепа. Она действует методом проб и ошибок. А мы можем пробовать, не ошибаясь, дав вторую жизнь Пральникову.

— Не знаю...— задумчиво сказал Дирантович— Не знаю, хватит ли и второй жизни Семену Пральникову.

— Вы считаете его работы бесперспективными? — поинтересовался Фетюков.

— Нет. Пожалуй... скорее чересчур перспективными. Впрочем... в данном случае мое суждение не так уж обязательно. Поверьте, Никанор Павлович, что меня больше смущает техника вашего эксперимента, чем уравнения Пральникова.

— На этот счет можете не беспокоиться. Техника достаточно отработана.

— Вот об этом и нужно было говорить,— желчно заметил Фетюков,— о технике эксперимента, а не о каких-то хромосомах.

— Без хромосом нельзя,— ответил Смарыга.— Все дело в хромосомах. Однако я согласен учесть сделанные замечания и продолжать дальше, как выразился Арсений Николаевич, на более строгом уровне. В конце шестидесятых годов доктор Гурдон, работавший в Оксфордском университете, произвел примечательный эксперимент. Он взял неоплодотворенное яйцо самки жабы и убил в нем ядро с материнской генетической наследственностью. Затем он извлек ядро из клетки кишечного эпителия другой жабы и ввел его в цитоплазму яйца, лишенного ядра. В результате развился новый индивид, который унаследовал все генетические признаки жабы, у которой была взята клетка кишечника. Можно сказать, что эта же самая жаба начала новую жизнь. Понятно?

— Понятно,— ответил Дирантович.— Но ведь то была жаба, размножающаяся весьма примитивным образом, тогда как...

— Мне ясны ваши сомнения. Пользуясь принципиально той же методикой, я произвел несколько десятков опытов на млекопитающих, и каждый раз с неизменным успехом.

— Но здесь речь идет о человеке! — вскипел Фетюков.— Есть все же разница между сочинениями фантастов и...

— Я не пишу фантастические романы, да и не читаю их тоже, кстати сказать. Все обстоит гораздо проще. Оплодотворенное таким образом яйцо должно быть трансплантировано в женский организм и должно пройти все стадии нормального внутриутробного развития.

— Помилуйте! — сказал Дирантович.— Но кто же, по вашему, согласится...

— Стать женой и матерью академика Пральникова?

— Вот именно!

— Этот вопрос решен.— Смарыга указал на сидевшую в углу сестру.— Нина Федоровна Земцова. Она уже дала согласие.

— Вы?!

Сестра покраснела, смущенно оправила складки халата и кивнула головой.

— Вы замужем?

— Нет... Была замужем.

— Дети есть?

— Нету.

— Вы ясно представляете себе, на что дали согласие?

— Представляю.

— Тогда разрешите узнать, что толкнуло вас на это решение.

— Я... Мне бы хотелось не говорить об этом.

— Хорошо.

Дирантович откинулся на спинку кресла и задумался, скрестив руки на груди. Фетюков достал из кармана брюк перочинный ножик в замшевом футляре. Перепробовав несколько хитроумных лезвий, он наконец нашел нужное и занялся маникюром. Врач закурил, пряча сигарету в кулаке и пуская дым под стол.

Смарыга весь как-то сник. От бывшего задора не осталось и следа. Сейчас в его глазах, устремленных на Дирантовича, было даже что-то жалкое.

— Так...— Дирантович повернулся к Смарыге.— Вам, очевидно, придется ответить на много вопросов, но первый из них — основной. До сих пор такие опыты на людях не производились?

— Нет.

— Тогда скажите, представляет ли ваш эксперимент какую-нибудь опасность для здоровья Нины?..

— Федоровны.

— Спасибо! Нины Федоровны.

— Нет, не представляет.

— А вы как думаете? — обратился Дирантович к врачу.

— Видите ли, я только терапевт, но полагаю...

— Благодарю вас! Значит, прошу обеспечить заключение квалифицированного специалиста.

— Оно уже есть, — ответил Смарыга. — Профессор Черемшинов. Он же будет ассистировать при операции и вести дальнейшее наблюдение.

— Допустим. Теперь второй вопрос, иного рода. Насколько я понимаю, полная генетическая идентичность, о которой вы говорили, имеет место и у однояйцевых близнецов?

— Совершенно верно!

— Однако известны случаи, когда такие близнецы, будучи в детстве похожими как две капли воды, в результате различных условий воспитания приобретают резкие различия в характерах, вкусах, привычках, словом, во всем, что касается их индивидуальности.

— И это правильно.

— Так какая же может существовать уверенность, что дубликат Семена Ильича Пральникова будет действительно идентичен ему всю жизнь? Не можете же вы полностью повторить условия, в которых рос, воспитывался и жил прототип.

— Я ждал этого вопроса, — усмехнулся Смарыга.

— И что же?

— А то, что мы вступаем здесь в область спорных и недоказуемых предположений. Наследственность и среда.

— Ага! — сказал Фетюков. — Спорных и недоказуемых. Я прошу вас, Арсений Николаевич, обратить внимание...

— Да, — подтвердил Смарыга, — спорных и недоказуемых. Возьмем, к примеру, характер. Это нечто такое, что дано нам при рождении. Индивидуальные черты характера проявляются и у грудного ребенка. Этот характер можно подавить, сломать, он может претерпеть известные изменения в результате болезни. Но кто скажет с полной ответственностью, что ему когда-либо удалось воспитать другой характер у человека?

— Вы, вероятно, не читали книг Макаренко, — вмешался Фетюков. — Если бы читали...

— Читал. Но мы с вами, к сожалению, говорим о разных вещах. Можно воспитать в человеке известные мо-

ральные понятия, привычки, труднее — вкусы, и совсем уж невозможно чужой волей вдохнуть в него способности, темперамент, или талант, все что принято называть искрой божьей.

— Ну вот, договорились! — сказал Фетюков. — Искра божья!

— Пойдите! — недовольно поморщился Дирантович. — Не придирайтесь к словам. Продолжайте, пожалуйста, Никанор Павлович.

— Спасибо! Теперь я готов ответить вам на вопрос о близнецах. Посредственность более всего восприимчива к влиянию среды. Весь облик посредственного человека складывается из его поступков, а на них-то легче всего влиять. Предположим, один из близнецов работает заведующим складом, другой же остался служить в армии. Действительно, по прошествии какого-то времени их характеры могут потерять всякое сходство. И причина здесь кроется не в каких-то чудодейственных свойствах среды, а в изначальной примитивности этих характеров.

— Н-да! — почесал затылок Дирантович. — Теорийка! Вот куда вы гнете? Подавай врожденную одаренность, и никаких гвоздей! Значит, по-вашему, будь у Шекспира однойяцевый близнец, он бы обязательно тоже?..

— При одном условии.

— Каком же?

— При условии, что его способности были бы вовремя выявлены. Кто знает, сколько на нашем пути встречается не нашедших себя шекспиров? В случае с Пральниковым все обстоит иначе. Мы знаем, что он гениальный ученый. Знаем область, в которой он себя проявил. Следовательно, с первых лет воспитания мы можем направить его дубликат по уже проторенной дороге. Более того: уберечь его от тех ошибок, которые совершил Семен Пральников в поисках самого себя. Никаких школ, индивидуальное, направленное образование с привлечением лучших специалистов. Правда, это будет стоить денег, однако...

— Однако не надейтесь, что Комитет будет финансировать вашу затею, — перебил Фетюков.

— Почему же это?

— Потому что таких статей расходов в перспективном плане исследовательских работ не существует.

— Планы составляются людьми.

— И утверждаются Комитетом.

— Пойдите! — вмешался Дирантович. — Этот вопрос может быть решен иначе. Если академик Пральников продолжает существовать, хотя и в э... другой ипостаси, то нет никаких оснований к тому, чтобы не выплачивать ему академический оклад. Не правда ли?

— Конечно! — сказал Смарыга.

— Я думаю, что мне удастся получить на это санкцию президиума. Что же касается прочих дел, квартиры, книг, ну и вообще всякой личной собственности, то Комитет должен позаботиться, чтобы все это осталось пока в распоряжении Нины Федоровны, в данном случае как опекуни. Согласны?

— Простите, Арсений Николаевич, — опешил Фетюков. — Вы что же, уже считаете вопрос о предложении профессора Смарыги решенным?

— Для себя — да, а вы?

— Я вообще не вправе санкционировать такие решения. Они должны приниматься, так сказать, только на высшем уровне.

— Вот те раз! — сказал Смарыга. — Для чего же вы тут сидите?

— Я доложу начальству, — вздохнул Фетюков. — Пойду звонить.

Дирантович подошел к окну.

— Ну и погодка! Вот когда-нибудь в такой вечер и я, наверное...

— Не волнуйте себя зря, — сказал Смарыга. — Статистика показывает, что люди вашего возраста обычно умирают под утро, когда грусть природы по этому поводу мало ощущается.

— А вы когда-нибудь думаете о смерти?

— Если бы не думал, мы бы с вами сейчас здесь не сидели.

— Я другое имел в виду. О своей смерти?

— О своей смерти у меня нет времени думать. Да и ни к чему это.

— Неужели вы не любите жизнь?

— Как вам сказать? Жизнь меня не баловала. Я люблю свою работу, но ведь все, что мы делаем, как-то остается и после нас.

— Это не совсем то. А вот и товарищ Фетюков. Ну что, дозвонились?

— Дозвонился. Если Академия наук берет на себя ответственность за проведение всего эксперимента, то

Комитет не видит оснований препятствовать. Разумеется, на тех условиях, о которых говорил Арсений Николаевич.

— Отлично!

— Кроме того, нам нужно составить документ, в котором...

— Составляйте! — перебил Дирантович. — Составляйте документ, я подпишу, а сейчас, — он поклонился, — прошу извинить, дела. Желаю успеха!

— Я могу вас подвезти, — предложил Фетюков.

— Не нужно. Машина меня ждет.

Фетюков вышел за ним, не прощаясь.

После их ухода Смарыга несколько минут молча глядел из-под лохматых бровей на Земцову.

— Ну-с, Нина Федоровна, — наконец сказал он, — а вы-то не передумали?

— Я готова, — спокойно ответила сестра.

Юрий Петрович Фетюков

Мерзкий тип этот Смарыга. Дали бы мне власть, никогда бы не разрешил его дурацкий эксперимент. Вот уж не предполагал, что Дирантович так быстро клюнет на удочку. Роскошное зрелище: какой-то коновал читает лекцию академику. Меня бы он не провел. Как-никак у меня тоже высшее образование и диплом с отличием. Я свободно владею тремя языками. Правда, я по образованию — металлург, но это, так сказать, ошибка молодости. Вообще же мое призвание — дипломатическая карьера, и если бы не та история десять лет назад... Впрочем, как говорится, не будем уточнять.

Субъекты вроде Смарыги у меня всегда вызывали отвращение. Обтрепанные брюки, грязные ботинки, на пиджаке перхоть, а самоуверенности хоть отбавляй. Был у него в так называемой лаборатории, черт знает что! Сарай какой-то. То ли дело — Дирантович. Входишь к нему в институт, дух захватывает. Здание в модерне, сплошное стекло, бесшумные лифты, импортная аппаратура, кабинет, как у министра, и такая секретарша, что полжизни отдашь! Старик в этих делах понимает толк.

Но что меня совершенно покоряет в Арсении Николаевиче, так это его манера держаться. Этакое вежливое, внимательное высокомерие. Ничего напускного, все совершенно естественно. Вот что значит настоящее воспи-

тание! Я, признаться, как-то интересовался его данными. Из дворян. Отец до революции большие чины имел. Теперь, конечно, на такие вещи смотрят сквозь пальцы, но в свое время, вероятно, испытывал кое-какие трудности. И все же, говорят, быть ему вице-президентом!

Отношения с Пральниковым у него всегда, кажется, были натянутыми. Тот вообще был какой-то ненормальный. Мне часто приходится сопровождать иностранных ученых. Я обслуживаю физиков. Для каждой делегации заранее разработана программа, в зависимости от ранга, разумеется. Для самых высоких — беседа с шефом, посещение института Дирантовича, «Лебединое озеро», в антрактах икра, водка, семга, потом экскурсия в Загорск и прочее. На память — сувениры, пусть знают русское гостеприимство! Так вот, в последнее время все прямо с ума посходили. Подавай им Пральникова, и только! Я не очень разбираюсь в его работах. Смотрел как-то оттиск статьи, ничего не понял. Признаться, начисто забыл высшую математику. Однако ходил он в гениях. Возить к нему иностранцев было сущим наказанием. Выйдет к гостям в старом застиранном свитере, карманы брюк набиты табаком, в зубах вечно торчит вонючая трубка. Никогда не спросит у дам разрешения курить. Помню, как-то было заседание Комитета, много приглашенных. Все идет на высшем уровне, один Пральников непрерывно дымит. Горелые спички складывает на столе. Наконец шеф не выдержал и сказал: «Семен Ильич, у нас тут воздух кондиционированный, может, дождетесь конца заседания, тогда и покурите?» А Пральников поднялся и говорит: «Зачем же ждать? Я лучше в институт поеду, там у меня воздух по моему вкусу». Смахнул спички в карман и ушел.

Так вот, привезешь к нему делегацию, начинаются споры. Английское произношение у Пральникова, как у школьника, французское — и того хуже. А тут разгорячится, ни слова не поймешь, хватает собеседников за руки, перемажет им пиджаки мелом. У него в кабинете висела большая доска, он на ней во время разговоров всегда что-то рисовал.

У нас такое правило установилось: приехали иностранные гости, сервируй хотя бы чай. Пральников — ни-ни, никогда. Я ему раз намекнул, так он меня чуть не выставил. «У меня, — говорит, — не харчевня, они за другим приходят».

Вот вам, так сказать, прототип. Теперь о самой затее. Конечно, все это собачий бред. Я не ученый, не лезу в гении, но у меня намечен твердый жизненный путь. Человеку отпущена всего одна жизнь. Все дело в том, как ее прожить. Для того чтобы чего-нибудь добиться, нужно прежде всего воспитание. Если стремишься к успеху, должен работать над собой непрерывно. Тут на хромосомы с генами полагаться нечего. Нужно выработать в себе умение разговаривать с людьми, культуру поведения и даже осанку. Да, да, осанку. В тех сферах, где я надеюсь занять подобающее положение, осанка тоже имеет немаловажное значение. Посмотришь на иного деятеля, впервые севшего в отдельный кабинет, смех разбирает. Прет пузом вперед, за столом восседает, как наседка на яйцах, на собеседника глаз не поднимет, подчиненным «ты» говорит, в разговоре двух слов связать не может. Все это дешевка! Способность непринужденно войти в ложу театра или зал приема, поддерживать беседу со случайными знакомыми, знание языков и современной литературы, хорошо сшитый костюм, элегантная обувь придают человеку куда больший вес, чем самоуверенное административное хамство. Оно нынче не в моде.

Я очень слежу за собой. Не пью, не курю, утром зарядка с эспандером, холодный душ, два раза в неделю плаваю в бассейне. Много читаю. Отечественную литературу, по правде сказать, не жалую. Классики еще в школе опротивели, а то, что печатается в журналах, за редким исключением — потребительский товар. Я, конечно, понимаю, что нужно воспитывать массы. Социалистический реализм, и все такое. Но не будешь же разговаривать с иностранцами о подобных ремесленных поделках. Я, слава богу, все могу читать в подлинниках. Джойс, Сэлинджер, Камю, Селин. Селин мне особенно нравится. По-моему, «Путешествие на край ночи» — выдающееся произведение. Я люблю такие вещи, где человек показан голеньким, со всеми его пороками и страстишками. Немцев, за исключением Ремарка, не люблю. Пробовал читать Томаса Манна, не выдержал. Скукотища!

Женщины в моей жизни большой роли не играют, хотя «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Предпочитаю иметь дело с замужними. У меня хорошая квартира и приличный автомобиль, что, в общем, способствует. Избегаю длительных связей. К счастью, в наш век никто не травится от несчастной любви. Женюсь не рань-

ше сорока лет. К чему добровольно в молодости связывать свою свободу?

Пишу я это не для того, чтобы похвастать, какой я исключительный. Наоборот, мне хочется показать, что все, чего я достиг и несомненно достигну в будущем, никакого отношения к наследственности не имеет. Мои родители выдающимися качествами не обладали. Отец всю жизнь проработал зубным врачом, копался в гнилых зубах, а мать служила где-то плановиком. Вот вам и хромосомы!

Что же касается характера, то я его сам в себе воспитал. Твердо поставленная цель в жизни, настойчивость и самодисциплина сделают кого угодно хоть Наполеоном.

А то, что Смарыга допсиховался до сердечного припадка, то сам в этом виноват. Я-то тут при чем?

Арсений Николаевич Дирантович

Семен Пральников. Он был моложе меня всего на десять лет, но мне всегда казалось, что мы — представители разных поколений. Трудно сказать, с чего началось это отчуждение. Может быть, толчком послужили те выборы в Академию, когда из двух кандидатов прошел он, а не я, но суть нашей антипатии друг к другу вызывалась более серьезными причинами. Мы с ним слишком разные люди, и в науке, и в жизни. Я экспериментатор, он — теоретик. Для меня наука — упорный, повседневный труд, для него — озарение. Если прибегнуть к сравнениям, то я промываю золотиносный песок и по крупице собираю драгоценный металл, он же искал только самородки и обязательно покрупнее. Мои опыты безукоризненно точны. Перед публикацией я проверяю результаты десятки раз, пока не появится абсолютная уверенность в их воспроизводимости. Пральников всегда торопился. Может быть, он чувствовал, что в конце концов ему не хватит времени. Я из тех, чьи работы сразу попадают в учебники, они отлично укладываются в классические теории, Пральников же по натуре — опровергатель, стремящийся взорвать то, что построили другие. Жизнь таких людей — это путь на Голгофу. Чаще всего они, как Лобачевский, умирают отвергнутые официальной наукой, освищенные учителями гимназий. Если к ним и приходит

слава, то посмертно. Пральникову повезло в одном: он родился в ту эпоху, когда экстравагантные теории быстро пробивают себе путь.

Моя неприязнь к Пральникову достаточно широко известна, и это обстоятельство накладывало на меня некоторые ограничения при решении судьбы эксперимента Смарыги. Мне не хотелось, чтобы отказ был превратно истолкован. Могло создаться впечатление, будто я намеренно мешаю Пральникову после его смерти. Достаточно того, что уже говорят за моей спиной. Все это ложь, я никогда не возглавлял никакой травли. Просто некий журналист из недоучившихся физиков недобросовестно использовал мои критические замечания по одной из второстепенных работ Пральникова для развязывания газетной кампании, которая, впрочем, успеха не имела. Кстати, я был первым, кто не побоялся тогда поднять голос в его защиту.

Смарыга у меня вызывал симпатию, несмотря на его ужасающую бестактность. Я люблю напористых людей. Фетюков — ничтожество, о котором и говорить не стоило бы, но что поделаешь? Нам всем нужно как-то уживаться в этом мире, иначе инфарктов не оберешься. Спорить с дураками — занятие не только бесплодное, но и вредное для здоровья.

Я не верю в эксперимент Смарыги. Человеческая личность неповторима. Внутренний мир каждого из нас защищен некой незримой оболочкой. Нельзя испытать чужую боль, чужую радость, чужое наслаждение. Мы все — это капли разума с очень большим поверхностным натяжением, которое мешает им слиться в единую жидкость. Генетическая идентичность здесь тоже ничего не меняет. Семену Пральникову не легче и не труднее в могиле оттого, что по свету будет ходить его точная копия. Все дело в том, что Семен Пральников мертв и его праху вообще уже недоступны никакие чувства. Тот, второй Пральников будет новым человеком в своей собственной защитной оболочке. Возможна ли какая-то особая связь между ним и его прототипом? Может ли то, что пережил человек, стать частью генетической памяти? Сомневаюсь. Молодость всегда открывает для себя мир заново. Ведь даже Фауст — всего лишь второстепенный персонаж рядом с мудрым Мефистофелем, носителем разочарования, этой высшей формы человеческого опыта.

Каждый из нас, на протяжении своей жизни, тоже не остается идентичным самому себе. Вы помните? «Только змеи сбрасывают кожу, чтоб душа старела и росла, мы, увы, со змеями несхожи, мы меняем души, не тела». К сожалению, дело обстоит еще хуже. Тела тоже меняются. Наступает момент, когда мы с грустью в этом убеждаемся. Всякий человек создал какое-то представление о себе, так сказать, среднестатистический результат многих лет самоанализа. Понаблюдайте за ним, когда он глядит в зеркало. В этот момент меняется все: выражение лица, походка, жесты. Он подсознательно пытается привести свой облик к этой психологической фикции. Защитный камуфляж от неумолимой действительности.

Недавно аспиранты решили сделать мне подарок. Преподали фильм об академике Дирантовиче, снятый, как это сейчас называется, скрытой камерой. Притащили проектор, и моя особа предстала предо мной во всей красе. Великий боже! Не хочется вдаваться в подробности, к тому же болтливость — тоже результат распада личности под влиянием временных факторов, типично стариковская привычка.

Итак, я разрешил эксперимент Смарыги, считая неизбежным неудачный исход. Мне лучше, чем многим, известно, что отрицательный результат в научном исследовании иногда важнее положительного. В данном же случае для меня он имел еще и особое значение. Мне хотелось самому убедиться, что из этого ничего не выйдет, и раз навсегда отбить охоту у других повторять подобные опыты. Меня пугают некоторые тенденции в современной генетике. Должны существовать моральные запреты на любые попытки вмешаться в биологическую сущность человека. Это неприкосновенная область. Идеи Смарыги таят в себе огромную потенциальную опасность. Представьте себе, что когда-нибудь будет установлен оптимальный тип ученого, художника, артиста, государственного деятеля и их начнут штамповать по наперед заданному образцу. Нет, уж лучше что угодно, только не это!

Меня могут обвинить в непоследовательности: с одной стороны, не верю, с другой — боюсь. К сожалению, это так. Не верю, потому что боюсь, боюсь оттого, что не вполне тверд в своей неверии.

Неизвестно, доживу ли я до результатов эксперимента... Смарыга — первый, кто за ним?

После смерти Смарыги вся ответственность легла на меня, но еще при его жизни кое-что пришлось пересмотреть. Я считал, что все дело нельзя предавать широкой огласке. В частности, от молодого Пральникова нужно было скрыть правду. Иначе это могло бы повлиять на его психику, и весь эксперимент стал бы, как говорится, недостаточно чистым. Поэтому невозможно было присвоить дубликату Семена Ильича имя и отчество прототипа. Смарыга в этом вопросе проявил удивительное упрямство. Пришлось решать, как выразился Фетюков, «в административном порядке». При этом мы учли желание матери назвать сына Андреем.

Андрею Семеновичу Пральникову, внебрачному сыну академика, была назначена академическая пенсия до получения диплома о высшем образовании. В самую же суть эксперимента были посвящены очень немногие, только те, кого это в какой-то мере касалось, в том числе кандидат физико-математических наук Михаил Иванович Лукомский, на которого возложили роль ментора будущего гения.

Образно выражаясь, мы бросили камень в воду. Куда дойдут круги от него? Впрочем, я не из тех, кто преждевременно заглядывает в конец детективного романа. Развязка обычно наперед задумана автором, но она должна как-то вытекать из логического хода событий, хотя меня лично больше всего прельщают неожиданные концовки.

Михаил Иванович Лукомский

Мне было тридцать лет, когда умер Семен Ильич Пральников. Этот человек всегда вызывал во мне восхищение. Я часто бывал у него в институте на семинарах, и каждый раз для меня это было праздником. Трудно передать его манеру разговаривать. Отточенный, изящный монолог, спор с самим собой. Всегда на ходу, с трубкой в зубах, он с удивительной легкостью обосновывал какую-нибудь гипотезу, и вдруг, когда уже все казалось совершенно ясным, неожиданно становился на точку зрения воображаемого оппонента и разбивал собственные построения в пух и прах. Мы при этом обычно играли роль статистов, подбрасывая ему вопросы, которые он всегда выслушивал с величайшей внимательно-

стью. В нем не было никакого высокомерия, но в спорах он никого не щадил. Больше всего любил запутанные задачи. Для нас, молодежи, он был кумиром. Как всегда, находились и скептики, считавшие, что он взялся за непосильный труд, что его теория, родившаяся «на кончике пера», будет еще много лет ждать подтверждающих ее фактов и что попытки делать столь широкие обобщения преждевременны. Может быть, кое в чем они были и правы. Несомненно одно: смерть Семена Ильича нанесла тяжелый урон науке.

Я был несказанно удивлен и обрадован, когда Дирантович сказал, что точная копия Пральникова скоро вновь появится на свет и что мне поручаются заботы об его образовании. Такому делу не жалко было посвятить всю свою жизнь!

О многом приходилось подумать. Школа с ее растянутой программой и ограниченной творческой самостоятельностью учащихся явно не подходила.

Свою задачу я видел в том, чтобы с младенческих лет привить Андрею математическое мышление, вызвать интерес к чисто умозрительным проблемам, дать основательную физико-математическую подготовку и широкий кругозор в естественных науках. По-моему, это основное, чем должен обладать будущий теоретик.

Кое-чего мне удалось добиться: Раньше, чем Андрей научился читать, он уже совершенно свободно оперировал отвлеченными понятиями и умел находить общие решения частных задач, все это, разумеется, в примитиве, но у меня не было сомнений в его дальнейших успехах. Способности у него были великолепные.

К двенадцати годам мы с ним, в общем, прошли по математике, физике и химии весь курс средней школы. Теперь нужно было позаботиться не столько о расширении знаний, сколько об их углублении.

К сожалению, иначе обстояло дело с другими предметами. Я привлек лучших преподавателей, но все они в один голос жаловались на его неспособность запоминать даты, географические названия и даже усваивать правила орфографии и пунктуации.

К тому же Андрей начал читать все без разбора. Я пытался хоть как-то руководить выбором книг для него, но тут наткнулся на редкое упрямство. Он мне прямо заявил, что это не мое дело.

Однажды я застал его за чтением книги по квантовой механике. Я отобрал книгу и сказал:

— Не забивай себе голову вещами, в которых ты разобратся не можешь.

— Почему?

— Потому что квантовая механика оперирует такими математическими понятиями и методами, которые тебе еще недоступны.

Он с явной насмешкой поглядел на меня и ответил:

— А я пытаюсь понять, что тут написано *словами.

— Ну и что же?

— Почти ничего не понял.

Я рассмеялся.

— Вот видишь! Зачем же попусту тратить время? Потерпи немного. Скоро все это станет твоим достоянием. Ты овладеешь современным математическим аппаратом, и перед тобой откроется новый изумительный мир во всей его неповторимой сложности.

Он как-то очень грустно покачал головой.

— Нет, я не хочу такого мира, который нельзя объяснить словами. Мир, ведь он для всех, а не только для тех, кто владеет этим аппаратом.

Я, как мог, постарался объяснить ему особенности процесса познания в новой физике. Рассказал о принципе неопределенности, упомянул работы Семена Ильича. Он заинтересовался, спросил:

— А мой отец был действительно гениальным ученым?

— Конечно!

— А я мог бы прочесть его работы?

— Пока — нет, для этого у тебя еще слишком мало знаний, но о нем самом я тебе могу кое-что дать.

На следующий день я принес ему книгу о Семене Пральникове. Он ее прочитал в один присест, и несколько дней после этого был очень рассеянным на уроках.

— О чем ты думаешь?! — сделал я ему замечание, когда он переспросил условия задачи.

— О своем отце.

Между тем жалобы других учителей на Андрея становились все более настойчивыми, и я решил посоветоваться с психиатром.

Мне порекомендовали представителя какой-то новой школы.

Я его привез на дачу в Кратово и под благовидным предлогом оставил в саду наедине с Андреем. Предварительно я сказал ему, что это мой воспитанник, по-видимому, в перспективе выдающийся математик, и объяснил, что меня в нем смущает.

Беседовали они больше часа.

По дороге на станцию мой новый знакомый упорно молчал. Наконец, я не выдержал и спросил, что он думает об Андрее.

Его ответ несколько обескуражил меня.

— Вероятно, то, что вы бы не хотели услышать.

— Например?

Он, в свою очередь, задал вопрос:

— Вы считаете его действительно талантливым мальчиком?

— Несомненно!

— Так вот. Все талантливые люди, подобно бегунам, делятся на стайёров и спринтеров. Одни в состоянии скрупулезно рассчитывать свои силы на марафонских дистанциях, другие же могут дать все, на что способны, только в коротком рывке. Первые всегда верят в здравый смысл, вторые — в невозможное. Ваш воспитанник — типичный спринтер. Из таких никогда не получаются экспериментаторы. Они для этого слишком нетерпеливы и неуравновешенны. Вы жалуетесь на то, что он не может ничего зазубрить. Для людей его склада это очень характерно. Воспитание тут вряд ли может что-нибудь дать. Различия, о которых я говорил, обуславливаются типами нервной системы.

— Следовательно?..

— Следовательно, я могу вам только сочувствовать. У вас сложное положение. Удастся ли вам подготовить нового рекордсмена, или все надежды лопнут, как мыльный пузырь, зависит не от вас, а от него.

— Как это понимать?

— Я уже сказал, вера в невозможное. Ясно только одно: чем больше вы будете на него давить, тем меньше шансов, что такая вера появится. К сожалению, ничего больше я вам сказать не могу.

Мне от этого было не легче.

Виктор Борисович Кашутин

Историю Андрея Пральникова я узнал перед его поступлением в университет. Михаил Иванович Лукомский пришел ко мне в деканат по поручению Дирантовича. Он посвятил меня во все подробности и просил принять Пральникова без экзаменов на первый курс физического факультета. Это было связано с некоторыми трудностями. Пральников сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости с посредственными оценками по гуманитарным предметам. Кроме того, ему было всего 15 лет.

Для соблюдения хоть каких-то формальностей мы решили устроить собеседование по профилирующим дисциплинам и на основании несомненно выдающихся способностей добиться соответствующего решения. Лукомский просил меня держать в строжайшей тайне проводящийся эксперимент и обещал, что в случае каких-либо возражений ректора Дирантович все уладит.

Беседа должна была проходить у меня дома.

Честно говоря, я волновался, зная, кого мне предстоит экзаменовывать. Во всяком случае, я позаботился о том, чтобы наша встреча прошла в самой непринужденной обстановке.

Ольга Николаевна, как всегда, оказалась на высоте. Изысканный холодный ужин, бутылка легкого итальянского вина, к чаю — ее знаменитый торт. Для Лукомского — кофе с коньяком. Я знаю его слабость.

Они пришли вместе. Лукомский, видимо, был слегка обеспокоен, Пральников же казался просто напуганным.

Ольга Николаевна почувствовала создавшуюся напряженность и начала потчевать гостей. Она с материнской заботливостью накладывала Пральникову в тарелку кусочки повкуснее и собственноручно налила ему фужер вина, который он осушил залпом.

Я уже было решил приступить к делу, как Пральников спросил:

- Послушайте, а это что там в пузатой бутылке?
- Коньяк.
- Можно попробовать?

Я посмотрел на Лукомского. Тот пожал плечами. Ольга Николаевна и тут проявила свойственный ей такт. Она достала из буфета самую маленькую рюмку. Я выполнил роль виночерпия и поднялся с бокалом в руке.

Я говорил о славной когорте физиков, пробивающих

путь к познанию мира, о том, что все мы — наследники Ньютона, Максвелла, Эйнштейна, Планка...

— Птолемея,— неожиданно прервал меня Пральников. Он уже каким-то образом умудрился опорожнить свою рюмку.

— Если хотите, то и Птолемея, и Лукреция Кара, и многих других, которые...

Он снова не дал мне договорить.

— Кара оставьте в покое! Он все-таки чувствовал гармонию природы. Ньютон, пожалуй, тоже. А вот вы все — прямые наследники Птолемея.

— Это с какой же стороны?

— С любой. Птолемей создал ложное представление о вселенной, но к нему на помощь пришла математика. Оказалось, что и в этом мире, ограниченном воображением тупицы, можно удовлетворительно предсказывать положение планет. Сейчас такой метод стал господствующим в физике. Вы объясняете все, прибегая к математическим абстракциям, заранее отказавшись от возможности усваивать элементарные понятия.

Тут вмешался Лукомский.

— Не забывай, Андрей, что при переходе в микромир наши обычные представления теряют всякий смысл, но заменяющие их математические абстракции все же дали возможность осуществить ядерные реакции, которые...

Пральников расхохотался.

— Умора! Тоже нашли пример! Да спокон веков люди производят себе подобных, хотя до сих пор никто не понимает ни сути, ни происхождения жизни. Какое все это имеет отношение к познанию истины?

Этого уже не выдержала Ольга Николаевна. Она биолог и никогда не позволяет профанам вторгаться в священную для нее область.

— Охотно допускаю, что вы не представляете себе происхождение жизни,— сказала она ледяным тоном.— Что же касается ученых, то у них по этому поводу не возникает сомнений.

— Коацерватные капельки?

— Хотя бы.

— Так... — сказал он, вытирая ладонью губы.— Значит, коацерватные капельки. Пожалуй, на уровне знаний прошлого века не так уж плохо. Сначала капелька, потом оболочка, цитоплазма, ядро. Просто и дешево. Но как быть сейчас, когда **ученым**, — он очень

ловко передразнил интонацию Ольги Николаевны,— когда ученым известна, и то не до конца, феноменальная сложность структур и энергетических процессов клетки, процессов, которые мы и воспроизвести-то не можем. Что ж, так просто, под влиянием случайных факторов они появились в вашей капельке?

Я видел, как трудно было сдерживаться Ольге Николаевне, и пришел к ней на помощь, используя, возможно, и не вполне корректный прием.

— Вы что ж, в бога веруете?

Он с каким-то озлоблением повернулся ко мне.

— Я ищу знания, а не веры. Верить все равно во что, хоть в сотворение мира, хоть в ваши капельки. Между абсурдом и нелепостью разница не так уж велика.

Лукомский еще раз попытался исправить положение.

— Зарождение жизни,— сказал он,— это антиэнтропийный процесс, где обычные вероятностные законы могут и не иметь места. Мы слишком мало еще знаем о таких процессах, чтобы...

— Чтобы болтать все, что придет на ум. Не так ли?

— Совсем не так!

— Нашли объяснение образованию симфонии из шума. Антиэнтропийный процесс! А дальше что? Вот вы,— он ткнул пальцем по направлению к Ольге Николаевне,— считать умеете?

— Думаю, что умею.

— Не в том смысле, сколько стоит эта рыба, учитывая ее цену и вес, а в том, сколько лет требуется, чтобы она появилась в общем процессе биологического развития.

— Мне не нужно это считать. Существует палеонтология, которая дает возможность хотя бы приблизительно установить...

— Что между теорией изменчивости и естественного отбора, с одной стороны, и элементарными подсчетами вероятности случайного образования сложных рациональных структур — с другой, непреодолимая пропасть. Тут уже антиэнтропийными процессами не отделаешься!

Я понял, что пора кончать, и подмигнул Лукомскому.

— Ну что ж,— сказал он, вставая,— мы как-нибудь еще продолжим наш спор, а сейчас разрешите поблагодарить. Нам пора.

Судя по всему, он был в совершенной ярости.

— Ну как? — спросил я Ольгу Николаевну, когда мы остались одни.

— Трудный ребенок! — рассмеялась она.

Думаю, что это было правильным определением. Насколько я знаю, Семен Пральников до самой смерти тоже оставался трудным ребенком.

Все же должен сознаться, что первая встреча с Андреем Пральниковым произвела на меня тягостное впечатление. Этот апломб невежды, этот гаерский тон могли быть лишь следствием нахватавшихся, поверхностных сведений и никак не свидетельствовали не только о сколько-нибудь систематическом образовании, но и об элементарном воспитании. Жаль только, что и тем и другим руководил такой уважаемый человек, как Михаил Иванович Лукомский. Будь моя воля, Андрею Пральникову не видать бы стен университета как своих ушей.

Однако Лукомский с Дирантовичем проявили такую настойчивость, оказали такой нажим во всевозможных инстанциях, что в конце концов Пральников был зачислен студентом.

Учился Пральников хорошо, но без всякого блеска и как студент никакими выдающимися качествами не обладал.

Срыв произошел уже на пятом курсе, когда он вдруг заявил о своем намерении перейти на биологический факультет.

Лена Сабурова

Мы дружили с Андреем Пральниковым. Иногда мне казалось, что это больше, чем дружба... видимо, я ошибалась.

Вначале он не привлекал моего внимания, может быть, потому, что был самым молодым на нашем курсе. Такой рыжий паренек с веснушками. Держался всегда особняком, приятелей не заводил.

У нас говорили, что это сын знаменитого академика, что в детстве у него подозревали какие-то удивительные способности, нанимали специальных учителей, но надежд он как будто не оправдал.

Наше настоящее знакомство состоялось уже на 4-м курсе. Как-то после лекций он подошел ко мне в коридоре, страшно смущенный, комкая в руках какую-то бумажку, и, запинаясь, сказал, что у него совершенно случайно есть лишний билет в кино и что, если я не возражаю...

Я не возражала.

В кино он сидел, нахохлившись, как воробей, но в конце сеанса взял меня за руку, а провожая домой, даже попытался поцеловать. Я сказала, что не обязательно выполнять всю намеченную программу сразу. Он удивительно покорно согласился и ушел.

Спустя несколько дней он спросил меня, не собираюсь ли я в воскресенье на лыжах за город. Я собиралась.

Мы провели этот день вместе и с тех пор начали встречаться очень часто.

Как-то я взяла два билета на органнй концерт, один себе, другой для него. Когда я ему об этом сказала, он поморщился и процедил сквозь зубы:

— Ладно, если тебе это доставит удовольствие.

Я обиделась, наговорила ему много лишнего, и мы чуть не поссорились. Впрочем, на концерт пошли.

Минут десять он ерзал в кресле, сморкался, кашлял, словом, мешал слушать не только мне, но и всем окружающим. Затем вдруг вскочил и направился к выходу. Не понимая, в чем дело, я побежала за ним.

Вот тут-то, в фойе, и разыгралась наша первая ссора.

Он орал так, что прибежала билетерша.

— Не смей меня больше сюда таскать! Это не искусство, это... это... черт знает что!

Я довольно спокойно сказала, что для того, чтобы понимать классическую музыку, нужна большая внутренняя культура, которую невозможно развить в себе без того, чтобы... и так далее.

Куда там!

— Культура?! — орал он пуще прежнего. — Посмотри в кино, как дикари слушают Баха. А кобры? У них что, тоже культура?!

Чужая злость всегда заразительна. Всякий крик меня обычно выводит из равновесия.

— Не понимаю, чего ты хочешь?! Чем тебе плоха музыка?

— А тем, что это примитивное физиологическое воздействие на эмоции, в обход разума.

— Да, если разум находится в зачаточном состоянии!

— В каком бы состоянии он ни находился! А если я не желаю постороннего вмешательства в свои эмоции?! Понимаешь, не желаю!

— Ну и сиди дома! Тебе это больше подходит.

— Конечно! Уж лучше электроды в мозг. Там хоть сам можешь как-то генерировать свои эмоции.

Я обозвала его щенком, которому безразлично на что лаять, и ушла в зал. Он принес мне номерок на пальто и отправился домой.

На следующий день он подошел ко мне в перерыве между лекциями и извинился.

С ним было нелегко, но наши отношения постепенно все же налаживались. Мы часто гуляли, много разговаривали. Мне нравилась парадоксальность его суждений, хотя я понимала, что в 19 лет многие мальчишки разыгрывают из себя этаких базаровых.

Летом мы не виделись. Я уехала к тете на юг, он жил где-то под Москвой.

Осенью, при первой нашей встрече, меня поразила странная перемена в нем. Он был какой-то пришибленный. Мы сидели в маленьком скверике на Чистых прудах. Молчали. Вдруг он начал мне читать стихи, сказал, что написал их сам. Стихи были плохие, и я прямо заявила ему об этом.

Он усмехнулся и закурил.

— Странно! А я был уверен, что ты сразу признаешь во мне гения.

Мне почему-то захотелось его позлить, и я сказала, что такие стихи может писать даже электронная машина.

Он было понес очередную ахинею о том, что в наше время найдены эстетический и формальный алгоритмы стихосложения, поэтому почему бы машине и не писать стихи, что вообще стихи — сплошная чушь, одни декларации чувств, что в рассказе хорошего писателя куда больше мыслей, чем в целом томе стихов, но сбился и неожиданно спросил:

— А как ты думаешь, что такое гений?

Я ответила что-то очень шаблонное насчет пяти процентов гения и девяноста пяти процентов потения.

Он обозлился.

— Я серьезно спрашиваю! Мне нужны не педагогические наставления, а точная формулировка.

Я задумалась и сказала, что, вероятно, отличительная черта гения — это чувство ответственности перед людьми и, главное, перед самим собой за свое дарование.

Он обломил с куста прутик и долго рисовал им что-то на песке. Потом поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Может быть, ты и права. Кстати, мне нужно было тебе сказать, что я уезжаю.

— Куда это?

— В пустыню. Думать о своей душе или об этом... как его? Чувстве ответственности.

— Надолго?

— Не знаю.

— А как же университет?

— Подождет. Потом разберемся. Ну, пойдем, провожу тебя домой. Последний раз.

Он действительно уехал. На две недели, без разрешения декана, а когда вернулся, началась эта ерунда с переводом на биофак. Конечно, никакого перевода ему не разрешили, но крику было много. Говорят, сам Дирантович занимался этим делом. Он у него кем-то вроде опекуна.

С того вечера на Чистых прудах в наших отношениях что-то оборвалось. Не знаю почему, но чувствую, что окончательно.

Нина Федоровна Земцова

Боюсь, что я не сумею толком объяснить, почему я на это решилась. Мне всегда хотелось иметь ребенка, но я бесплодна. Никанор Павлович Смарыга и тот, другой профессор объяснили мне, что единственный выход для меня — пересадка. Сказали, что это совершенно безопасно.

Я была старшей сестрой отделения, где лежал Семен Ильич Пральников. Я сама делала ему внутривенные вливания, ну и всякие другие процедуры. Он был очень нетерпеливым, плохо переносил боль и не подпускал к себе никого, кроме меня. Как-то мне попалась тупая игла, и он на меня так накричал, что у меня слезы на глазах появились. И тут он вдруг поцеловал мне руку и спросил:

— Нина Федоровна, вы знаете, о чем мечтает каждый мужчина?

Я сказала, что, наверно, каждый о чем-то своем.
— Ошибаетесь. Каждый настоящий мужчина мечтает о такой жене, как вы.

— Почему же это?

— Потому что вы лечите не только тело, но и душу. Я разревелась, как девчонка. Уже тогда врачи говорили, что он безнадежен. Исхудал он ужасно, кости да кожа, но в лице что-то очень молодое. Никогда не скажешь, что ему 55 лет и что он знаменитый ученый. Просто несчастный паренек, которому еще нужны материнская ласка и уход. Вот тогда я и подумала, что мне бы такого рыжего, вихрастого сыночка. Так что, когда Сма-рыга предложил, я сразу согласилась. Говорили, что все это имеет большое значение для науки, но я, право, не из-за этого.

Беременность и роды были легкими.

О нас очень заботились, дали квартиру, большую пенсию. Я старалась тратить поменьше, знала, что это деньги Андрюшины, может, они ему когда-нибудь понадобятся.

Конечно, мне бы хотелось, чтобы Андрей рос, как все, ходил в садик, играл с другими детьми, но тут моей власти не было. Чуть ли не с пеленок начали натаскивать, как собачонку. Не по душе мне были все эти кубики с формулами, но Михаил Иванович Лукомский говорил, что так нужно.

А тут еще этот Фетюков повадился. Придет, и сразу: «Ну, как наш гений?» Ноги в передней не оботрет, прямо в детскую прется. Все старался Андрюшу чем-нибудь позлить. Каждый раз обязательно до слез доведет. Мне этот Фетюков сразу не понравился. Говорят, это он довел Сма-рыгу до инфаркта.

Я много раз просила Михаила Ивановича, чтобы запретили Фетюкову ходить к Андрюше, но тот только руками разводил. «У него, говорит, особые полномочия». Полномочия не полномочия, а в школу отдать тоже не разрешили. Начали ходить учителя на дом. Совсем Андрею голову задурили. Бывало, скажу ему: «Пойди поиграй хоть во дворе, отдохни немного», а он: «Я играть не умею, лучше посижу, почитаю». Книг у нас тьма-тьмущая, все от покойного Семена Ильича остались.

Вообще-то Андрюша мальчик ласковый, меня любит, но больно они его науками затыркали.

Летом мы всегда выезжали в Кратово, там у Семёна Ильича своя дача была. Так и на даче отдыха не бывало. Что ни день, то Лукомский, то кто-нибудь еще. И все разговоры, разговоры. Так и маялись год за годом.

Раз приходит ко мне Михаил Иванович и говорит: — Пора Андрея в университет отдавать.

Я аж руками всплеснула.

— Да разве такого несмышлёныша можно?! Ему же еще и пятнадцати лет полных нету.

А он только засмеялся.

— Ваш несмышлёныш знает больше иного студента третьего курса. У него выдающиеся математические способности, не забывают, кто он. А что касается пятнадцати лет, то время терять незачем. Этот вопрос обсуждался и уже решен.

Ну, решен так решен. Меня в таких делах они вообще никогда не спрашивали.

Поступил Андрей. Говорят, без экзаменов приняли.

Стало как будто легче. Ходит на лекции, делает домашние задания, все-таки режим какой-то человеческий. Стал в кино ходить, гулять, зимой на лыжах. Четыре года проучился, все хорошо.

И вдруг как снег на голову. Прихожу домой, Андрея нет. На столе письмо. Я его сохранила, вот оно:

Мамочка, дорогая!

Прости меня, что заставляю тебя волноваться, но мне самому нелегко. Дело в том, что я все знаю. Неважно, кто мне об этом сказал, я ему дал честное слово не называть его имени. Я уезжаю. Мне нужно побыть одному и о многом подумать.

Пойми меня правильно. В моих представлениях отец всегда был чем-то недостижимым, гениальным ученым, может быть, и не вполне оцененным современниками, но на голову выше всех этих дирантовичей, лукомских, кашутиных и прочих. Я же — мальчишка, способный лишь более или менее сносно усваивать чужие лекции.

И вдруг выясняется, что я — это он.

Здесь какая-то трагическая ошибка.

Я не чувствую в себе мощи титана и всю жизнь буду мучиться сознанием, что от меня ожидают того, чего я дать не могу. Судя по всему,

из меня выйдет очень посредственный физик, и жить, постоянно оглядываясь на собственную тень, зовущую к подвигам в науке,— это такая пытка, которая мне не по силам.

Где-то был допущен просчет, и я стал его жертвой.

Не беспокойся, родная, я с собой ничего не сделаю. Просто мне нужно хорошенько подумать.

Я тебя ни в чем не обвиняю и по-прежнему люблю, только не мешай мне принять решение и никому ничего не говори.

Андрей.

Я вся обревелась. Места себе не находила, хотела бежать к Лукомскому, но побоялась, что Андрюша рассердится. Сначала ломала себе голову, кто мог такую подлость сделать, а потом догадалась. Кроме, как Фетюкову, некому. Он с самого начала за что-то невзлюбил нас обоих. Одно время, слава богу, совсем перестал ходить. А тут не прошло и трех дней — заявляется, спрашивает, где Андрей.

Я его дальше порога не пустила и сказала, что Андрюша уехал к Тулу к моему брату. «Зачем?» — спрашивает, я говорю: «По семейным делам». А он с такой ухмылочкой: «Что еще за семейные дела появились?» Я сказала: «Вас это не касается» — и выставила.

Вернулся Андрей через две недели, лица на нем не было. Я его обняла, заплакала, говорю: «Ну как, сынок? Что теперь делать будем?» «Ничего,—говорит,—перезимуем».

Ну, перезимуем так перезимуем. Больше он мне насчет этого ни одного слова не сказал. Даже про то, что он собирался куда-то переводиться, стороной узнала. Хорошо, Лукомский его отговорил. Все-таки четырех лет учения жалко. Да и сам он, вижу, немного успокоился.

Кончил университет, отпраздновали. Его к себе на работу сам Дирантович взял, приезжал к нам, мне руку поцеловал. «Не беспокойтесь,—говорит,—все будет в порядке, готовьтесь скоро диссертацию обмывать».

Только после этой истории какой-то не такой стал Андрюша. Ходит на работу, вечером телевизор смотрит или читает, но жизни в нем прежней нету. Вялый, что ли, не могу объяснить.

Хоть бы женился, может, все-таки веселее бы стал.

Развязка

Аплодисментов не было. Делегаты международного конгресса покидали зал молча. Невольная дань уважения побежденному соратнику.

Андрей Пральников стоял у доски, судорожно сжимая в руке указку. Сейчас, когда уже все было кончено, на смену злому азарту пришла тупая усталость.

Дирантович поднялся с председательского кресла и вынул из уха микрофон слухового аппарата. Двое аспирантов услужливо подхватили его под руки и повели через служебный ход. По дороге он остановился и еще раз внимательно поглядел на развешанные листы ватмана с причудливой вязью уравнений. В фойе его сразу окружили. Из толпы любопытных, энергично работая локтями, пробрались вперед корреспондент международного агентства и Фетюков. О, это был совсем другой Фетюков! Вместо былой спортивной подтянутости появилась непринужденная сановитость, та самая сановитость, которая дается только долгими годами успеха. Солидная плешь придала лицу чисто сократовское глубокомыслие. Одет он был по-прежнему элегантно, но уже без всякого признака дурного вкуса. На пальце — тонкое обручальное кольцо. Чувствовалось, что все его жизненные планы выполняются с неукоснительной последовательностью.

— Мировая сенсация! — обратился корреспондент к Дирантовичу. — Сын против отца! Ничего не пощадил, камня на камне не оставил. Вы могли бы прокомментировать это событие?

— Что же тут комментировать? Академик Пральников был настоящим ученым. Я уверен, что, появившись у него самого хоть малейшая тень сомнения, он бы поступил точно так же. Не нужно забывать, что доклад, который мы сейчас слышали, построен на очень оригинальной интерпретации новейших экспериментальных данных, и нужен был незаурядный талант Андрея Пральникова, чтобы...

— Положить самого себя на обе лопатки, — пробормотал Лукомский.

Корреспондент обернулся к нему:

— Значит, слухи, которые ходили в свое время, имеют какие-то основания?

— Какие слухи?

— Насчет несколько необычных обстоятельств появления на свет Андрея Пральникова.

— Чепуха! — сказал Дирантович. — Никаких оснований под собой ваши слухи не имеют. Мы все появляемся на свет э... весьма тривиальным образом.

— Но что же могло заставить молодого Пральникова взяться именно за эту работу? Ведь, что ни говори, роль отцеубийцы... К тому же, честно говоря, меня поразила резкий, я бы даже сказал, враждебный тон доклада.

— Не знаю. Тут уже чисто психологическая задача, а я, как известно, всего лишь физик.

— А вы как думаете?

— Вера в невозможное, — ответил Лукомский.

— Извините, не понял.

— Боюсь, что не сумею разъяснить.

— И разъяснять нечего, — авторитетно изрек Фетюков. — Почитайте Фрейда. Эдипов комплекс.

Дирантович улыбнулся, но ничего не сказал.

Эпилог

Письмо заслуженного деятеля науки профессора В. Ф. Черемшина вице-президенту Академии наук А. Н. Дирантовичу.

Глубокоуважаемый Арсений Николаевич!

Я должен выполнить последнюю волю Никанора Павловича Смарыги и сообщить Вам некоторые дополнительные сведения о проведенном эксперименте. Надеюсь, Вы меня правильно поймете и не будете в претензии за то, что в течение 23 лет я хранил по этому поводу молчание.

В тот день, когда Н. Ф. Земцовой должны были сделать пересадку, у лаборантки, ехавшей из лаборатории в больницу, украли в трамвае сумочку, в которой находился препарат клеток академика Пральникова.

Все попытки разыскать пропажу не увенчались успехом.

Семена Ильича к тому времени уже кремировали.

Трудно передать отчаяние Никанора Павловича.

Ведь этот эксперимент был завершением работы, на которую он потратил всю свою жизнь.

Вы знаете, с каким трудом ему удалось добиться разрешения провести такой опыт на человеке. Смарыга прекрасно понимал, что если бы не ореол, окружавший имя академика Пральникова, ему бы пришлось еще долго ждать подходящего случая.

Мы приняли решение сообща, пойдя, если хотите, на научный подлог. Мне трудно определить истинные границы этого термина в данном случае.

Опыт был поставлен, причем в качестве донора выбран сторож, работавший в лаборатории Смарыги. У него была та же пигментация волос, что и у академика Пральникова.

Таким образом, в сыне Земцовой воплощен не всемирно известный ученый Пральников, а Василий Кузьмич Лягин, умерший десять лет назад от пневмонии.

Думаю, что от этой замены эксперимент Смарыги не потерял огромного научно-познавательного значения, каким, по моему мнению, он, несомненно, обладает. По существу, решалась все та же задача: наследственность и среда, но в еще более строгих начальных условиях. Мы предоставили ничем не примечательному человеку возможность проявить дарования, может быть, скрытые в каждом из нас.

Поэтому мы решили хранить все в тайне до выяснения результатов эксперимента.

К сожалению, Никанор Павлович уже никогда не узнает, чем он кончился. Что же касается меня, то я вполне удовлетворен.

Можете судить о моем поступке, как Вам угодно, но вины своей я тут не вижу.

Ваш покорный слуга

В. Черемшинов.

Тревожных симптомов нет

1

— Не нравятся мне его почки,— сказал Крепс.

Леруа взглянул на экран.

— Почки как почки. Бывают хуже. Впрочем, кажется, регенерированные. Что с ними делали прошлый раз?

— Сейчас проверю.— Крепс набрал шифр на диске автомата.

Леруа откинулся на спинку кресла и что-то пробормотал сквозь зубы.

— Что вы сказали? — переспросил Крепс.

— Шесть часов. Пора снимать наркоз.

— А что будем делать с почками?

— Вы получили информацию?

— Получил. Вот она. Полное восстановление лоханок.

— Дайте сюда.

Крепс знал манеру шефа не торопиться с ответом и терпеливо ждал.

Леруа отложил пленку и недовольно поморщился.

— Придется регенерировать. Заодно задайте программу на генетическое исправление.

— Вы думаете, что?..

— Безусловно. Иначе за пятьдесят лет они не пришли бы в такое состояние.

Крепс сел за перфоратор. Леруа молчал, постукивая карандашом о край стола.

— Температура ванны повысилась на три десятых градуса,— сказала сестра.

— Дайте глубокое охлаждение до...— Леруа запнулся.— Подождите немного. Ну, что у вас с программой? — обратился он к Крепсу.

— Контрольный вариант в машине. Сходимость девяносто три процента.

— Ладно, рискнем. Глубокое охлаждение на двадцать минут. Вы поняли меня? На двадцать минут глубокое охлаждение. Градиент — полградуса в минуту.

— Поняла, — ответила сестра.

— Не люблю я возиться с наследственностью, — сказал Леруа. — Никогда не знаешь толком, чем это все кончится.

Крепс повернулся к шефу.

— А по-моему, вообще все это мерзко. Особенно инверсия памяти. Вот бы никогда не согласился.

— А вам никто и не предложит.

— Еще бы! Создали касту бессмертных, вот и танцуете все перед ними на задних лапках.

Леруа устало закрыл глаза.

— Вы для меня загадка, Крепс. Порою я вас просто боюсь.

— Что же во мне такого страшного?

— Ограниченность.

— Благодарю вас.

— Минус шесть, — сказала сестра.

— Достаточно. Переключайте на регенерацию.

Фиолетовые блики вспыхнули на потолке операционного зала.

— Обратную связь подайте на матрицу контрольного варианта программы.

— Хорошо, — ответил Крепс.

— Наследственное предрасположение, — пробормотал Леруа. — Не люблю я возиться с такими вещами.

— Я тоже, — сказал Крепс. — Вообще все это мне не по нутру. Кому это нужно?

— Скажите, Крепс, вам знаком такой термин, как борьба за существование?

— Знаком. Учил в детстве.

— Это совсем не то, что я имел в виду, — перебил Леруа. — Я говорю о борьбе за существование целого биологического вида, именуемого в древности Хомо сапиенс.

— И для этого нужно реставрировать монстров столетней давности?

— До чего же вы все-таки тупы, Крепс! Сколько вам лет?

— Тридцать.

— А сколько лет вы работаете физиологом?

— Пять.

— А до этого?

Крепс пожал плечами.

— Вы же знаете не хуже меня.

— Учились?

— Учился.

— Итак, двадцать пять лет — насмарку. Но ведь вам для того, чтобы что-то собой представлять, нужно к тому же стать математиком, кибернетиком, биохимиком, биофизиком — короче говоря, пройти еще четыре университетских курса. Прикиньте-ка, сколько вам тогда будет лет? А сколько времени понадобится на приобретение того, что скромно именуется опытом, а по существу, представляет собой проверенную жизнью способность к настоящему научному мышлению?

Лицо Крепса покрылось красными пятнами.

— Так вы считаете?..

— Я ничего не считаю. Как помощник вы меня вполне устраиваете, но помощник сам по себе мало стоит. В науке нужны руководители, исполнители всегда найдутся. Обстановочка-то усложняется. Чем дальше, тем больше проблем, проблем остренных, не терпящих отлагательства, проблем, от которых, может быть, зависит само существование рода человеческого. А жизнь не ждет. Она все время подстегивает: работай, работай, с каждым годом работай все больше, все интенсивнее, все продуктивнее, иначе застой, иначе деградация, а деградация — это смерть.

— Бойтесь проиграть соревнование? — спросил Крепс.

Насмешливая улыбка чуть тронула тонкие губы Леруа.

— Неужели вы думаете, Крепс, что меня волнует, какая из социальных систем восторжествует в этом лучшем из миров. Я знаю себе цену. Ее заплатит каждый, у кого я соглашусь работать.

— Ученый-ландскнехт?

— А почему бы и нет? И как всякий честный наемник, я верен знаменам, под которыми сражаюсь.

— Тогда говорите о судьбе Донамаги, а не всего человечества и признайтесь заодно, что...

— Довольно, Крепс! Я не хочу выслушивать заношенные сентенции. Лучше скажите, почему, когда мы восстанавливаем человеку сердечную мышцу, регенерируем печень, омолаживаем организм, то все в восторге: это

человечно, это гуманно, это величайшая победа разума над силами природы. Но стоит нам забраться чуточку поглубже, как типчики вроде вас поднимают визг: ах! Ученому инвестировали память. Ах! Кошунственные операции, ах!.. Не забывайте, что наши опыты стоят уйму денег. Мы должны выпускать отсюда по-настоящему работоспособных ученых, а не омоложенных старичков, выживших из ума.

— Ладно,— сказал Крепс,— может быть, вы и правы. Не так страшен черт.

— Особенно когда можно ему дать мозг ангела,— усмехнулся Леруа.

Раздался звонок таймера.

— Двадцать минут,— бесстрастно сказала сестра.

Крепс подошел к машине.

— На матрице контрольной программы нули.

— Отлично! Отключайте генераторы. Подъем температуры — градус в минуту. Пора снимать наркоз.

2

Огромный ласковый мир вновь рождался из недр небытия. Он был во всем: в приятно холодящем тело регенерационном растворе, в тихом пении трансформаторов, в горячей пульсации крови, в запахе озона, в матовом свете ламп. Окружающий мир властно вторгался в просыпающееся тело, великолепный, привычный и вечно новый мир.

Кларенс поднял голову. Две черные фигуры в длинных, до пят, антисептических халатах стояли, склонившись над ванной.

— Ну, как дела, Кларенс? — спросил Леруа.

Кларенс потянулся.

— Восхитительно! Как будто снова родился на свет.

— Так оно и есть,— пробормотал Крепс.

Леруа улыбнулся.

— Не терпится попрыгать?

— Черт знает, какой прилив сил! Готов горы воро-
чать.

— Успеете.— Лицо Леруа стало серьезным.— А сейчас — под душ и на инверсию.

...Кто сказал, что здоровый человек не чувствует свое тело? Ерунда! Нет большего наслаждения, чем ощущать

биение собственного сердца, трепет диафрагмы, ласковое прикосновение воздуха к трахеям при каждом вздохе. Вот так, каждой клеточкой молодой упругой кожи отражать удары бьющей из душа воды и слегка пофыркивать, как мотор, работающий на холостом ходу, мотор, в котором огромный неиспользованный резерв мощности. Черт побери, до чего это здорово! Все-таки за пятьдесят лет техника сделала невероятный рывок. Разве можно сравнить прошлую регенерацию с этой? Тогда, в общем, его просто подлатали, а сейчас... Ух, как хорошо! То, что они сделали с Эльзой, просто чудо. Только зря она отказалась от инверсии. Женщины всегда живут прошлым, хранят воспоминания как сувениры. Для чего тащить с собой этот ненужный балласт? Вся жизнь в будущем. Каста бессмертных, неплохо придумано! Интересно, что будет после инверсии? Откровенно говоря, последнее время мозг уже работал неважно, ни одной статьи за этот год. Сто лет — не шутка. Ничего, теперь они убедятся, на что еще способен старина Кларенс. Отличная мысль — явиться к Эльзе в день семидесятипятилетия обновленным не только физически, но и духовно...

— Хватит, Кларенс, Леруа вас ждет в кабинете инверсии, одевайтесь! — Крепс протянул Кларенсу толстый мохнатый халат.

3

Вперед-назад, вперед-назад — пульсирует ток в колебательном контуре, задан ритм, задан ритм, задан ритм...

Поток электронов срывается с поверхности раскаленной нити и мчится в вакууме, разогнанный электрическим полем. Стоп! На сетку подан отрицательный потенциал. Невообразимо мал промежуток времени, и вновь рвется к аноду нетерпеливый рой. Задан ритм, рождающий в кристалле кварца недоступные уху звуковые колебания, в десятки раз тоньше комариного писка.

Немые волны ультразвука бегут по серебряной проволочке, и металлический клещ впивается в кожу, проходит сквозь черепную коробку. Дальше, дальше, в святая святых, в величайшее чудо природы, именуемое мозгом.

Вот она — таинственная серая масса, зеркало мира,местилище горя и радости, надежд и разочарований, взлетов и падений, гениальных прозрений и ошибок.

Лежащий в кресле человек глядит в окно. Зеркальные стекла отражают экран с гигантским изображением его мозга. Он видит светящиеся трассы микроскопических электродов и руки Леруа на пульте. Спокойные, уверенные руки ученого. Дальше, дальше, приказывают эти руки, еще пять миллиметров. Осторожно! Здесь сосуд, лучше его обойти!

У Кларенса затекла нога. Он делает движение, чтобы изменить позу.

— Спокойно, Кларенс! — Голос Леруа приглушен. — Еще несколько минут постарайтесь не двигаться. Надеюсь, вы не испытываете никаких неприятных ощущений?

— Нет. — Какие же ощущения, когда он знает, что она совершенно лишена чувствительности, эта серая масса, анализатор всех видов боли.

— Сейчас мы начнем, — говорит Леруа. — Последний электрод.

Теперь начинается главное. Двести электродов подключены к решающему устройству. Отныне человек и машина составляют единое целое.

— Напряжение! — приказывает Леруа. — Ложитесь, Кларенс, как вам удобнее.

Инверсия памяти. Для этого машина должна обшарить все закоулки человеческого мозга, развернуть бесконечной чередой рой воспоминаний, осмыслить подсознательное и решить, что убрать навсегда, а что оставить. Очистка кладовых от старого хлама.

Вспыхивает зеленая лампа на пульте. Ток подан на мозговую кору.

...Маленький мальчик растерянно стоит перед разбитой банкой варенья, коричневая густая жидкость растекается по ковру...

Стоп! Сейчас комплекс ощущений будет разложен на составляющие и сверен с программой. Что там такое? Страх, растерянность, первое представление о бренности окружающего мира. Убрать. Чуть слышно щелкает реле. В мозг подан импульс тока, нервное возбуждение перестает циркулировать на этом участке. Увеличена емкость памяти для более важных вещей.

...Ватага школьников выбегает на улицу. Они о чем-то шепчутся. В центре — верзила с рыжей нечесаной копной волос и торчащими ушами. Как трудно делать вид, что совсем не боишься этого сброда. Ноги кажутся

сделанными из ваты, тошнота, подступающая к горлу. Хочется бежать. Они все ближе. Зловещее молчание и оскаленная рожа с оттопыренными ушами. Осталось два шага. Удар по лицу...

Убрать! Щелк, щелк, щелк.

Берег реки, танцующие поплавки на воде. Черная тень. Нога в стоптанном башмаке. Сброшенные удочки, плывущие по течению. Красный туман перед глазами. Удар кулаком в ненавистную харю, второй, третий. Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровь по лицу...

Миллисекунды на анализ. Оставить. Уверенность в своих силах, радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

...Отблеск огня на верхушках елей. Разгоряченные вином и молодостью лица. Сноп искр вылетает из костра, когда в него подбрасывают сучья. Треск огня и песня: «Звезда любви на небосводе», лицо Эльзы. «Пойдемте, Кларенс. Мне хочется тишины». Шелест сухих листьев под ногами. Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?» Горький запах мха на рассвете. Завтрак в маленьком загородном ресторанчике. Горячее молоко с хрустящими хлебцами. «Теперь это уже навсегда, правда, милый?»

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Любовь к женщине — это хорошо. Возбуждает воображение. Остальное убрать. Слишком много нервных связей занимает вся эта ерунда. Щелк, щелк. Все ужато до размера фотографии в семейном альбоме: Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»

Невидимый луч мечется по ячейкам электронного коммутатора, обнюхивает все тайники человеческой души. Что там еще? Подать напряжение на тридцать вторую пару электродов. Оставить, убрать, оставить, убрать, убрать, убрать, щелк, щелк, щелк.

...Первая лекция, черный костюм, тщательно отглаженный Эльзой. Упрятанная тревога в голубых глазах. «Ни пуха ни пера, дорогой». Амфитеатр аудитории. Внимательные, насмешливые лица студентов. Хриплый, чуть срывающийся голос вначале. Введение в теорию функций комплексного переменного. Раскрытый рот юноши в первом ряду. Постепенно стихающий гул. Стук мела о доску. Радостная уверенность, что лекция проходит

хорошо. Аплодисменты, поздравления коллег. Как давно это было! Семьдесят лет назад. Двадцатого сентября...

Щелк, щелк. Оставлены только дата и краткий конспект лекции. Дальше, дальше.

...«Посмотри: это наш сын. Правда, он похож на тебя?» Букет роз у изголовья кровати. Он покупал эти розы в магазине у моста. Белокурая продавщица сама ему их отобрала. «Женщины любят хорошие цветы, я уверена, что они ей понравятся».

Щелк, щелк. Долой ненужные воспоминания, загружающие память. Мозг математика должен быть свободен от сентиментальной ерунды.

...Пронзительный звериный крик Эльзы. Сочувственные телеграммы, телефонные звонки, толпа репортеров на лестнице. «Весь мир гордится подвигом вашего сына». На первых полосах газет — обрамленная черной каймой фотография юноши в мешковатом комбинезоне у трапа ракеты. Притихшая толпа в церкви. Сухопарая фигура священника. «Вечная память покорителям космоса».

Вспыхивают и гаснут лампочки на пульте. Мчатся заряды в линиях задержки памяти, до предела загружены блоки логических цепей. Вновь и вновь сличается полученный результат с программой, и снова — логический анализ.

— Ну, что там случилось? — Взгляд Леруа обращен к пульту.

Кажется, машина не может сделать выбор.

— Наконец-то, слава богу! — Леруа облегченно вздыхает, услышав привычный щелчок реле. — Завтра, Крепс, проверьте по магнитной записи, что они там напутали с программой.

Щелк, щелк, щелк. «Вечная память покорителям космоса». Щелк. Еще одна ячейка памяти свободна.

Миллионы анализов в минуту. События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, вкусы и привычки, физические контакты, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы. Все это нужно привести в порядок, рассортировать, ненужное исключить.

Щелк, щелк. Мозг математика должен обладать огромной профессиональной памятью. Нужно обеспечить необходимую емкость, по крайней мере на пятьдесят

лет. Кто знает, что там впереди? Долой весь балласт! Щелк, щелк.

Танцуют кривые на экране осциллографов. Леруа доволен. Кажется, придется на этом кончить, мозг утомлен.

— Довольно! — командует он Крепсу. — Вызовите санитаров, пусть забирают его в палату.

Крепс нажимает звонок. Пока санитары возятся с бесчувственным телом, он выключает установку.

— Все?

— Все, — отвечает Леруа. — Я устал, как господь бог на шестой день творения. Нужно немного развлечься. Давайте, Крепс, махнем в какое-нибудь кабаре. Вам тоже не повредит небольшая встряска после такой работы.

4

Раз, два, три, левой, левой. Раз, два, три. Отличная вещь ходьба! Вдох, пауза, выдох, пауза.

Тук, тук, тук, левое предсердие, правый желудочек, правое предсердие, левый желудочек. Раз, два, три, левой, левой.

Легким размашистым шагом Кларенс идет по улице. Вдох, пауза, выдох, пауза. Какое разнообразие запахов, оттенков, форм. Обновленный мозг жадно впитывает окружающий мир. Горячая кровь пульсирует в артериях, разбегается по лабиринту сосудов и вновь возвращается на круги своя.

Тук, тук, тук. Малый круг, большой круг, правое предсердие, левый желудочек, левое предсердие, правый желудочек, тук, тук. Вдох, пауза, выдох, пауза.

Стоп! Кларенс поражен. На зеленом фоне листвы багровые лепестки, источающие небывалый аромат. Он опускается на колени и, как зверь, обнюхивает куст.

В глазах идущей навстречу девушки — насмешка и невольное восхищение. Он очень красив, этот человек, стоящий на коленях перед цветами.

— Вы что-нибудь потеряли? — спрашивает она улыбаясь.

— Нет, я просто хочу запомнить запах. Вы не знаете, как называются эти... — Проклятье! Он забыл название. — Эти... растения?

— Цветы,— поправляет она.— Обыкновенные красные розы. Неужели вы никогда их не видели?

— Нет, не приходилось. Спасибо. Теперь я запомню: красные розы.

Он поднимается на ноги и, осторожно коснувшись пальцами лепестков, идет дальше.

Раз, два, три, левой, левой.

Девушка с удивлением глядит ему вслед. Чудак, а жаль. Пожалуй, он мог бы быть немного полюбезнее.

«Розы, красные розы»,— повторяет он на ходу...

Кларенс распахивает дверь аудитории. Сегодня здесь семинар.

Похожий на старого мопса, Леви стоит у доски, исписанной уравнениями. Он оборачивается и машет Кларенсу рукой, в которой зажат мел. Все взоры обращены к Кларенсу. В дверях толпятся студенты. Они пришли сюда, конечно, не из-за Леви. Герой дня Кларенс, представитель касты бессмертных.

— Прошу извинить за опоздание,— говорит он, сядя на свое место.— Пожалуйста, продолжайте.

Быстрым взглядом он окидывает доску. Так-так. Кажется, старик взялся за доказательство теоремы Ланг-рена. Занятно.

Леви переходит ко второй доске.

Кларенс не замечает устремленных на него глаз. Он что-то прикидывает в уме. Сейчас он напряжен, как скаковая лошадь перед стартом.

«Есть! Впрочем, подождать, не торопиться, проверить еще раз. Так, отлично!»

— Довольно!

Леви недоуменно оборачивается.

— Вы что-то сказали, Кларенс?

На губах Кларенса ослепительная, беспощадная улыбка.

— Я сказал: довольно. Во втором члене — нераскрытая неопределенность. При решении в частных производных ваше уравнение превращается в тождество.

Он подходит к доске, небрежно стирает все написанное Леви, выписывает несколько строчек и размашисто подчеркивает результат.

Лицо Леви становится похожим на печеное яблоко, которое поздно вынули из духовки. Несколько минут он смотрит на доску.

— Спасибо, Кларенс... Я подумаю, что здесь можно сделать.

Сейчас Кларенс нанесет решающий удар. Настороженная тишина в аудитории.

— Самое лучшее, что вы можете сделать, это не браться за работу, которая вам не под силу.

Нокаут.

...Он снова идет по улице. Раз, два, три, левой, левой, вдох, пауза, выдох, пауза.

Поверженный, хныкающий враг, размазывающий кровь по лицу. Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки. Уверенность в своих силах и радость победы нужны ученому не меньше, чем боксеру на ринге.

Раз, два, три, вдох, пауза, выдох, пауза, раз, два, три, левой, левой.

5

— Олаф!

В дверях — сияющая, блистательная Эльза. До чего она хороша — юная Афродита, рожденная в растворе регенерационной ванны.

Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»

— Здравствуй, дорогая, — это совсем другой поцелуй, чем те, которыми обычно обмениваются супруги в день бриллиантовой свадьбы.

— А ну покажись. Ты великолепно выглядишь. Не пришлось бы мне нанимать телохранителей для защиты тебя от студенток.

— Чепуха, имея такую жену...

— Пустяки, ты мне растреплешь прическу.

Он идет по комнатам, перебирает книги в шкафу, рассматривает безделушки на Эльзином столике, с любопытством оглядывает мебель, стены. Все это так привычно и вместе с тем так незнакомо. Как будто видел когда-то во сне.

— Новое увлечение? — спрашивает он, глядя на фотографию юноши в мешковатом комбинезоне, стоящего у трапа ракеты.

В глазах Эльзы ужас.

— Олаф! Что ты говоришь?!

Кларенс пожимает плечами.

— Я не из тех, кто ревнует жен к их знакомым, но посуди сама, манера вешать над кроватью фотографии своих кавалеров может кому угодно показаться странной. И почему ты так на меня глядишь?

— Потому что... потому что это Генри... наш сын... Боже! Неужели ты ничего не помнишь?!

— Я все великолепно помню, но у нас никогда не было детей. Если ты хочешь, чтобы фотография все-таки красовалась здесь, то можно придумать что-нибудь остроумнее.

— О господи!!

— Не надо, милая.— Кларенс склонился над рыдающей женой.— Ладно, пусть висит, если тебе это нравится.

— Уйди! Ради бога, уйди сейчас, Олаф. Дай мне побыть одной, очень тебя прошу, уйди!

— Хорошо. Я буду в кабинете. Когда ты успокоишься, позови меня...

События и даты, лица знакомых, прочитанные книги, обрывки кинофильмов, физические константы, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы. Белое платье на фоне ствола. «Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?» Красные розы, теорема Лангрена, печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки, радость победы!..

Нет, он решительно не понимает, что это взбрело в голову Эльзе...

Празднично накрытый стол. Рядом с бутылкой старого вина — свадебный пирог. Два голубка из крема держат в клювах цифру 75.

— Посмотри, что я приготовила. Этому вину тоже семьдесят пять лет.

Слава богу, кажется, Эльза успокоилась. Но почему семьдесят пять?

— Очень мило, хотя и не вполне точно. Мне не семьдесят пять лет, а сто, да и тебе, насколько я помню, тоже.

Опять этот странный, встревоженный взгляд.

Он отрезает большой кусок пирога и наливает в бокалы вино.

— За бессмертие!

Они чокаются.

— Мне бы хотелось,— говорит Кларенс, пережевывая пирог,— чтобы ты в этом году обязательно прошла

инверсию. У тебя перегружен мозг. Поэтому ты выдумываешь несуществовавшие события, путаешь даты, излишне нервозна. Хочешь, я завтра позвоню Леруа? Это такая пустяковая операция.

— Олаф.— Глаза Эльзы умоляют, ждут, приказывают.— Сегодня двадцать третье августа, неужели ты не помнишь, что произошло семьдесят пять лет назад в этот день?

...События и даты, лица знакомых, тензоры, операторы, формулы, формулы, формулы...

— Двадцать третьего августа? Кажется, в этот день я сдал последний экзамен. Ну, конечно! Экзамен у Эльгарта, три вопроса, первый...

— Перестань!!

Эльза выбегает из комнаты, прижав платок к глазам.

«Да...— Кларенс налил себе еще вина.— Бедная Эльза! Во что бы то ни стало нужно завтра повезти ее к Леруа».

Когда Кларенс вошел в спальню, Эльза уже была в постели.

— Успокойся, дорогая. Право, из-за всего этого не стоило плакать.— Он обнял вздрагивающие плечи жены.

— Ох, Олаф! Что они с тобой сделали?! Ты весь какой-то чужой, ненастоящий! Зачем ты на это согласился? Ты ведь все-все забыл!

— Ты просто переутомилась. Не нужно было отказываться от инверсии. У тебя перегружен мозг, ведь сто лет — это не шутка.

— Я тебя боюсь такого...

...«Может быть, вы все-таки решитесь поцеловать меня, Кларенс?»

6

Зловещее дыхание беды отравляло запах роз, путало стройные ряды уравнений. Беда входила в сон, неслышно ступая мягкими лапами. Она была где-то совсем близко.

Не открывая глаз, Кларенс положил руку на плечо жены.

— Эльза!

Он пытался открыть застывшие веки, отогреть своим дыханием безжизненное лицо статуи, вырвать из окостеневших пальцев маленький флакон.

— Эльза!!

Никто не может пробудить к жизни камень.

Кларенс рванул трубку телефона...

— Отравление морфием,— сказал врач, надевая пальто.— Смерть наступила около трех часов назад. Свидетельство я положил на телефонную книгу, там же я записал телефон похоронного бюро. В полицию я сообщу сам. Факт самоубийства не вызывает сомнений. Думаю, они не будут вас беспокоить.

— Эльза! — Он стоял на коленях у кровати, глядя ладонью холодный белый лоб.— Прости меня, Эльза! Боже, каким я был кретином! Продать душу! За что? Стать вычислительной машиной, чтобы иметь возможность высмеять этого болвана Леви! *Печеное яблоко, которое слишком поздно вынули из духовки. Радость победы, теорема Лангрена, тензоры, операторы, формулы, формулы... этого болвана...*

Кларенс протянул руку и взял со столика белый листок.

В двенадцать часов зазвонил телефон.

Стоя на коленях, Кларенс снял трубку.

— Слушаю.

— Алло, Кларенс! Говорит Леруа. Как вы провели ночь?

— Как провел ночь? — рассеянно переспросил Кларенс, бросив взгляд на свидетельство о смерти, исписанное математическими символами.— Отлично провел ночь.

— Самочувствие?

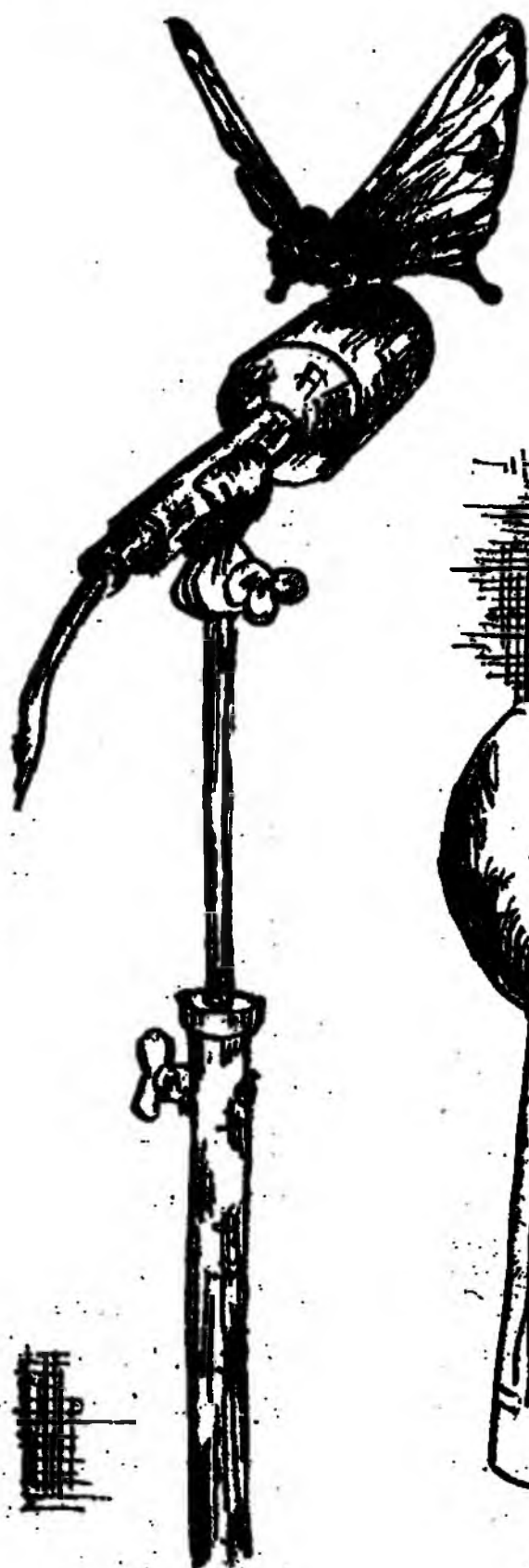
— Великолепное! — Ровные строчки уравнений покрывали листы телефонной книги, лежащей на подушке рядом с головой покойной.— Позвоните мне через два часа, я сейчас очень занят. Мне, кажется, удалось найти доказательство теоремы Лангрена.

Леруа усмехнулся и положил трубку.

— Ну как? — спросил Крепс.

— Все в порядке. Операция удалась на славу. Тревожных симптомов нет.

Час в эфире

Ветеран

— Так это вы, молодой человек, пойдете на ходовые испытания? Очень приятно познакомиться, очень приятно... Нет, меня поздравлять не с чем, выход на пенсию не такое уж радостное событие... Конечно, в первый раз вам будет трудно, но ничего, справитесь. Вы напрасно об этом говорите. Если мои советы могут быть вам полезны, я с удовольствием это сделаю. Да, мне много раз приходилось сдавать механизмы на кораблях. Кстати, учтите: моряк торгового флота никогда не называет судно, на котором он плавает, кораблем. Для него это шип, коробка или лайба, будь оно даже роскошным теплоходом с дизелем мощностью двадцать тысяч лошадиных сил. В этих названиях таится суровая нежность, не терпящая сантиментов, заставляющая молодую жену называть свою юную супругу старухой. Но так можно говорить только о своем судне. Корабль — слово официальное, вроде слова «сударыня», с которым мы обращаемся к незнакомой женщине. Теперь, правда, в моде другое обращение — гражданка, но оно мне не нравится. В нем нет той учтивости. Вот в военном флоте иное дело: там все, что плавает, — корабль. Там иначе нельзя. Я очень люблю слово «корабль». В нем еще сохранилось очарование парусного флота. Нет, мне не приходилось плавать на парусниках. Я ведь механик.

Ну, пожалуй, начнем по порядку. Корабль выйдет прямо с завода. Первые неприятности вас ожидают в проходной. Пропуск, конечно, не заказан. Пока вы будете звонить секретарше главного строителя, а она — искать по заводу человека, могущего подписать заявку, в бюро пропусков уже наберется таких, как вы, человек пятнадцать. Вы неприязненно поглядываете друг на друга, так

как в вашем положении каждый лишний человек — конкурент в борьбе за получение каюты. Наконец вопрос с пропусками улажен. Под недремлющим оком начальника охраны, подозревающего вас в попытке пронести бомбы замедленного действия, вы будете составлять опись содержимого своих чемоданов. Когда вы пройдете это испытание, окажется, что без медосмотра выходить в море нельзя.

Удивительное дело: вы можете взять билет на самолет, летящий во Владивосток, и с вашей гипертонией благополучно отдать богу душу в воздухе. Можете сесть на пароход, идущий из Владивостока на Камчатку, и, мягко выражаясь, загнуться на пароходе. Можете, наконец, в разгаре лета поехать на курорт в комбинированном вагоне и получить инфаркт. Никто, продавая вам билеты, не будет интересоваться состоянием вашего здоровья. Вы уплатили страховой сбор, и в случае вашей смерти горечь утраты будет частично компенсирована родным страховой выплатой. Но для того, чтобы выйти на несколько дней в море на корабле, предназначенном для океанских рейсов, необходимо пройти медосмотр. И не простой медосмотр. Нужно посетить терапевта, невропатолога, окулиста, хирурга и даже кабинет уха, горла и носа. Это правило введено недавно, после того как на испытаниях кто-то умер и возникла проблема — считать эту смерть связанной с производством или нет.

В заводской поликлинике вы узнаете, что часть врачей работает вечером, и, так как судно уходит через час, перед вами встанет выбор: проходить медосмотр и не идти на испытания или идти на испытания, не пройдя медосмотра. Советую выбрать второе. Впоследствии вы убедитесь, что суровое правило отбора для ходовых испытаний лучших экземпляров человеческой породы существует только на бумаге и никто с ним не считается.

Потом с тяжелым чемоданом в руках вы будете блуждать по огромной территории завода, шарахаясь от мчащихся машин и боязливо поглядывая на многотонные грузы, висящие на кранах над вашей головой. На все вопросы, как пройти на корабль, вам будут отвечать: «идите прямо», что, как вы легко выясните, может означать и направо, и налево, и даже назад.

И вдруг за поворотом вашим глазам откроется изумительное и захватывающее зрелище: ослепительно чистый, сверкающий на солнце, спокойно лежит на воде за-

водского ковша новорожденный гигант. В нем все прекрасно — от белизны надстроек до плавных обводов корпуса. Заботливо склонившийся плавающий кран прихорашивает его перед первым выходом в свет. Потом на белоснежном теле младенца вы разглядите цепочки, движущиеся в противоположных направлениях. Подойдя ближе, вы увидите, что вниз по сходням бегут на берег веселые девушки с ведрами, очищающие чрево корабля от всякой пакости, а навстречу им поднимаются на корабль могучие дядьки, согнувшись под бременем тяжелого груза. Это идет погрузка технической документации.

Невозможно перечислить всю технику, которая насыщает большой современный корабль. Ее очень и очень много. Но все, что есть на корабле, начиная с форсунки камбуза и кончая главным двигателем, поставляется с технической документацией. Мелочь, о которой не стоит говорить, снабжается паспортами и свидетельствами, вещи покрупнее имеют формуляры и кипы отчетных чертежей. Все это венчает паспорт корабля с многочисленными инструкциями по расчету, остойчивости и непотопляемости, снабженными кривыми, смысл которых навсегда остается секретом составителя.

Давно подсчитано, что если бы механик выполнял все инструкции по заполнению формуляров, то ему понадобилась бы личная канцелярия со штатом не менее десяти человек, а вся машинная команда занималась бы только прозваниванием изоляции и замерами зазоров в подшипниках. Но с каждым годом объем поставляемой с оборудованием документации растет. Думаю, что на складах судового оборудования ее учитывают просто по весу, так как пересчитать все это очень трудно.

Вы никогда не бывали на большом складе судового оборудования? Тогда постарайтесь как-нибудь туда попасть. Чего там только нет! Иногда десятилетиями лежит там какой-то хитрый механизм, и все уже забыли не только его назначение, но и название, и все же его время от времени тщательно протирают и смазывают. Выбросить его нельзя. Он занесен в картотеку и учтен сложной машиной материальной бухгалтерии. Пройдут годы, прежде чем он попадет в разряд так называемых неликвидов, но и тогда от него невозможно будет избавиться. Ведь это учтенная материальная ценность.

Помню, много лет назад на складах одного порта производилась ревизия. Кладовщик был в отпуске, и началь-

ник складов сам предъявлял оборудование комиссии. Все оказалось в наличии, кроме медной калябры, числившейся по описи. Никто не знал, что это такое. Председатель комиссии предупредил начальника складов, что если не будет найдена калябра, то дело может принять скверный оборот, тем более, что калябра, очевидно, вещь очень нужная, иначе на ее изготовление не стали бы тратить дефицитную медь. На розыски калябры были мобилизованы самые старые работники складов, но никто из них не мог сказать, как эта калябра выглядит. Назревали крупные неприятности. Наконец, кто-то догадался сплющить под молотом медный чайник и предъявить его комиссии в качестве калябры. Все облегченно вздохнули. Когда же вернулся из отпуска кладовщик, выяснилось, что медная калябра никогда не существовала, а были мерные калибры, выброшенные после ревизии в утиль, так как они нигде не числились. Причиной возникшей путаницы был неразборчивый почерк кладовщика. Но отрабатывать назад было уже поздно. Калябра значилась в актах ревизии. Вероятно, до сих пор на этом складе хранится сплюснутый чайник, носящий таинственное название «калябра».

Извините, пожалуйста. О чем мы с вами до этого говорили? Ах, да, о предстоящих испытаниях. Попав на корабль, прежде всего постарайтесь получить каюту. Распределением кают ведает третий помощник. Он вам скажет, что судовая роль у старшего строителя, а без роли он не может ничего сделать. Не верьте, это трюк. Дело в том, что на такую ораву, какая собралась на корабле, не хватает спасательных средств, и портовый надзор никогда не выпустит его в море, если все, кто идет в плавание, будут занесены в судовую роль.

Несколько слов о спасательных средствах. Конечно, современная техника кораблевождения значительно повысила безопасность плавания. Но это вовсе не значит, что спасательные средства не нужны. Особую опасность представляет плавание на танкерах. У меня до сих пор стоит перед глазами пожар нефтеналивного судна на рейде Александрии в 1928 году. Помню отблески зарева на спокойной глади бухты, убегающие во все стороны суда и два пожарных катера, ведущих борьбу с огнем. У нефтяных причалов Красноводска можно видеть останки взорвавшегося лихтера — наглядное предупреждение тем, кто забывает, какую опасность таят пустые танки, содержащие взрывчатые пары топлива. Впрочем, если

дело дошло до взрыва танков, то особой надобности в спасательных средствах уже нет.

Несмотря на наличие на современном танкере пенного огнетушения, несмотря на орошение палуб и прочая, и прочая, бывают положения, при которых команде необходимо покинуть судно. Часто путь к жизни лежит через горящее море, так как разлившаяся нефть может гореть на поверхности воды. Естественно, что деревянные баркасы для этой цели непригодны. Несколько лет назад встал вопрос о замене их металлическими. Мне довелось присутствовать при испытании опытного образца. В металлический баркас посадили двух кошек. Выбор пал на кошек потому, что они не умеют плавать. С таким же успехом можно было посадить туда и кур, но это сложнее. Человек, рискнувший взять под отчет кур, преследовался бы бухгалтерией до самой смерти. Баркас был отведен на середину ковша, на поверхности которого зажгли нефть. Через несколько минут, когда пожарные загасили огонь, в баркасе не обнаружили ничего, кроме неистребимого запаха паленой шерсти и двух обуглившихся кусочков кошачьего рагу. Вопрос о спасательных баркасах для танкеров не решен до сего времени. Существует равное количество сторонников деревянной и металлической конструкций. По существу, этот спор, в который втянуто множество конструкторов, сводится к тому, в каком виде следует подавать моряков к столу Князя Тьмы: жареными или тушеными. Со временем эта проблема будет решена. Не нужно только терять надежды. Может быть, впоследствии моряки поставят памятник двум безвестным котам, отдавшим свои жизни за благородное дело спасения на водах. Вроде памятника собаке в Колтушах.

Если уж мы с вами заговорили о кошках, то позвольте рассказать случай, произошедший на пароходе «Курск». Я имею в виду не танкер «Курск», приписанный к одесскому порту, а пароход «Курск», некогда принадлежавший Российскому обществу пароходства и торговли, уведенный, а затем возвращенный нам англичанами в 1925 году. Капитан «Курска» терпеть не мог кошек. Он их ненавидел с детства. И когда камбузнику пришло в голову притащить на судно кошку, капитан ударом ноги отправил ее за борт. Все обошлось бы, если б несчастное животное каким-то чудом не выбралось из воды и не очутилось опять на пароходе. На этот раз она проникла в

каюту капитана в его отсутствие и прошлась лапами, перемазанными в мазуте, по какому-то важному документу, лежавшему на столе. Механик говорил мне, что за пятнадцать лет совместного плавания это был единственный случай, когда он видел слезы на глазах своего кепы. Некоторое время капитан, старпом и боцман гонялись по кораблю за кошкой, но она уже была научена горьким опытом и держалась от людей на почтительном расстоянии.

Погрузка закончилась, и нужно было выходить в море. Однако капитан не мог мириться с присутствием кошки на борту. Он сказал, что всем подвахтенным вменяется в обязанность ловить кошку до тех пор, пока она не будет поймана и на его глазах брошена в море. Четырнадцать суток продолжался этот рейс, и четырнадцать дней и ночей сорок пять мужчин охотились за одной кошкой. Это была борьба, в которой человеческий разум должен был восторжествовать над слепым инстинктом животного. Но кошка проявляла чудеса изобретательности. Никто не знал, где она прячется. Не помогли ни приманки, ни хитроумные капканы, ни нежное кис-кис-кис. Однажды подлая тварь уже была в руках у боцмана, но выскользнула с непостижимой ловкостью. Как-то ночью кошку обнаружили на клотике и вахтенный штурман выстрелил в нее из ракетницы. Он бы наверняка сбил ее вторым выстрелом, но с идущего поблизости итальянского судна запросили, какую помощь они могут оказать терпящему бедствие пароходу.

Впоследствии оказалось, что никакой кошки на судне не было. Камбузник сам видел, как она в последний момент перед отходом сошла на берег, но никому об этом не сказал, так как не хотел лишать себя столь великолепного зрелища, как охота на несуществующую кошку.

Я знал об этой истории понаслышке и, случайно встретившись в Москве, в Третьяковской галерее, с приятелем, плававшим на «Курске», попросил его рассказать все, чему он был очевидцем. То, что я жив, следует приписать чистой случайности, так как бутылка пролетела в нескольких миллиметрах от моей головы. Вы спрашиваете, какая бутылка? Обыкновенная винная бутылка 0,75 литра. Она еще разбила графин с водкой на соседнем столике, и дело чуть было не кончилось совсем плохо. Вот до чего иногда могут довести кошки.

Вообще моряку не стоит связываться с животными. Помню, как-то в Ливерпульском порту я купил у американского матроса мартышку. Это было очаровательное, веселое создание. Я имею в виду обезьяну. Мы быстро подружились, и я понес ее на пароход, радуясь тому, что приобрел верного друга. У самого трапа меня остановил таможенник. Оказывается, существовали какие-то ограничения по вывозу животных из Англии. Насколько я мог понять, мне нужно было оформить разрешение в учреждении, расположенном в городе. Пришлось отправиться с обезьяной искать это учреждение. У выхода из порта меня снова задержали, так как существовали какие-то ограничения по ввозу животных в Англию. Поймите мое положение. Не мог же я навсегда остаться в чужом порту с обезьяной на руках. У меня не было даже денег, чтобы купить шарманку. Тщетно я пытался всучить обезьяну всем проходившим мимо. Видимо, они лучше меня разбирались в правилах вывоза и ввоза животных. Под конец на меня даже начали смотреть с подозрением. А тут еще обезьяна стала хныкать. Очевидно, она была голодна. Я купил ей пару горячих сосисок, но она швырнула их мне в лицо и захныкала еще сильнее. Потом она испачкала мой костюм. Я в отчаянии сел на причальную тумбу. Обезьяна положила голову на мое плечо и уснула. Нечего было и думать бросить это доверчивое существо на произвол судьбы.

Гениальные решения приходят внезапно. Я поднялся и с обезьяной на руках пошел искать того самого таможенника, который не пустил меня на пароход. Больше часа я уговаривал его взять у меня обезьяну. Уж он-то как-нибудь пронесет ее в город. Наконец, когда он понял, что я не собираюсь брать за обезьяну деньги, мы быстро пришли к соглашению. Он даже угостил меня отличной гаванской сигарой, что было очень мило с его стороны, так как, насколько мне известно, ввоз табачных изделий в Англию ограничен какими-то правилами. Это был неплохой таможенник. Что же касается обезьяны, то я до сих пор жалею, что пришлось ее отдать. Сейчас, вероятно, их обоих уже нет в живых.

Но мы с вами, кажется, опять немного отклонились от темы нашего разговора. Итак, если вы проявите достаточно настойчивости, то получите ключ от каюты. Однако это вовсе не значит, что вы в нее попадете. На судне больше пятисот ключей. Когда-то к ним привязали кар-

тонные бирки, указывающие номер помещения, которое должен открывать каждый ключ. Вскоре бирки начали отрываться. Вы же сами знаете, какой теперь картон. Незадолго перед отходом кто-то совершил один из подвигов Геракла и запер все каюты. Не знаю, как это ему удалось. Может быть, он действовал отмычкой, а может быть, у него был «мастерок» — ключ, отпирающий все замки, полумифический инструмент, о котором матерые домушники рассказывают в долгие тюремные ночи подрастающему поколению. Он же привязал оторвавшиеся бирки к ключам. При этом он заботился только о том, чтобы каждый ключ был снабжен биркой, неважно, какой. Вам предложат на выбор два типа ключей. Одни поворачиваются в замке, но не отпирают его, другие не поворачиваются и не отпирают. Таких горемык, как вы, набралось человек пятьдесят, и единственный выход из положения — это взаимный обмен ключами по принципу «каждый с каждым». Когда какая-нибудь дверь наконец оказывается открытой, раздаются радостные возгласы, так как шансы остальных на успех повышаются. Правда, счастливы, попавшие в каюту, немедленно выскакивают назад, вытирая обильно льющиеся слезы. Пары лакового растворителя и клея, которым приклеивают линолеум в каюте, исключают возможность существования там высших форм жизни. Но это уже пустяки. Вы можете открыть иллюминатор. Те, кому это удалось, появляются на палубе. Пальцы правой руки у них обернуты окровавленными платками. Можно подумать, что все они члены одной масонской ложи.

Пропуск вы уже сдали, и теперь вам грозит стать узником. Трудно сказать, на сколько времени. Во всяком случае, не меньше суток, но это, так сказать, срок мобилизующий. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что корабль уйдет тогда, когда он уйдет.

Камбуз начнет работать только в море, заводские столовые уже закрыты, и если у вас с собой ничего нет пожевать, то утешайте себя мыслью, что разгрузочные дни полезны для вашего гастрита. Что касается остального, то не дальше, чем в пятистах метрах, на соседнем причале, есть деревянная будочка. Будьте осторожны ночью! там темно. Постельное белье еще не погружено на корабль, но вы прекрасно устройтесь на диване. Только учтите, что это диван не простой, а корабельный. Конструктор этого дивана основное внимание обращал на

выработку бравой осанки у тех, кто будет на нем сидеть. Для лежания же диван слишком узок. Я часто думал о том, что, может быть, именно привычка пользоваться корабельной мебелью окончательно формирует характер моряка и воспитывает в нем презрение к пошлому комфорту.

Особый интерес для людей, занимающихся вопросами психологии творчества, должны представлять кресла, которыми щедро снабжаются салоны командного состава. Они не очень тяжелые, два матроса средней упитанности под руководством опытного боцмана без особого труда поднимают такое кресло. Но истинные качества этих кресел проявляются во время качки. Не имеющее крепления к палубе произведение прикладного искусства превращается в таран, свободно сокрушающий стальные переборки. Таранные свойства кресел усиливаются тем, что они склеены наподобие бильярдного кия из из небольших кусочков дерева. Однако мозаично-бильярдная структура обеспечивает только ударную прочность. При плавании в тропиках клей отказывается выполнять свои функции, и вся мебель в салоне приобретает весьма причудливый вид.

Вообще кораблестроение до сих пор представляет собой ниву, с которой снимают обильные урожаи непризнанные на суше таланты. Желая украсить жизнь моряка, проектанты судов сочли необходимым повесить картины в салоне, столовой экипажа и кабинете капитана. Проектом предусматриваются только размеры картин и их стоимость. В остальном конструкторские бюро доверили этот щекотливый вопрос художественному чутью начальников отделов снабжения судостроительных заводов. Отпущенные на приобретение картин суммы слишком велики, чтобы можно было ограничиться закупкой литографий, и недостаточны для приобретения, скажем, подлинного Айвазовского. Но снабженцы не такие люди, чтобы не найти выхода из самого запутанного положения. Они полностью осваивают отпущенные лимиты, заключая договора на создание новых шедевров с художественными артелями. Нужно прямо сказать, что поставляемые на корабли картины не отмечены печатью гения, хотя им часто нельзя отказать в своеобразном толковании законов перспективы. Что же касается тематики, то они чаще всего изображают кораблекрушения в самых изощренных вариантах. Немудрено, что моряки предпочитают

держат у себя в каютах рекламные картинки фирм, изготовляющих женский трикотаж, более жизнеутверждающего содержания, чем картины в салоне.

Воспитание художественного вкуса у моряков не ограничивается картинами, развешанными на корабле. На море нет выходных дней. Взамен их моряки получают дополнительные отпуска несколько раз в год. Не у каждого моряка есть семья, и для того, чтобы скрасить одиноким пребывание на берегу, пароходства построили дома моряка. Это хорошо оборудованные гостиницы со всеми удобствами. Приветливый персонал этих домов принимает все меры к тому, чтобы моряк чувствовал себя там как дома. Но разве можно создать подлинный уют, если в комнате нет картины! Почувствовавшие наживу халтурщики из худартелей пытались и здесь захватить ключевые позиции, но это им не удалось. Лимиты не те. Пришлось морякам на суше довольствоваться литографиями.

В Доме моряка, где я часто останавливался, сорок комнат, и в каждой из них висит литография «Березовая роща» Куинджи. Предусмотрительная администрация закупила литографии с запасом. Но не прятать же произведения искусства в кладовку. Поэтому еще десять экземпляров было развешано в коридорах, красном уголке, вестибюле и т. д.

Куинджи отличный художник, и, пожалуй, нет человека, который бы отворачивался от его картин. Но длительное пребывание в роще с такими резкими контрастами света и тени утомительно для самого выносливого человека. Может быть, и приятно сменить хмурые просторы моря на свежую зелень леса, но ненадолго. Рано или поздно захочется более разнообразной обстановки. Однажды мой сосед по комнате признался мне, что по вечерам он чувствует непреодолимое желание выть. Откровенность за откровенность: я по секрету сообщил ему, что уже несколько дней, открывая по утрам глаза, подвываю, но не очень громко, чтобы не мешать ему спать. После этого мы стали переворачивать картину лицом к стене, вполне довольствуясь эмоциями, вызываемыми дубликатами в коридоре.

Однообразие — ужасная вещь, и к чему оно может привести, свидетельствует история с патефонными пластинками на каспийских танкерах. Если вы настаиваете, то я могу на время прервать деловую часть нашего разго-

вора, чтобы рассказать об этом поподробней. У вас билет на вечерний поезд? Очень жаль. Тогда нам нельзя отвлекаться. О чем мы говорили? Да, да, конечно. Но это тоже советы деловые. Итак, хотите вы или не хотите, а ночевать придется на корабле. Кранов на умывальниках нет. С ними вышла какая-то заминка. Вы можете принять душ, но только не советую. Почему? Сейчас объясню.

Жили в Москве Сандуновы, построившие отличные бани. Самое удивительное в этих банях — души. Два крана: один для холодной воды, другой для горячей. Отрегулируй, как тебе хочется, и мойся на здоровье. Теперь, когда этим делом занялись специализированные конструкторские бюро, души работают по принципу, заложенному Шарко. Вы получаете порции горячей и холодной воды попеременно. Может быть, это и полезно, но неприятно. Конструкторская мысль работает над устранением этого дефекта, и кое-что уже удалось сделать. На танкерах проекта одного из Центральных конструкторских бюро, не скажу какого, для того чтобы принять душ, нужно неопределенно долгое время манипулировать шестью вентилями. Что же касается постоянства температуры льющейся на вас воды, то оно, мягко выражаясь, заставляет мечтать о дальнейшем усовершенствовании системы. Может быть, для достижения устойчивой работы душа не хватает еще двух-трех вентилях или трехходовых кранов. По-моему, тут нечего стесняться, и если они действительно нужны, то надо их поставить. Во всяком случае, если вы только можете потерпеть, то лучше не принимайте душа на корабле. Дома вымоетесь в ванне. Это надежней.

Не забудьте захватить с собой бутылку авиационного бензина. Корабль красят. Корабль красят непрерывно с момента его закладки на стапелях. Последнюю окраску он проходит перед постановкой на прикол, когда комиссия решает, окупятся ли расходы на кислород, чтобы разрезать его на куски. По мере того как краска достигает предельной толщины, ее отбивают, и все начинается сначала.

На ходовые испытания выходит бригада маляров в усиленном составе. Их по крайней мере человек тридцать. Впрочем, маляры название неточное, так как это малярши — очаровательные девушки в предельно измазанных комбинезонах. Когда они ловко машут кистями, вам кажется, что вы присутствуете на спектакле теат-

ральной газеты «Синяя блуза» или смотрите сорок герлс Голейзовского. Хотя если вам меньше пятидесяти лет, то таких ассоциаций у вас не возникает, так как эти изжившие себя формы театрального искусства могут быть вам знакомы только понаслышке. Однако это не делает девушек менее очаровательными.

На корабле будет много непонятных для вас названий. Старайтесь не попасть впросак. Однажды в трамвае я невольно прислушался к разговору двух моряков: один из них говорил, что ловить сельдь сетями труднее, чем минтая тралом. Такого термина я никогда не слышал и долго потом пытался выяснить у компетентных людей, что такое минтать трал. К сожалению, никто ничего определенного мне ответить не мог. Наконец судьба свела меня с одним военным моряком, которому я задал тот же вопрос, не надеясь, впрочем, получить ответ. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что именно он может дать мне все пояснения относительно техники минтания тралом. По правде сказать, он даже слегка разочаровался во мне. Прежде он был более высокого мнения о моем знании морской жизни. Ему лично много раз еще на гражданке приходилось минтать тралом. Это же очень просто! Трал сначала немного подтягивают к кораблю, а потом отпускают. Это и называется ловить, минтая тралом. Только спустя год я узнал, что минтай — это рыба семейства тресковых. Неприятно то, что в течение этого года я пытался полученные сведения о технике минтания тралом сделать достоянием многих моих знакомых. Нет, мы с ним больше не встречались.

Вы все время смотрите на часы. Не беспокойтесь, пожалуйста. Я еще располагаю временем. Так о чем мы говорили? Ах, да. Итак, несмотря на маленькие неудобства, вы временный хозяин прекрасной каюты.

Ничего не скажешь, мы научились строить отличные, комфортабельные корабли. Я помню кочегарские кубрики времен моей юности. Двухэтажные койки по бортам, прикрытые от света неугасимой лампы ситцевыми занавесками, штормовые, не открывающиеся иллюминаторы, круглосуточный стук медных костяшек домино об окованный цинком стол, неистребимый запах грязной робы и злобную ругань тех, кому мешают выспаться перед вахтой. Теперь не делают кубриков. Каюты команды, на мой взгляд, оборудуются даже с излишней роскошью. Помню, как на каспийских танкерах нас смущала необходимость,

приходя с вахты, топтать запачканными в машинном масле ботинками по чудесному ковру, зачем-то постеленному в каюте. В конце концов мы попросили ковер убрать. Во всяком случае, умывальники с горячей и холодной водой, удобные кровати и письменные столы украшают жизнь моряка. Когда я вхожу в такую каюту, то испытываю легкую зависть. Мы в молодости плавали в значительно худших условиях. Я представляю себе, как хорошо было бы в то время лежать с книгой у открытого иллюминатора, под тихую музыку джаза, льющуюся из репродуктора. Спать не на деревянной койке с пробковым матрацем, а на настоящей кровати с пружинами. Впрочем, насчет спать не все обстоит так ослепительно.

На современном корабле слишком много звуковой техники. На столе у вас телефон корабельной АТС, на стене — телефон коммутатора машинной или штурманской группы, а над головой неустойно прокливаемый вами спикер. С виду это обычный динамик с регулятором громкости, через который вы слушаете радиотрансляцию. Не хотите слушать — можете выключить. Но внутри безобидного динамика сидит демон, просыпающийся обычно по ночам. Это и есть спикер — основной вид связи на корабле, правда, связи односторонней. Отключить или приглушить спикер невозможно. Всю ночь вас держат в курсе перипетий ночных вахт. Сначала ищут неизвестного вам Петрова или Мамедова, которому уже в пятый раз, в самой категорической форме, предлагают явиться в ходовую рубку. Потом вы узнаете, что сработал пожарный извещатель номер 64 и кому-то нужно проверить, в чем дело. Если, не дай бог, ночью швартовка, то до вашего сведения доводится, сколько футов якорной цепи следует иметь на брашпиле, а также все суждения старпома о расторопности боцмана.

Кроме спикера, еще существуют обильно размещенные по кораблю колокола громкого боя, ревуны, сирены, просто звонки и, наконец, обычай транслировать легкую музыку через мощнейший динамик, висящий на мачте. Так что насчет сна — это как удастся.

Простите, я не совсем понял, что вы сказали. Ну, конечно, вас больше всего интересует испытание дизелей. Не можете же вы интересоваться сдачей радиолокаторов! Ведь это не ваш профиль.

Да, сдать на ходовых испытаниях главные и вспомогательные двигатели не так уж просто. Жизненный путь

сдатчика двигателей отнюдь не усыпан розами. Если говорить о розах, то на его долю приходится больше шипов и терний. Еще до начала испытаний на швартовых кто-то выскажет предположение, что главные двигатели неспособны развивать положенную мощность. Этот слух, как гадюка, поползет по кораблю, и, хотя впоследствии испытания покажут, что проектная скорость корабля перекрыта и двигатели работают точно в режиме номинальной мощности, до самого конца испытаний все будут смотреть на вас с суровым укором, подозревая в нечестном намерении утаить от государства несколько сот лошадиных сил.

Потом начнут мутить воду радиолокаторщики. Они всегда мутят воду потому, что у них что-то не клеится. Они будут утверждать, что регуляторы дизель-генераторов не поддерживают заданную частоту. С такими регуляторами их тонкая техника работать не может.

А тут еще вас начнут донимать собственные неприятности. При проходе узкостей заест блокировка, и вы не сможете вовремя выполнить команду с мостика. Затем обнаружится, что идеально отрегулированные давления сгорания по цилиндрам проявляют тенденцию к разброду и шатанию, вы будете под скептическими взглядами членов комиссии лихорадочно менять форсунки. Но самое ужасное — это то, что появится течь масла из кормового уплотнения коленчатого вала. Она всегда появляется потому, что ее почти невозможно устранить во время сдачи. Как только будут обнаружены первые капли масла, члены комиссии начнут слетаться на них как мухи на мед.

К концу второго дня испытаний вы потеряете голос и начнете изъясняться жестами, скорее вразумительными, чем пристойными.

За всю свою жизнь я знал только одного сдатчика дизелей, не терявшего голоса и присутствия духа до конца испытаний. Он безвыходно находился у себя в каюте и на все претензии отвечал одной и той же фразой: «Люди, я вас любил». В его устах эти прекрасные слова приобретали совсем иной смысл.

Рано или поздно его оставляли в покое, и возникающие недоразумения улаживались сами собой. Потом оказалось, что у него была злокачественная опухоль мозга, и он вскоре умер. Жаль. Очень хороший был сдатчик, хотя и не без странностей.

Не обращайтесь внимания на интриги радиолокаторщиков. Все равно их рассказам о гуляющей частоте никто не верит. Все знают, что радиолокатор — это такая вещь, которую голыми руками не возьмешь.

Однажды на испытаниях мы определяли радиус циркуляции корабля. Это радиус окружности, описываемой кораблем при руле, положенном на борт. Каждому капитану необходимо знать циркуляцию своего судна, чтобы потом давать объяснения аварийной комиссии о причинах, вызвавших столкновение. В море была спущена шлюпка с радиоотражателем, и корабль начал описывать вокруг нее циркуляцию. Радиус определяли по локатору. Когда маневр закончился, на мостике появился бледный штурман и крикнул вниз, чтобы кто-нибудь принес ему из аптечки валериановых капель. Ему первый раз приходилось плавать на корабле, описывающем циркуляцию с радиусом сорок километров. В приемном акте записали, что радиус циркуляции равен двумстам тридцати шести метрам. Эта величина была определена на глаз капитаном и всех устраивала.

Один раз, после определения радиуса циркуляции, шлюпку с отражателем не подняли на борт, а взяли на буксир, пока не приведут в порядок подъемное устройство. Находившийся в шлюпке помощник сдатчика радиолокаторов, как всегда, спал. Спустя некоторое время кто-то обнаружил, что шлюпка буксируется вверх килем. Сыграли тревогу «Человек за бортом». Это был, пожалуй, единственный случай, когда не сработали колокола громкого боя. Правда, после того как была устранена неисправность, они отлично звонили в течение сорока минут, и так как поднятый ими шум мешал электрикам сообщать, почему они звонят, пришлось обесточить всю линию.

Нет, он не утонул, так как держался за шлюпку. Когда его вытащили, он сразу сел писать акт на списание казенных сапог, которые ему пришлось снять в воде, хотя все видели, что он сажился в шлюпку в тапочках.

Я не люблю радиолокаторщиков, хотя допускаю, что и среди них попадаются хорошие люди.

Кроме радиолокаторов, в ходовой рубке имеется еще куча приборов: гирокомпас, магнитный компас, радиопеленгатор, эхолот, курсограф, радиотелефон дальнего действия, радиотелефон ближнего действия и прочие. Я просто не понимаю, как я когда-то доверял свою жизнь штур-

манам, не имевшим за душой ничего, кроме компаса и старенького секстана. Страшно подумать, что с такими техническими средствами они еще имели наглость плавать. чуть ли не вокруг всего земного шара.

Так мы же с вами и говорим об испытании дизелей! Ну, хорошо, хорошо, постараюсь не отвлекаться.

Кроме сдаточной команды, на судне присутствует штатная команда. Это те, в чьи руки передадут корабль после подписания приемного акта. Это они будут водить его по всем морям и океанам от Кейптауна до Чукотки, снабжать топливом антарктические экспедиции и возить дальневосточных крабов из Владивостока в Сан-Франциско. Они обожжены солнцем тропиков и закалены суровыми буднями арктических плаваний. Однако, если не хотите резвевать очарование, навеянное их профессией, не спрашивайте их ни о чем. Они плохие рассказчики. Они могут рассказать кучу мелких историй, но ничего серьезного вы от них не услышите.

Однажды на Сахалине мой сосед по комнате в гостинице, главный бухгалтер управления флота, рассказал мне об одной сельдяной экспедиции, попавшей в Беринговом море в жесточайший шторм: Рассказчик он был превосходный, и я ясно представлял себе маленькие суденышки, черпающие дымовыми трубами воду; обледевшие палубы; людей, скалывающих лед, держащихся за протянутые леера, полузадохшихся от обрушивающихся на них волн, и моториста, ныряющего в ледяную воду, чтобы выяснить причину течи, угрожающей гибелью судну и команде.

Я интересовался подробностями и был очень рад, когда мне удалось встретиться с одним из флагманов этой экспедиции. Мы выпили... Неважно, сколько мы выпили, но единственное, что мне удалось из него вытянуть за целый вечер, это то, что «по линии шторма стоял вопрос о гибели двух судов». Нарисованная моим воображением яркая картина сразу поблекла.

Моряки — плохие рассказчики, и если вам придется услышать от кого-нибудь истории о штормах, льдах, выжимающих судно и кладущих его на борт, или пожарах в океане, будьте уверены, что бард, повествующий об этом с таким искусством, при сем не присутствовал. В море все бывает, но моряки не любят рассказывать о таких вещах.

Навсегда ушел в прошлое бичкомер — нигде не плавающий моряк, живущий подаяниями, перепадающими ему на судах, и начиненный всевозможными историями. Нынче бичей на флоте не жалуют. Но я помню время, когда в южных портах можно было наблюдать такую картину:

У стоящего под погрузкой парохода вырастает тощая фигура с персональной лопатой в руках. Некоторое время фигура, опершись на лопату, критически взирает на пароход, мысленно оценивая все статьи лошади, на которую она делает последнюю ставку. Потом, сунув лопату под мышку, она приставляет ладони рупором ко рту и кричит:

— На шипе! Я уже хочу видеть вашего кеп.

После появления на палубе капитана происходит следующий диалог:

— Кеп, тебе нужен тррропический кочегаррр?

— Какой ты, к черту, кочегар? Одни кости!

— А кожу ты не считаешь?

— Иди продай свою кожу на барабан.

— Ну хорошо, что ты меня не взял. Я бы тебе наработал!

С какими только типами тогда не приходилось встречаться на море. Однажды я должен был принять дела у механика небольшого теплохода. Встретил он меня с распростертыми объятиями.

— Пойдем, родной, ко мне в каюту,— сказал он ласково.— Там у меня есть пара капель нектара, и нам никто не помешает подписать приемо-сдаточный акт.

Я робко заметил, что перед подписанием акта хотел бы посмотреть машину.

— Посмотреть машину? — удивился этот выдавший виды укротитель механизмов.— А зачем ее смотреть? Она ведь железная.

Когда же ему стало ясно, что речь идет не только о наружном осмотре железной машины, а даже о ревизии чугунных поршней, его лицо выразило отвращение.

— Моторист! — закричал он вниз.— Покажи этому дикарю поршни, он их никогда не видел!

К сожалению, акта я не подписал. Поршни оказались в таком состоянии, что всякая попытка пуска двигателя могла расцениваться как внесение горящего факела в бочку с порохом. Таких поршней я действительно до это-

го не видел. Нужно учитывать, что я тогда был еще очень молод.

Извините, я невольно немного отвлекся. Если память мне не изменяет, мы говорили о том, что на корабле присутствует штатная команда, в руки которой его передадут после подписания приемного акта. Они вежливы и немногословны, но их блокноты когда-нибудь доведут ответственного сдатчика корабля до инфаркта. Они предъявляют свои замечания в конце испытаний. Ответственный сдатчик будет вертеться, как уж, но бульдожья хватка молодых людей в беретах заставит его выполнить все работы до единой. Он и сам знает, что все это нужно сделать, и мечтает только о разрешении устранить все недоделки после подписания акта. Как-никак, а ведь он отвечает за план. Скажу по секрету, что иногда ему идут навстречу.

Наконец, все приготовления к отходу закончены. Два замызганных буксира, плюясь клубами черного дыма, выводят белоснежного красавца из заводского ковша на встречу с первой волной.

И вот вы снова на палубе корабля, устремляющегося в неведомые дали. Нежное дыхание моря играет остатками волос на вашем темени. Море шепчет вам на ухо, что сорок лет назад, когда вы познакомились, у вас была чудесная, густая шевелюра. Что ж, ничего не поделаешь! Время берет свое. Сорок лет назад вам море казалось другим. Таинственным и более заманчивым. Теперь вы лучше знаете друг друга. Между вами легли долгие годы измены, которую можно простить, но нельзя забыть. И все же вы с наслаждением вдыхаете пьянящие запахи смолы, насыщенного озоном ветра и еще чего-то неуловимого, что свойственно только судам, отправляющимся в первый рейс. Скорее всего, это легкий запах спиртного, витающий над кораблем с момента, когда перед спуском на воду об его форштевень была разбита традиционная бутылка шампанского.

Сейчас дух, выпущенный из бутылки, чтобы оберегать своего крестника, снова надежно заперт в трех канистрах, хранящихся в каюте ответственного сдатчика корабля. Назначение спирта, щедро отпускаемого ответственному сдатчику, окончательно не выяснено, хотя на этот счет делается много предположений.

Ответственный сдатчик — главная фигура на корабле, и его обязанности весьма разнообразны. Что же ка-

сается всяких разговоров о назначении спирта, то мало ли что люди говорят из зависти.

Пока штурманы возятся с устранением девиации компасов, а кок тщетно пытается разжечь камбуз, в каюте капитана созывается первое заседание приемной комиссии.

Непременные члены комиссии — представитель Комнаба и инспектор Морского Регистра. Это, так сказать, рабочий аппарат комиссии. Правда, у них есть тоже свой рабочий аппарат — ОТК судостроительного завода. Рабочим аппаратом ОТК служит сдаточная команда. У сдаточной команды есть представители контрагентов, вроде вас, которые, если разобраться, тоже могут считаться рабочим аппаратом. Все же Комнаб и Регистр — это самый главный рабочий аппарат.

Когда-то в Англии существовал излюбленный моряками парусного флота кабачок Ллойда. Хозяин кабачка, бывший моряк, живо интересовался всеми делами на море и мог дать в любой момент справку относительно целесообразности отправки грузов на том или ином корабле. Нередко он выступал поручителем за сохранность грузов. Сейчас фирма Ллойда — самое крупное морское страховое агентство в мире. За границей судно, не имеющее класса Ллойда, не может рассчитывать на получение выгодного фрахта. Лет тридцать назад и на наших судостроительных заводах можно было видеть красномордых англичан — сервейеров Ллойда, осуществлявших наблюдение за постройкой наших судов.

Между тем наш флот рос, и государству не было смысла тратить значительные суммы в золоте на страховку у Ллойда, так как ответственность за сохранность грузов оно могло взять на себя. Для наблюдения за постройкой судов, их классификации и обеспечения безопасности плавания был создан Морской Регистр.

Некоторое время Регистр и Ллойд действовали на наших заводах параллельно. Часто можно было видеть, что если грузовая марка Ллойда на борту судна разрешает максимальную осадку 20 футов, то скромно расположенная ниже марка Регистра допускает только 18. Избавленный от необходимости нести страховые обязательства, Регистр был склонен все же к некоторой перестраховке. Потом Регистр окреп, и англичан вежливо проводили домой. Сейчас Регистр — это мощная организация, насчитывающая сотни квалифицированных инспекторов.

Однако кому-то этого показалось мало. Министерство Морского флота организовало Комитет наблюдения за постройкой судов — Комнаб. С тех пор представители Комнаба и Регистра на заводах представляют собой нечто вроде двойной звезды, вращающейся вокруг оси, проходящей через общий центр тяжести системы. Эта ось называется перечнем обязательных приемок. Никому не известно, что должен принимать Комнаб, а что Регистр и почему. Только в отношении приемки от ОТК заводов воздухохранителей и сосудов, работающих под давлением, Регистр не уступает никому своего права контроля, за исключением тех случаев, когда он передоверяет эту работу Котлонадзору, которому в этом деле, как говорится, и карты в руки. Котлонадзор не может справиться со всем, что ему положено делать, и охотно выдает доверенности на проведение испытаний ОТК заводов. В общем, получается вроде замкнутого круга.

Есть еще и другие члены комиссии, но они ничего особенного собой не представляют. Пока комиссия распределяет обязанности и составляет график дежурств, котирующийся в аду наравне с дефицитным булыжником, в салоне расчерчивается пулька. Никто толком не знает, кто эти преферансисты и зачем они присутствуют на корабле. Таков обычай: на ходовых испытаниях кто-то должен играть в преферанс.

Уже подпишут приемный акт, и председатель комиссии, надев полосатую пижаму и козовые туфли, будет жаловаться жене на расстроенное пищеварение, намекая, что в этой ситуации хорошая порция перцовки была бы отнюдь не лишней, уже малярши, надев шелковые платья и с профессиональным искусством подкрасив губы, пойдут в городской сад, уже вы будете мчаться в реактивном самолете на короткую побывку домой, мысленно повторяя в десятый раз все горькие слова, которые скажете начальнику ОТК насчет качества заводской сборки, уже боцман перекрасит по своему вкусу все надстройки (Разве на заводе красят? Одна срамотища!), а из дверей салона вместе с клубами табачного дыма будут расползаться по кораблю карточные афоризмы времен Очакова и покорения Крыма, «под игрока с семака, под вистуза с туза», «валет не фигура, бей дамой» и «кто играет семь бубен, тот бывает удивлен».

Только вмешательство пограничных властей, закрывающих границу, заставит игроков убраться восвояси.

Пульку они будут расписывать тут же, на пирсе, под сенью ящиков с копченой скумбрией.

Итак, вы в море, под надежной защитой джинна, выпущенного из бутылки шампанского.

Тихая погода на море располагает к пению. Мужчины предпочитают песни мужественные и суровые, вроде «Ревела буря, дождь шумел», в которой так красиво звучат басы. Девушки же поют песни грустные и нежные, почерпнутые из кинофильмов. Но джинн, вышедший из бутылки, не терпит уныния. Ведь сегодня день рождения его крестника. И вот уже под неизвестно откуда взявшийся баян каблучки малярш лихо отстукивают веселую плясовую:

Я шахтерочка сама,
Зовут меня Маруся,
В мене черных бров нема,
Та я не журюся.

И кажется, что даже хитро подмигивающая луна сейчас сорвется с небосвода, чтобы рвануть на палубе трепака.

Свою первую ночь в море корабль проводит на якоре, потому что команда в таком настроении, когда море по колено. А это плохо, когда море по колено, можно посадить судно на мель.

И только вахтенные видят, как из недр перламутрового моря всплывает на поверхность багровый шар, предвещающий начало второго дня ходовых испытаний...

Однако мы с вами заболтались. Я хотел дать вам еще несколько технических советов, но боюсь, что у меня уже не хватит времени. Ничего, вернетесь с моря, поговорим обо всем подробно.

Или знаете что? Может, мне с вами дернуть на ходовые? В последний раз. Чем смогу, помогу на сдаче, а то ведь без опыта вам трудновато будет. Как вы думаете?

Что?! Вы сами пришли меня об этом просить? Так какого же черта вы сидите, будто воды в рот набрали?! Развесил уши, как лопухи, а мы тут битых два часа теряем драгоценное время. Одной болтовней, дорогой мой, вы двигатели не сдадите. Тут еще кое-что требуется. Ну, давайте сюда программу испытаний.

Час в эфире

*Автобиографический этюд
для тех, кто интересуется
личной жизнью автора*

У меня противный скрипучий голос. Если его записать на магнитофоне, то больше всего он напоминает кваканье лягушки. Когда я пытаюсь придать ему хоть какую-то выразительность, меняется только тональность. Я могу охватить весь диапазон — от звуков, какие издает стекло, когда его царапают железом, до выхлопа дизельного автобуса, но выразительности от этого не прибавляется.

Собственная внешность приводит меня в уныние. Когда-то, в молодости, привлекательные и отталкивающие черты моего лица были тщательно сбалансированы природой, как характеры в реалистическом романе. Потом время начало вносить коррективы. Сейчас от тургеневской объективности не осталось и следа. Я бы сказал, что здесь больше чувствуется Кафка.

Вероятно, поэтому я часто веду телевизионные передачи. Я понимаю редакторов, которые поручают мне это дело. Зрителям приелись отлично поставленные голоса упитанных красавцев дикторов. Им хочется разнообразия.

Кроме того, я писатель, а это тоже чего-нибудь да стоит. Говорят, что у меня даже есть литературные поклонники. Я этого не чувствую. От официальных встреч с читателями по возможности уклоняюсь, а писем мне не пишут. Вернее, почти не пишут. Я написал четыре книги и получил четыре письма. В одном из них мне ставилось на вид незнание элементарных основ шахматной теории, в другом — какой-то школьник просил прислать схему, по которой был собран Роби, в третьем — читатель из деревни интересовался перечнем книг, которые стоит прочесть. В четвертом из Таллинна, было несколько теп-

лых строк на крохотном клочке бумаги. К сожалению, я его потерял.

Вот и все, если не считать, что однажды на улице меня остановила читательница и довела до моего сведения, что кенотрон, который светится голубоватым светом, нужно немедленно выбросить. Это насчет рассказа «Дневник». Я обещал ей в следующем издании заменить кенотрон газотроном.

Тридцать семь лет я провел среди грохота и вонь моторов. Поэтому сейчас больше всего ценю тишину и покой. Мною никто не командует, и я никем не командую, потому что я пенсионер. Иногда я месяцами не выхожу на улицу, так мне хорошо дома. Делаю я только то, что хочу. Хочу — пишу, хочу — нет. (Большей частью — нет.) Хочу — читаю, хочу — не читаю. (Большей частью не хочу.) Хочу — сплю. Никто мне не мешает.

Иногда приходят гости. Стараюсь, чтобы им было не больше сорока лет (про инфаркты я могу рассказывать сам). Мы пьем водку и разговариваем. Порою и мне удается вставить слово.

Время от времени встречаемся с моими школьными друзьями. Говорим о внуках и обсуждаем разницу между гнилостным и бродильным колитом. Обычно такие вечера проходят очень оживленно.

Таким образом, мое общение с внешним миром осуществляется в основном через телевидение, на приеме или на передаче. Лучше, конечно, на передаче. Дело не в телезрителях. Для меня их не существует. Это какая-то абстракция, загнанная в объектив телекамеры. Просто мне очень нравится ходить в редакцию молодежных передач. Там много приветливых девушек, удобные кресла, в которых можно подремать под стрекот машинок и шум телефонных разговоров. Но больше всего меня привлекают густой табачный дым и какая-то особая атмосфера, свойственная только телевизионным студиям и полевым штабам. Скрытой камерой там можно было бы отснять отличные кадры для фильма об эвакуации Дюнкерка.

В редакции никто ничему не удивляется. Если бы завтра мне вздумалось притащить туда бегемота, никакой сенсации это не вызвало бы. Разве что кто-нибудь из девушек на бегу сунул бы ему в пасть недожеванный бутерброд.

Моя работа на студии носит эпизодический характер. Это всегда неожиданность, вроде любви с первого взгляда или насморка. Предусмотреть заранее и спланировать невозможно.

Начинается обычно с того, что мне звонит редактор и спрашивается о моем самочувствии. Выясняется, что чувствую я себя сносно. Определенных планов на будущее у меня тоже нет. Дальше идет обмен любезностями и поклонами. «Кстати,— говорит он уже в самом конце,— вероятно, двадцатого вы нам понадобится».

Мне хочется узнать зачем, но задавать такие вопросы бестактно, да и бесполезно. В лучшем случае он скажет, что «есть одна задумка».

Ну что ж, задумка так задумка. Делаю пометку на календаре и возвращаюсь к своим делам.

Восемнадцатого он мне звонит снова и напоминает, что завтра утром я должен быть в студии. К тому времени мое сносное самочувствие уже в прошлом. Я лежу на диване, охаю, ставлю горчичники и глотаю аналгин. К тому же качается мост. Это не метафора. Я имею в виду мост, который у меня во рту. Контрольный нажим языком на коронку, и она мягко соскальзывает с места, увлекая за собой все остальное.

В таком виде вести передачу нельзя. Вызываю такси и еду к врачу. Выплываю ей в руку искореженный металл и объясняю, что у меня завтра передача. Она, как телезритель, полностью понимает трагичность ситуации. Выдирает еще две коронки, посылает меня на рентген. Снимки мне делают вне очереди. Врач полна энтузиазма. Она готова приступить к делу немедленно. Вот эти четыре зуба нужно удалить и сделать все заново. Обычно такая работа занимает около месяца, но тут особый случай, и она думает, что недели за две...

Меня прошибает пот. Я снова объясняю, что передача завтра и что моя и без того убогая дикция отнюдь не выиграет от отсутствия еще четырех зубов. Она пытается меня утешить. Говорит, что некоторые шипящие согласные я смогу произносить и без этих зубов, что же касается косметической стороны дела, то нужно стараться держать рот закрытым.

Ни шипящие, ни закрытый рот для телевидения не подходят. Я забываю о мужском достоинстве и начинаю канючить, как дошкольник, который просит игрушку.

В конце концов она сдается и ставит на место коронки

при помощи клея. Мои благодарности она принимает сухо. Задета ее профессиональная честь. Что же касается обещания сразу же после передачи прийти и сделать все, что нужно, то и это ее не смягчает. «Придете тогда, когда начнете разваливаться».

Я знаю, что это будет перед следующей передачей.

У меня дурацкая привычка приезжать точно в назначенное время. В одиннадцать утра я уже в студии. Выясняется, что остальные участники передачи соберутся часа через два.

Чтобы я не скучал, мне дают ознакомиться со сценарием. Там написано все, даже то, что я должен говорить, но это — так называемая «рыба». И составитель сценария, и тот, кто его утверждал, знают, что говорить этого я не буду. Единственное, что можно извлечь из такого документа, — тема передачи.

Проходит три часа. Кроме меня, никто из приглашенных не явился. Можно ехать домой.

Назавтра я снова приезжаю вовремя. Жду около часа. Наконец, начинается большой сбор.

Самое трудное — не перепутать участников передачи. Пишу шпаргалки. Научное звание, должность, фамилия, имя и отчество.

Предстоит научная дискуссия. Поэтому средний возраст собравшихся около семидесяти лет. В такие годы люди очень обидчивы. Не дай бог представить зрителям кого-нибудь не так.

Начинается тракт. Нас рассаживают в студии, чтобы операторы могли пристреляться. Каждому объясняют его роль.

Мне и моему коллеге — очаровательному человеку, умному, красивому, эрудированному и словоохотливому, с прекрасно поставленным голосом — предстоит вести передачу. Он — полная противоположность мне. Любая высказанная кем-нибудь мысль рождает у него блестящий фейерверк идей.

До начала остались считанные минуты. Мы замерли в неестественных позах, впившись глазами в мониторы.

Позывные «Горизонта».

На экране появляется моя рожа. Я ухмыляюсь, потому что забыл все, что собирался сказать.

Пауза становится томительной.

Наконец я выдавливаю из себя несколько фраз и, облегченно вздохнув, даю кому-то высказаться по существу.

Тут происходит странная метаморфоза. Человек, который десять минут назад казался образцом непринужденности и остроумия, превращается в зануду, жующую противную жвачку из терминов с обильно вкрапленными «э-э-э...» и «так сказать». Ему наплевать на телезрителей. Волнует его только одно: как бы знакомые, сидящие дома у телевизоров, не упрекнули его в упрощенчестве.

Проходит пять минут. Больше терпеть это невыносимо. Спасает положение мой коллега. Он подхватывает на лету какую-то мысль и начинает развивать ее со свойственным ему блеском. При этом он так увлекается, что забывает о времени. Я смотрю на часы. График передачи трещит по всем швам.

В детстве мне внушили, что воспитанный человек никогда не прерывает собеседника. С тех пор это правило висит надо мной, как проклятие. С такими устоями передачу вести нельзя.

Я пускаюсь на подлость. Пользуюсь моментом, когда он закуривает, и передаю слово другому. Не тут-то было! Он вовремя подает реплику и снова захватывает инициативу. Остальные от нетерпения роют копытами землю. Им тоже хочется поговорить.

Стоп!

Что-то случилось. Сверху спускается режиссер. Оказывается, запись на видеомagneтoфoнe пошла в брак. Нужно начинать сначала, с позывных.

Начинаем сначала.

Все немного устали, поэтому держать их в узде уже легче.

Минут десять передача идет без сучка и задоринки, пока у моего коллеги не рождается новая блестящая идея.

За все время совместной работы я только раз видел, как он во время передачи хранил гордое молчание. Это было, когда в студии демонстрировалась живая кобра и змеелов сказал, что сейчас она поползает, отогреется и тогда мы увидим, до чего агрессивны эти змеи.

Мы опять вышли из графика.

Я начинаю хамить. Обрываю людей на полуслове, комкаю программу, лишь бы закончить вовремя.

Я должен подвести итоги дискуссии, но времени уже нет. Через две минуты конец. Прерываю какого-то членкора и благодарю зрителей за внимание.

Уфф!!!

Однако все это ерунда. Настоящее начинается тогда, когда моя телевизионная карьера достигает апогея.

Звонок по телефону. Расспросы о самочувствии, о планах на будущее. На этот раз планы более определенные. Я еду в Дом творчества. Это такое место, где человек не испытывает никаких угрызений совести от того, что бездельничает.

Некоторое время мы с ним ходим вокруг да около, как два кота на крыше. Наконец, выясняется, что я должен вести передачу по Интервидению. Ну что ж, ради такого дела стоит один раз приехать в город. Со свойственным ему тактом он дает мне понять, что приехать придется три раза. Передача очень ответственная, идет без записи, прямо в эфир, и все нужно тщательно готовить. Я соглашаюсь — три так три. Тут до моего сведения доводится, что вести эту передачу я должен с пляжа Петропавловской крепости. А если будет дождь? Дождя не будет, на этот счет есть заверения метеоцентра. Мне как-то не по себе. Не могу понять, при чем тут пляж. Я ведь обычно веду научно-познавательные передачи. Он мнетя. Это передача другого рода. О всяких хобби. Нужно показать, как ленинградцы проводят выходной день.

Я очень медленно соображаю. Только к вечеру до меня доходит, что значит брать интервью на пляже. Это равносильно попытке дергать гвозди зубами. Пляжницы будут хихикать и жеманиться, а я с идиотской ухмылкой буду задавать вопросы один глупее другого. Нет, эта работа не по мне. Нужно срочно что-то придумать.

Перед лицом нависшей угрозы мозг работает с поразительной четкостью. Меня осеняет гениальный план — одеть помрежей в бикини. Там есть совсем неплохие фигуры, и соединенными усилиями мы как-нибудь да сострояем интервью. Бросаюсь звонить в студию. Выясняется, что редактор уехал на озеро Светлояр искать легендарный град Китеж. Вернется через неделю.

Пусть ищет. Важно то, что найдено решение.

Всю неделю идет дождь. Кроме того, у меня начинается острый приступ радикулита. Походка приобретает ту неподражаемую лихость, какая бывает у человека, впервые в жизни проехавшего верхом. Люля мажет мне поясницу всякими снадобьями. Она мало верит прогнозам. Едет в город и привозит снаряжение для передачи:

зонтик, плащ и ботинки на толстой подошве. Заодно звонит в студию, выясняет, нет ли каких-нибудь перемен. Перемен нет. Дождя не будет. «Мы оптимисты», — говорит ей ассистент режиссера. Очевидно, не зря считается, что оптимист — это просто плохо информированный пессимист.

Наступает заветный день. Проливной дождь. Облачаюсь в непромокаемые доспехи, беру зонтик и отправляюсь в город.

Режиссер встречает меня счастливой улыбкой. Очевидно, дождь скоро кончится, потому что скорость ветра достигает уже ураганной силы. На таком ветру разговаривать невозможно, и мы ищем убежище в автобусе передвижной телевизионной станции, сокращенно ПТС. Сразу оказываемся в мире сказочной техники.

Пока эту технику латают подручными средствами, знакоюсь со сценарием. Великий боже! Чего тут только нет! Манекенщицы из Дома моделей, рыболовы, водные лыжники, воспитатель канареек, любитель кактусов, строители катеров и прочая и прочая. И со всеми я должен разговаривать. Протестую как могу. Меня успокаивают. Объясняют, что все это — «рыба» для бухгалтерии. Если человек на телевидении не говорит, то ему невозможно заплатить, что бы он ни делал перед объективом. Для вящей убедительности рассказывают, что, когда снимали Ирину Бугримову со львами, пришлось выписывать ордер на оплату «исполнения роли укротительницы», так как обычных «хоп!» и «алле!» бухгалтеру недостаточно. Выясняется, что если выбросить «рыбу», то моя роль в основном сводится к комментариям за кадром и что часть передачи заранее отснята на пленку и пойдет из студии. Меня это вполне устраивает. Ведь можно и комментарий вести из студии. Режиссер и редактор говорят со мной тоном, каким обычно в школах для трудновоспитуемых разговаривают с малолетними крестинами. Из студии нельзя. Нужно открыть и закрыть передачу с пляжа, чтобы все видели, что это не липа. А если будет дождь? Дождя не будет.

День проходит очень продуктивно.

Мы убеждаемся, что телекамеры снабжены автоматическими тормозами от поворота и задуманные режиссером панорамные съемки не удаются, что две ПТС, разделенные равелинами и казематами, не могут работать в мире и согласии, что половина участников не явилась,

что лыжники время от времени тонут и спасать их нужно быстро и решительно, что моторы у катеров не заводятся, что манекенщицы—такие злючки, каких свет не видел, и что у рыбаков пропойные хари. Для первого дня не так уж мало.

Меня везут в студию смотреть отснятые кадры. Оказывается, что специально отснятых кадров нет, а будут использованы куски из старых фильмов.

В просмотрном зале режиссер спорит с начальником ОТК, который на Интервидение пленки такого качества пропускать не хочет. Спор идет в столь увлекательных выражениях, что я пропускаю мимо ушей пояснения редактора, какие же куски думают использовать. Когда же ОТК сдается, зажигается свет. Просмотр окончен. Уезжаю домой, так ничего и не поняв. Ничего, завтра тракт, разберусь на месте.

День тракта. Дождя нет. Все ликуют.

Записываю сведения об участниках передачи. Выслушиваю их пожелания. Каждый хочет, чтобы я сказал о нем что-нибудь лестное.

В кустах для меня поставлен столик с монитором и микрофон. Отсюда я должен вести передачу.

Новый сюрприз: сегодня «малого эфира» не будет. В переводе на русский язык это означает, что все передающееся из студии видеть я не буду, но комментировать должен, так как тракт принимает высокое начальство, находящееся в студии, а им там видно все.

Начинается тракт. Я говорю в камеру положенные слова и готовлюсь к комментариям. Монитор выходит из строя. Я скулю по этому поводу в микрофон, но не знаю, слышат ли меня. Вспоминаю про начальство, говорю примерно так: «Вот тут, очевидно, показывают велосипедиста, и я должен что-нибудь сказать». Так до конца тракта.

Едем в студию. Ждем трамвая, укрывшись одним зонтиком. Мимо нас горделиво проезжают в персональном микроавтобусе манекенщицы.

В студии выслушиваем замечания. Мне ясно, что сценарий будут подправлять. Ждать уже нет сил. Еду домой.

День передачи. Тропический ливень. Поясницу как будто грызут волки. Не позавтракав, тащусь на станцию в плаще и с зонтиком.

На пляже ни одного отдыхающего. Дураков нет. Придется отыгрываться на манекенщицах. Если пройдет дождь.

Участники передачи сидят в автобусах. Режиссер бежит под дождем, ищет сухое место, где можно рассадить шахматистов.

Студия все время на проводе. До начала передачи осталось 20 минут. Главный редактор разговаривает с Москвой, предлагает снять передачу, если дождь не пройдет.

Десять минут до начала. Дождь прекращается. Бегом занимаем свои места. Думать о вступлении уже некогда.

На этот раз у меня не монитор, а телевизор. Вместо антенны — кусок провода. То, что я вижу на экране, больше всего похоже на поверхность лужи во время дождя. Какие-то пузыри. Впрочем, если отодвинуться подальше, что-то видно, но тогда микрофон оказывается слишком далеко.

В моем распоряжении несколько минут, чтобы сосредоточиться. Попеременно напрягаю мышцы ног, брюшной пресс, гримасничаю и даже шевелю ушами. Говорят, что при этом увеличивается потребление кислорода.

Ты снова тут, ты собран весь,
Ты ждешь заветного сигнала.

Сигнал — это позывные «Горизонта». Почему-то их еще нет. Вероятно, у меня неправильные часы. Что ж, можно еще погримасничать. Кислорода, побольше кислорода!

Под ухом бухает пушка. От испуга я чуть не падаю со стула. Двенадцать часов, значит, передача уже идет. Тут я вспоминаю, что на телевизоре выключен звук.

Гляжу на экран. Там что-то маячит. Отодвигаюсь назад и вижу, что это мое лицо. Интересно, сколько же времени я в кадре? Видели ли зрители мои гримасы? Борода у меня смята набок, но перед объективом прихорашиваться нельзя. Поднимаю глаза на камеру и что-то бормочу. Кажется, сошло!

Дальше все похоже на кошмар. Телевизор барахлит. Звук мне не полагается по акустическим соображениям, а изображение такое, что хоть плачь! Все кадры из студии идут не в том порядке, как я думал. Вижу канареек и вспоминаю, что, кажется, нет фонограммы их пения. Мелькает мысль почирикать за них в микрофон, но я ее гашу.

Думать некогда, нужно все время говорить. Почему-то передо мной три варианта сценарного плана. Все они разные. Кажется, передача идет по третьему варианту, но все сведения об участниках у меня записаны на первом.

Из-за кустов мне видна часть реки. Там тонет лыжник. Два катера пытаются его подобрать. На экране ничего не разберешь. На всякий случай это событие не комментирую.

Гляжу на часы. Слава богу, передача идет к концу. Теперь уж меня врасплох не поймают. Я освоился со сценарным планом.

Принимаю непринужденную позу и готовлюсь предстать перед зрителями в заключительном эпизоде. Тут мне машет оператор и показывает, чтобы я бежал на берег. Зачем? Ага, вероятно, режиссер хочет подать меня на фоне ростральных колонн. Я изрыгаю проклятие и мчусь через мокрые кусты. В руки мне суют микрофон. Оператор дает отмашку. Делаю интеллигентное лицо и начинаю говорить. Мне снова машут, чтобы я заткнулся. Показывают, что не работает микрофон. Я стою, не зная, что делать. К счастью, глазок камеры не светится. Очевидно, режиссер другой камерой дает в это время лирические пейзажи. Мне суют новый микрофон. Снова отмашка. Камера работает. Я не знаю, что из того, что я говорил, пошло в эфир, а что нет. На всякий случай повторяю сначала.

Все, передача окончена. Бреду в автобус. Там режиссер звонит в студию. Выясняет, пускали ли нас в эфир, или все это мы делали для собственного развлечения.

Это меня уже не интересует. Забираю свои вещи и отправляюсь домой.

Всего хорошего, друзья! До новых встреч в эфире!

Бедный Стригайло

Фантасмагория

«...А все, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете,— редко, но бывают».

(Н. В. Гоголь. «Нос»)

Утро началось с привычных звуков. Сначала за стеной раздался бодрый марш, сменившийся приглашением подготовиться к зарядке, затем в коридоре слышались тяжелые шаги и хриплый кашель. Сердито заворчал сливной бачок в уборной. Тонко запела труба в ванной. Из кухни доносилось хлопанье крышки кипящего чайника.

Все это свидетельствовало о том, что старушка Земля сделала еще один оборот вокруг своей оси.

Марий Феоктистович Стригайло — конструктор института «Хипхоппроект» перевернулся на спину и втянул ноздрями воздух. Волна утренних ароматов жареного лука и подгоревшей каши еще не докатилась до его комнаты. Значит, можно полежать минут пять с закрытыми глазами.

Итак, сегодня — пятое сентября тысяча девятьсот... вот, черт! Большая муха уселась на щеку Мария Феоктистовича, чтобы почистить лапки. Стригайло, скосив рот, сдунул непрошеную гостью. Потревоженная муха, жужжа, начала описывать круги над его головой, присматривая новое место для посадки.

Марий Феоктистович приоткрыл один глаз, прицелился и сделал движение рукой, пытаясь поймать назойливое насекомое.

Здесь автор вынужден прибегнуть к небольшому отступлению.

Дорогой читатель! Если ты не в духе, утомлен или скептически настроен, словом, если у тебя нет желания в этот момент покинуть привычную уютную обстановку и отправиться в красочный, но полный опасностей мир фантастики, брось эту книгу. Ты можешь найти забвение от

забот трудового дня, просматривая вечернюю газету или услаждая свой слух волшебными звуками, льющимися из радиоприемника. Пусть твою душу волнуют причудливые хитросплетения острых комбинаций у врат «Динамо» на голубом экране телевизора. Листай страницы толстого производственного романа, и перед тобой встанет суровая явь фабрично-заводских будней, где любовь простых людей похожа на борьбу за выполнение плана, а труд поэтичен и нежен, как медовый месяц новобрачных. Наконец, ты можешь просто пригласить приятелей и расчертить пульту, уйдя в таинственное царство прекрасных дам, мужественных королей и дьявольски коварных вальетов.

Автор ничуть не обидится, потому что события, о которых он собирается тебе поведать,— попросту досужий вымысел его фантазии, игра воображения, скорее скептического, чем восторженного.

Но если ты, читатель, затаив дыхание, глядишь на окружающие тебя чудеса, если привык в капле воды угадывать тайны более жгучие, чем те, что ждут исследователей далеких планет, если ты твердо убежден, что величайшая загадка Вселенной — это Человек, доверься мне, и мы с тобой станем свидетелями удивительнейших событий, последовавших за пробуждением Мария Феокистовича Стригайло — конструктора института «Хипхоп-проект». Ну как, согласен? Отлично!

Сумею ли я передать изумление Мария Феокистовича, когда его правая рука вместо того, чтобы выполнить задуманный маневр по пленению мухи, взметнулась к потолку, разбила стеклянный абажур и снова хлопнулась на кровать?

Все это было бы похожим на сон, если б на полу не валялись осколки абажура, а между пальцами Мария Феокистовича не выступили бы капельки крови.

Стригайло, откинув одеяло, сел, чтобы внимательно осмотреть остатки абажура, раскачивающегося под потолком, и невольно вскрикнул. Его голова, подобно шару на резинке, описала полукруг и, пребольно ударившись о потолок, вновь очутилась на плечах своего владельца.

«Что за дьявольщина?»

Марий Феокистович снова лег, пытаясь привести мысли в порядок.

Собственно говоря, что произошло? Каким-то необъяснимым образом его руки и шея приобрели способность неограниченно удлиняться. Но почему?

Он зажал пальцы левой руки зубами и растянул их на добрых полметра. Разжав зубы, Стригайло убедился, что пальцы с легким щелканьем вернулись в нормальное состояние. Казалось, что они сделаны из очень мягкой резины.

Помедлив немного, Стригайло выпростал правую ногу из-под одеяла и рывком вытянул ее по направлению к противоположной стене. Босая ступня мягко шлепнулась о цветастые обои и вернулась назад, преодолев расстояние в пять метров.

«Странно», — подумал Стригайло.

Следует сказать, что наш герой, как человек практический, был начисто лишен воображения. Не далее как вчера, беседуя во время обеденного перерыва с сослуживцами, он похвалялся тем, что в жизни не брал в руки галиматьи, которую изволят писать фантасты, потому что предпочитает пойти в кино посмотреть хороший фильм, чем забивать себе голову всякими идиотскими выдумками.

Черт знает что! Надо же, чтобы такая дичь случилась именно с ним! Да и вообще, что это все может означать?

Впрочем, потренировавшись некоторое время, Марий Феоктистович убедился, что, не делая резких движений, он все же может управлять своими членами. Ему даже удалось сделать несколько осторожных шагов по комнате. Как будто все было в порядке. Однако, когда он повернул шею, чтобы взглянуть на часы, стоявшие у изголовья кровати, его голова вновь метнулась по комнате, сбив с полки фарфорового слоника.

«Фантасмагория!»

Самым удивительным было то, что при всем этом мир, окружавший Мариа Феоктистовича, отнюдь не потерял присущих ему черт объективной реальности. Об этом свидетельствовали хотя бы стрелки часов, настойчиво напоминающие, что пора отправляться на службу.

Стригайло с превеликой осмотрительностью, избегая резких движений, оделся, расчесал перед зеркалом волосы и, осторожно ступая, вышел на улицу, настолько расстроенный, что даже забыл попить чаю.

На трамвайной остановке толпилось много людей. Большинство из них были постоянные утренние попут-

чки, давно примелькавшиеся лица, как всегда напряженные и озабоченные перед битвой за посадку.

Все шло, как обычно. Уже вихрастый юноша, упершись углом чемоданчика в пах Стригайло и локтем левой руки в грудь девушки со взбитой прической, расширял плацдарм для наступления, уже толстяк с вечно не высыпавшейся физиономией, пыхтя, пробирался по чужим ногам, уже были высказаны первые лестные замечания в адрес отцов города, добиравшихся в присутственные места на персональных машинах. Словом, налицо были все признаки того, что через несколько секунд автоматически открывшиеся двери примут в лоно трамвая новую партию бедолаг.

Обеспокоенный утренним происшествием, Марий Феоктистович упустил свое обычное место на стоянке, откуда он уже восемь лет наподобие вратаря, бросающегося за мячом, прыгал, чтобы ухватиться за спасительный поручень. Кажется, сегодня, вдобавок ко всем свалившимся на него бедам, еще грозило опоздание на службу со всеми вытекающими из этого чрезвычайного происшествия последствиями.

Так и есть! Теперь нашему герою оставалось только наблюдать, как поток счастливцев бурлил у входа, опровергая представление о непроницаемости, выдуманное чудаковатыми старичками, разъезжавшими всю жизнь в допотопных каретах.

Сделав последнюю отчаянную попытку достичь заветной двери, Стригайло вытянул правую руку и — о чудо! Сначала длинная, как пожарный шланг, рука ухватилась за поручень, а затем, поднявшись над толпой, Марий Феоктистович шагнул через головы прямо в трамвай.

Еще в ушах Стригайло звучали недвусмысленные эпитеты, из коих «паразит» был самым мягким, когда, влекомый законами механики сыпучих тел, он оказался протиснутым вовнутрь вагона.

Действуя скорее импульсивно, чем сознательно, Марий Феоктистович метнул правую длань с трехкопеечной монетой по направлению к кассе. Послушно выполнив маневр, рука пролетела над головами пассажиров и, изящно изогнувшись, произвела все необходимые манипуляции по оплате проезда.

Черт побери! Оказывается, новое свойство конечностей Стригайло тайло в себе и кое-какие преимущества, недоступные простым смертным.

— Гражданка, передайте деньги,— прерывающимся голосом произнес толстяк.

— Разве вы не видите, что я стою боком? — отозвалась девушка со взбитой прической. — Передайте через этого гражданина, вон какие у него длиннющие лапы!

Стригайло обмер. Человек здравомыслящий и скромный никогда не стремится стать объектом чрезмерно пристального внимания своих сограждан, даже если к этому существуют такие пустяковые причины, как прыщ на щеке или оторванная пуговица. Но превратиться во всеобщее посмешище из-за такой бредятины...

— Правильно! — раздались голоса попутчиков. — Отрастил себе грабки, так пусть лучше билеты передает, чем шарит по чужим карманам.

Увы! В наш суровый и рационалистический век все чудеса «Тысячи и одной ночи» уже не могут никого удивить. Приземлившийся на улице большого города коверсамолет соберет несравненно меньше зевак, чем автомобиль новой марки, а сидящая на нем русалка будет удостоена внимания только в том случае, если она употребляет зеленую помаду или красит волосы в синий цвет.

Удивленный и обрадованный таким неожиданным безразличием окружающих к его уродству, Стригайло добросовестно собирал медяки и отрывал билеты, пока в положенное время не был вытолкнут из трамвая на нужной остановке.

* * *

Стригайло, небрежно махнув пропуском перед носом вахтера, в два шага осилил устланную коврой дорожкой лестницу и за одну минуту до звонка форсировал дверь «Хипхоппроекта» под пристальными взорами административно-общественного контроля.

В «Хипхоппроекте» велась настойчивая и непримиримая борьба с опозданиями. Для этого в вестибюле, рядом с кабинетом начальника, висела на стене двухметровая Доска позора, украшенная изображениями весело танцующих зеленых чертиков и водочных бутылок. Черное лакированное поле доски было разбито на полосы, из коих каждая соответствовала различной тяжести совершенного деяния. Фотографии правонарушителей, опоздавших на одну минуту, вывешивались в верхнем ряду и клеймились наравне с отщепенцами, потерявшими дол-

жный моральный облик, до трех минут — во втором ряду и заслуживали презрения не меньше, чем отцеубийцы, в третьем... впрочем, до третьего ряда никто в этом вертограде добродетелей еще не падал.

Повесив пальто на сложное сооружение, сваренное из газовых труб и водопроводной арматуры, Марий Феокистович направился к своему чертежному щитку.

Теперь в его распоряжении было целых семь часов для того, чтобы обдумать все случившееся.

Здесь автор снова вынужден прервать повествование, дабы в самой решительной форме защитить своего героя от всяческих подозрений. Стригайло отнюдь не был лентяем. Частое отсутствие работы было уделом всех сотрудников «Хипхоппроекта». Его руководители, люди предусмотрительные и дальновидные, давно пришли к мудрому заключению, что чем меньше будет построено машин по сотворенным ими чертежам, тем лучше и для них и для государства. Однако из этого не следует, что в «Хипхоппроекте» ничего не делали. Там все было подчинено суровому плану, о чем свидетельствовали хотя бы регулярно выплачиваемые премии, а также солидный штат плановиков и экономистов, неустанно пополняемый из числа чад и домочадцев тех, кому волею судеб было предназначено судить о деятельности «Хипхоппроекта».

Хотя все трубадуры плана находились еще в том нежном возрасте, когда разочарование от ничем не восполнимого перерыва между окончанием школы и третьей неудачной попыткой сдать экзамен в вуз может быть компенсировано только достаточно весомым окладом, ими сообща был разработан новый метод планирования, далеко оставивший позади все известное науке в этой области. Попросту говоря, они включали в план на следующий месяц только то, что было уже выполнено в предыдущем.

При такой системе могло произойти что угодно: желтый карлик, вокруг которого мотается наша злополучная планетка, — вспыхнуть сверхновой звездой, испепелив все на расстоянии многих парсеков; вал всемирного потопа — обрушиться на твердь земную; полчища алама-сов — спуститься со снежных вершин в отчаянной попытке добиться признания наукой факта их существования, — все равно: план «Хипхоппроекта», составляющий основу благосостояния его подданных, был бы выполнен.

Все же нет ничего на свете, что бы не имело конца. Это относится даже к работе над неосуществимыми проектами.

В грозные часы подписания последних чертежей, когда костлявая рука Возмездия уже нависла над всеми вместе и каждым по отдельности, взоры и надежды были обращены к обитой кожей двери, из-за которой доносился рокочущий бас главного инженера. Тогда смолкали разговоры, резко сокращалось число курильщиков в коридоре и даже футбольные болельщики, пользующиеся во время бесконечных дискуссий у доски с таблицей розыгрыша кубка почти дипломатической неприкосновенностью, откладывали обсуждение забитых мячей и ходили на цыпочках. Ибо каждый из граждан «Хипхоппроекта», от несмышлениша-плановика до убежденного сединой начальника отдела разных механизмов, знал, что творится за этой дверью.

И только когда к концу дня из нее, окутанный клубами табачного дыма, вырывался заказчик, подмахнувший акт о списании убытков, все облегченно вздыхали, жизнь в институте входила в нормальное русло, и начиналась работа над новым проектом.

Впрочем, вернемся к нашему герою.

Чертежные станки были расставлены в конструкторском бюро таким образом, что каждый из сотрудников был надежно защищен от нескромных взглядов своих коллег. Что же касается начальника бюро Софрона Модестовича Дундукова, то хитроумная загородка из шкафов с чертежно-технической документацией, скрывающая его стол, служила верным барьером от наглого любопытства, гарантирующим сохранение тайны постоянных занятий шефа.

Дело в том, что начальник Мария Феоктистовича вступил в тот возраст, который не без оснований часто сравнивают с бабьим летом.

Согретая обманчивым теплом последних сентябрьских дней, душа главы конструкторов жадно тянулась ко всему, что будило воспоминания о безвозвратно минувшей весне. Неудивительно поэтому, что в личных обязательствах Дундукова неизменно присутствовал один и тот же пункт, по которому умудренный опытом старец брался повысить квалификацию чертежницы Сонечки, очаровательного, шаловливого подростка, недавно принятого в лоно «Хипхоппроекта».

В тот момент, когда расстроенный Стригайло усаживался на свой табурет, в клетке Дундукова уже была Сонечка. Правая рука шефа небрежно делала карандашом пометки на чертеже, тогда как левая...

Нет! Не нужно, читатель, нарушать элементарные нормы скромности. Достаточно сказать, что жаркий румянец на смуглых щеках, трепещущие губы, смелый изгиб стана и приглушенное хихиканье вовсе не были следствием замеченных начальником огрехов в простановке размеров и знаков обработки на чертеже.

Прочь, Нечистый! Тебе не удастся увлечь меня в зыбкий и обманчивый мир искрящихся глаз и томных вздохов!

Сейчас... Я выпью воды, и мое перо вновь станет подобным скальпелю хирурга...

Избавленный от соглядатаев, Марий Феоктистович самым тщательным образом принялся за исследование своего тела. Сначала он вытянул руку и коснулся ею потолка, затем, встав с табурета и держась руками за два чертежных станка, проделал ту же операцию, махнув правой ногой. Нет, это не бред. Подошва Стригайло оставила вполне вещественный след на потолке.

Несколько минут он сидел в глубоком раздумье, не зная, что предпринять. Затем, вытянув шею, с трехметровой высоты окинул взором доли «Хипхоппроекта». В углу, около окна, двое конструкторов резались в «шестьдесят шесть». Прыщавая девица в своем закутке, закрыв рот рукой, тихо ржала над «Крокодилом». Далее руководитель группы крепежных деталей решал кроссворд.

Стригайло еще напряг шею и заглянул за заветные шкафы в святая святых конструкторского бюро.

Не будем строго судить нашего героя, ибо вид молодой лозы, доверчиво обвившей ствол столетнего дуба, не может не тронуть даже самое черствое сердце. Неудивительно поэтому, что Марий Феоктистович, забыв о собственных бедах, застыл в неудобной, напряженной позе на добрый десяток минут.

Неизвестно, чем бы кончилось наше повествование, если бы не предательская пыль, скопившаяся на шкафах. Стригайло сделал глубокий вздох и оглушительно чихнул.

— Ой, что это?! — воскликнула Сонечка, отпрянув от своего патрона. Ее руки вспорхнули вверх в том очаровательном жесте, каким, вероятно, еще прародительни-

ца человеческого рода оправляла прическу после грехопадения.

— Это... я,— сказал растерявшийся Марий Феокистович.

— Стригайло!! — В голосе Дундукова была медь, а во взгляде — блеск обнаженного клинка. — Вы что тут делаете?! Я вас не вызывал!

— Простите,— пробормотал наконец смешавшийся Стригайло,— я так... просто... с утра плохо себя чувствую.

— Тогда возьмите увольнительную и идите к врачу, а не нарушайте трудовую дисциплину. Я буду вынужден поставить о вас вопрос перед Кириллом Мефодиевичем.

— Нахал! — добавила оправившаяся Сонечка. — Подлая харя!

— Хорошо,— уныло произнес Марий Феокистович,— если вы не возражаете, я возьму увольнительную.

* * *

Легче узнику Синг-Синга вырваться на волю, трехлетнему ребенку разжать смертельную хватку удава, чем сотруднику «Хипхоппроекта» в рабочее время покинуть стены института.

Если к таким пустякам, как многолетнее безделье на рабочем месте, администрация относилась со снисходительным благодушием, то всякая попытка отпроситься на час-другой для устройства личных дел или по недомоганию всегда была связана с преодолением ряда преград.

Сначала жаждущий увольнения должен был заполнить специальный бланк, в котором путем тщательно подобранных вопросов не оставалось ни малейшей лазейки симулянтам и лентяям. Затем, получив увольнительный лист, следовало зарегистрировать его в бухгалтерии на предмет соответствующих вычетов из зарплаты, после чего наступала главная часть процедуры — подписание увольнительной высшим начальством.

Правом подписи увольнительных пользовались всего два лица в институте — начальник и главный инженер. Однако начальник, человек пожилой и умудренный опытом, давно постиг всю тщетность человеческих усилий изменить что-либо в подлунном мире. Брови его были всегда сурово насуплены, пиджак осыпан пеплом, а мозг постоянно пребывал в состоянии сладчайшего сна, тщательно оберегаемого секретаршей. Всеми прозаическими

делами в институте ведал главный инженер, имевший неограниченные полномочия действовать «от имени и по повелению».

Вообще, разделение функций между двумя руководителями было подобно отношениям между статуей тибетского божка и далай-ламой или святой троицей на небесах и папой римским на земле. Словом, пребывающий в состоянии небытия верховный вождь института был не более чем символом, укрепляющим власть, «аще от бога данную».

Выполнив все предварительные формальности, Стригайло робко просунул голову в дверь кабинета.

— Можно к вам, Кирилл Мефодиевич?

Главный инженер прервал разговор с четырьмя автолюбителями, посвященный оценке различных способов заливки антифриза в радиатор, и с неудовольствием взглянул на вошедшего.

— Не нужно ко мне заходить, когда у меня сидят люди,— мягко ответил он,— у меня ведь есть телефон.

Стригайло ретировался.

Выждав минут сорок, он подошел к телефону и набрал номер.

— Да?! — раздался в трубке энергичный голос.

— Простите, Кирилл Мефодиевич. Вас беспокоит Стригайло.

— Я занят! — Послышались короткие частые гудки.

Протомившись еще около часа, Марий Феоктистович поймал в коридоре секретаршу, направлявшуюся с подносом, уставленным стаканами чая, в кабинет главного.

— Узнайте, Мариночка, скоро ли они там?

Он успел просмотреть всю доску приказов, пока Марина не появилась вновь в коридоре с большим пакетом окурков.

— Ну, как?

— Еще до дорожных происшествий не дошли, так что, наверное, часа на три-четыре.

Между тем под сводами «Хипхоппроекта» начало твориться нечто странное. Еще так же в кругах его сновали озабоченные люди, по-прежнему в местах, для сего отведенных, толпились оживленные курильщики, все с той же страстностью велись дебаты у таблицы игр, но опытный глаз стратега мог бы различить в этих, казалось бы, случайных, скоплениях и передвижениях некую закономерность, обозначаемую во всех армиях мира термином

«накопление сил для атаки». Дело в том, что куда бы ни направлялось за последние пять минут все сущее в «Хипхоппроекте», оно неизменно приближалось к некоему тайному рубежу, отделявшему их обиталище от остального мира. Короче говоря, близился час обеденного перерыва.

Не успела еще стрелка электрических часов замкнуть контакт звонка, как мощная лавина воителей, стремительности которой позавидовал бы сам Чингисхан, ринулась на штурм столовой.

В течение ничтожных долей секунды опустели раздевалки, курительные комнаты и уборные, и только за несколькими дверями, обитыми темной кожей, продолжалась размеренная, трудовая жизнь.

Вообще, если господь бог, озабоченный предстоящей схваткой во время Страшного Суда, послал бы архангела Гавриила в «Хипхоппроект», чтобы заблаговременно отсеять полезные злаки от плевела, крупницы золота от обманчиво блестящего в лучах солнца песка, словом, отсортировать души, достойные райских куш, от тех, кому предназначено выполнить скромную роль ершей в тройной ухе, варящейся в котлах ада, его посланцу было бы достаточно взять с собой самые обычные часы. Вся сложность иерархии «Хипхоппоекта» становилась понятной наблюдателю, вооруженному современными представлениями о четырехмерности окружающего нас мира.

Все лица, свободные от тягот табельного учета, различались по времени их обеденного перерыва. Чем выше в табеле о рангах стоял какой-либо деятель, тем позже он отправлялся утолять голод. На вершине этой лестницы стоял начальник учреждения, добровольно лишавший себя пищи, ибо от времени обеда главного инженера до закрытия столовой даже мышь не успела бы проглотить кусочек сала.

Так как допустимые перерывы между принятием пищи в человеческом организме ограничены природой, то те, кто по служебному положению были вынуждены трапезничать слишком поздно, пользовались правом более позднего прихода на службу. Что же касается окончания рабочего дня, то если серая масса, представляющая собой опору в «Хипхоппроекте», устремлялась вниз по лестнице «с последним коротким сигналом», цвет одного учреждения задерживался на работе настолько, насколько

ко того требовало присущее каждому живому существу стремление общаться с себе подобными.

На этих вечерних ассамблеях, где блески юмора были подобны пузырькам газа в бокале шампанского, только одна лишь фигура начальника напоминала о служебном долге собравшихся, потому что сей муж был от природы глуховат и косноязычен, а длительное пребывание на посту заведующего образцово-показательной баней приучило его смотреть на собеседника таким взглядом, словно он через одежду ясно видел кожу, пораженную грибковыми заболеваниями.

Подхваченный бурным потоком, Стригаило был быстро вынесен на проспект, омывавший гранитное подножие «Хипхоппроекта».

Оглядевшись по сторонам, Марий Феокистович вскочил в подошедший трамвай, надеясь использовать обеденный перерыв для посещения поликлиники.

* * *

У кабинета хирурга велась обычная дискуссия о сравнительных достоинствах и недостатках живой очереди по сравнению с порядковым номером, выдаваемым регистратурой. Обладатели двухзначных номеров яростно ратовали за демократическое равенство в той старейшей общественной формации, которая обычно именуется хвостом. Счастливики же, захватившие первые номера, находили неопровержимые доводы преимуществ упорядоченной системы приема больных. В общем, как всегда в подобных случаях, голоса разделились, и только появившаяся в последний момент кикимора в желтой кофте и с губами, выкрашенными в фиолетовый цвет, требовала, чтобы ее пропустили первой, потому что ей не на прием, а просто врач ее посмотрит.

К тому времени, когда Стригаило перешагнул заветную дверь, в коридоре уже никого не оставалось, а стрелки часов неуклонно приближались к окончанию обеденного перерыва в «Хипхоппроекте».

— Что у вас? — спросил хирург, споласкивая руки под краном.

— Видите ли... — Стригаило запнулся. — В общем... руки, ноги и шея.

— Так много? — На лице врача появилась сардоническая улыбка, способная заставить покраснеть самого злокозненного охотника за бюллетенями.

— Да вот...— Стригайло вытянул левую руку и коснулся ею стены.— И еще...— Он потерся лбом о потолок.

— Понятно,— врач бросил строгий взгляд на прыснувшую со смеха сестру,— раздевайтесь!

Закончив осмотр, он придвинул к себе медицинскую карту.

— Вывихи, переломы были?

— Нет.

— Возьмите! — Он протянул рецепт.— Будете втирать скипидар со свиным салом. Перед сном можно спиртовой компресс на шею.

— Простите,— робко сказал Стригайло,— все это так необычно, может быть, вы...

— Ничего необычного тут нет,— перебил его хирург, совершая ритуальное омовение.— Известно, что мышечная ткань обладает значительной эластичностью. Змеи и черви способны произвольно менять свою длину. Впрочем, вы кем работаете?

— Конструктором.

— Ну что ж, это не должно мешать вашей работе. Больничных листов по таким поводам мы не выдаем. Попросите зайти следующего.

— Еще один симулянт! — услышал Стригайло, закрывая за собой дверь.

Он взглянул на часы. Возвращаться в «Хипхоппро-ект» уже не имело смысла. Марий Феокистович, махнув рукой, отправился домой.

...Мышечная ткань, мышечная ткань... Космолетчики и астронавты, разведчики Вселенной, исследователи исчезнувших цивилизаций, не берите с собой в сверхдальний рейс антропометрические таблицы и принадлежности для реставрации скелетов. Не устраивайте дискуссий по поводу найденной банки из-под свиной тушенки, она могла быть там оставлена вашими предшественниками— представителями иной галактики. Подо льдом остывших планет, под пеплом вулканических извержений, в развалинах затонувших городов, в тайниках бомбоубежищ ищите квинтэссенцию культуры обитавших там разумных существ. Ищите энциклопедические словари!

Мифология и последние достижения ядерной физики, памятники культуры и географические сведения, вымершие животные и лекарственные препараты, произведения искусства и великие полководцы, данные о производстве мыла и типы боевых кораблей — все это тщательно

перемешано и плотно упаковано в нескольких страницах нонпарели.

...Мышечная ткань, мышечная ткань...

Богиня плодородия Ма и магnezия жжена, Майкельсона опыт и макинтош, страницы, где межа соседствует с межпланетными полетами, а Микельанджело с Михалковым, москиты, мотыга, мутуализм, мышцы!

Ничего утешительного для себя в статье о мышцах Марий Феоктистович не нашел. Даже сведения о том, что М. иннервируются центробежными и центростремительными нервными волокнами, а поперечнополосатые М. окружены плотной соединительнотканой оболочкой — фасцией и при помощи сухожилий прикрепляются к костям скелета, никак не объясняли трюков, которые выкидывали М. нашего героя.

Статья о змеях тоже не давала ответа на интересующий его вопрос. Все сведения о червях, очевидно, должны были находиться в еще не вышедшем томе.

Стригайло захлопнул словарь и лег на кровать, так и не уразумев, что же с ним случилось.

«Может быть, это просто мне снится?»

Он вытянул шею и, не вставая с кровати, высунул голову в открытое окно. Марий Феоктистович увидел облупившуюся штукатурку наружной стены, играющих во дворе ребятишек и ощутил специфический запах, исходящий пустыми бочками, сваленными у склада рыбного магазина. Такого во сне не бывает.

Стригайло в отчаянии заскрипел зубами. Ему казалось, что он сходит с ума.

Пролежав еще с полчаса, он решительно встал и направился в переднюю к телефону...

* * *

Всякий мужчина не прочь похвастать перед приятелями своими успехами, но если ему нужно пожаловаться на жизненные неудачи, то он обязательно ищет собеседницу.

Женщины — лучшие слушательницы в таких случаях. Возможно, этому способствует выработавшаяся у них годами привычка обдумывать во время всякого разговора фасон нового платья, а может быть, просто знаки сочувствия, которыми нас награждают... Опять не то! Извините старика. Итак — к делу!

— Ты не ошибся?

— Нет.— Стригайло протянул руку и сорвал лист плюща, обвивающего балкон третьего этажа.

— Дяденька, достань звездочку,— попросил наблюдавший за ними малыш.

— А у врача ты был?

— Был.

— Ну и что?

Марий Феоктистович пожал плечами.

— Что он сказал?

— Скипидар со свиным салом и спиртовой компресс на шею.

— Почему на шею?

Стригайло молча вытянул шею. Его голова оказалась на уровне крыши. Прогуливавшийся там рыжий кот, испуганно фыркнув, кинулся наутек.

— Вот дает! — восторженно воскликнул малыш.— А ну еще!

Из серых глаз покатились слезы.

— Не надо, Муся! — Стригайло обнял узкие, вздрагивающие плечи.— Может быть, это пройдет.

— Не пройдет! Я думала, что у нас все будет как у людей, а тут...

— Что ты предлагаешь?! — В голосе Стригайло появились раздраженные нотки.

— Пойдем в кино,— с железной последовательностью предложила Муся.

До начала сеанса оставалось еще много времени, и они сели в фойе у столика с журналами.

Разговор не клеился. Марий Феоктистович рассеянно листал журнал. В статье, озаглавленной ПРОБЛЕМЫ ПОЛА, доказывались неоспоримые преимущества пластиковых плит перед дубовым паркетом. Далее проводились дискуссии о том, какой должна быть квартира в кооперативном доме. Оказалось, что более половины архитекторов считают удобство, дешевизну и долговечность главными и неизменными качествами новых проектов.

Муся просматривала листовку о гриппе, в которой доводилось до сведения населения, что посещение зрелищных предприятий и в первую очередь кинотеатров чревато бурным распространением этой опасной эпидемии, несущей тяжкие и порой неизлечимые последствия для организма.

Молчание становилось тягостным.

К счастью, раздался звонок, двери зрительного зала распахнулись.

Пока на экране шло перечисление голливудских звезд, снимавшихся в фильме, а мужественный голос диктора разъяснял зрителям, что замыслы режиссера совершенно не соответствуют тому, что им придется увидеть, Стригайло, воспользовавшись темнотой, вновь принялся за исследование своего многострадального тела. Сначала он вытянул правую руку и пустил ее вдоль прохода. В конце ряда раздался женский визг, и Марий Феоктистович, почувствовав увесистый удар по пальцам, быстро отдернул руку назад. Затем, помедлив немного, он осторожно начал вытягивать шею. В зале поднялся топот и свист. Стригайло взглянул на экран и обмер. Его тень с нелепо оттопыренными ушами занимала добрую половину кадра. Он попытался вернуть шею в нормальное состояние, но там что-то щелкнуло, и мышечная ткань нашего героя решительно отказалась подчиниться всем стараниям своего владельца сократить ее до нормальных размеров.

В отчаянии Марий Феоктистович начал дергать головой, и шум в зале усилился.

— Гражданин, перестаньте хулиганить! — раздался голос сзади.

Стригайло сделал еще одну отчаянную попытку, и его голова вновь вернулась в исходное положение. Это сопровождалось звуком, похожим на пистолетный выстрел.

К сожалению, уже было поздно. В зале зажегся свет. К месту происшествия спешила билетерша в сопровождении сержанта милиции...

Сообщив представителю органов поддержания общественного порядка дату и место своего рождения, социальное происхождение, домашний и служебный адреса, Марий Феоктистович вышел на улицу. В его ушах все еще звучали прощальные слова Муси: «Больше не смей показываться мне на глаза! Слышишь, урод проклятый?!»

* * *

Когда Марий Феоктистович спустя два дня зашел в красный уголок, там уже заканчивались последние приготовления к предстоящему собранию.

Под сенью огромного транспаранта, на котором вязью было начертано: «Мы рождены, чтоб сказку сде-

лать былью», — перед неким подобием алтаря стоял стол, покрытый бархатной скатертью.

Поскольку транспарант и алтарь служили образцом наглядной агитации в «Хипхоппроекте», автор не может ограничиться простым упоминанием о них.

Итак, читатель, пока мелкая сошка расставляет стулья, а люди посolidнее делают последние затяжки в коридоре, подойдем поближе к этому творению духа, ищущего и созидającego.

Идея универсального лозунга, который бы не только никогда не шел вразрез с тематикой проводящихся кампаний и знаменательных дат, а, наоборот, так сказать, корреспондировал бы им, родилась в рационалистическом мозгу Геннадия Болтового, начальника группы крепежных деталей и бессменного председателя месткома «Хипхоппроекта».

Нужно сказать, что это удалось ему как нельзя лучше. Недаром при обсуждении проекта лозунга сам Кирилл Мефодиевич снисходительно заметил, что в нем сочетается героика повседневных дел с устремлением ввысь, свойственным началу космической эры.

Правда, мобилизованные для малевания транспаранта студенты-практиканты то ли из озорства, то ли по недосмотру вместо слова «былью» написали слово «пылью», отчего текст принял недвусмысленно местный колорит, характерный для всего, что рождалось в стенах «Хипхоппроекта».

Уже давно с помощью лезвий для безопасных бритв и малярной кисти был восстановлен истинный смысл лозунга, а зубоскалы-студенты, получив диплом, разбрелись по свету, но все еще предательское, похожее на арку portalного крана «п» проступало на красном шелке, как бы олицетворяя собой незыблемость того, что, как известно, не вырубишь топором.

Второе сооружение представляло собой доску, разделанную под орех и снабженную надписью: «Лучшие люди «Хипхоппроекта». Именно люди, а не работники, читатель, потому что при обсуждении кандидатур достойнейших из достойных учитывался не только их скромный вклад в общее дело «Хипхоппроекта», но и вся неповторимо сложная мозаика чувств, устремлений и поступков, из которых складывается понятие личности.

Двухметровая доска с фотографиями лучших экземпляров человеческой породы помещалась в ликвидирован-

ном дверном проеме, обрамленная гирляндами разноцветных елочных лампочек.

По возвращении из отпуска всеобщая любимица — Сонечка украсила эту витрину людских добродетелей специально привезенными ветками лавра.

Теперь в пряном запахе маринада особо значительно выглядела лысая, сморщенная голова старого боровика Дундукова, слева от которого красовалась аппетитная сыроежка Сонечка, а справа — бледная поганка Анфиса Онуфриевна Уздечкина, являвшая собой по прихоти законов генетики некий узел всех многочисленных родственных связей сотрудников «Хипхоппроекта» и именуемая поэтому попросту «тетя Анфиса». Все это было окружено гарниром из прелестных волнушек, выросших под сенью многочисленных плановых подразделений института.

Впрочем, мы заболтались, читатель.

Поспешим же занять места в заднем ряду, пока руководство «Хипхоппроекта» рассаживается за столом президиума.

Собрание открыл вступительной речью Геннадий Болтовой. По его предложению в обсуждение повестки дня были включены три вопроса:

1. Отчет о выполнении плана за прошедший квартал.
2. Зачтение приказа по сему поводу.
3. Персональное дело.

После краткой, но сложной процедуры, во время которой у присутствующих испрашивалось одобрение повестки в целом и проводилось поочередное голосование ее составляющих, а также выяснялось желание чем-либо дополнить круг рассматриваемых вопросов, слово для доклада по пункту первому было предоставлено главному инженеру.

Что может быть выразительнее сухого языка цифр?! Доложив собранию, сколь достойно выполнен план во всех отделах, Кирилл Мефодиевич перешел к оценке деятельности руководимого им института в целом. До сведения членов профсоюза было доведено, что вследствие выполнения квартального плана на 112,36% наряду с достигнутыми успехами по новой технике, экономией электроэнергии, а также значительных неиспользованных резервов фонда зарплаты каждый винтик этой огромной и отлично слаженной машины может рассчитывать

на весомую добавку к получаемой зарплате, в соответствии с действующими премиальными положениями.

Воспламенив сердца холодным жаром чисел, главный инженер поблагодарил за внимание и скромно сел на место, поощряемый к дальнейшему благотворному служению обществу громкими аплодисментами.

Председательствующий бросил на него вопросительный взгляд и, уловив высочайшее соизволение, приступил к зачитанию приказа.

Автор не будет утомлять внимание читателей пересказом этого документа, поскольку фотографии перечисленных в нем лиц красуются тут же, под транспарантом. Достаточно только сказать, что благодарность, вынесенная Сонечке «за работу с полной отдачей», исторгла улыбку умиления даже у человеконенавистницы Уздечкиной.

Предполагал ли Марий Феоктистович, прислушиваясь к рокоту прибоя героических дел «Хипхоппроекта», что злополучная судьба готовит ему еще один удар? Нет, он целиком был погружен в невеселые думы и невольно вздрогнул, услышав после слов «...персональное дело» свою фамилию.

С изумлением и горечью слушало собрание повесть о преступлениях Стригайло. Тут было все: и рапорт Дундукова о систематическом нарушении трудовой дисциплины, и наглый уход с работы без увольнительной записки, и хулиганские действия в кино.

Закончив, Болтовой обратился к Стригайло с предложением дать объяснения по поводу выдвинутых против него обвинений.

Но что же мог сказать он в свое оправдание? Под перекрестным огнем негодующих взглядов он и впрямь чувствовал себя закоренелым правонарушителем.

— Товарищи! — Поперхнувшись, Марий Феоктистович закашлялся, что сразу поставило его в невыгодное положение.— Кхе-кхе-кхе! Дело в том, товарищи, что... в общем... со мной случилось нечто странное... я бы сказал, необъяснимое... В общем, я начал... удлиняться.

— Громче! — раздались голоса.— Что вы начали, Стригайло?

— Удлиняться.— Марий Феоктистович вытянул шею и помахал головой у самой люстры.

Возмущенный гул прокатился по красному уголку.

— Перестаньте паясничать, Стригайло! — властным тоном оборвал его главный инженер. — Вы не в цирке. Можете поберечь свои сказки для дурачков. Мы сказкам не верим. Вашим сказкам не верим, — добавил он, взглянув на транспарант.

Сконфуженный Стригайло сел.

— Так, ясно, — сказал Болтовой. — Переходим к выступлениям. Кто имеет слово?

Несколько минут он сверлил взглядом присутствующих, но на всех лицах была написана такая непоколебимая решимость не высказываться, пока помыслы руководства по сему вопросу не станут общим достоянием, что умудренный опытом председатель обратился к Дундукову:

— Может быть, вы, Софрон Модестович, как непосредственный начальник?

Дундуков пожал плечами и снисходительно улыбнулся.

— Ну что же, видно, придется мне.

Неискушенному слушателю могло показаться вначале, что целью выступления Дундукова была защита Мария Феоктистовича от взваленной на него напраслины. Однако, будучи опытным диалектиком, Софрон Модестович с таким искусством превращал каждый тезис в свою противоположность, что все сказанное во здравие работало за упокой. Преподнеся в заключение несколько двусмысленных комплиментов своему подчиненному, он развел руками и сокрушенно произнес:

— Платон мне друг, но истина мне дороже.

Теперь, когда сигнал был дан, уже ничто не сдерживало охотничьего инстинкта гончих.

Слово взяла Уздечкина.

— Сейчас, — сказала она проникновенным голосом, — много пишут о внутреннем мире интеллигентного человека. Известно ли вам, каков этот мир у Стригайло? Летом, когда большинство конструкторов работало на прополке, Стригайло добился освобождения, ссылаясь на ревматизм. Мы знаем теперь, что это был за ревматизм! — зловеще закончила она. При этом на ее лице было то брезгливое выражение, какое можно видеть на морде старой овцы, раздавившей копытом гадюку.

После энергичного, но маловразумительного выступления юноши, наделенного столь бурным темперамен-

том, что он глотал слова раньше, чем успевал их произнести, перед суровым ареопагом появилась Сонечка.

Ее речь была выслушана с глубоким вниманием и искренним сочувствием.

— Очень часто,— начала она, потупив глазки,— мы не можем полностью раскрыть истинный характер человека, не зная его отношения к женщине. Недаром великие писатели уделяли этому вопросу такое внимание. Мне кажется, что Стригайло...— стыдливый румянец покрыл ее щеки.— Ну... словом... во всякой женщине видит не товарища по работе, а...— тут она окончательно смутилась и села на место, всем своим видом показывая, как тяжело быть объектом домогательств грязного ловеласа.

— Кто еще имеет слово? — спросил Болтовой.

— Хватит! — раздались голоса.— И так все ясно!

— Ну, Стригайло,— взгляд председательствующего обратился к Марию Феоктистовичу,— что вы скажете коллективу? Как будете жить дальше?

Потрясенный и раздавленный, Стригайло взмахнул руками.

— Товарищи! — И тут случилось нечто такое, о чем еще много лет спустя в «Хипхоппроекте» говорят шепотом, да и то только с близкими друзьями.

Левая рука Мария Феоктистовича метнулась вперед и, произведя изрядное замешательство в задних рядах, закончила свое странствие звонким ударом по лицу Уздечкиной, тогда как правая... Нет, честное слово, не хватает духа! Есть вещи, перед которыми осквернение могил не более чем легкая забава. А тут... черт знает, что такое! Достаточно было поглядеть на цвет «Хипхоппоекта», накрытый за столом президиума упавшим полотнищем бессмертного транспаранта, чтобы представить себе все дальнейшее.

Казалось, еще немного — и пенящиеся валы гнева, ураган выкриков, буря негодования, вся мощь стихии человеческих страстей, обрушившаяся на многострадальную голову нашего героя, вырвутся за пределы красного уголка «Хипхоппоекта» и тогда...

Тут требовался кормчий куда более опытный, чем недоросль Болтовой, беспомощно барахтавшийся под словом «рождены».

— Ти-хо!!

Только в часы суровых испытаний проявляются подлинные качества руководителя. Лишь истинное бесстрашие и твердая рука могут помочь ему смирить строптивых, ободрить малодушных, обезвредить смутьянов.

— Ти-хо!!

Взгляни, читатель, на это нахмуренное чело, сверкающий взгляд и скрещенные на груди руки, прислушайся к стихающему гулу возгласов, и ты поймешь, чем отличаются укротители львов от простых любителей кошек и почему нам с тобой никогда не доверят тяжелую и почетную обязанность быть пастырями человеческих душ.

— Тихо! — И вновь полные доверия глаза устремлены на главного инженера, вновь члены профсоюзной организации «Хипхоппроекта» готовы трезво и справедливо судить заблудшую овцу, одного из малых сих, не забывая о милосердии, но и не проявляя вредной мягкотелости.

— Вы кончили, Стригайло?

Марий Феоктистович кивнул.

— Тогда,—главный инженер бросил снисходительный взгляд на вытиравшего потный лоб председателя,—тогда будем считать работу собрания оконченной. Все необходимые выводы мы сделаем в административном порядке.

* * *

На следующий день после собрания все помещения «Хипхоппроекта» напоминали недра вулкана перед извержением. Однако этот вид тектонической деятельности вовсе не был связан с разоблачением Стригайло. Весть о предстоящей премии пробудила в толщах списочного состава страсти совсем иного рода. Просто каждый из работников института опасался, как бы его сосед не получил большую премию, чем он сам.

На этой почве стихийно возникали и распадались группировки и коалиции, писались подметные письма и коллективные заявления, велась непрерывная слежка за конкурентами.

Сонечка явилась на работу в платье на десять сантиметров короче нормы и безвозмездно расточала улыбки всем по очереди.

В коридоре какой-то юродивый, закатив глаза и брызжа слюной, нес уже совершеннейшую чушь о трех миллионах, якобы выплаченных из премии бабушке Григория Распутина, предъявившей нотариально заверенное свидетельство об усыновлении ею Дундукова.

Под сенью лавровых венков билась в истерике Анфиса Уздечкина.

Придя утром на работу, Стригайло с радостью убедился, что все сослуживцы заняты делами более животрепещущими, чем обсуждение его физических и моральных уродств. Он прошмыгнул к себе за доску и, склонившись над столом, начал заполнять план-графики по повышению срока службы и надежности механизмов, проектируемых в стенах «Хипхоппроекта».

Вообще это занятие напоминало историю о паже, не получившем жалованья ни до, ни после того, как король приказал удвоить ему оклад.

Повысить на сорок процентов срок службы несуществующего механизма — дело тонкое и требующее широкой фантазии, которой, как известно, наш герой был лишен полностью.

Он уже третий раз стирал резинкой многочисленные сведения об экономическом эффекте намеченных мероприятий и технических показателях, посрамляющих лучшие зарубежные образцы, когда секретарша сообщила, что его вызывают в отдел кадров.

Стригайло вздохнул и направился вниз по лестнице.

Дом, где протекала деятельность «Хипхоппроекта», был некогда подарен императрицей своему фавориту и посему находился под охраной учреждений, специально для того предназначенных.

Все заботы о сохранении здания были сосредоточены на его фасаде и заключались главным образом в периодической окраске векового гранита охрой. Этот цвет не без оснований считался историческим: во времена Аракчеева он был широко распространен для окраски казарм.

Что же касается внутренних помещений, то каждый из часто меняющихся руководителей «Хипхоппроекта», зная по опыту своих предшественников, сколь скоротечна людская слава вообще, а номенклатурного работника в частности, спешил воздвигнуть себе памятник в веках, внося коррективы в бессмертное творение прославленного зодчего.

О мудрый Хеопс! Из всех геометрических фигур ты выбрал наименее пригодную для размещения в ней учреждений. Страшно подумать, что было бы, поставь ты по соседству со сфинксом сооружения прямоугольной формы, облегчающие установку перегородок.

Сколь бы ни различались по вкусам и характерам многочисленные руководители «Хипхоппроекта», их усилия неизменно были направлены на борьбу с лепными украшениями на потолках, мешающими рассечению барских покоев на фанерные клетки.

Как часто после очередной смены управляющих можно было видеть на высоких лесах хмурых дядек, вырубавших зубилами перси Дианы или колчан Амура. Неискушенного посетителя нередко приводил в дрожь вид прелестной нимфы, вынужденной удерживать меж бедер тяжелую люстру, или хитрого фавна, с любопытством заглядывающего через перегородку, отделяющую сектор надежности от машинописного бюро.

И все же под сводами «Хипхоппроекта» существовал маленький островок, куда не доносился стук молотков и треск перетаскиваемой мебели во время непрерывных перестроек и передислокаций боевых подразделений института. Это уединенное место было обиталищем Александра Хайлова — начальника отдела кадров «Хипхоппроекта».

Однажды освоив захваченное помещение, Хайлов укрепил его столь фундаментально, что в случае необходимости мог бы выдержать в нем любую регулярную осаду. Венецианские окна кабинета хранителя личных дел были забраны тюремными решетками, двери красного дерева, некогда украшенные инкрустациями, оделись броневою сталью, а расположенный в стене старинный сейф скрывал от любопытных взглядов сокровеннейшие сведения о душах человеческих, доступные только владельцу кабинета.

Обезопасив свои владения от всяких попыток вторжения извне, распорядитель кадров отдал дань и отделке интерьера. Специально вызванная бригада маляров оклеила обоями панели из мореного дуба и побелила потемневший от времени дубовый потолок, а живописец-самоучка, подкармливаемый месткомом, капитально реставрировал висящую на стене картину, после чего холст, числившийся во всех справочниках бесследно исчезнувшим, действительно пропал навсегда.

Кроме любви к порядку и неусыпной подозрительности, Хайлов обладал еще одним качеством, совершенно незаменимым в деле, которому он беззаветно служил уже более двадцати лет,—умением глядеть в глаза посетителям взором, абсолютно ничего не выражающим. Под этим взглядом василиска даже самые честные и мужественные люди испытывали непреодолимое желание пасть на колени и в написанной от руки в двух экземплярах исповеди покаяться в грехах, перед которыми побледнели бы даже деяния Балтазара Коссы, пирата, насильника и убийцы. Но так бывало только по утрам.

После заветного часа, когда обязательное постановление горсовета теряло свою силу и торговые организации предоставляли всем и каждому возможность вкусить от широкого ассортимента веселящих душу напитков, взор начальника отдела кадров являл такую бесшабашную лихость, такую лихую бесшабашность, такое проникновение в суть вещей и явлений, что иной рвач и летун, мечтавший найти успокоение в стенах «Хипхоппроекта», не успев раскрыть дверь, уже пятился назад, бормоча нечто совсем невразумительное насчет утерянной трудовой книжки.

Возле заветной двери уже томилось двое сотрудников отдела стандартизации и типизации.

— У себя? — спросил Стригайло.

— Здесь, но не принимает,— ответил один из рыцарей типизации, прервав красочный рассказ о перипетиях вчерашнего матча, передававшегося по телевизору.

— Здесь, но еще лют,— добавил второй.

Стригайло сел на деревянный диван со спинкой, украшенной разными изображениями танцующих пастушек.

Стандартизаторы возобновили прерванный разговор.

Трудно представить себе, чтобы два человека, одновременно прочитавшие новый роман, многократно пересказывали его друг другу.

Субъекта, который, придя в гости, весь вечер излагает содержание всем известного фильма, больше в этот дом не приглашают.

Только дураки испытывают удовольствие, выслушивая давно известные им анекдоты.

Повторение — один из трех китов, на которых с незапамятных времен незыблемо покоится тупость человеческая. Два других — это привычка с апломбом судить

о вещах, в которых ничего не смыслишь, и стремление во что бы то ни стало произносить больше слов, чем собеседник.

Если, руководствуясь здравым смыслом, исходить из предположения, что и киты должны на чем-то держаться, то, по-видимому, лучшей опоры, чем футбольный болельщик, для них не сыскать.

Существует новый тип болельщика — болельщик-лентяй, развалившийся в кресле, придвинутом к телевизору. Его беспокоит только одно — запомнить наиболее хлесткие замечания комментатора, чтобы потом блеснуть ими перед сослуживцами. Это дает ему право на освященную годами традицию — торчать большую часть рабочего дня в коридоре, бесконечно пережевывая тягучую, надоевшую всем жвачку из футбольных терминов и фамилий игроков, записанных на бумажке, хранящейся в кармане пиджака.

В «Хипхоппроекте» каждый, кто мог отличить штрафной удар от угловой подачи, пользовался особыми привилегиями, ибо руководство этого учреждения болело футбольным психозом в самой тяжелой форме. В дни матчей отменялись все мероприятия, пустели кабинеты, и даже самовольный уход с работы расценивался не как злостное нарушение трудовой дисциплины, а как особый вид молодечества, проступок, продиктованный страстью жаркой и неуголимой, вызывающей в сердцах ближних скорее снисходительное сочувствие, чем порицание.

Зато на следующий день коридоры института напоминали пчелиный улей в период медосбора.

И даже сам Кирилл Мефодиевич, проходя мимо орущей и яростно жестикулирующей толпы, снисходительно бросал:

— Эх вы, «зенитчики»! Не «зенитчики» вы, а мазилы!

Тогда какая-нибудь отчаянная голова, содрогаясь от собственной смелости, вступала в игру:

— А вы тоже, Кирилл Мефодиевич, хороши, такой мяч взять не сумели!

И расцветали улыбки, как цветы лотоса на заре, и уже казалось, что стерты все графы штатного расписания и нет больше ни начальника, ни подчиненного, а есть двое бравых парней, отлично знающих, что к чему в спорте.

...Стандартизаторы уже по несколько раз со вкусом повторили друг другу все, что им было известно о фут-

боле вообще и о вчерашней игре в частности, когда наконец распахнулась бронированная дверь и в коридоре возник Хайлов.

Болельщики вскочили.

— Здравствуйте, Александр Герасимович! — сказал первый — Мы...

— ...выделены,— подхватил другой,— для очистки...

— Прилегающей территории,— добавил первый.

— А-а-а-! — Хайлов внимательно оглядел их с ног до головы.— Фартуки и метлы получите в отделе снабжения. Проходим под ноги не пылить, на провокационные вопросы — кто и откуда — не отвечать. В случае инцидентов докладывать мне лично. Понятно?

— Будет понято! — осклабившись, рявкнул один из эрзац-дворников.

— Вы эти хохмочки бросьте! — нахмурился Хайлов.— Смотрите, как бы вместо всяких хихонек да хаханек не пришлось бы поплакать. Ясно?

— Никак нет!

— Так точно!

Развернувшись кругом, стандартизаторы направились к выходу.

— Фамилие,— задумчиво сказал Хайлов,— забыл спросить, как ихнее фамилие, но ничего, узнаем.

Все штатные должности подсобных рабочих в «Хипхоппроекте» давно были заняты какими-то бойкими девицами и никому не известными старушками, появляющимися только в день выдачи зарплаты. Так как молодая поросль кадров института была надежно защищена от привлечения к дворовым работам всяческими справками о неизличимых недугах, то часто можно было видеть у старинного подъезда, украшенного колоннами, пожилых дворников с университетским значком, предательски высывающимся в пройму фартука, или интеллигентного вида грузчиков, безмятежно читающих Лукреция Кара в кузове самосвала.

Проводив подозрительным взглядом марширующих строевым шагом инженеров, Хайлов повернулся к Марию Феоктистовичу.

— Я Стригайло,— робко сказал тот,— мне передали...

— А, Стригайло! Подождите здесь.

Марий Феоктистович просидел еще с полчаса, пока в коридоре вновь не появился дожевывающий что-то на ходу Хайлов.

— Зайдите, Стригайло,— сказал он, вытирая ладонью губы...

Автор не считает себя вправе разглашать то, что происходит за окованными сталью дверями, и предоставляет все происшедшее в кабинете Хайлова воображению читателя. Достаточно сказать только, что уже через двадцать минут Марий Феоктистович, держа заполненный обходной лист, именуемый в просторечии «бегунком», стоял перед закрытым окошком кассы.

В целях экономии рабочего времени сотрудников «Хипхоппроекта» все виды выплаты денег производились только после окончания трудового дня, и нашему герою не оставалось ничего другого, как прогуливаться мимо большого плаката, украшавшего стену кассы.

На плакате был изображен упитанный, розовощекий младенец со скакалкой. На заднем плане художник нарисовал мужчину темного вида, который, изящно согнув локоть, преподносил пышногрудой красавице букет цветов, принимая от нее взамен бутылку с томатным соком.

Содержание плаката было разъяснено в стихах:

Я не проливаю слезы,
Только прыгаю: прыг-скок!
Нынче папа мой тверезый,
Покупает маме розы,
Пьет один томатный сок.

Картина принадлежала кисти все того же живописца-самоучки. Стихи написала местная поэтесса Элеонора Свищ.

Внизу с соответствующими иллюстрациями указывалось, какое количество продуктов можно купить вместо пол-литра водки. Выходило совсем немного, еле набиралось на закуску.

Прошло еще часа три, прежде чем выучивший наизусть стишок и подавленный изобилием благ, которое несет каждому здравомыслящему человеку трезвый образ жизни, Стригайло сдал пропуск и получил причитавшиеся ему в окончательный расчет деньги.

Теперь действительно нужно было решать, как жить дальше.

* * *

Как жить дальше? Отвергнутый любимой, осужденный товарищами, изгнанный с работы, Стригайло не раз задавал себе этот вопрос.

Бесцельно бродя по улицам, он подолгу простаивал у бронзовых изваяний коней и мускулистых красавцев, пытаясь понять сокровенную тайну мышечной ткани.

Мышечная ткань...

Между тем кончились деньги.

Несколько раз, набравшись смелости, Марий Феоктистович подходил к дверям проектных институтов и конструкторских бюро, объявлявших по радио о вакантных должностях, но неизменно горькое сознание своей неполноценности заставляло его в решительный момент поворачивать назад.

Однажды, слоняясь без дела, он увидел перед собой круглое здание цирка.

«Вы не в цирке, Стригайло!» — В его памяти вновь возникло все пережитое на собрании.

«Вы не в цирке, Стригайло! Поберегите свои сказки для дурачков!»

Усмехнувшись, Марий Феоктистович решительно толкнул дверь служебного входа.

В скупом освещенном коридоре пахло конским навозом и духами.

— Простите, — обратился Стригайло к атлетическому мужчине в тренировочном костюме, — я бы хотел...

— О, это вы! — сказал атлет. — Имейте в виду, что если все недоделки к субботе не устранят, я буду вынужден жаловаться!

— Очевидно, это недоразумение, я...

— Ах, к чему эти оправдания! — Собеседник Стригайло махнул рукой и зашагал дальше.

— Послушайте! — Сделав опромный шаг, Стригайло тронул его за рукав. — Я насчет работы. Кто у вас ведет набором артистов?

— По путевке?

— Н-н-нет.

— Какой жанр?

— Пожалуй, комический, — неуверенно сказал Стригайло.

— Попробуйте поговорить с Пешно. Рафаил Цезаревич Пешно, вторая дверь налево.

Стригайло просунул голову в полуоткрытую дверь.

— Разрешите, Рафаэль Цезаревич?

— Меня зовут Рафаил, — недовольно поморщился маленький человечек с огненно-рыжей копной волос. —

Рафаэль — это обезьяна у Петруччио, а мое имя Ра-фа-ил. Ощущаете разницу?

— Ощущаю. Простите, Рафаил Цезаревич.

— Ничего, многие поначалу путают. Слушаю вас.

— Я бы хотел узнать насчет работы,— робко сказал Марий Феоктистович.

— Что вы можете делать?

— Удлиняться.

— В каком смысле удлиняться?

— В прямом.

— В прямом? — Пешно задумался.— Ну, что ж, пойдем посмотрим, как вы удлиняетесь в прямом смысле.

В это время распахнулась дверь и в комнату, прихрамывая, вошла высокая женщина со стандартным профилем богини. На плече у нее сидела старая, похожая на Альберта Эйнштейна, сорока.

— Здравствуй, Рафик! — сказала небожительница.— У тебя есть чем приколотить каблук?

— Рррафик! — насмешливо фыркнула сорока.— Пррриколотить! Каварррдак,— доверительно добавила она, взглянув на Стригайло умными влажными глазами,— форрррменный каварррдак!

— Подожди, я сейчас приду,— сказал Пешно.

Сорока взмахнула крыльями и перелетела на шкаф.

— Крррасота!

На арене известный комик страбатывал падения с ударом головой о барьер. На его затылке был укреплен микрофон, и гулкие хлопки разносились динамиком по пустому помещению.

— Ну? — сказал Пешно.

Стригайло вытянул руки и ухватился за трапецию, висящую под куполом.

Рыжеволосый, прищурив один глаз, поглядел вверх.

— Так, теперь подтянитесь.

— Капитан, капитан, подтянитесь! — пропел комик.— А что, Рафа, такая подача с ковра работает, а?

Пешно молча кивнул головой.

Однако подтянуться капитану не удалось. Руки растягивались как резиновые.

Комик, разочарованно крикнув, снова начал тпать головой о барьер.

— Да...— Рафаил Цезаревич пожевал губами.— А номер у вас отработан?

— Нет, но я думал...

Из-за кулис выскочила маленькая белая собачка и, таявкнув несколько раз на Стригайло, умчалась обратно.

Пешно размышлял, запустив пальцы в шевелюру.

Откуда-то издалека донесся торжествующий рев осла.

Ярким светом вспыхнул купол цирка.

Взволнованно запела фанфара.

— Идея! — В глазах Пешно горел огонь вдохновения. — Мы на вас наденем фрак и цилиндр. Рука империализма. А в финале народы полуколониальных и зависимых стран отрубают эту руку и под марш проносят по арене.

— Как, отрубают? — упавшим голосом спросил Стригайло.

— Очень просто. Топорами или этими, как их... томагавками. Такой вариант проходит наверняка, а голый техницизм репертуарная комиссия нам не пропустит.

— Но дело в том... что она у меня не отрубается. Она... в общем... живая.

— Совсем не отрубается?

— Совсем.

— Так что вы предлагаете?

— Видите ли... я думал... может быть, подавать снизу гимнастам разные принадлежности. Это наверно... будет работать.

— Цирковое представление, — лекторским тоном произнес Пешно, — должно воспитывать зрителя, а не играть на нездоровом любопытстве к физическим изъяснам. К сожалению, я не могу больше тратить на вас время. Меня ждут. До свидания.

— Ну, что ж, до свидания, — вздохнул Стригайло.

* * *

Стоя на мосту, он вглядывался в мутные, лениво текущие воды Фонтанки. Внезапно у него возникло желание...

Дочитав до этого места, иной, не в меру ретивый критик отложит книгу и начнет накачивать чернила в поршневую авторучку.

— Да, — скажет он, — ни для кого не секрет, что у нас еще бытуют отрицательные явления, поскольку они являются результатом пережитков в сознании людей. Но разве наряду с выдуманным автором «Хипхоппроект»

нет замечательных коллективов, действительно создающих новую технику? Как же автор сумел их просмотреть?! Сатира — сатирой, но где положительный герой? Стригайло?! Почему же тогда автор потенциально обедняет его духовный мир, принося до уровня чувств и поступков «маленького человека», а не раскрывает характер Мария Феоктистовича в борьбе с бюрократизмом и очковтирательством? Не представляют ли собой потуги автора жалкое эпигонство, поскольку и сама тема не нова? Достаточно вспомнить хотя бы известный рассказ Кафки, где человек превращается в насекомое.

— Нет,— скажет такой критик,— путь, которым идет автор,— это не широкая дорога к светлому будущему, а извилистая тропка, уводящая читателя неизвестно куда!

Подождите, уважаемые критики! Не вострите раньше времени свои перья. Все вам будет, а насекомых никаких не предвидится. Имейте терпение читать до конца.

Автор, верный принципу художественной правдивости, не может скрыть, что действительно в голове бедного Стригайло не раз появлялась мысль о самоубийстве. Он перестал стричься, отрастил бороду и перебивался случайными заработками на торговых складах и базах, где уровень механизации еще не достиг запланированного на последний год семилетки.

Как всякий слабовольный человек, попавший в беду, он быстро пристрастился к алкоголю.

Однажды вечером, сидя в скверике, он завел разговор с одним симпатичным старичком пенсионного возраста, втайне надеясь скорешиться с ним на «маленькую». Слово за слово, и неизвестно как получилось, что Стригайло открыл незнакомому человеку свою тайну, тщательно оберегаемую от людей.

На его счастье, симпатичный старичок оказался лучшим изобретателем в своем микрорайоне. Будучи на пенсии, он не терял связь с коллективом мастерской «Метбытремонт», где проработал сорок лет.

Старичок проявил самое теплое участие к Марию Феоктистовичу, отвел его к себе домой, накормил и уложил спать, пообещав к следующему утру что-нибудь придумать.

Действительно, не успел Стригайло на другой день проглотить вкусный завтрак, заботливо оставленный ему старичком, как тот явился, неся шарнирные протезы для

рук, ног и шеи, собственноручно изготовленные им из самонадуваемых полимеров.

Шарниры были устроены таким образом, что ограничивали возможность членов Стригайло удлиняться сверх нормы, принятой в приличном обществе.

С этого дня бессовестная кокетка фортуна вновь начала расточать ласки Марию Феоктистовичу.

Вот уже шесть лет, как он работает в проектной организации «Бумхлопмашина» и считается там одним из лучших конструкторов.

У него прелестная жена и двое очаровательных детей.

И только иногда по воскресеньям, когда детишкам удастся уговорить папу показать, какая бывает шея у жирафа, Стригайло снимает шарниры и касается головой потолка. Однако, поскольку он живет в отдельной квартире, эти забавы являются его личным делом и никого не шокируют.

Дочь и сын обожают Мария Феоктистовича и очень жалеют, что родители запрещают им рассказывать в детском садике, какой у них замечательный папа.

Что же касается «Хипхоппроекта», то после статьи в газете, написанной симпатичным старичком, там произошло много изменений в системе подбора кадров и в методах руководства, а также значительно повысился уровень наглядной агитации.

И вообще все это произошло во времена давно минувшие.

Вот так-то, товарищи критики!

Альбом

Тридцать пять лет тому назад я написал книгу.

Теперь она мне кажется очень наивной. Это были путевые заметки ребенка, пытавшегося смотреть на мир глазами взрослого.

Может быть, это и прельстило редактора издательства, решившего выпустить ее большим тиражом.

Авторский экземпляр я подарил с соответствующей надписью моей невесте.

Сейчас у нас эта книжка хранится вместе с другими реликвиями ушедшей молодости.

С ней у меня связано одно воспоминание, о котором я и хочу рассказать.

Мой сын перед войной учился в первом классе и имел двух закадычных друзей. Они дружили так, как можно дружить, пожалуй, только в восемь лет, когда знаешь друг друга всю жизнь.

Каждый вечер мы собирались у нас дома и обсуждали кучу проблем.

Особенно нас привлекала космонавтика. У нас был альбом, куда мы зарисовывали все наши идеи и предполагаемые приключения в далеких мирах. Там был и разрез космического корабля, и вид стартовой площадки, и то, что мы могли увидеть на других планетах: люди с коровьими головами, кошки со змеиным телом и удивительные двуногие существа, у которых рот был прямо на животе.

По воскресеньям мы все катались на лыжах в парке, где рос дуб с дуплом достаточно большим, чтобы привлечь внимание романтиков.

В то время еще никто не думал о войне и никто не

предполагал, что мы станем свидетелями проникновения человека в космос, но я как-то сказал, что если вдруг начнется война, то тот из нас, у которого в это время будет альбом, должен положить его в это дупло, чтобы врагу не стали известны наши планы.

Потом началась война, и дети были эвакуированы из Ленинграда.

В одно октябрьское утро, когда неприятельские пушки в упор расстреливали осажденный город, я ушел из дома, не зная, что мне уже больше никогда не придется в него вернуться. Признаюсь, что тогда я меньше всего думал о нашем альбоме.

По-разному сложились судьбы трех приятелей.

Еще только было прорвано кольцо блокады, когда раненый офицер привез одного из друзей моего сына в Ленинград, чтобы помочь ему найти родителей. Этот офицер мог довести его только до вокзала. Ему самому необходимо было лежать в госпитале, а не возить детей к их родителям.

И вот тут случилось то, о чем я хочу рассказать.

Голодный мальчик пошел через весь город, под обстрелом, не домой, а в парк, к заветному дуплу.

Трудно представить себе его разочарование, когда он не нашел в дупле альбома.

Полный тревоги он бросился к нам домой.

В нашей квартире во время блокады размещалась огневая точка, потому что она находилась на переднем крае обороны.

Среди обвалившейся штукатурки, битого стекла, стреляных гильз и пятен крови он нашел на полу тоненькую книжку в синем коленкоровом переплете с дарственной надписью и унес ее с собой, так как это было единственное, что он мог там найти.

Через четыре года, когда мы встретились, он мне ее вручил.

К тому, что я рассказал, остается добавить, что оба приятеля моего сына стали летчиками, и если они (чего теперь только не случается!) когда-нибудь полетят в космос, то мне приятно будет думать, что, может быть, здесь дело не обошлось без одного старика, который пытался в детстве смотреть на мир глазами взрослого, а в более зрелом возрасте — будить в детях Мечту...

И еще мне очень стыдно за первое разочарование, которое я посеял в детской душе.

Из начатой автобиографии

Мне приходилось писать рассказы о самых нелепых вещах, но ни в одном из них не было столько парадоксов, как в том периоде моей жизни, который связан со служением технике.

В 1929 году я окончил Ленинградское мореходное училище с дипломом механика торгового флота. Дизеля тогда только начали появляться на наших судах, механиков-дизелистов почти не было, и право на управление дизельными установками открывало широкие возможности.

Мне предложили либо ехать в Америку на приемку построенного для нас теплохода, либо поступить в Акционерное Камчатское общество на один из транспортов, совершающих регулярные рейсы между Камчаткой и Сан-Франциско.

Трудно сказать, какое предложение было заманчивее. Однако я нашел решение куда более увлекательное: женился на Люле и переехал на жительство в Москву... Само собой разумеется, что с морем было покончено, если не навсегда, то надолго.

Теперь нужно было определить, чем же заняться.

Мне казалось, что для начала хватит исследовательской работы в области теплотехники. И, разумеется, не меньшей, чем во Всесоюзном теплотехническом институте. Этот институт был в достаточной мере замкнутым учреждением со множеством собственных традиций. Одна из них заключалась в том, что его директор — профессор Рамзин самолично проверял пригодность каждого, кто стремился туда поступить.

Моя кандидатура не вызвала у него никакого энтузиазма. После двухминутного разговора на моем заявлении появилась размашистая резолюция — «отказать».

Я выждал некоторое время и повторил атаку, снова безрезультатно. После третьей или четвертой попытки, не без помощи добрых людей, я все же был принят на должность младшего инженера в отдел рационализации энергоиспользования.

Для пробы меня послали на шесть месяцев на Лысвенский металлургический завод в составе группы, которой было поручено определить основные источники теплотерь, а спустя месяц после возвращения — снова туда же, но уже с самостоятельным заданием испытать паровой котел.

В помощь мне дали двух практиканток, уже научившихся отличать термопару от газозаборной трубки и разводить реактивы для газоанализатора.

Что же касается меня, то я проштудировал руководство по испытанию котлов и чувствовал себя во всеоружии.

Однако все обстояло не так ослепительно, как мне казалось.

При первом же разговоре директор завода сказал, что котлы у него работают и без испытаний, чего нельзя сказать о печах для обжига эмали, которые выдают сплошной брак. Поэтому мне надлежит переключиться на печи.

Я довел до его сведения, что ничего не смыслю ни в печах, ни в обжиге эмали. Тогда он снял телефонную трубку и отдал три распоряжения:

1. Предоставить мне и практиканткам по комнате в доме приезжих.
2. Выделить в мое распоряжение печь для необходимых экспериментов.
3. Не отмечать нам командировочные удостоверения до его указания.

Я сказал, что поставлю об этом в известность институт. Он ответил: «Хоть черта лысого ставьте в известность, но печь должна работать. Мне тут гастролеры не нужны».

Я послал паническую телеграмму в институт.

Через два дня пришел ответ за подписью заместителя директора по хозяйственной части. Он гласил:

«ВЕРНУТЬСЯ ПЕРВОБЫТНОЕ СОСТОЯНИЕ».

Всю ночь я провел в тщетных попытках расшифровать это таинственное послание. Утром я показал телеграмму

директору и сказал, что под первобытным состоянием начальство подразумевает мое пребывание в Москве. Он предложил другую интерпретацию, по которой ему давалось право в случае необходимости держать меня в клетке, как обезьяну.

Обращаться в институт за новыми инструкциями я не решился.

Только спустя несколько месяцев, возвратившись в Москву, я ознакомился с настоящим текстом телеграммы:

«РАЗРЕШАЮ ВЕРНУТЬСЯ, ЕСЛИ ПОМОЧЬ
НЕ СОСТОЯНИИ».

Выхода не было. Я уединился в библиотеке с объемистым трудом профессора Грум-Гржимайло, носящим поэтическое название «Пламенные печи».

Практиканткам же я нашел дело куда более насущное. Одна из них становилась утром в очередь за талонами на обед, другая же после обеда выстаивала талоны на ужин. Времена на Урале были голодные.

Прошло не менее недели, пока я, совершенно обалдев от чтения, решил провести испытание печи.

На мое счастье уже первые анализы газов, взятые из различных точек дымохода, показали, что горение идет совсем не там, где нужно.

Я снова засел в библиотеке и вскоре вручил директору эскиз переделки печи.

Требовалось на несколько суток приостановить производство эмалированной посуды.

Если я когда-нибудь испытывал острое желание умереть, то это было во время розжига переделанной печи.

Дождавшись, пока установится температура, я сказал, что можно загружать продукцию, и отправился выспаться перед завтрашним позором. Я не мог больше глядеть в глаза этим доверчивым людям.

Разбудили меня практикантки. К тому времени уже несколько партий посуды прошли обжиг, и все без брака.

Через три дня мы выехали в Москву, сдав малой скоростью увесистые ящики с посудой — подарок завода, врученный нам, как теперь принято выражаться, в теплой дружественной обстановке.

* * *

Проявленная мною в самом начале деятельности резвость не осталась без последствий. Когда на базе наше-

го отдела был создан трест «ОРГЭНЕРГО», меня назначили туда начальником контрольно-инспекторского отдела.

Номинально мне были подвластны вопросы рационализации по всей территории Союза. Фактически дело сводилось к тому, что два инспектора тщетно пытались выяснить, какие из предложений треста все же проводятся в жизнь, а я с утра до вечера присутствовал на всевозможных совещаниях, оставив в отделе изнывающую от безделья секретаршу.

Совещаний было по нескольку в день, в самых разнообразных учреждениях с обязательным чаепитием и бутербродами.

Помню одно из таких совещаний в ЦКК НК РКИ.

Речь шла об экономии топлива в Московской области. Мне было предложено дать перечень мероприятий. Я произнес получасовую речь, в которой изложил все рекомендации нашего треста. Когда я кончил, председательствующая Р. С. Землячка спросила, сколько мне лет.

Я с гордостью сообщил, что уже 21.

Она пожала плечами и сказала, что никогда в жизни не видела такого неделового человека... В результате приняли решение обязать предприятия навести порядок на угольных складах. Это должно было дать 10% экономии топлива, в два раза больше, чем полное выполнение утопических мер, о которых я докладывал.

Скоро мне опротивели до чертиков и совещания и бутерброды. Я обратился к управляющему трестом с просьбой либо дать мне настоящую работу, либо отпустить на все четыре стороны. Он предложил мне заняться проблемой сжигания фрезерного торфа в паровых котлах. Специальных топок для этой цели тогда еще не существовало, и у кого-то родилась идея использовать торф в качестве добавки к антрациту на обычных колосниковых решетках.

Я охотно взялся за эту работу.

Опыты проводились на Трехгорном пивоваренном заводе. Мне дали всего одного помощника, и тот, кто знает, что собой представляет мощный паровой котел и сколько точек замеров нужно для его испытания, поймет, что к концу дня я сам мало отличался от инертной кучи торфа, сваленной в углу котельной. Однако это было пустяком по сравнению с несомненным успехом опыта. Мое ликование по этому поводу не могли погасить

даже недвусмысленные угрозы кочегаров, у которых вся эта затея с самого начала не вызвала восторга. Новая победа техники делала их труд еще более тяжелым.

Был теплый июньский вечер. Я возвращался домой с испытания, чувствуя себя по меньшей мере Александром Македонским.

Тогда в Москве еще ходили допотопные трамваи с длинными скамьями вдоль вагона. Сидящих напротив пассажиров, очевидно, забавляла моя ухмыляющаяся рожа, и они тоже начали улыбаться. Такое дружелюбие со стороны посторонних людей привело меня в совершенно восторженное состояние. Однако почему-то улыбки пассажиров вскоре перешли в смех. Я машинально оглядел себя и обомлел. Мои любимые и единственные брюки из толстого вельвета были прожжены в самом интересном месте, так же, впрочем, как и трусы. То, что было выставлено для всеобщего обозрения... Лучше не продолжать. Очевидно, во время испытания я облил себя щелочью, которая медленно и коварно сделала свое дело.

Домой я добрался переулками, прикрывая срам руками.

Несмотря на все старания Люли, брюки спасти не удалось. Они погибли так же бесславно, как и намерение сжигать фрезерный торф с антрацитом. В местах, удаленные от торфоразработок, проще было доставлять уголь, а в торфяных районах использовать торф в чистом виде. Необходимые для этого конструкции топок вскоре были созданы.

Следующее задание, которое мне поручили, носило характер, я бы сказал, чисто детективный.

При анализе отчетности одного из московских заводов обнаружилось, что котлы там работают с небывало высоким коэффициентом полезного действия. Испарительная способность топлива в них превышала все известное в литературе.

Мне надлежало провести соответствующие испытания, выяснить, за счет чего были достигнуты такие успехи, и распространить опыт этой котельной на другие предприятия.

Определить испарительную способность топлива очень легко. Нужно замерить расход угля и воды. Для этого требуются весы и водомер. И то и другое оказалось в исправности. Паспорта их проверки не вызывали сомнений.

Я уже было решил приступить к полному испытанию котлов. Но какое-то подсознательное чувство не давало мне покоя, больно хитрая рожа была у кочегара.

У меня не было никаких определенных подозрений. Но все же я натянул комбинезон и полез в подвал ознакомиться со всей системой водоснабжения. Вскоре мне удалось найти трубу, через которую спускалась в канализацию часть воды, уже прошедшая через водомер.

Секрет феноменальных достижений раскрывался очень просто. Кочегары получали премию за испарительную способность топлива и то, что не могли испарить в котлах, сливали в канаву.

Вряд ли этот опыт заслуживал широкого распространения, и все дело попросту замяли.

На этом моя детельность на ниве рационализации энергохозяйства закончилась. Вышло постановление об организации Наркомата водного транспорта и заодно о мобилизации всех специалистов, имеющих к этому транспорту какое-либо отношение.

Лекция по парапсихологии

ПАРАПСИХОЛОГИЯ — наука, изучающая явления передач и чтения мыслей на расстоянии,— принадлежит к наиболее древней и наименее исследованной области человеческих знаний, охватывающей большой комплекс вопросов психологии, физиологии и распространения электромагнитных колебаний.

В нашем распоряжении имеются неопровержимые доказательства того, что уже на заре своего развития человечество было хорошо знакомо с таинственными явлениями передачи мыслей без помощи второй сигнальной системы, каковой, по Павлову, является человеческая речь. Об этом свидетельствует множество преданий, сказок и легенд, дошедших до нас из глубокой древности.

Низкий уровень знаний на начальной стадии развития человеческого общества неизбежно приводил к тому, что парапсихологические явления, наблюдаемые в то время, окутывались религиозно-мистической дымкой.

Решительно отбрасывая религиозную шелуху, мы вправе извлечь оттуда зерно фактов и рассмотреть их с чисто научных позиций.

Первое упоминание о парапсихологических явлениях мы находим в мифе о грехопадении, в котором Змей внушил Еве мысль о похищении яблока с Древа Познания Добра и Зла. Совершенно естественно, что между безгласным змеем и Евой исключается всякая возможность общения с помощью речи. Мы должны также отбросить предположение о воздействии на психику Евы наводящих жестыкуляций, так как змеи не имеют конечностей. Таким образом, остается только предположить, что образ яблока был вызван в сознании Евы путем внушения на расстоянии.

Вместе с накоплением человеческих знаний чисто прикладного характера неуклонно расширялся круг фактов в области передачи мыслей на расстоянии.

Точно так же, как современная химия считает своей прародительницей алхимию, так и парапсихология ведет свое начало от телепатии. Однако, заимствовав у телепатий объект изучения, парапсихология в корне изменила идеалистические представления, лежащие в основе этой науки. Вместо термина «душа», применявшегося телепатами, парапсихологи пользуются понятием «личность». Слово «медиум» заменено научным термином «перципиент». Мистическое представление телепатов о «магнетической силе» в современной парапсихологии заменено понятием об индуктивной способности внушающего.

Факты, имеющиеся в распоряжении парапсихологов, позволяют разделить парапсихологические явления на следующие категории:

1. Внушение ощущений.
2. Предчувствия одного лица относительно другого, состоящего с ним в парапсихологической связи.
3. Внушение образов.
4. Чтение чужих мыслей.

Исключительный по убедительности пример внушения ощущений дает в своей нашумевшей книге «А может быть...» известный французский парапсихолог Анри Тромплюер.

Путешествуя со своим товарищем, он однажды остановился в небольшой провинциальной гостинице. Кровать, на которой спал профессор Тромплюер, как выяснилось, буквально кишела клопами. Всю ночь он не мог заснуть из-за ощущения жжения и зуда во всем теле. Каково же было его удивление, когда утром обнаружилось, что его товарищ, спавший в другой комнате (я особенно подчеркиваю это обстоятельство), в ту же ночь испытывал те же ощущения!

Об очень интересном телепат... извините, парапсихологическом явлении докладывалось на заседании Санкт-Петербургского Общества Телепатов 12 июля 1895 года.

Штаб-ротмистр Валетов, проживший со своей женой пятнадцать лет, уехал без нее на Кавказ. Через десять дней, угощая своих приятельниц кофе, в двенадцать часов дня жена неожиданно воскликнула:

— Колька мой, наверное, опять проигрался в карты!

На заседании Общества была продемонстрирована запись, подтвержденная нотариально заверенными показаниями, свидетельствующая о том, что именно в это время Валетов, объявив Большой Шлем на червях, остался без четырех взяток.

Наиболее редко встречающуюся разновидность парапсихологической связи, а именно чтение чужих мыслей, мне удалось наблюдать в 1912 году. Будучи в то время студентом Московского университета, я сдавал экзамен по философии известному ученому, профессору Б.

Внимательно выслушав меня, он неожиданно заявил: — Вижу, что Канта вы не читали, а в мыслях у вас одни портерные и бильярдные.

Такая способность безошибочно читать чужие мысли настолько поразила мое воображение, что именно этот день стал поворотным пунктом в моей судьбе, определив всю мою дальнейшую деятельность в области парапсихологии.

Необходимо несколько более подробно остановиться на проблеме внушения образов, так как, по-видимому, этот вид парапсихологической связи является наиболее распространенным.

В нашей лаборатории проводился следующий опыт.

Индуктор и перципиент помещались в изолированных комнатах и в течение длительного времени лишались пищи. Затем им предлагалось записывать образы, произвольно появляющиеся в их сознании. Естественно, что особенности физиологического состояния, в котором они находились, предрасполагали к появлению в основном образов пищи.

В результате были получены следующие данные по совпадениям, значительно превосходящие совпадения случайного порядка (смотри теорию вероятностей):

Хлебобулочные изделия — 75 процентов совпадений.

Мясные блюда — 83 процента совпадений.

Супы горячие — 87,3 процента совпадений.

Следует отметить, что экранирование перципиента металлическим экраном не внесло существенных изменений в распределение совпадений.

Было установлено, что воздействие на кору головного мозга некоторых химических агентов значительно усиливает парапсихологическую связь.

Индуктор и перципиент, помещенные после введения им значительной дозы алкоголя в изолированные темные комнаты, ясно видели чертей и описывали их вид в одинаковых выражениях. Эффект значительно усиливался введением в алкоголь растительных коллоидов из вытяжки красного перца и ослабевал при одновременном введении с алкоголем пищи. Последнее обстоятельство легко объяснить, если вспомнить, каким сильным раздражителем, по Павлову, является пища.

Я изложил сравнительно небольшое количество фактов, способных развеять недоверие, которое, к сожалению, питают многие скептики к парапсихологии как к науке. Только факты, как говорил Ампер.

В заключение мне хочется остановиться на значении, которое может иметь дальнейшее развитие парапсихологии.

Мы живем в эпоху, характеризующуюся неуклонным уменьшением затраты человеческой энергии в общем количестве выполняемой работы.

Рабочий нажимает кнопку пускателя, и мощные фонтаны воды обрушиваются на угольный пласт, дробя его на мелкие куски. Нажатием кнопки приводятся в действие многотонные краны, поднимающие тяжелые грузы.

Пора поставить новую проблему: уменьшение расхода умственной энергии на единицу научной продукции.

Труд ученого не всегда выражается в таких конкретных вещах, как космический корабль или атомная электростанция. Иногда его деятельность протекает значительно скромнее, выражаясь в лекциях, статьях, публичных выступлениях. Чтение чужих мыслей окажет неоценимую услугу в этих областях научной работы, облегчив такие формы сотрудничества, как заимствование и компиляция.

Нас часто спрашивают физики:

«Как же, по-вашему, распространяется в пространстве мысль?»

На этот вопрос парапсихологи отвечают:

«Скажите сами, на то вы и физики!»

ЕЩЕ РАЗ О ПЕТЛЕ ГИСТЕРЕЗИСА...

Что такое или кто такой гистерезис, я не знаю. Но что такое петля гистерезиса, товарищи фантасты объяснили читателям достаточно внятно. У ее популяризаторов есть любимый пример. Некий Путешественник по Времени, отправившись в прошлое, убивает своих родителей задолго до их встречи и, вернувшись к себе назад, попадает в нелепое положение человека, родители которого умерли еще в малолетстве. Этим примером они хотят доказать принципиальную невозможность передвижений вдоль временной оси. Но, прочитав такое, думаешь не столько о законах детерминизма, сколько о том, почему у вполне мирных мамы с папой родился столь кровожадный и неблагодарный отпрыск.

Однако если не посылать героя в прошлое для умерщвления предков, то этот стопроцентно ненаучный прием стал одним из расхожих в фантастике, которая любит именовать себя научной. Впрочем, все эти петли, витки, спирали, скачки, туннели и прочая псевдонаучная чепуха всего лишь форма, которую еще надо наполнить содержанием. А содержание может появиться лишь тогда, когда у автора есть цель, ради которой он и обращается к какой-нибудь фантастической гипотезе, хотя бы к тому же перемещению во времени. Именно здесь пролегает граница между многотиражными «научными» пустышками и, может быть, тоже многотиражной, но все же штучной художественной фантастикой. Легко догадаться, что именно к этому разделу я отношу рассказы Ильи Иосифовича Варшавского и, в частности, открывающую сборник «Петлю гистерезиса».

«Петля гистерезиса» была одним из любимейших рассказов и самого автора. Критики (я в том числе) в этой «Петле...» находили и пародийные ноты, и научную одержимость главного героя, и скрытые резервы человеческого интеллекта, и даже «ненавязчивую, но активную антирелигиозность»... Перечитав ее сейчас, я усомнился в том, что автор преследовал подобные цели, зато отчетливо увидел,

что он не столько восторгается находчивостью молодого кандидата исторических наук Курочкина, отправившегося в Иудею I века от Рождества Христова, сколько высмеивает его приспособленчество, его демагогические способности оперировать тезисами, в которые он, по существу, не верит, и поворачивать их всякий раз в свою пользу. Так что в отличие от подлинного Иисуса Христа наказание, которому подвергли Курочкина обозленные его болтовней жители священного города, было — сделаем такое предположение — заслуженным. Правда, по нынешним кодексам, распятие на кресте может быть расценено как чрезмерно суровая кара за демагогию. Но ведь то был I век...

Я хочу воспользоваться повестью И. Варшавского, чтобы с помощью этой же методики мы бы сами совершили путешествие по времени, пусть не столь далекое, всего лишь на два-три десятилетия назад, то есть в шестидесятые годы XX века, когда и были написаны рассказы И. Варшавского. Конечно, не просто так вернуться назад, для этого не надо делать никаких «петель», а прибыть туда вооруженными нашим сегодняшним опытом, нашими сегодняшними знаниями, что, вообще говоря, строго-настрого запрещено литературным путешественникам по времени. Считается корректным рассматривать любые произведения с позиций того времени, когда они были созданы. Такой подход, разумеется, необходим, иначе мы никогда не найдем объяснений очевидным, на сегодняшний взгляд, наивностям и просчетам, не поймем, скажем, почему автор все ненавистное ему социальное зло, все мыслимые и немыслимые издевательства над человеческой личностью сконцентрировал в вымышленной стране Дономаге. Пройдет довольно много времени, прежде чем мы откровенно признаемся самим себе, что Дономага — это мы, это наша страна, вернее — и наша страна тоже. Может быть, автор и собирался сделать такой намек, сочиняя свою Дономагу без всяких географических признаков, придав ей черты всеобщности. Хотя все, в том числе и он сам, подчеркивали ее буржуазно-капиталистическую природу. Но ведь, наверно, не случайно то, что некоторые рассказы Варшавского смогли увидеть свет лишь в самые последние годы. Например, «Бедный Стригайло» — рассказ абсолютно перестроечный. Беспомощность и никчемность иных научных заведений, фальшь и аморализм тенденциозных собраний коллектива, злобная демагогия номенклатурных руководителей — лишь сейчас об этом стали говорить и писать свободно. Но и в опубликованные при жизни автора произведения наше время добавило новые, иногда неожиданные штрихи. Как свежо, например, смотрится «Диктатор» после незабываемого демарша некоторых народных радетелей с их скоротечными государственными переворотами и клиническим непониманием настроений народа.

Но утверждать, что автор в те годы все видел, все понимал, как мы сейчас, я не стал бы. Наверно, вот это и было бы запрещенным вмешательством в прошлое. Все-таки у каждого времени планка располагается на определенной высоте, выше которой трудно прыгнуть даже дальнзорким провидцам. И братья Стругацкие в те годы не могли предположить, что в грядущем их (и Варшавского) родной город не будет называться Ленинградом, что к нему снова вернется имя, которым он был наречен при рождении. И Стругацкие и Варшавский — шестидесятники. Этот термин долго еще будут изучать историки культуры, а сегодня его произносят по-разному — некоторые с пиететом, иные с насмешкой. Стало популярным упрекать шестидесятников в различного рода недостатках и недоделках. Что говорить, сегодня мы смотрим куда дальше. Тогда нам действительно казались незыблемыми отвергнутые сегодня ценности. Но все же это было славное время, и я горжусь тем, что мне довелось быть в какой-то мере его участником. А для фантастики шестидесятые годы — звездный час, который, может быть, не повторится никогда. Россыпь талантливых писателей внезапно — как бы внезапно — возникла на литературном небосводе. Они создавали настоящее искусство, поэтому многое из содеянного тогда пережило свое время, и сейчас, через десятилетия, мы немного найдем в отечественной фантастике произведений, которые могли хотя бы стать вровень с тем, что было создано в 60-х годах. Данный сборник Ильи Варшавского — одно из доказательств справедливости этого утверждения.

Но я все же не могу не вложить в рассказы Варшавского сегодняшний смысл, который автор, может быть, и не имел в виду. Они позволяют это сделать, оставаясь в то же время собою, то есть памятником породивших их лет. Такое переосмысление, собственно, и есть испытание временем, испытание пригодности произведения быть нужным для читателей иных эпох. С «Петлей гистерезиса», с циклом рассказов о Дономаге я уже проделал эту операцию, а прежде чем продолжать свои «предварительные изыскания», я хотел бы сказать несколько слов об авторе сборника.

Сведения эти я получил не от Ильи Иосифовича. Он заявлял мне, чтобы я не пристававал к нему с вопросами о его литературном прошлом, потому что никакого прошлого у него нет, и никогда не было, и вообще есть более интересные темы для бесед, особенно, если на столе стоит нечто существенное... Его биографию рассказала мне жена Ильи Иосифовича, составительница этого сборника Луэлла Александровна Варшавская. Она и сама по себе — весьма незаурядная личность, дочь знаменитого председателя Дальневосточной республики А. М. Краснощекова и приемная дочь Л. Ю. Брик, той самой Лили Брик, которой посвящены самые про-

никновенные стихотворения Маяковского. Она многое могла бы порассказать, если бы наши журналисты и литературоведы догадались ее расспросить... Но это к слову...

Первый сразу же обративший на себя внимание рассказ И. Варшавского «Роби» был опубликован в 1962 году. Автору в это время было уже за пятьдесят. Молодые ленинградские фантасты в глаза называли его Дедом. Летом 1974 года Ильи Иосифовича не стало. Судьба отвела ему для литературного творчества немногим более десяти лет, значительная часть из которых к тому же была омрачена тяжелой болезнью. И тем не менее еще при жизни автора вышло пять книг, и он стал звездой первой величины среди советских фантастов. Согласитесь, что это действительно не совсем обычный случай.

Далее я повторяю слова Л. А. Варшавской.

К литературной деятельности Илья Иосифович никогда себя не готовил. В молодости он сделал попытку стать актером и поступал в знаменитую кинематографическую студию ФЭКС («Фабрика эксцентрического актера»), однако провалился на экзаменах и, разочаровавшись в своих актерских способностях, избрал совсем иной путь. В 1925 году, шестнадцати лет от роду, он пошел учиться в мореходное училище, мореходку, как его называли петербуржцы, которую окончил со званием «механик торгового флота». Практикуясь в своей специальности, И. Варшавский плавал по белу свету, и вот тогда-то и вышла из печати его первая книга, написанная, правда, в соавторстве со старшим братом Дмитрием и редактором молодежной газеты «Смена» Н. Слепневым. Называлась она «Вокруг света без билета». Во время учебы в мореходке И. Варшавский сотрудничал в научно-популярной рубрике «Смены», однако тогда же оборвал свою журналистскую деятельность, и до того времени, когда в «Науке и жизни» был напечатан «Роби», никаких промежуточных литературных этапов в его жизни не было.

Возможно, И. Варшавского отвлекло от журналистики крупное открытие в области электрохимии, которое он сделал по окончании училища. Он нашел способ оцинковывать (или хромировать) готовые изделия, не погружая их в гальваническую ванну, а с помощью особого пистолета, наподобие краскораспылителя, то есть как бы вынося процесс наружу. Испробовав эту технологию на железнодорожных вагонах, он перешел к подводным лодкам, одновременно добавляя в покрытие противообрастающий состав.

К началу Отечественной войны И. Варшавский — сотрудник одного из отделов завода «Русский дизель». Будущий фантаст не был призван в действующую армию: из-за детской травмы черепа у него была удалена височная кость.

Много, но все же недостаточно сказано о подвиге рабочих и инженеров, которые в тяжелейших условиях военного времени за кратчайшие сроки развернули на Востоке в недостроенных цехах, а то и под открытым небом мощную промышленность, обеспечившую армию необходимой техникой. Среди них был и инженер Варшавский.

Он трудился в Барнауле, но путь на Алтай из Ленинграда был не гладок. Баржа, на которой он оказался, затонула в Ладожском озере поздней осенью 1941 года, и ее пассажиры очутились в ледяной воде. Из полутора тысяч человек уцелели немногие. И. Варшавский продержался до прихода спасательного катера.

На Алтае И. Варшавский оставался до 1949 года, а потом вернулся в Ленинград, снова на «Русский дизель», где и проработал еще двадцать лет. Он гордился своим трудовым стажем и, когда пришла пора выйти на пенсию по инвалидности, настоял на том, чтобы ему оформили пенсию как производственнику, хотя уже был к тому времени членом Союза писателей. Последние годы на заводе он руководил молодежным конструкторским бюро; именно ребята-конструкторы и стали первыми «широкими» слушателями его рассказов...

Впрочем, о своей инженерной деятельности И. Варшавский сам рассказал в блестящем, на мой взгляд, монологе «Ветеран», по своему стилю и юмору не уступающем лучшим страницам морских повествований Виктора Конецкого.

Вернемся однако в 60-е годы.

Это было время безудержного кибернетического романтизма. Просвещенное человечество, замороженное первыми успехами в создании автоматических систем, вообразило, что еще немного, еще чуть-чуть — и сбудутся самые дерзновенные мечты фантастов, будет создан искусственный мозг, не уступающий натуральному, а лучше — превосходящий его, и люди, с облегчением вздохнув, переложат на его несуществующие плечи решение самых трудных своих задач, вроде ведения ядерной войны, не говоря уже о таких пустячках, как сочинение музыки. Самые ясновидящие из фантастов немедленно разглядели надвигающуюся опасность и стали всерьез живописать ужасы и тупики, в которые нечеловеческий разум может завести тех, кто имел несчастье или глупость ему довериться. А И. Варшавский громко и непочтительно засмеялся над всеми этими псевдонаучными гипотезами. Поверьте, что тогда для такого отношения требовалась куда большая проницательность, чем сейчас. Было бы нелепостью отрицать инженерные и научные достижения, но прошедшая четверть века как-то все расставила по своим местам. Кибернетике — кибернетическое, человеку — человеческое. Сегодня были бы смешны споры о том, нужны ли инженеру Блок и Бах

и стоит ли тащить ветку сирени в космос. Боюсь, что сегодняшний читатель может даже и не понять, о чем речь, а между тем именно вокруг этих формулировок шла яростная дискуссия в прессе. В победе теперь уже бесспорных истин надо видеть не только утилитарный подход — гуманитарное образование необходимо любому специалисту, — но и более основательное возвращение к подрастерянной XX веком духовности. А ведь все эти проблемы уместились в одном из самых первых, одном из самых маленьких и одном из самых лучших рассказов И. Варшавского — «Молекулярное кафе», давшем название его первой книге и популярной в свои годы телепередаче, которую вел Илья Иосифович. Ничто не может заменить людям простых и естественных радостей, «настоящего молока со вкусным ржаным хлебом», как и никакие электронные педагоги не заменят детям старенькую Марьванну с ее потертым портфельчиком (это я добавляю от себя). Может быть, кому-то покажется странным, что надо доказывать столь очевидные прописи, но на практике оказывается, что еще как надо.

Должен признаться, однако, что своим пассажем о насмешках И. Варшавского над издержками кибернизации я в значительной мере отдаю дань традиционному подходу к фантастике шестидесятых. Принято считать, что она возникла как отклик на подкатившую волну научно-технической революции. В известной степени это справедливо по отношению к так называемой фантастике беляевского типа, которая никогда и не отличалась особыми достижениями, а к настоящему времени окончательно выродилась.

Впрочем, в то время даже сам И. Варшавский был уверен, что вклинивается своими юморесками в самое существо ведущихся научных дискуссий. «Я не верю, — писал он, в предисловии к «Молекулярному кафе», — что перед человечеством когда-нибудь встанут проблемы, с которыми оно не сможет справиться. Однако мне кажется, что неумеренное стремление все кибернизировать может породить нелепые ситуации. К счастью, здесь полемику приходится вести не столько с учеными, сколько с собратьями-фантастами. Думаю, что в этих случаях гротеск вполне уместен, хотя всегда находятся люди, считающие этот метод спора недостаточно корректным...»

Но это только самый верхний слой. Фантастика шестидесятых, в том числе фантастика И. Варшавского, была прежде всего вызвана к жизни глубинными социальными сдвигами, которые произошли в нашем обществе во второй половине 50-х годов. Как сейчас окончательно выяснилось, сдвиги эти оказались необратимыми, хотя их развитие и было резко заторможено двумя десятилетиями застоя. Наверно, шестидесятники сами не всегда отдавали себе отчет в том, что и зачем они делают. Но, как известно, перо мастера бывает умнее самого мастера. Уже тогда в рассказах И. Варшавского ясно

видится чисто человеческий подход, и отношения в них возникали не между роботами, а между людьми, хотя эти люди на литературном маскараде и могли принять обличье роботов. В «Секретах жанра» И. Варшавский показал, с какой легкостью, всего лишь перестановкой двух букв, получаются подобные перевертыши, и обыкновенный буколический волк, выступающий в сказочном контрдансе в паре с Красной Шапочкой, превращается в ужасного электромагнитного хищника лвока, сохранившего ту же функцию — глотать нерасторопных бабушек. «Секреты жанра» открыли бесконечную серию перелицовок сказочных сюжетов под научную фантастику. Их авторы быстро забыли, что в «Секретах жанра» эта операция была проделана с пародийными целями, а потому вскорости остроумный прием был опошлен до безобразия.

И. Варшавский вообще очень любил пародии, розыгрыши, парадоксальные концовки (как, например, в рассказе «Новое о Шерлоке Холмсе»), стилизации с тонкой иронией. Если вы не будете знать правды с самого начала, вы не отличите многих абзацев рассказа «Фантастика вторгается в детектив» от подлинного Жоржа Сименона, до тех пор, разумеется, пока там не появится советская литературовед-девица и пародийное начало полновластно вступит в свои права.

Не так уж и много времени понадобилось, чтобы злободневная пыльца несколько пооблетела с крылышек и на первый план выступили опорные содержательные жилки. Возможность появления злых человекообразных роботов и искусственного мозга с диктаторскими замашками не очень волнует новых читателей И. Варшавского, но они так же искренне веселятся, находя в его рассказах обличение научного пустословия, высокомерия, эгоизма, нетерпимости. Мы без труда найдем у него все то, чем оперирует «большая» литература, — он писал о доброте, о любви, о соприкосновении душ, о верности и предательстве, словом, обо всем, потому, повторяю, что и сам был «большой» литературой.

А за вторым, так сказать, бытовым слоем можно обнаружить и еще более глубокий, касающийся кардинальных проблем бытия. Любой научный и социальный прогресс, не обращенный к людям, сам по себе бесчеловечен, никому не нужен. Он обязательно приводит в конечном счете к появлению и к совершенствованию средств уничтожения сначала народонаселения планеты, а потом и ее самой. Мы уже притерпелись к подобным, часто повторяемым максимам, и они скользят по поверхности наших чувств. Но когда мы уясняем из рассказа «Тревожных симптомов нет», во что превратился престарелый ученый Кларенс после оздоровительной «инверсии», освободившей его гениальный мозг от «ненужного балласта» вроде сенти-

ментальных воспоминаний детства, чувства жалости, сострадания, великодушия, памяти о погибшем сыне-космонавте, становится как-то не по себе. А разве люди с кастрированной совестью обитают только в фантастических рассказах, только в вымышленной Дономаге? А не они ли направляли танки на толпу безоружных людей или ракеты на многолюдный город? Во имя высшей целесообразности, во имя светлого будущего, во имя спасения страны...

Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек...

Это сказал Андрей Вознесенский, тоже шестидесятник, сказал в то же время, когда был написан рассказ «Тревожных симптомов нет»...

Но И. Варшавский не был добрее и к самодовольным, ограниченным обывателям, которых больше всего на свете волнует, не сгорит ли жаркое в духовке, и наплевать им в этот момент на любых пришельцев из любого космоса. Вспомните «Утку в сметане».

Словом, какой бы рассказ И. Варшавского мы ни взяли — а он написал их около сотни, — в каждом из них мы найдем остроумную и изящно исполненную модель нашей многотрудной, очень непростой действительности; от того, что модель эта фантастическая, то есть изображающая окружающую действительность под непривычным, неожиданным углом зрения, черты реальной жизни становятся выпуклее, рельефнее, освещеннее, оставаясь при этом совершенно реальными. В настоящей фантастике ничего выдуманного не бывает.

Позволю себе закончить свое послесловие словами, которые уже были в статье, написанной вскоре после смерти Ильи Иосифовича.

Он был добрым, веселым, остроумным, жизнелюбивым человеком. Таким И. Варшавский и сохранится в памяти тех, кому выпало счастье знать его лично. И таким же он сохранится в памяти многочисленных читателей, потому что все эти черты проявились в его рассказах, чего нельзя не почувствовать, нельзя не понять.

Всеволод Ревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЛЬИ

Петля гистерезиса	5

МОЛЕКУЛЯРНОЕ КАФЕ

Утка в сметане	47
Тушица	54
Экзамен	61
Проделки амура	66
Молекулярное кафе	80

КОНТАКТОВ НЕ БУДЕТ

Побег	85
Старики	98
Контактов не будет	103
Любовь и время	113
Конференция	130
В аттоле	136
Фналка	141
Судья	148
Бзаимопонимание возможно	150

СЕКРЕТЫ ЖАНРА

Инспектор отдела полезных ископаемых	159
Ограбление произойдет в полночь	214
Новое о Шерлоке Холмсе	223
Секреты жанра	227
Гомункулус	235
Предварительные изыскания	241
Диктатор	256
Фантастика вторгается в детектив	266

ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ

Сюжет для романа	315
Повесть без героя	327
Тревожных симптомов нет	361

ЧАС В ЭФИРЕ

Ветеран	377
Час в эфире	398
Бедный Стригайло	408
Альбом	442
Из начатой автобиографии	445
Лекция по парапсихологии	451

В. Ревич. Еще раз о петле гистерезиса...	455

Варшавский И.

В 18 **Контактов не будет: Фантастические повести и рассказы. / Сост. Л. А. Варшавской; Послел. В. А. Ревича; Ил. Д. С. Преображенского.— М.: Пресса, 1992.— 464 с., ил.**

ISBN 5—253—00428—9

В книгу известного советского писателя-фантаста И. И. Варшавского, представителя поколения шестидесятников, вошли научно-фантастические и юмористические повести и рассказы, знакомые читателям по сборникам «Молекулярное кафе», «Лавка сновидений», «Человек, который видел антимир» и др.

Произведения писателя относятся к жанру альтернативной фантастики, не приемлющей штампа, стандарта, затертых образов, изображающей действительность под непривычным, неожиданным углом зрения.

В 4702010201 — 2506
 080(02) — 92 2506 — 92

84 Р 7

Литературно-художественное издание

ВАРШАВСКИЙ Илья Иосифович

КОНТАКТОВ НЕ БУДЕТ

Фантастические повести и рассказы

Составитель

Варшавская Луэлла Александровна

Редактор Е. А. Кондратьева

Оформление художника Г. А. Раковского

Художественный редактор Р. А. Клочков

Технический редактор Т. Б. Слизун

ИБ 2506

Сдано в набор 08.10.91. Подписано к печати 04.01.92.

Формат 84×108¹/₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр. отт. 24,57. Уч.-изд. л. 24,62.

Тираж 500000 экз. (1-й завод: 1—250000).

Заказ № 0032. Цена договорная.

Набрано и сматрицировано в типографии издательства «Пресса» 125865, ГСП, Москва, А-139, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в Ижевском полиграфическом комбинате. 426000, г. Ижевск, Воткинское шоссе, 10-й км.

